

Ариадна Эфрон
**НЕЛИТЕРАТУРНАЯ
ДРУЖБА**

*Письма
к Лидии Батъ*

Ариадна Эфрон

Нелитературная дружба

Письма к Лидии Бать

УДК 82-94 + 928Цветаева
ББК 83.2.Р9
Э 62

ISBN 978-5-9606-0165-8

Научный редактор
В.И.Масловский

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Культуру недаром сравнивают с почвой: в ней все переплетено и перепутано, большое и малое, важное и, казалось бы, не важное:

Корни сплелись.
Ветви сплелись. —
Лес Любви.

Это стихотворение дочери Цветаева поместила в свой сборник «Психея» и сама писала ей:

Не знаю, где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.

Любовь матери сохранила для нас образ маленькой Ариадны, а любовь подруги, Лидии Григорьевны Бать (1897–1980), — большой корпус писем (156 единиц), публикуемых в настоящем издании.

Но, в отличие от пьес, повестей и рассказов, письма не автономны: письмо — часть переписки и той жизни, из которой оно вырвано, поэтому мы не стали делать избранного и публикуем весь корпус целиком, даже с некоторыми дополнениями: это и сохранившиеся письма Бать, и письма ее мужа, Самуила Ефимовича Мотолянского, а со стороны Эфрон — письма ее подруги Ады Александровны Федерольф-Шкодиной.

Хорошо известные Ариадне Эфрон жизнь и творчество Лидии Григорьевны Бать абсолютно неизвестны большинству читателей этой книги, и это лишает содержание писем изрядной толики смысла. Именно поэтому книга открывается небольшой монографией, посвященной жизненному и творческому пути писательницы Лидии Бать, в котором события жизни подруг синхронизированы и в какой-то степени со-противопоставлены.

К сожалению, источники наши весьма скудны: помимо публикуемых писем, это семейные архивы Натальи Григорьевны Бать и Вадима

Яковлевича Исерлиса, а также материалы РГАЛИ, Тарусского музея семьи Цветаевых и Государственного архива Вологодской области.

Мы благодарны всем, кто способствовал публикации этой книги: Н.Г.Бать, Л.А.Исерлис и В.Я.Исерлису, С.С.Виленскому, Е.К.Дейч, Я.М.Хайкинсону, Г.К.Васильеву и Г.Я.Никитиной, Е.Б.Коркиной, Э.С.Красовской, Е.И.Лубянниковой, В.И.Масловскому, К.М.Поливанову, Л.Редникову, В.Л.Телицыну, О.А.Трухачевой и другим лицам и организациям, участвовавшим в проекте.

Роман Войтехович

ЛИДИЯ БАТЬ — КОРРЕСПОНДЕНТ
АРИАДНЫ ЭФРОН

ГЛАВА I ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

ЛИДА БАТЬ КАК «РОВЕСНИЦА ВЕКА»

Мы б его спросили:
— А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до семнадцатого года?
В.В.Маяковский. «Юбилейное»

Лидия Григорьевна Бать родилась 5 мая 1897 г. (17 мая по новому стилю)¹, за два дня до выхода Оскара Уайльда из Редингской тюрьмы, балладу о которой переведет Александр Дейч, будущий соавтор новорожденной. Москва только что стала городом с миллионным населением, но Лида родилась не в Москве, а в Одессе. Из ее подлинных однолесток классиком стал только Уильям Фолкнер.

Бать предпочитала отмечать юбилеи вместе с теми, кто родился в 1900 г. Именно этот год указан в качестве года ее рождения в дополнителном томе «Краткой литературной энциклопедии» и во всех документах, начиная с 1936 г. Ее последние юбилеи сопровождались поздравлениями в «Литературной газете», и, разумеется, в застольях не раз упоминалось, что Лидия Григорьевна — «ровесница века»: в качестве таковой ее и запечатлела молва.

А.М.Городницкий вспоминал о гостеприимном доме Л.Б.Либединской: «Из многочисленных гостей Лидии Борисовны запомнилась мне “Лидочка” Бать, ровесница века, рассказавшая когда-то забавную историю, как ее и других гимназисток в конце октября семнадцатого года юнкера пригласили на осенний танцевальный бал в Зимний дворец. В самый разгар бала вдруг началась какая-то пальба. Дежурный офицер, извинившись перед девушками, объяснил, что танцы временно прекращаются, и проводил их в какую-то комнату, успокоив, что все скоро кончится, и он за ними вернется. В этой дворцовой комнате они просидели всю ночь. Только под утро распахнулась дверь, и в комнату ворвались матросы, перепоясанные крест-накрест пулеметными лентами. Гимназисток они не тронули, более того, даже выделили двух красногвардейцев, которые проводили их по домам, поскольку время было неспокойное. Когда Лидочка подошла к воротам своего дома, то увидела мамашу, стоявшую у ворот с бледным лицом в окружении сочувствующих соседей. “Лидочка, что случилось? — негодуя спрашивала мать. — Ты, девочка из порядочной семьи, не ночевала дома!”

“Мама, революция”, — ответила Лидочка, на что мать строго отрезала: “Чтобы это было в последний раз!”» [Городницкий 1991: 224].

И.М.Губерман, зять Либединской, ту же самую историю рассказывает о Людмиле Наумовне Давидович: вместо «Лидочки» фигурировала «Людочка». Губерман свидетельствует, что фраза «Людочка, чтобы этого больше не было!» стала крылатой: «Много лет эти глубокие слова повторялись в дружеских застольях, а пришло время — стали даже эстрадным номером (и я не раз эту историю с наслаждением рассказывал на вечерах)» [Губерман 4: 155].

Как видим, уже рождение Л.Г.Бать было окружено легендами. Но факт ее присутствия в доме Либединских неоспорим. Наталья Григорьевна Бать, внучатая племянница писательницы, сообщает: «Долгие годы близкой дружбы связывали мою тетушку и Лиду Либединскую, несмотря на разницу в возрасте в четверть века. <...> Пока был жив Ю.Либединский, моя Лида и Самуил Ефимович встречали Новый год у них в Лаврушенском. Позже Либединская бывала у Лидии Григорьевны с М.Светловым. <...> Есть фотография Лиды Либединской с детьми (по-видимому, на ВДНХ). Еще совсем молодая, она стоит за скамейкой, на которой сидят четверо ее детей (пятая, наверное, еще не родилась), и надпись: “От всей души желаем, чтобы Вы побольше вращались в этом обществе”».

Однако вернемся к датам и числам. Можно объяснить мистификацию с годом рождения женским кокетством, но подделка документов — дело опасное, и непонятно, почему такие подделки имели столь массовый характер в бурную эпоху начала века? Мы знаем, что по документам «омолаживались» и Цветаева, и совсем юная Аля Эфрон, которая не нуждалась в столь сильных средствах «обольщения». Более того, среди русских эмигрантов обоего пола это имело характер эпидемии: в чем же дело?

Сейчас трудно сказать по каким соображениям Бать поменяла год своего рождения. В ее исторической прозе этот мотив появляется дважды: юный Тарас Шевченко не может пойти в ученики к маляру из соседней деревни, потому что достиг возраста, когда требуется разрешение от барина; крестьяне в эпоху Алишера Навои скрывают возраст сына, чтобы его не отняли власть предрежащие.

В действительности Лидия Григорьевна была ровесницей не XX в., а своего мужа, С.Е.Мотолянского (он был старше на полгода), юбилей которого в том же 1936 г., несомненно, отмечался. Родилась она в городе, который дал русской литературе XX в. созвездие ярчайших имен. И ее имя было небезызвестно в Одессе. В рассказе «Любка Казак» Исаака Бабеля мистер Троттибэрн изрекает: «...много достойных людей приходят ко мне, мисс Любка, за товаром, но я нико-

му не даю его, ни мистеру Кунинзону, ни мистеру Батю, ни мистеру Купчику, никому, кроме вас, потому что разговор ваш мне приятен, мисс Любка...» [Бабель 1989: 133].

Бабель был старше Лидии Григорьевны на три года и, вероятно, имел представление о семье Григория Гедеоновича (Гирша Гдальевича) Батя (1862–1918), кандидата права, инспектора Торговой еврейской общественной школы. Возможно, и супруга инспектора, Елизавета Азарьевна Бать (урожд. Лея Померанец, 1861–1930), была ему знакома — или по школе (она имела историко-филологическое образование), или как зубной врач (по ее второму образованию).

Если бы Бабель приехал в столицу не накануне 1917 г., а сразу после 1905-го, он бы мог познакомиться и со старшим братом Лиды, Александром (1886–1937), студентом-юристом, и с его женой Ольгой, сестрой художника Бориса Израилевича Анисфельда (1878–1973) — мирискусника и сотрудника С.П.Дягилева. Мог бы сходить с ними на выставку² или «на башню» к Вяч. Иванову, также подружиться с С.М.Городецким.

Впрочем, Бабель был еще слишком молод. Настоящим одесским другом Александра Батя был Виктор Азриэлевич Гроссман (1887–1978), детский приятель К.И.Чуковского, юрист, политик, биограф А.В.Сухова-Кобылина и автор прозы о Пушкине, а по совместительству и строгий критик исторических опусов Лиды Бать, но об этом позже.

Для самой будущей писательницы самым важным литературным знакомством юности стала Вера Инбер: «Имя Веры Инбер часто звучало в нашем доме. Мои и ее родители были хорошо знакомы, и меня крайне волновала мысль, что среди знакомых моих родителей есть настоящий поэт» [Бать 1970: 91]. Из ранних стихов Инбер Лиде нравилось стихотворение «Моя душа давно была маркизой...».

К моменту выхода «Печального вина» (1912) — первой книги Инбер, изданной в Париже, Лида как раз достигла расцвета своей девичьей красоты: с портрета шестнадцатилетней гимназистки смотрит совершенно очаровательное существо, а имеющиеся в учебной книжке данные удостоверяют, что Лида Бать имеет рост 157 см, вес — 3 п. 8 ф. (52 кг) и объем груди — 81 см. Аля Эфрон в это время еще ползала на четвереньках и мешала маме писать поэму «Чародей».

Слыхала ли юная одесситка о Марине Цветаевой, неизвестно, но она с увлечением читает «Цветы на асфальте» — корреспонденции Веры Инбер о парижских модах. Лида с детства помнила французские курорты и любила Францию, хотя по французскому имела четверку. Успех «Цветов на асфальте» был настолько оглушителен, что вскоре поэтессу пригласили читать лекции по истории костюма, а в голодные годы гражданской войны эти лекции даже приносили некоторый доход.

Скорее всего, первая встреча Лиды со знаменитостью произошла в 1915 г., когда она окончила гимназию и поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов, а Вера из-за войны не смогла вернуться в Париж: «Однажды я вызвалась отнести какой-то деловой пакет ее матери от моей <...> Я увидела худенькую изящную молодую женщину с меховой пелеринкой на плечах. Была ранняя весна, с пронизывающим одесским ветром, проникавшим в окна. Цвет ее каштановых с бронзовым отливом волос искусно сочетался с цветом пелеринки. “Цветок на асфальте”, <...> подумала я. Между прочим, Бальмонт хорошо сказал о ней, тогдашней, что она похожа на мальчика, который похож на девочку» [Бать 1970: 91]. Сохранилась фотография: уже не юные Вера и Лида над раскрытым журналом мод.

А вскоре началась революция, которая взнесла на гребень не только Льва Троцкого, двоюродного дядю Веры Инбер, но и некоторых родственников Л.Г.Бать. Мы не имеем об этом точных сведений, не считая анекдота о том, что Юлий, женевский кузен Лиды (Жюль Куинджи), «гуляя под столом», пересекался с Лениным. Позднее семейные связи с политэмигрантами пригодились писательнице, чтобы в последний раз увидеть Францию.

«ДВА СТОЛБА С ПЕРЕКЛАДИНОЙ» (1917–1922)

В 1917 г. у Али Эфрон появилась сестра Ирина, а сама она с матерью посещала литературные собрания и зимой 1917–1918 гг. могла видеть приехавшую из Одессы Веру Инбер. Давний знакомый Цветаевой А.Н.Толстой цитировал стихи Инбер наизусть, а новый знакомый И.Г.Эренбург сравнивал между собой В.Инбер, М.Цветаеву, Нат. Крандиевскую и В.Меркурьеву в статье «Четыре» («Новости дня», М. 13 апр. 1918 г.: «Марина Цветаева похожа не то на просвещенную курсистку, не то на деревенского паренька. <...> Эта поэтесса [Инбер], болтающая что-то о “девушках из Нагасаки”, умеет просто и трогательно говорить о смерти» [Эренбург 2002: 171–172]. Собственно, Эренбург и помог Инбер издать «Печальное вино» в Париже.

Позднее Инбер рассказывала Бать историю о Цветаевой, которая через А.Эфрон дошла до М.И.Белкиной и попала в эпиграф книги «Скрещение судеб»:

В тетради Ариадны Эфрон есть коротенькая запись:

«Как-то раз Лида Бать вспомнила один рассказ Веры Инбер про маму: в первые годы революции они где-то вместе встречали Новый

год, — гадали по Лермонтову. Маме вышло — «а мне два столба с перекладиной».

Потом вместе возвращались. Темными снежными улицами, разговаривали, смеялись. Мама вдруг замолкла, задумалась и повторила вслух: «...а мне два столба с перекладиной...» [Белкина 1992: 8].

Цветаева была равнодушна к гаданиям, и «два столба с перекладиной» прекрасно визуализируют заглавие книги «Скращение судеб», имеющее и более светлый пастернаковский отсвет («судьбы скращения»).

Надо сказать, что Инбер любила рассказывать эту историю и, видимо, рассказывала ее с разными деталями. В своих письменных мемуарах («И.Г.Эренбург», 1971) она вспоминала этот случай немного иначе: «Весной 1918 года А.Н.Толстой и Наташа Кравдиевская ввели меня в существовавшие тогда литературные салоны Цейтлина-Амори и Кара-Мурзы. Там я впервые увидела Марину Цветаеву, Маяковского, Рахманинова, Прокофьева, игравшего свои “Мимолетности”. Бывали там и Эренбург, Пастернак и забытый теперь всеми Василий Каменский. Между прочим, на этих вечерах не только читали и музицировали, но и испытывали свое будущее, гадая по Лермонтову. Марине Ивановне по “Тесне о купце Калашникове” досталась “плаха”» [Инбер 1977: 378].

Видимо, гадали все-таки не по Лермонтову, а по Пушкину. Так — в варианте Бенедикта Сарнова: «Гадать решили по Пушкину <...> каждый называл — наугад — страницу и строку. <...> находили указанные строки, читали.

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

В ответ раздавался громогласный хохот, поскольку юная красотка, которой выпали эти строки, супружеской верностью, <...> не отличалась. <...> веселье вызвали <...> строки:

Ох, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново.

Но вот очередь угадывать свою судьбу дошла до Цветаевой.

Она так же произвольно — беспечно, наугад — назвала страницу, строку. И ей выпало:

... два столба с перекладиной» [Сарнов 1998: 75–76].

Действительно, именно в «Капитанской дочке» Пушкина пугачевцы поют «бурлацкую песню»:

Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал, <...>
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной [Пушкин 6: 314].

Эта песня была настолько популярна в начале XIX в., что «песенники ссылались на ее “голос” для указания на какой мотив петь другие песни» [Мендельсон: 189–190]. Через Пушкина или напрямую, но она, действительно, повлияла на «Песню про купца Калашникова», чем и объясняются колебания в изложении описанного случая.

Е.Я.Тараховская слышала эту историю уже из уст своей сестры, С.Я.Парнок, которую воспринимала как непосредственного свидетеля, чего быть не могло. Ее изложение — самое короткое из известных нам и снабжено самой прямолинейной сентенцией: «Как страшно сбылось это предсказание и как мало легкомыслия было в этой трагической судьбе» [Воспоминания 1: 67].

В действительности, конечно, ничего не сбылось, поскольку в 1918 г. «пророчество» воспринималось совершенно иначе — как пророчество о казни, а не о самоубийстве. И Цветаева, действительно, примеряла на себя судьбу Андре Шенье, одной из жертв французской революции.

Вообще же подобные развлечения были распространены: «Глядим в красное жерло чугуна, загадываем по Максиной многочитанной Библии на Новый, 1914 год. <...> “Давай погадаем, доехал Адам или нет”. С некоторой натяжкой и в несколько иносказательной форме выходит, что доехал». Это — фрагмент из эссе «Живое о живом» (1933) [МЦ 4: 202].

Так или иначе, гадание 1918 года запомнилось Вере Инбер, и, может быть, именно тогда Лида Бать впервые услышала о Цветаевой. Но увидеться тогда им не привелось. Лида училась на высших женских курсах, которые в 1918 г. по всей стране были слиты с университетами. Параллельно работала. Из анкеты: «С установлением советской власти в Одессе в 1919 г. я, еще учась на курсах, поступила работать в детдом воспитательницей и проработала там до прихода белых в августе 1919 года».

В начале 1920 года большевики вернулись в Одессу, и историко-филологический факультет Новороссийского университета был за-

крыт (видимо, как оплот реакции). Примечательна тема ненаписанной дипломной работы студентки Бать: «Иван Грозный и опричнина». Тогда же Бать числилась и студенткой консерватории, чтобы не реквизировали домашнее фортепиано. «В 1920 году, после окончательного установления советской власти в Одессе, я вернулась на работу в <...> детдом, где проработала до февраля 1921 года».

Весной 1921 г. политика «военного коммунизма» сменилась НЭПом. Лидия Бать была откомандирована «по просьбе Политпросвета Губкома КСМУ на работу в дом отдыха для молодых рабочих. В июле этого же года, в связи с закрытием дома отдыха, поступила заведующей клубом и библиотекой, совмещая при этом работу по ликвидации неграмотности, в Ортопедический санаторий Одесского Курортного Управления», где «по просьбе комиссара одного одесского военного госпиталя преподавала малограмотным санитарам... французский язык!» [Бать 1970: 90]. А в 1922 г. Бать провожала Веру Инбер с дочерью Жанной в Москву, из которой как раз тогда уехала с дочерью Марина Цветаева.

МЕЖДУ ЮНЫМИ ПОЭТАМИ И М.ВОЛОШИНЫМ (1923–1931)

В 1923 г. у Л.Г.Бать начался роман с С.Е.Мотолянским. Самуил Ефимович (Шмуило Хаимов) Мотолянский (28 ноября / 10 декабря 1896 — 18 мая 1970) происходил из мещан Кобринского уезда и получил образование в Одессе. В 1915 г. поступил на юридический факультет Новороссийского университета, а с 1916 г. учился одновременно и на историческом отделении. В 1920 г. получил диплом юриста и нашел работу статистика в губернском коммунальном отделе. В 1923 г. у Л.Бать произошел серьезный разговор с ее первым мужем, сведения о котором весьма расплывчаты (кажется, он писал стихи и представлял советскую власть), после которого он вышел в соседнюю комнату и застрелился. Позднее, читая «Поэму Конца» (1924), Бать находила в диалогах и описаниях отношений главных героев много общего со своими личными переживаниями.

Выстрел навсегда соединил двух виновников трагедии. Правда, они сочетались браком по упрощенной советской процедуре и потом были вынуждены подтверждать его действительность свидетельством из ЗАГСа, в котором отмечалось, что брак длится с 1923 г. Некоторое время Бать получала письма на имя Л.Г.Мотолянской, хотя официально фамилию так и не сменила, и в дальнейшем мы будем называть супругов Мотолянскими.

Забегая вперед, отметим, что пример тетушки оказался заразительным, и ее примеру последовали две племянницы, а также внучатая племянница, которых не смущали даже шуточки знакомых. Михаил Светлов говорил, что у Лидии Григорьевны «не фамилия, а глагол» (свою-то фамилию он скрыл за псевдонимом). Другой знакомый из-за пристрастия клана к Эстонии и Латвии называл Прибалтику Прибатиной.

Мотолянский успешно продвигался по карьерной лестнице, что позволяло его жене до 1925 г. нигде не работать. Из юриста он превратился в экономиста, деятельно участвуя в послевоенном восстановлении Одессы. Из автобиографии Л.Г.Бать: «С 1925 года по 1932 год работала в Одесской библиотечной системе на различных предприятиях города (заводы, клубы, вузы), совмещая библиотечную работу с организациями и руководством литературных кружков рабочей молодежи и учащихся».

В 1926 г. ее принимают в члены профсоюза, и на три года она становится заведующей библиотекой при второй и третьей типографиях Одесского Полиграфического треста. Из характеристики: «Особенно следует отметить работу по организации и руководству литературными и рецензентскими кружками из рабочих ударников, осуществляющую директиву призыва ударников в литературу».

Вняв призыву, она и сама начинает что-то писать. Сохранилась открытка, посланная ей в 1927 г. (подпись неразборчива): «Напоминаю, что Вы должны прислать мне и либретто, и сценарий, которые будут внимательно здесь прочтены». По-видимому, Лидия Григорьевна пыталась что-то инсценировать для клубной самодеятельности. Видимо, не случайно позднее две повести она посвятит актерам.

В 1927 г. в СССР начался курс на коллективизацию, индустриализацию и рост городов. Идея «города-сада» Э.Говарда была с энтузиазмом воспринята в СССР, и к воплощению этой мечты Мотолянский относился со всей серьезностью. Сохранились анонимные куплеты, от 14 января 1928 г., посвященные Мотолянскому и его коллегам-градостроителям:

Мотолянский полон планов.
Он везде, и тут, и там,
Он товарищ без изъянов,
И поклонник тайный дам.
Он горит огнем стремлений,
Верит в мощь перспектив,
Между двух он поколений
Актуальнейший актив.

Горела энтузиазмом и Лидия Бать. 27 апреля 1929 г. она сообщала мужу из Москвы о переговорах с журналом «Огонек»: «...мой рассказ <...> принят. Кроме того, мне заказана некоторая работа <...> Очень важно жить здесь». Рассказ Л.Морц «Шутка» стал литературным дебютом новоиспеченного одесского корреспондента «Огонька»: с этим псевдонимом Лидия Бать была принята на работу в столичный журнал 26 июня 1929 г.

С сентября 1929 г. и до отъезда в Москву в марте 1932 г. Бать работает заведующей библиотекой центрального клуба печатников в Одессе, а с 1930 г. руководит и литературной студией, о чем с гордостью отчитывалась: «Особо хочу отметить руководство литературной студией при Центральной рабочей библиотеке, из которой вышел ряд молодых писателей и поэтов (Алигер — Москва, Азаров — Ленинград, Плоткин — Одесса и др.)». В 1930 г. Азарову было 17 лет, Алигер — 15, Плоткину — 13³.

Бать занялась литературной студией в довольно мрачное время. В 1930 г. застрелился В.Маяковский, газетой «Смена» заклеимлено последнее публичное выступление ОБЭРИУ, самораспустилась «Литературная бригада М. I» — последний оплот конструктивистов, к которым примыкала Вера Инбер. 21 апреля — через неделю после самоубийства поэта — Бать провела для рабочих «художественное чтение на антипасхальную тему».

С февраля 1931 г., она — руководитель рецензентского кружка и «активный участник рецензентских и литературных бригад Украинского библиотечного коллектора в Одессе». 8 октября 1931 г. «на лагерном собрании ЛОКАФ'а» она рассказывает о Вере Инбер «перед разбором ее произведения о 51-й дивизии».

Судя по всему, в предлагаемых обстоятельствах Лидия Григорьевна пыталась быть оптимистом. Неизвестный поклонник писал ей в 1931 г. на обороте фотографии: «Лидия Григорьевна! Вы обладаете счастливой способностью горьковского неистребимого любопытства к людям — их характерам, словам, действиям. Вы умеете во всем, Вас окружающем, выбирать приятное, в каждом явлении, в котором участвуете, видеть способ доставить себе радостное удовольствие».

Видимо, то же относилось и к ее мужу, весьма успешному строителю новой жизни. К 1931 г. он уже автор 71 публикации, включая серию очерков «Города-сады» (из истории градостроительных идей), курирует экономические разделы проектов планировки Челябинска, Таганрога, Ставрополя, Сочи, Нижнего Новгорода, Сталинграда и многих других городов, ведет занятия по курсу планировки городов в Одесском институте коммунального строительства.

Мотолянский — библиофил, коллекционер экслибрисов и всего на свете, пишет стихи, правда — слабые, одаряет научную библиотеку Одессы иностранными книгами и журналами. Открытость и общительность в какой-то момент сводят его с Максимилианом Волошиным, с которым у него устанавливается недолгая, но дорогая обоим эпистолярная дружба.

Обстоятельства этой дружбы нам неизвестны, но понятно, что Самуил Ефимович посылал Волошину бумагу для рисования и, вероятно, покупал у него акварели. Все, что имеется в нашем распоряжении, — это двадцать одна акварель Волошина и одно его письмо, адресованное С.Е.Мотолянскому.

По датам и надписям (только на одной акварели дата отсутствует, и еще на одной ее невозможно разобрать) можно приблизительно восстановить хронику их отношений. Различимы следующие даты 1930 г.: 24 января, 19 марта, 6 мая, 12 июня, 24 сентября, 6 октября и 28 октября (две).

Первая акварель не имеет надписи, на второй значится: «Заочному другу. Максимилиан Волошин». Почти то же самое — на акварели без даты: «С.Мотолянскому — заочному другу. Максимилиан Волошин». 12 июня непринужденнее: «С. Мотолянскому: привет и благодарность. Максимилиан Волошин». 24 сентября (в угловых скобках — гипотетически): «Семену Ефимовичу — заочному <несвободному> и верному другу. Максимилиан Волошин». 6 октября: «С.Мотолянскому — привет и <дружба> Максимилиан Волошин». 28 октября: «Дорогому Семену Ефимовичу с глубокой благодарностью. *Максимилиан Волошин*». Единственное сохранившееся письмо от 19 ноября 1930 г. приведем полностью:

Коктебель (Крым)

19¹⁹/_{XI} 30

С.Мотолянскому — М.А.Волошин

Дорогой друг,

Простите, что до сих пор не высылал Вам акварелей: у меня зимой ретроспективная выставка в СПб. (персональная), и я все отправил туда, все, что было. И одно время не располагал материалами для раздачи совсем.

Высылаю Вам в конверте еще 3 маленьких акварельки.

Для таких полуватман, который получил с благодарностью, очень хорош, но для больших мне все-таки удобнее александровская. Неужели совсем нельзя достать? А ведь еще недавно она была всюду — она ведь российского производства.

Всего лучшего.

Жду Вас все-таки в Коктебель, потому что рано или поздно меня отсюда выпрут.

Приезжайте, пока есть возможность.

Буду всегда очень благодарен за бумагу.

Максимилиан Волошин

P. S. Как Ваше имя-отчество? Для общения это необходимо.

М.В.

P.P.S. Мои материальные дела идут очень туго: меня лишили год назад Ак<адемического> Обеспечения и не дают пенсии. Не нашлось бы среди Ваших знакомых желающих купить мои маленькие акварельки вроде прилагаемых по 10–15 рублей?

Видимо, желающие нашлись, надписи становятся все более теплыми и лирическими. Правда, имя адресата Волошин продолжает путать. На акварели от 31 декабря 1930 г.: «Самуилу Ефимовичу привет и поздравление с Нов<ым> годом и нов<ым> <счастьем> 2/1 1931 *Максимилиан Волошин*».

Затем акварель от 1 января 1931 г.: «Милому Самуилу Ефимовичу поздравление с Рожд<еством> <...> года. *Максимилиан Волошин* 2/3 1931».

Надписи на акварелях от 6 апреля, 9 мая и 22 июня 1931 г. обычны по содержанию: «Милому Семену Ефимовичу — знак дружбы и симпатии *Максимилиан Волошин*»; «Семену Ефимовичу Мотолянскому с приветом и живейшей признательностью *Максимилиан Волошин*»; «Семену Ефимовичу <привет> и дружба *Максимилиан Волошин*». Зато акварели от 1 июня, 1 июля и 1 августа (две) имеют стихотворные надписи:

Максимилиан Волошин
Воздушные дали и первые песни
Зеленой и нежной земли

* * *

Неприветные дали заливов
Неизведанной южной земли
Максимилиан Волошин

* * *

<Пламенеющие> горы
За охряными холмами.
Максимилиан Волошин

Максимилиан Волошин.
Ветер упругий и влажный от моря
Ласково клонит деревья <к> земле

18 сентября 1931 г.: «Заочному другу Максимилиан Волошин». Последняя из известных надписей — на акварели от 19 декабря 1931 г.: «Мне очень хотелось бы, чтобы эти пейзажи перестали быть для Вас, милый Семен Ефимович, отвлеченными фантазиями, а стали бы конкретными напоминаниями: приезжайте ко мне, *Максимилиан Волошин*».

Свидетельств очного общения Мотолянского с Волошиным не сохранилось, а переписку больной поэт уже не мог поддерживать. В августе 1932 г. его не стало. Память о Волошине была дорога Мотолянскому, о чем свидетельствуют и сохранившиеся в его архиве фотография поэта, и перепечатка эссе Цветаевой «Живое о живом» (1933).

Литературные и театральные увлечения тянут Лидию Бать в Москву, где живет брат Александр, известный московский адвокат, где кипит журнальная и театральная жизнь, откуда приходят соблазнительные письма подруги Раи (24 июня 1930 г.): «Москва строится неистово. Тротуары загорожены лесами, мостовые раскопаны, обезумевшие трамваи мечутся на невиданных маршрутах. Садясь в вагон, никогда не знаешь, где он тебя высадит. Даже кольца А и Б, забывши геометрию, превратились в спирали. <...> Была в студии Станиславского на “Пиковой даме” — довольно занятные новшества. Недурна премьера у Вахтангова — “Сенсация”, хотя погоды этот спектакль не делает».

21 января 1931 г. приходит письмо от подруги Нади: «Лидка, мы все тебя ужасно ждем. Помни, что в феврале, пока наших нет, у нас очень удобно, много места и свободные хлебные карточки». Хлебные карточки — примета новой сельскохозяйственной политики (через год из печати выйдет первая часть «Поднятой целины» М.А.Шолохова).

Видимо, в 1931 г. Лидия Григорьевна все-таки побывала у подруги в Москве и получила доступ не только к хлебным карточкам, но и к таким запретным плодам, как цветаевская «Поэма Конца»; позднее она писала: «В первый раз я читала поэму эту 30 лет назад, переписанную, тогда я восприняла только ее интимную сторону, и тоже была потрясена, тем более, что это чем-то перекликалось для меня с личным».

Тем временем муж Цветаевой С.Я.Эфрон намеревается пропагандировать советский кинематограф, а в июне 1931 г. подает прошение о советском гражданстве, что в конце концов подтолкнет к тому же и его дочь Алю.

«ЕДИНАЯ СУЩНОСТЬ ПРАВОГО И ЛЕВОГО УКЛОНОВ» (1932–1936)

Пока Аля Эфрон учится в художественной школе и пишет заметки для французских киножурналов, Бать завоевывает Москву. 11 февраля 1932 г. она получает письмо от подруги Нади: «Лечь негде, но вся Москва тебя с нетерпением ждет!» Уже в марте она переезжает в столицу и вскоре становится ответственным секретарем газеты «На автодорожном посту», а через год получает значок «За готовность к обороне СССР» и грамоту за «активное участие в осенних полевых учениях N-го стрелкового корпуса в 1932 г.» в составе «сводного военизированного авто-мото-вело- и дорожного отряда Мосорганизации Автодора».

Перед скромной провинциалкой открываются бескрайние просторы государственной мудрости. 7 июня 1932 г. она пишет мужу: «Можешь мной гордиться. Я теперь разбираюсь в любых государственных делах. И в этом смысле мне очень помогла школа последнего месяца (язык Эзопа для любопытных). Вот. Над моим ухом говорят, что писать открытки это все равно, что при всех раздеваться. Поэтому целую. Жди художественный рассказ. Лидя».

Чтобы окончательно закрепиться в Москве, Лидия Григорьевна провернула какую-то операцию с документами, о чем свидетельствует ее письмо мужу от 27 мая 1933 г.: «Я очень сожалею, дорогой, что заставила снова тебя повозиться с доставанием справки. Все уже закончилось благополучно на все 100%. Рассказ об этих двух днях может войти в мои мемуары яркой страницей, подробности в письме. Ну-с, гражданин одессит, мы теперь с Вами не имеем ничего общего». Некоторое время Мотолянские живут врозь, но в конце 1933 г. по приглашению Гипрогора РСФСР Самуил Ефимович переезжает на работу в Москву и становится заместителем зав. БТЭИ.

Бать работает в литконсультации для начинающих авторов при Гослитиздате и пишет статьи в литературную энциклопедию. Она получает два заказа по авторам на букву «О», ее героями стали Я.М.Окунев, один из первых советских фантастов, и Л.С.Овалов, в будущем — создатель майора Пронина. От Овалова Лидия Григорьевна получила книгу «Болтовня» (1931) с надписью: «*Лидии Григорьевне Бать* для начального знакомства Л.Овалов 9 июня 32 г.». Но это не спасло его от критики Л.Бать: «Разрабатывая проблемы громадной важности — вопросы партийной оппозиции и разоблачения единой сущности правого и левого уклонов, — О-валов> дал политически неверный ответ. Троцкисты представлены людьми ошибающимися, но сохранившими лучшие традиции революционной борьбы».

Досталось и Окуневу: «И в своей политической жизни и в творчестве О<кунев> выступает как типичный представитель той мелкобуржуазной интеллигенции, к<ото>рая, примыкая к пролетарскому революционному движению в период его подъема, не срастается с ним органически, а остается невыдержанной и неустойчивой в своей революционности».

Однако Лидия Григорьевна не забывала и своих питомцев. 30 августа 1933 г. в Одессе она получает от Риты Алигер подарок — книгу К.Д.Бальмонта «Горящие здания. Лирика современной души» (изд. 1917) с надписью-цитатой:

Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!
Одесса. 30/VIII-33 г. *Рита Алигер*

Именно в 1933 г. Рита Зейлигер опубликовала свои первые стихи в «Огоньке» под псевдонимом Алигер. А в 1935 г. на свой день рождения Лидия Григорьевна получила в подарок от Риты книгу Адалис «Власть. Стихи» (1934) с многоэтажной надписью:

Лиду целую и поздравляю. Рита 18/V-35
Это, стало быть, любовь юношеских лет,
от которой ни покоя, ни лекарства нет.
18-го мая 1935 г.
Маргарита Алигер

Хорошо на свете жить!
Будем жизнью дорожить.
Ни за что, но за нее же
Стоит голову сложить.

Поздравляю вас с тем, что вы живете на свете вообще, и благодарю за то, что вы живете на свете одновременно со мной. Рита

Интересы Лидии Григорьевны в журналистике не были ограничены автомобильной промышленностью. В 1934 г. она сотрудничает в газете «На санитарном посту», в «Радиогазете» и «Радиопрограмме». Не могла она пропустить и открытие первого съезда Союза писателей СССР 17 августа 1934 г. в Колонном зале Дома Союзов. Лидия Григорьевна наверняка мечтала попасть в этот союз. Но для достижения подобной цели требовалось издать книгу, а книга в этом году вышла только у Самуила Ефимовича («Одесский трамвай», 1934).

Литературную судьбу Лидии Бать определила встреча с Александром Иосифовичем Дейчем (1893–1972), киевлянином, другом Максима Рыльского и Михаила Кольцова, сотрудником А.В.Луначарского, поэтом, переводчиком, драматургом, литературоведом, литературным и театральным критиком, связанным со многими изданиями ЖУРГАЗа, в том числе и теми, в которых сотрудничала Л.Г.Бать.

Знакомству способствовало историко-филологическое образование Бать и ее хорошее знание французского языка. 16 декабря 1934 г. она зачисляется на должность ответственного секретаря редакции газеты «Журналь де Моску», где Дейч заведовал отделом культуры. В творческой биографии Бать не было более важного знакомства, чем это. Первые ее книги были написаны в соавторстве с Дейчем, а следующие стали их естественным продолжением. Главным ее жанром стал жанр беллетризованной биографии для юношества.

С 1933 г. в России по инициативе М.Горького была возобновлена биографическая серия «Жизнь замечательных людей», и с 1933 по 1938 гг. ее издавал ЖУРГАЗ (позднее — «Молодая гвардия»). Первыми двумя выпусками в ЖЗЛ была издана книга Дейча «Генрих Гейне». В том же году вышел его «Свифт» (в соавторстве с Е.Д.Зозулей), а на следующий год — «Тальма» — о великом французском актере и новаторе. Писатели и актеры стали и главными героями повестей Л.Г.Бать.

В довоенный советский период «литература факта» была не только лозунгом ЛЕФа, но и заметным направлением художественных поисков искусства в целом. Документально-историческая литература была одним из путей борьбы за «реализм», доходившей до преследования сказки в детской литературе. Но биографический жанр переживал взлет и в европейских литературах (достаточно назвать имена С.Цвейга и А.Моруа). Развитие этого направления стимулировало и художественные поиски других писателей, ставивших судьбу писателя в центр романной фабулы.

К моменту прихода Бать в «Журналь де Моску» Дейч уже написал свои главные книги в биографическом жанре и, видимо, нуждался в передышке. Кроме того, работу затрудняло катастрофическое ухудшение зрения. Лидия Григорьевна, которая быстро поднялась до «заместителя заведующего» отделом литературы и искусства», не только стала «правой рукой» Дейча, но нередко и буквально водила его под руку [ГЭ 2002: 73]. Жили они рядом: Мотолянский — на Неглинной (д. 18/1, кв. 22), Дейч — за Центральным рынком (свидетельство Н.Г.Бать). Их нередко принимали за супругов и за глаза называли «дейчами».

Добродушный и остроумный Александр Иосифович (см. о нем в книге Б.Ефимова и В.Фрадкина «О временах и людях») не только

нуждался в помощи, но и сам мог оказать душевную поддержку своей заместительнице, чья семейная жизнь осложнялась постоянными командировками мужа. Самуил Ефимович участвовал в планировке Алма-Аты, Большого Запорожья, Одессы, Сочи-Мацестинского курортного района. Один из ленинградских друзей Мотолянских, Е.Я.Вольфензон, писал Лидии Григорьевне 27 августа 1934 г.: «Беглому мужу по возвращению к Пенелопе передайте горячий привет».

Бать целиком отдается работе, а в копии ее трудового списка помимо достоверных сведений (еврейка, служащая, незаконченное высшее образование, журналист, беспартийная, член профсоюза с 1926 г.) появляется новая дата рождения — 18 мая 1900 г. В 1936 г. Лидия Бать не только «помолодела» (уже не в первый раз — год менялся постепенно), но и выпустила свою первую книгу, пока — совместно с Дейчем, — «Фритьоф Нансен (Жизнь и путешествия)» (1936). Выбор темы, несомненно, принадлежал соавтору, который в том же году выпустил и другую книгу на полярную тему — «Амундсен».

Интерес к теме подогрел подвиг челюскинцев (1933–1934), на который тогда же откликнулась Марина Цветаева:

Седыми бровьми
Стесненная ласковость...
Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здравствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские! [МЦ 2: 322]

Книга Дейча и Бать вскоре была переведена на пять языков народов СССР. Тем временем А.Эфрон вступила в Союз возвращения на Родину и получила в 1936 г. советское гражданство: «Так хорошо, что есть страна, которая с величайшими трудностями строится, растет и создает, и что эта страна — моя» [АЭ 1: 12].

ГЛАВА II ЭПОХА РЕПРЕССИЙ

«...КУСОК МОЕЙ МОЛОДОСТИ И СЧАСТЬЯ» (1937–1941)

Работа в редакции, поскольку
смыслу в медицине, идет крайне
неорганизованно...

А.Эфрон. Из письма к Л.Бать

Ариадна Эфрон еще застала устроенный негритянским населением Парижа вечер 2 марта, на котором Цветаева читала свои французские переводы Пушкина. А уже 15 марта ее провожали на родину.

Ее письма из Москвы бурлят восторгом: разговоры поражают культурой; нет «ни одного человека», который не знал бы Пушкина; перед мавзолеем Ленина «*ежедневно*» — «*толпы народа*»; книги «*расхватываются в несколько часов*»; кондитерские богаче парижских; на улице никто не пристает [АЭ 1: 23]. Осуществилась мечта попасть на киностудию, и вновь восторг: «нет никакой видимой разницы» между служащими, директор демократичен, а «корень зла» продюсер отсутствует. Правда, пленка не очень качественная, но этому здесь «*научатся, и скоро*» [АЭ 1: 26–27].

Конечно, письма за границу проходили цензуру, но Ариадна и сама была пристрастна. Находясь под присмотром З.С.Степановой [Кудрова 1995: 77], она считала ее своей союзницей и не замечала вакханалии репрессий, которые скоро разрушат и ее семью.

Лето она провела с Е.Я.Эфрон в Николо-Урюпине, бывшем имении Голицыных, где расположился пионерский лагерь. На могилах князей ее посещали мысли, излитые в статье «На родине» (журнал «Наша Родина», Париж, 1937, № 1): «Думали ли когда-нибудь <...> те, которые спят под каменными плитами, о том, что все это <...> возводилось для <...> простых детей в белых майках с красными галстуками?» [АЭ 1: 18].

Очень скоро Ариадна устроилась на работу в «*Revue de Moscou*», сначала — по договору. Возможно, в журнал ее направила Н.П.Гордон, секретарь М.Е.Кольцова. По словам Е.К.Дейч, ее муж А.И.Дейч часто вспоминал свое знакомство с Ариадной Эфрон: «Михаил Ефимович Кольцов привел ко мне элегантно одетую девушку и говорит: — Вот, Саша, узнайте, чем может пригодиться в вашей редакции приехавшая из Парижа Ариадна Сергеевна. <...>

Дейч ей задавал вопросы: “Переводить прозу, стихи с русского на французский вы можете?” Ответ: “Могу”. “А художественно оформлять можете?” — “Могу, я окончила школу живописи при Лувре” и т.д.».

Тогда и встретились две главные героини нашего повествования. Весной того же года Бать встречала и вернувшегося из Парижа родственника — скульптора Саула Рабиновича, который вскоре бросил жену-француженку и женился на вдове Ильи Ильфа.

В сентябре 1937 г. Ариадне исполнилось 25 лет. Лидии Григорьевне еще в мае «стукнуло» 40, но об этом знали только самые близкие. Ариадна — полна сил и энтузиазма: «Сотрудничает в хорошем литер<атурном> франц<узском> журнале, <...> ходит в театр, ездит в дом отдыха, <...> учится стрелять и проходит курс санитарной обороны» [МЦ-АТ 2009: 282]. По всей видимости, она не знала или не сразу узнала, что 2 сентября была арестована А.И.Цветаева.

Возможно, вместе с Дейчем и Бать она ходила на «Последних» Горького в «Московский театр революции» (24 сент.). Но едва ли ей было известно, что 29 сентября был арестован и обвинен в антисоветской агитации брат Лиды, Александр Григорьевич Бать. Чем был вызван арест, неизвестно. Но обвинений в шпионаже не было. 22 декабря Александр Бать был расстрелян.

Его младшая дочь, Нина Александровна Бать, после ареста отца оказывается предоставлена сама себе, и Лидия Григорьевна принимает в ней большое участие. Может быть, именно от Нины в архиве Бать сохранилась книга Городецкого «Избранные лирические и лиро-эпические стихотворения. 1905–1935» — подарок отцу, с надписью: «Старому другу Саше Бать на память о нашей юности С.Городецкий 1937 V 25».

Окруженная писательской средой, Нина тоже стала литератором — переводчиком с английского и других языков. А связи Лидии Григорьевны с Автодородом, видимо, заразили ее желанием сесть за руль. Студенты ИФЛИ посвятили ей песню «Шоферша»: «Авторство приписывалось Александру Раскину и Яну Сашину (наст. имя Яков Левин), а поводом служило то, что Нина мечтала выучиться вождению:

Я люблю шофершу кротко, робко —
ей в подарок от меня коробка,
а в коробке, например, манто вам
и стихи поэта Лермонтова.
Ваш гараж неподалеку прямо,
он меня к себе влечет упрямо —

по заборам я, голуба, лазаю,
чтоб увидеть вас, голубоглазую...
В темноте толкнул я гражданина,
а в глазах моих — гараж да Нина;
и душа поет, как флажолета,
выпирая из угла жилета...
И когда под звуки нежной флейты
выйдешь слушать клики журавлей ты, —
уроню аккорд я с пианино,
только не у «форда» спи, о Нина!» [Быков 2009: 323]

Избранником Нины (по семейному преданию — «мужем») стал один из самых знаменитых в будущем ифлийцев поэт Павел Коган (1918–1942), вскоре погибший на фронте.

В 1937 г. репрессии коснулись и Цветаевых, и Бать. Прямая угроза нависла над Верой Инбер и конструктивистами. Мандельштам — будто в насмешку — был возвращен из ссылки, чтобы через год попасть в мясорубку. Но Ариадна Эфрон была счастлива, а 1938 год считала самым счастливым годом в своей жизни.

1 января 1938 г. она была официально зачислена в штат «Ревю де Москву» (где Бать работала с декабря 1937 г., с февраля 1938 г. — редактором), смогла увидеться с отцом в санатории под Одессой. Но главное, она была влюблена и любима. Ее избранником стал сотрудник ЖУРГАЗа Самуил Давидович Гуревич (1904–1951). А «на все грозное» она «лишь дивилась» [АЭ 2: 269].

В 1938 г. в Москве началась бурная подготовка к наступающему через год юбилею Т.Г.Шевченко (125 лет со дня рождения). Был объявлен всесоюзный «аврал» масштаба пушкинского и ру斯塔велиевского юбилеев 1937 г. Торжества не прекращались до конца июня 1939 г., послужив увертюрой к победоносному сентябрьскому разделу Польши между Германией, Словакией, СССР и Литвой (которой достался Вильнюс). На «освобожденных» землях Западной Украины и Белоруссии юбилей был повторен.

Небольшой бюст на могиле поэта, недавно сменивший чугунный крест, был заменен гигантской статуей на высоком постаменте, а его реплика установлена в сквере перед киевским университетом, получившим, как и оперный театр, имя Шевченко. То же имя было присвоено городу Форт-Александровский, Ауздыкскому аулсовету, Мангистаускому району, трем школам и улице в Алма-Ате, рыбколхозу «Кзыл-Узен» в Казахстане и улице в Саранске.

Шевченко появился на почтовых марках. В Ленинке открылась выставка. Ленинградская Академия художеств учредила шевчен-

ковскую стипендию. По всей стране прошли вечера и торжественные собрания. Песни на слова Шевченко написали В.А.Белый и Д.М.Мелких, симфоническую поэму «Заповит» — Р.М.Глиэр, балет «Лилея» — К.Данькевич. Вышли сборники статей «Тарас Шевченко в Нижнем Новгороде» (Горький) и «Т.Г.Шевченко в ссылке» (Чкалов). И.Я.Айзеншток в «Литературной учебе» публикует статью «Работа Шевченко над переводом “Слова о полку Игореве”».

Лучшие поэты «Белоруссии, Армении, Грузии, поэты узбекские, еврейские, казахские, азербайджанские, киргизские, адыгейцы, башкиры, кабардинцы, балкары, татары, чуваша, туркмены, поэты всех республик и областей, образующих Советский Союз, стали огромным и дружным своим коллективом готовить многоязычный перевод “Кобзаря”» [Чуковский 1968: 360]. Два стихотворения Шевченко на французский язык для «Ревю де Моску» перевела А.Эфрон [АЭ 2004: 18–19].

В 1938 г. Детиздат выпустил сборник избранного Шевченко под редакцией К.И.Чуковского, и выяснилось, что на русском языке нет хороших переводов «Кобзаря», кроме «старательного, но несовершенного дореволюционного перевода Ивана Белоусова» [Дейч 1974: 281–282]. М.Ф.Рыльскому, директору шевченковского музея в Киеве, было поручено организовать переводческую работу, и он привлек к заданию лучших поэтов: «...перевод “Тайдамаков” взял на себя А.Твардовский, “Катерины” — М.Исаковский, “Марии” — Б.Пастернак, “Гамалии” и “Слепого” — Н.Асеев» [Дейч 1974: 282].

Киргизский поэт К. Маликов в «Разговоре с Тарасом Шевченко» (1939) отметил общность судеб Шевченко и акына Токтогула. Под заглавием «Тарас Шевченко» в 1939 г. появились: пьеса Ю.Г.Костюка, книги К.Г.Паустовского и М.М.Зощенко. На трилогию замаяхнулся Б.А.Вадецкий, а украинский Детиздат выпустил повесть А.Е.Ильченко «Сердце ждет» о 1858 г. в жизни Кобзаря. В рецензии на эту книгу Л.К.Чуковская отметила, что «автор отказался чуть ли не от всех драматических событий, предоставляемых биографу жизнью Шевченко. Нет в повести ни детства, ни академии, ни тюрьмы, ни ссылки» [Чуковская 1939]. Этот недостаток с лихвой постарались окупить Бать и Дейч в своей биографии поэта.

Бать познакомилась с Рыльским и несколько раз навещала в музее Шевченко: «Я неоднократно ездила в Киев, вдохновляясь единственным в ту пору скромным Домом-музеем в Крещатикском переулке, № 8 а» [Бать 1972: 223–224]. Видимо, ее послал Дейч, который и сам зимой 1938 г. «специально поехал в Киев и поселился в Доме творчества в Ирпене», чтобы вместе с Рыльским «работать над изучением жизни и творчества Шевченко» [Дейч 1974: 282]. Бать «осо-

бенно ярко запомнилось пребывание в Доме творчества в Ирпене под Киевом в феврале 1939 года» [Бать 1972: 223–224].

Так появилась биографическая повесть «Тарас Шевченко» (Детгиз, 1939), довольно полно и доступно излагающая жизнь «кобзаря», хотя некоторые места в ней выглядят сомнительно:

— И что же изрек по этому поводу наш Карл Иванович?

— Тише, ради бога тише!

Лицо Нестора Кукольника недовольно передернулось, и он с опаской оглянулся по сторонам.

“Карл Иванович” — было одно из прозвищ Николая I, данное ему за его симпатии к пруссакам» [Бать-Дейч 1939: 42].

Реплику о «Карле Ивановиче» авторы вложили в уста Карла Павлович Брюллова. Получается неубедительно, как и сожаление, что «нужда в деньгах заставила Шевченко делать портреты на заказ» [Бать-Дейч 1939: 60]. О поэме «Гайдамаки» говорится: «Сквозь дымные пожары <...> издевательства и пытки разгулявшейся шляхты <...> гулким призывом к борьбе за лучшее будущее звучал голос поэта, согретый большим оптимизмом» [Бать-Дейч 1939: 73–74]. Но в поэме описываются зверства не шляхты, а гайдамаков, участников так называемой Колиивщины (причем поэт представил повстанцев более кровавыми, чем они были). Чуть ниже цитируются слова самого Шевченко: «Меня называют энтузиастом, то есть дураком, — ну и пусть» [Бать-Дейч 1939: 74]. Ясно, что Шевченко не считает себя ни оптимистом, ни энтузиастом, все это чужие ярлыки.

М.М.Зощенко в своем одноименном очерке смог обойтись без диалогов и вынужденных натяжек, но его краткая, ироничная и убедительная версия жизни Шевченко намного беднее фактами (хотя есть и такие, о которых наши соавторы умолчали). Так или иначе, несмотря на перенасыщенность рынка, и вторая книга Дейча и Бать оказалась успешной и была переведена на украинский и татарский языки, не считая журнальных вариантов — на английском и немецком языках.

На этом шевченковский «запал» у авторов не прошел. Дейч выпустит еще несколько книжек о Шевченко, одну — в соавторстве с А.Белецким, другую — с М.Рыльским. Бать также не считала тему исчерпанной. Устраиваясь во французскую редакцию журнала «Интернациональная литература» (выходил на многих языках), она утверждала: «В настоящее время работаю над большим романом о Шевченко». Этот проект не осуществился, но от шевченковского «ствола» ответвился позднее замысел повести о М.С.Щепкине.

Первое из известных нам писем Ариадны Эфрон, адресованных Бать, было отправлено в 1939 г., по-видимому, — в Ирпень, как раз во время работы над «Тарасом Шевченко». В письме есть загадочное место: «“Дейчевская история” продолжается. Эту несчастную заметку раздули в слона и спекулируют на ней все, кому не лень. К сожалению, я довольно мало в курсе, только вижу, что Подкаминер, принявшийся за Чумакова и Корнееву, не спит ночей и тает на глазах. (Моих.) Но дерется, как тот самый лев, чье имя он носит».

Лев Подкаминер, секретарь парторганизации «Revue de Moscou», вероятно, защищал Дейча от нападок своих же коллег, Чумакова и Корнеевой, которые, предположительно, раскритиковали заметку Дейча «Семья Оппенгейм» о фильме Г.Рошаля (1938) по мотивам романа Л.Фейхтвангера «Семья Опперман» (газ. «Кино», 23 ноября). Это была последняя публикация А.И.Дейча в 1938 г., после которой, видимо, он и уехал в Киев изучать Шевченко.

Не имея надежных оснований, можем только предположить, что Дейч, не понимая политической конъюнктуры, по старинке обрушился на антисемитизм (один из объектов критики Фейхтвангера). Между тем, 29–30 сентября 1938 г. состоялась конференция в Мюнхене, где европейские страны решили замирать агрессора, и какие-то инструкции были даны советским парторгам.

Не исключено, что и переход Бать в «Интернациональную литературу», где она числилась с 1 апреля 1939 г., был не только карьерным повышением, но и бегством от шлейфа «дейчевской истории», который мог коснуться и ее как соавтора. По словам вдовы Дейча, он всегда знал, где у него хранится мешочек с сухарями и теплыми вещами.

Несмотря на все это, Ариадна Эфрон была счастлива, а ее письмо поражает сочетанием жутких кафкианских подробностей и оптимизма: «Работа в редакции, поскольку смыслю в медицине, идет крайне неорганизованно. Сесиль боится решать что-либо сама, с каждой запятой носится к Михайлову <...> Нашего могучего редактора мы с тех пор так и не видели. Зато МихМих тут как тут — роет землю копытом и висит на телефоне. <...> Сесиль самостоятельна, как блюдо лапши, из-за чего принято сидеть допоздна, — это высший стиль ударничества». Трое из упомянутых сотрудников окончили дни свои в застенках НКВД. Не удивительно, что С.Ф.Дюсиметьер носилась «с каждой запятой».

19 июня 1939 г. из Парижа приехала Марина Цветаева с сыном. С помощью подруги дочь искала ей переводческую работу (прежде всего — переводы на французский). Видимо, в связи с этим Бать и появилась на Болшевской даче: «Мы работали с ней вместе в “Revue

de Moscou”, хорошо относились друг к другу, настолько, что она была, кажется, единственной знакомой, которую я решилась, несмотря на все запреты, познакомить со своими “законспирированными” родителями на нашей болшевской даче в 1939 г. Лида, как помню, привезла тогда кому-то из нас в подарок большую, красивую фарфоровую чашку василькового цвета... Почему-то запомнилась мне эта чашка» [Белкина 2008: 126]. Лидия Григорьевна вообще ценила фарфор и даже что-то писала на «фарфоровые темы».

В архиве Бать сохранились 10 переводов Цветаевой из Лермонтова, один из Пушкина и один — из Максима Рыльского. На конверте с автографами написано «Переводы Лермонтова» и чужой рукой сделана приписка «Для Антологии». Сама Цветаева сообщала Берии, что переводила «для “Ревю де Моску” и Интернациональной литературы» [МЦ 7: 664]. Действительно, два (а не три, как сказано в [Библиография 1993: 496]) лермонтовских стихотворения появились в «Ревю де Моску» (1939, № 10) [Лубяникова-Ахмадеева 2008: 405] уже после ареста дочери. А.Эфрон была арестована и отправлена в Лубянскую тюрьму 27 августа 1939 г. Вслед за ней был арестован и ее отец, С.Я.Эфрон. Антология с переводами Лермонтова так и не появилась.

Через два месяца после ареста Ариадны (25 октября) Бать, вероятно, присутствовала на чтении поэмы «Овидий» Инбер. Тема ссыльных поэтов звучала щекотливо в эту эпоху: можно было отправиться вслед за Мандельштамом, декламируя:

Давно уже стала ничем вощаная таблица,
Но живы слова, что начертаны были на ней. [Инбер 1: 457]

Еще в мае 1939 г. был арестован Бабель, расстрелянный в январе 1940 г. в составе группы из восемнадцати осужденных.

Лидия Григорьевна, видимо, боялась прямых контактов с Ариадной, но пыталась помочь Цветаевой. Мур записал в дневнике 21 июня 1940 г.: «Вчера в “Интернациональной литературе” мать имела столкновение с некоей Стасовой (по поводу перевода стихов И.Бехера). <...> Вильмонт сказал, что с переводом все улажено, что он надерзил Стасовой <...> У матери в “Интернациональной” литературе” есть друзья, которые ей помогли в деле перевода: Вильмонт, Песис, Бать» [ГЭ 1: 88].

Ариадне Эфрон был вынесен приговор: восемь лет лагерей по ст. 58-б. 24 января 1941 г. она была отправлена этапом в Княжпогостский район Коми АССР, в лагерь на станции Ракпас, где работала на комбинате в швейном и химическом цехе. 22 марта Цветаева писала ей:

«Работаю в Интернациональной Литературе и в Гослитиздате — сектор Дружба Народов. Отношение ко мне самое сердечное и почтительное, а некоторые — просто любят» [МЦ 7: 744].

Если бы Цветаева интересовалась театром, Лидия Григорьевна могла бы встретиться с ней 4 марта 1941 г. на премьере «Машеньки» А.Н.Афиногенова в театре им. Моссовета. Спектакль ставил Ю.А.Завадский, один из героев цветаевской «Повести о Сонечке». Но Цветаева ходила только в кино, работала над переводом белорусских еврейских поэтов, носила передачи мужу и собирала вещи для посылки дочери в лагерь.

Е.Д.Стасова, редактор «Интернациональной литературы», поручила Бать брать интервью у советских писателей. Летом 1940 г. Бать познакомилась с К.Фединым на переделькинской даче Инбер. В 1941 г. побывала у автора «Цусимы», А.С.Новикова-Прибоя, одного из первых лауреатов Сталинской премии, который припомнил, что уже был когда-то награжден — Николаем II: «Нам всем выдали по медальке с надписью: “Да вознесет тебя господь... в свое время”. Последние три слова царь собственноручно приписал, да не для медали, а на проекте этой медали... Он хотел этим сказать, что, мол, вопрос с медалью еще успеется...» [Бать 1970: 59]. Статья о писателе была названа «Незабываемая встреча»: позднее из таких очерков будет составлена целая книга «Незабываемые встречи» (1969) — смесь эссе, интервью и мемуаров. А детективная история создания «Цусимы» легла в основу последней повести писательницы «Море бушует» (1967).

Началась война. Инбер оказалась в блокадном Ленинграде, Бать с Дейчем — в Ташкенте, Мотолянский — в Москве, Цветаева с сыном — в Елабуге. Перед отъездом она столкнулась с Бать на лестнице в Гослитиздате и спрашивала совета, ехать ли ей в Чистополь. Бать отговаривала, советовала дожидаться плановой эвакуации, ехать только в большой город, где можно найти работу. Но Цветаева «твердила все то же: что она торопится, что она боится за Мура» [Белкина 2008: 443]. Вскоре (может быть, вместе с вернувшимся Муром) в Москву дошла страшная весть, что 31 августа в Елабуге Цветаева покончила с собой.

И только после этого в сентябрьском номере «La littérature internationale» (1941, № 6–7) вышла «Песнь гнева» М.Рыльского («Chant de courroux») в переводе Цветаевой, а в статье А.Н.Толстого «Ce que nous défendons» был процитирован фрагмент из «Клеветникам России» Пушкина («Aux détracteurs de la Russie») без указания имени переводчика [Летопись 3: 129].

ЭВАКУАЦИЯ В ТАШКЕНТ (1941–1943)

С 30 сентября шла битва за Москву. К середине октября часть населения получила распоряжение уходить из города пешком. Фадеев докладывал: «Все писатели и их семьи <...> (271 человек) были лично мною посажены в поезда и отправлены из Москвы в течение 14 и 15 октября (за исключением Лебедева-Кумача — он еще 14 октября привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался...)» [Громова 2002: 20–21].

15 числа выехала и редакция «Интернациональной литературы». Бать вспоминала, что в этот день Е.Д.Стасова опоздала на работу: «Наконец-то хоть в день своего рождения позволила себе лишний час поспать», — подумала я. Но когда <...> я поздравила ее, она <...> весело сказала:

— Благодарю вас, меня уже поздравила бомба!» [Бать 1970: 20–21]. В тот же день Моголянский записался в армию добровольцем.

16 октября в сводке Совинформбюро появилось сообщение о прорыве фронта под Москвой, в Москве началась паника: «...шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. <...> то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривают их по земле. Раздаются возгласы: бей евреев!» [Громова 2005: 66]. В тюрьмах спешно расстреливали заключенных, и Георгий Эфрон, находившийся в это время в Чистопольском детдоме, не знал, что в этот день он потерял отца. 30 октября Мур выехал в Ташкент.

Бать прибыла в Ташкент 11 ноября: город «трещал от напора эвакуированных», как писала М.И.Белкина. Писателей расселял ответственный секретарь СП Узбекистана поэт Хамид Алимджан. Бать была направлена в дом Абдуллы Каххара, но не дошла до цели: «Хлюпая по лужам, медленно приближаясь к цели, я психологически отдалялась от нее. И в конце концов повернула обратно» [Бать 1972: 273].

Ей удалось поселиться с Дейчем в «доме академиков», как его называл Мур, в «огромной, выгороженной из конференц-зала комнате» [Громова 2002: 74]. На письмах Бать из Ташкента значился обратный адрес: ул. Пушкинская, д. 84, комн. 14.

Дейч вспоминал: «Мне повезло. Полтора года в Ташкенте пришлось прожить в одном доме с Михозлсом и его женой <...> дом по Пушкинской, № 84 <...> имел четыре этажа. До войны здесь помещалось невеселое учреждение — Гулаг <...> Гулаг потеснился, переехав в первый этаж и сохранив систему пропусков и часовых

у входа, натыкавших эти пропуска на штык. В бывших же канцеляриях разместились академики, профессора, ученые, писатели, артисты. <...> А.Б.Гольденвейзер, ученые — В.В.Струве, Е.Э.Бертельс и В.М.Жирмунский, историк Е.А.Косминский и Ю.В.Готье, поэт Якуб Колас...» [Дейч 1966: 251–253].

Дейч: «С Михоэлсом я виделся ежедневно <...> Затеяв создать узбекскую <...> оперу “Тараби” <...> он вел по вечерам долгие беседы с писателем Айбеком и композитором Чишко <...> Меня он тоже вовлек в создание либретто этой оперы» [Дейч 1966: 251–253]. Там же «Луговской слушал хасидские легенды и анекдоты в исполнении великого актера...» [Громова 2002: 74].

Этот «ученый и артистический улей» оказался идеальной питательной средой для творческого развития. Бать привлекли к работе ИМЛИ по изучению жизни и творчества современных узбекских писателей и работе над «Очерками по истории узбекской советской литературы», ей удалось устроиться в газете «Правда Востока», готовить очерк «Рождение человека» для сборника «В боях за родину» (1942). Но главное, здесь она родилась как самостоятельный автор в жанре исторической повести.

Очередной грандиозный юбилей задал ей тему для новой повести: «1941 год был юбилейным годом Навои — пятьсот лет со дня его рождения. Праздник из-за войны тогда так и не состоялся, но книг о Навои вышло много. Прочитав все, что было, я буквально “заболела” этим образом <...> Как-то сама собой вылилась первая строка: “Ветер пустыни принес песок и тоску...”» [Бать 1970: 302–303].

Сначала получился небольшой рассказ, сцены из детства и старости Алишера Навои. С этим рассказом Хамид Алимджан направил ее к Айбеку, поэту, прозаику и переводчику, автору большого романа из жизни Алишера Навои: «Слова, сказанные Айбеком, когда он прочел мой скромный рассказ, навсегда запомнились мне: “У Вас есть чувство эпохи, историческое чутье, пишите дальше...” <...> Айбек был поистине моим вдохновителем, когда я писала свою книгу “Сад жизни”. Он же был ее первым рецензентом» [Бать 1970: 302–303]. Возможно, Бать познакомила Айбека с Дейчем, и в 1942 г. Айбек и Дейч издали книгу «Навои и его время». В свою очередь, Бать редактировала русский перевод романа Айбека «Священная кровь», написала о нем ряд статей и две книги в соавторстве с М.Кошчановым.

19 марта 1942 г. Хамид Алимджан выдал Бать рекомендацию для чтения рассказа о Навои по радио; Бать стала своей на ташкентском радио: писала статьи (о Фархадстрое и др.) и делала художественные монтажи. Рассказ о Навои постепенно разрастался, приобретая раз-

мер повести. Забрехала реальная возможность приобщения к Союзу писателей.

Вступив в Литфонд, — уже 1–2 мая 1942 г. Бать начинает собирать рекомендации для поступления в СП. К 13 января 1943 г. у нее уже семь рекомендаций: К.Зелинского, Н.Ушакова, М.Терещенко, А.Старцева, К.Чуковского, В.Кирпотина, А.Ильченко.

М.Терещенко: «Книга Л.Г.Бать о Тарасе Шевченко является одним из лучших произведений для детей о классике украинской литературы».

А.Старцев: «Тов. Бать является автором книги о Шевченко и плодотворно работает над книгой о Навои. <...> известна как автор работ по вопросам фран<цузской> лит<ерату>ры. Ряд статей <...> посвященных <...> сов<етскому> театру, был напечатан на иностр<анных> языках <...> Я знаю тов. Бать по длительной совместной работе в журнале “Интернациональная литература” и считаю <...> талантливым литератором».

А.Е.Ильченко: «Среди многих книг, вышедших к юбилею Тараса Шевченко, эта книга выгодно выделялась <...> В 1942 году Л. Г. Бать написала и сдала в печать книгу “СОЛНЦЕ ГЕРАТА”, повесть о великом поэте узбекского народа Алишере Навои».

К.И.Чуковский: «Лидия Григорьевна Бать — автор очень ценной книги о Т. Шевченко. <...> Всем известны ее живые литературные очерки в “Литгазете”, в “Огоньке”, в “Молодой Гвардии”. Мне близко известна работа Л.Г. во французском отделе журнала “Интернациональная литература”. Это была работа квалифицированного редактора. Рекомендую Л.Г. в члены Союза Советских писателей».

Отношения Бать с Чуковским были вполне приятными: сохранилась их совместная фотография и «Федорино горе» (1964) с надписью: «Лидочке Бать майский сердечный привет от Корнея Чуковского». Зато с его дочерью у Бать отношения не сложились, как, видимо, и с Ахматовой. 16 мая 1942 г. Чуковская записывает: «Бать, сахарно-жеманная, — умоляла [Ахматову] зайти к ней, посидеть, выпить вина. Но NN не хотела ни за что» [Чуковская 1: 448]. 8 июня 1942 г.: «На днях у Радзинской⁴ NN читала “Поэму [без героя]” Дейч и Бать после их длительного настояния. Я мучилась. Прослушав, они сообщили, что это “хорошо” и “интересно”, и немедленно приступили к обсуждению последних высказываний Лежнева на заседании Президиума — полагая, по-видимому, что это и есть литература» [Чуковская 1: 460].

Возможно, Бать надеялась получить рекомендацию и от Ахматовой, но получила только подпись на титуле ее ташкентского сборника. Имя

Исайи Лежнева (публикатор «Белой гвардии» Булгакова, интерпретатор Шолохова, прототип Рудольфи из «Театрального романа») тоже всплыло не случайно: он был секретарем Президиума СП Узбекистана [Чуковская 1: 460].

В заявлении Бать на вступление в члены СП Узбекистана упоминалось: «Переведена в 1939 г. на пять языков народов СССР». Имелись в виду переводы книги о Нансене. Переводы книги о Шевченко на французский и немецкий упомянуты не были. Перечислены были и должности в группкоме писателей, начиная с января 1937 г.: казначей кассы взаимопомощи, член бюро, «член ревизионной комиссии Моск<овского> группкома писателей в Ташкенте с момента его создания».

К заявлению прилагался, по-видимому, и отзыв Айбека на машинопись (семь авторских листов) книги «Солнце Герата» об Алишере Навои: «Автор использовала в своей повести все события и факты, известные нам о жизни поэта. <...> введены вымышленные персонажи <...> Значительное место в повести занимает Хусейн Байкара и его борьба за власть. <...> как поэт и ценитель культуры, Хусейн Байкара является одной из замечательных фигур XV века. <...> Повесть написана красочным языком, соответствующим стилю и духу эпохи, и читается с большим интересом». Заметим попутно, что позднее Айбек чуть не поплатился за преувеличение роли Хусейна в культурной жизни Герата: внезапный инсульт спас его от ареста.

29 июля 1942 г. секция детской литературы СП Узбекистана постановила рекомендовать Л.Г.Бать в члены ССП, а 27 февраля 1943 г. эпопея завершилась, осталось лишь подтвердить свое избрание в Москве.

Прямо перед отъездом из Ташкента в мае 1943 г. в Госиздате УзССР была подписана к печати «историческая повесть для юношества о родоначальнике узбекской литературы Алишере Навои». Только теперь она называлась не «Солнце Герата», а «Сад жизни». Эти названия синонимичны, поскольку и то, и другое использовались как эпитеты Алишера Навои. Второе название было символическое, меньше провоцировало параллели с Пушкиным и, наверное, перекликалось с любимой мечтой С.Е.Мотолянского о «городе-саде» или по крайней мере о жизни, возделанной как сад. Кроме того, книга, действительно, охватывала всю жизнь Алишера Навои, поэта, сановника и философа.

Все полтора года пребывания в Ташкенте Бать и Дейч поддерживали Мура (Г.С.Эфрона) — сына Цветаевой и брата Ариадны. Но Мур явно рассчитывал на большее внимание с их стороны и был ими сильно разочарован (впрочем, как и энигматичностью Ахмато-

вой), отдавая явное предпочтение хлебосольному гостеприимству А.Н.Толстого.

9 апреля 1942 г. появится первое упоминание Дейча и Бать в письме Г.Эфрона к Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич: «Может быть, помните, она работала в “Интернациональной литературе” и была другом Али; она знакома с Мулей, проф. Дейч, — тоже Алин знакомый, — ее муж; это — симпатичные и культурные люди» [ГЭ 2002: 42].

Мур был, наверное, не единственным, кто заблуждался насчет «дейчей». В.А.Литко писал им 11 января 1943 г.: «Дорогие дейчи! Я слег окончательно. <...> 15-го мне 31 год. Хотелось бы в этот день увидеть около себя друзей».

Муру импонировало, что Лидия Григорьевна разделяет его взгляды на Хемингуэя и вообще старается помочь, он писал С.Д.Гуревичу: «Помогает мне также очень Л.Г.Бать (ты, кажется, ее знаешь); Дейч забавный человек, немного смешной» [Белкина 2008: 521].

Однако первоначальное благодушие сменяется раздражением. 11 ноября 1942 г. он пишет сестре: «Лидия Григорьевна тоже была на хлопке и собирается в Москву в командировку. Она — удивительно расчетливый человек; как говорится — “жмот”; я себе не представляю ее литературных талантов. Впрочем, она тебя любит и собирается написать. Собирается, собирается...» [ГЭ 2002: 82].

13 декабря 1942 г. продолжает: «Пишет ли тебе Лидия Григорьевна? Она всё говорит, что напишет, но, по-моему, так и не сделает этого — слишком уж, пожалуй, поглощена она... гм, творчеством, болтовней и предстоящей поездкой в Москву (они с Дейчем едут-де в командировку, но думаю, что, как все, постараются там остаться окончательно). Она с Дейчем написала книгу о Навои; вообще они говорят только о Навои, о разных ханах и баях, консультируют узбеков и т.д.» [ГЭ 2002: 90–91].

В действительности Бать рвалась в Москву в надежде увидеть мужа. Когда выдавалась свободная минута, она писала на фронт (14 декабря 1942): «Я не знаю, откуда у меня берутся силы быть так долго в разлуке с тобой». 21 декабря 1942 г.: «Любочка уже была в Москве во время твоего пребывания там, а ты и не знал?» Поездка в Москву не состоялась. Но вернуться домой пытались многие: «Уезжать из Ташкента начали еще в 1942 году, как только немцы были отброшены от Москвы. Понемногу возвращались в столицу те, у кого была возможность, кто мог получить вызов» [Громова 2002: 259]. Нелегальных «возвращенцев» отлавливали и выдворяли из Москвы десятками тысяч [Громова 2005: 112].

На московский адрес Бать писала и Ариадна: «Писала тебе с Севера два раза, но ты в это время, как потом узнала от брата, была

в Ташкенте». Очевидно, что не только дела мешали Бать написать подруге (на задержки с ответом жаловались все ее корреспонденты), но и просто страх писать заключенной, тем более, когда на весах лежит долгожданное членство в СП. Когда Мур попросил Бать отвезти его дневники и письмо С. Гуревичу, она испугалась: «Она трусиха и боится везти письмо и дневники <...> вдруг в них что-либо неподходящее написано, и вдруг обыск (в поезде-то!) — и ей отвечать и т.д. Впрочем, думаю, повезет, т.к. ничего особенного там нет» [ГЭ 2: 147]. Когда Бать забирает дневники, Мур сам впадает в панику (10 января 1943 г.): «...боюсь, что из пустой трусости ЛГ дневники уничтожит» [ГЭ 2: 149].

Но Бать не забывает о Муре, навещает его во время болезни (рожистое воспаление ноги; она навещала и других больных, а также «выступала в госпиталях со своими произведениями»), приносит ему номера «Интернациональной литературы», забирает для отправки незаклеенные письма к сестре, приносит хлеб и угощает у себя дома.

Мур выпрашивает и деньги, но тут Лидия Григорьевна проявляет прижимистость: дает только в долг. Впрочем, ее можно понять: Мур бравировал умением «сорить деньгами», а Бать была «членом ревизионной комиссии», экономия была ее специальностью. Однажды Муру удастся занять у нее небольшую сумму, и начинаются мучения: каждый раз, когда он может вернуть деньги, у него находится для них лучшее применение. Но в итоге долг был возвращен, а добродетель вознаграждена обильным ужином.

Мур делился с Лидией Григорьевной и творческими планами, в частности — замыслом романа из французской жизни о том, как «одиноким молодой человек, разочарованный в жизни, бродит по Парижу, заходит в кафе, пьет перно, заводит случайные знакомства, ведет случайные разговоры» [Белкина 2008: 549]. Он дает ей на просмотр свое школьное сочинение, написанное «под влиянием Валери», знакомит с письмом сестры от 18 марта 1943 г., где та рассуждает о качествах, необходимых писателю [ГЭ 2002: 40].

В мае началось массовое возвращение «ташкентцев» в Москву. Георгий писал сестре: «Уезжает на днях также вся академия наук <...> Они поедут целым поездом» [ГЭ 2002: 150]. Последний раз Мур столовался у «дейчей» 31 мая, а вечером записал: «Вероятно, сегодня она уехала» [ГЭ 2: 244]. Провожать Лидию Григорьевну он не пошел.

«НАРЯДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ АЛИШЕР» (1943–1949)

...ты слишком придерживалась
торных троп, а я слишком растека-
лась мыслию по древу.

А. Эфрон. Из письма к Л. Бать

10 июня 1943 г. Бать была в Москве, а уже 15 июня обратилась в Президиум ССП с просьбой утвердить ее в правах члена «Союза с.п. СССР». В прошении упоминались основные заслуги, работы «в области театральной критики» и на другие «актуальные темы», в частности — национальные. В «Автобиографии» сообщалась легенда о законченном высшем образовании, но имелись и саморазоблачения: «На советской службе — с 1919 года (перерыв с 1923 — по 1925)».

Бать восстановилась на посту редактора «Интернациональной литературы», возобновившей свою работу после весеннего перерыва, и оказалась в одном кабинете с Е.Д.Стасовой — «за монастырской стеной» (стена не достигала потолка). С 17 августа она — редактор французской редакции журнала. В английской версии тогда же появляется ее статья об узбекских писателях, а в сентябрьском номере — рецензия на фронтовой дневник погибшего Е.Петрова, изданный в 1942 г. Затем она пишет очерк о Гафуре Гуляме («Дружба народов», 1944, № 10) и признается мужу (19 октября 1944 г.): «Во мне родился особый вкус к истории, литературе и культуре Востока».

Стасова хвалит свою помощницу Мотолянскому в письме от 25 июля: «Я очень рада, что Л.Г. вернулась, так как мне ее очень не хватало в работе. <...> с ее приездом в Москву Ваш литературный авитаминоз пойдет на убыль. <...> Почему бы Вам не написать для одного из моих журналов корреспонденцию о Вашем житье-бытье и работе». Мотолянскому, помощнику начальника I отделения Санитарного отдела, заслужившему звание майора и орден Красной Звезды, есть о чем рассказать: 53-я армия, в которой он служил, принимала участие в Курской битве, освобождении Украины, Пражской операции и японской войне.

10 сентября 1943 г. Лидия Григорьевна сообщает мужу: «Три дня подряд в урочный час Москва салютовала нашим победителям. <...> все эти три дня я была в это время в Союзе на каком-нибудь докладе или вечере. 8^м интересный писатель Сигизмунд Кржижановский рассказывал о русской смекалке и Отечественной войне. <...> А сегодня Вера Юренева читала свой монтаж “Париж”... В воскресенье у Дейчика обедали с Верой Инбер и даже было немного водки, которую всю выпили за тебя».

Упоминаются в письмах и знакомые по «Ревю де Москву». 23 ноября 1943 г. пишет о Фанни Хайкинсон: «Сегодня позвонила мне Фаничка, наконец, вырвавшаяся из Ташкента». 30 ноября 1943 г. она посылает мужу очередной номер «Октября» и сообщает: «Дейчик только что мне позвонил, что получил от матери письмо, подписанное словами “чудом спасенная мама”. Ты представляешь его состояние. Она ничего не знает о гибели Яши, надеется на его возвращение». Я.И.Дейч был врачом и отказался выйти из окружения, оставшись с ранеными; его мать ушла из жизни в 1945 г., так и не узнав о судьбе сына.

В декабре 1943 г. Бать «столкнулась с Муром в Доме литераторов на улице Воровского, на Поварской, в дубовом зале, где должен был состояться какой-то вечер, где было нетоплено, сидели в шубах. Зал был почти пуст. Они перекинулись с Муром несколькими фразами. Она звала его заходить, но он так и не зашел» [Белкина 2008: 550]. Встреча оказалась последней. Георгий Эфрон погиб на фронте в июле 1944 г.

16 января 1944 г. А.Дейч сообщал Мотолянскому: «Лида по-прежнему полна активности: всюду работает и в дни досуга встречается со всеми в одно и то же время, только в разных местах. Щеки у нее такие же красные». Сама же Лидия Григорьевна думает об одном (19 марта 1944 г.): «Я не могу себе представить, как я прожила так долго в разлуке с тобой».

30 октября Инбер подписывает ей книжечку «Пулковский меридиан»: «Старинной дружбе нет износу. Хорошему другу Лиде Бать от Веры Инбер». 8 февраля 1945 г. Лидия Григорьевна шлет мужу шуточные стихи Дейча, написанные от лица трех представительниц семейства Бать: Лидии Григорьевны и ее племянниц Наташи и Нины. Праздничный салют 9 мая 1945 г. застал ее у Веры Инбер. Но для Мотолянского война еще не закончилась: 23 августа он получает благодарность «за отличные боевые действия в боях с японцами». Только 20 октября ему назначается санаторно-курортное лечение, и только 8 февраля 1946 г. он возвращается в Москву, где сразу восстанавливается на службе в ГИПРОГОРе.

Несомненно, все это время Бать помнила о подруге, попавшей в лагерь, и переживала за нее, но дружба ее была не в силах превозмочь страха перед государственной карательной системой. Писем А. Эфрон военного времени она либо совсем не получала, либо из осторожности их уничтожила. Боялась она, по-видимому, и нарушить стену молчания вокруг гибели Марины Цветаевой, сквозь которую пыталась пробиться Ариадна.

В конце лета 1943 г. из-за отказа стать осведомителем Ариадна

Эфрон попала на Крайний Север в штрафной лагпункт (ст. Каменка), где работала на лесоповале. Зимой 1943–1944 гг. С.Гуревичу удалось добиться ее перевода в Потьму Мордовской АССР, где она получила работу в деревообрабатывающем цехе. Но общаться с ним она не могла, о чем жаловалась 5 октября 1944 г. в письме к А.И.Цветаевой: «Что с мужем, не знаю. Последнее письмо от него получила 4 июня, а мои к нему письма мне возвращаются. Лилия и Зина молчат» [АЭ 1: 72]. 20 октября 1944 г.: «Вчера получила... июльскую открытку» [АЭ 1: 74]. Надежда на досрочное освобождение в июле не оправдалась [АЭ 1: 76].

Но, даже не получая писем, Ариадна Сергеевна была благодарна друзьям, помогавшим матери. 6 января 1945 г. она пишет: «Горда тем, что те мои товарищи, к к<отор>ым она относилась когда-то очень критически, оказались на высоте в то время, ко<гда> она там оставалась одна с Муром» [АЭ 1: 86]. Она вспоминает тех, кто скрасил пребывание Цветаевой в Болшево: «Вечерами приезжал с работы мой муж, заезжала моя Нина, раза два был Журавлев, читал нам Пушкина и Кармен, приезжала моя сослуживица, бездарная журн<алистка>, безумная поклонница мамы Лида Бать» [АЭ 1: 87]. Несомненно, убийственная формула, характеризующая далекую подругу, объясняется ожесточением, вызванным годами каторги, но формула подчеркивает и то, что было для Эфрон ценнее любого таланта, — способность любить и восхищаться талантом другого: это все искупало. Скоро она воздаст должное и писательскому мастерству подруги.

Ровно через десять дней после упоминания Бать в письме к тетке, 16 января 1945 г., Эфрон написала письмо, на которое Бать ответила. Но переписка не сразу заладилась. Эфрон сетует: «Домашние пишут редко и скупо, всем некогда, я это всем сердцем понимаю, знаю, что и тебе некогда, но мне совсем не с кем поговорить о маме, думаю — ты мне расскажешь о ней». Видимо, ответ пришел не скоро. Три года спустя Эфрон еще раз попрекнет ее («письмами ты меня не баловала»), передавая одновременно благодарность коллегам «за добрую память и доброе ко мне отношение».

С изданием «Сада жизни» у Бать возникли проблемы. Отрывок из повести появился в «Интернациональной литературе» (1945, № 6) на английском языке, но в Ташкенте выход книги задерживался, и в 1946 г. Бать заключила договор о публикации расширенного варианта книги в издательстве «Молодая Гвардия».

Положение на службе тоже не отличалось стабильностью. 1 мая 1946 г. Бать была утверждена старшим редактором «Интернациональной литературы», но уже 1 августа перешла из «Госиздата» в «Иноиздат» (из-

дательство литературы на иностранных языках) и вернулась на должность редактора французской «Интернациональной литературы».

Пришлось подыскивать и новую домработницу, после того как сосед — драматург Я.Апушкин — взял предыдущую в жены, о чем свидетельствует фотография соседа с надписью от 15 ноября 1945 г.: «Дорогой соседке и посаженной матери Лидии Григорьевне Бать с превеликой нежностью и благодарностью за то, что в ее дому я обрел...».

А 12 июня 1947 г. пришлось выходить замуж и самой Бать из-за указа от 8 июля 1944 г., признававшего юридическую силу лишь за браками, зарегистрированными в органах ЗАГС. Многие были недовольны «буржуазным» по духу [Эренбург 9: 401] указом. До этого Бать считалась полноправной женой С.Е.Мотолянского и пользовалась всеми привилегиями своего статуса: в частности, получала паек как жена офицера.

После множества «незабываемых встреч» в Ташкенте Бать продолжила свою очерковую деятельность в Москве. В частности, весной 1944 г. посетила в «Ноевом ковчеге» — гостинице «Москва» — Эренбурга, снискавшего огромную известность своими статьями и очерками военного времени, нанесла визит любимому Л.М.Леонову (некий «Л.» писал ей 30 ноября 1944 г.: «Я даже кротко и терпеливо, без малейшего предубеждения, принялся жевать Леонова, которого обычно обхожу на приличное расстояние. <...> Пожевал — пожевал — и сильно изнурился»), позднее встречалась с С.Щипачевым, А.Серафимовичем, 19 июня 1944 г. присутствовала на бенефисе А.Г.Коонен в Камерном театре (на постановке «Адриенны Лекуврер» Э.Скриба).

Особой эмоциональностью отличалась встреча с Э.Г.Казакевичем, в будущем — автором прославленной повести «Звезда»: «Он носил еще военную форму, которая как-то по-домашнему сидела на нем. Чуть сутулый, близорукий, с мягким и в то же время волевым выражением лица. Первое впечатление вполне оправдывалось при более близком знакомстве. Оно началось с разговора о частных делах — у нас были общие друзья, и мы с ним погоревали над их трудной судьбой» [Бать 1970: 241].

Разговор мог касаться и репрессированных знакомых, и погибших на войне, и даже тех, кого коснулось постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». Впоследствии Казакевич с готовностью помогал А.Эфрон и даже пытался написать «Московскую повесть» — книгу о нелегкой судьбе Цветаевой [Каверин 8: 368]. Возможно, в этом разговоре упоминался и одесский знакомый Бать — Виктор Гроссман, который после лаге-

рей (1938–1946) работал на кафедре литературы Вологодского пединститута.

Подходили к концу 10-летние сроки тех, кто был посажен в годы ежовщины. Начались временные послабления. 26 мая 1947 г. был издан указ об отмене смертной казни, остававшийся в силе почти три года. А 27 августа истек срок заключения Ариадны Эфрон. Не имея права вернуться в Москву, она поселилась в Рязани в семье И.Д.Гордона, но нелегально появлялась и в Москве, посещала и В.Инбер [АЭ 1: 181]. А с 1 февраля 1948 г. преподавала графику в Рязанском художественном училище.

В конце 40-х годов начала набирать обороты кампания против «безродных космополитов», которых немало оказалось в музыке, сравнительном литературоведении и биологии. Мотолянских облава не коснулась. 16 апреля 1948 г. Бать перешла на должность старшего редактора центральной редакции журнала «Советская литература», а 27 апреля был подписан к печати ее «Сад жизни», поспевший как раз к торжествам по случаю 500-летнего юбилея Алишера Навои, отложенным из-за войны на восемь лет.

8 мая состоялся торжественный вечер в Колонном зале Дома Союзов, а 15 мая уже в Ташкенте открылись многодневные торжества. Под председательством Н.С.Тихонова и в Москве, и в Ташкенте (21 мая) состоялся «Вечер советской поэзии». В Москве выступали В.Ю.Захидов, Е.Э.Бертельс, поэты-переводчики В.Звягинцева, С.Липкин и Л.Пеньковский. Эхо юбилея докатилось и до Рязани, где Эфрон как раз занималась комплектацией библиотеки училища и рассылала письма друзьям с просьбой прислать книги. В августе она просит у Бать экземпляр «Сада жизни» и любую другую литературу: «Пожалуйста, не сердись на мои просьбы и, пожалуйста, выполни. Крепко тебя целую, моя толстая, курносая, моя маститая». Уже 27 августа она благодарит подругу «за ласковое письмо».

«Нарядный маленький Алишер» (ташкентское издание небольшого формата) был принят с восторгом, но художественное оформление Эфрон не нравится, хотя иллюстрации к книге делал Д.Митрохин, оформлявший когда-то и московское издание «Царь-Девы» (1922) Цветасвой.

Эфрон поздравила Бать с освобождением из-под опеки Дейча — с первой самостоятельной книгой и обещает «хвалить и ругать откровенно и чистосердечно. <...> Оговариваюсь <...> помня, как однажды довела тебя до слёз своей грубой критикой по поводу какой-то твоей статьи на фарфоровые темы. Мы обе были неправы тогда — ты слишком придерживалась торных троп, а я слишком растекалась мыслию по древу».

Повесть Эфрон понравилась: «С большим и подлинным удовольствием прочла твоего “Алишера”. <...> Книга, с одной стороны, очень насыщена историческим материалом, с другой — насколько им не перегружена <...> Герои не условны, не схематичны, у каждого — своё лицо, запоминающееся. Восток — не назойлив и не слишком декоративен, как во множестве книг европейских авторов, даже таких, как Флобер <...> Очень мне понравился, между прочим, эпизод с Алишером и Лутфи — как это перекликается с Пушкиным и Державиным!» Были и замечания, но завершался разбор обезоруживающим вопросом: «Ты, надеюсь, ничуть не рассердилась на меня? Ты ведь раньше почти никогда на меня не сердилась».

Лидия Григорьевна ответила сердечным письмом, признав достоинства дружеской критики. Кстати, ее собственные рецензии были довольно придирчивы и не отличались особым великодушием, хотя явные достоинства она охотно признавала. «Сад жизни» она считала своей лучшей повестью (если судить по числу переводов, так и есть). Достоинством книги следует признать и то, что она вместила весь жизненный путь Алишера Навои, тогда как, например, роман Айбека «Навои» посвящен только эпизоду из жизни поэта. Но повесть для юношества все же уступает по значению исторической эпопее узбекского писателя [Дейч 1974: 366–393].

В повести Бать образ поэта лишен психологической сложности. Навои — воплощение «настоящего человека», творца, мудреца, труженика и государственного деятеля. Он скорбит о бедствиях народа и государства, о забвении родного языка тюрки и пороках ближних. Сам при этом лишен пороков, слабостей, сомнений, страстей и угрызений совести. Все это, кроме последнего, достается на долю его старшего товарища по играм, а затем государя — Султана-Хуссейна. Алишер и Султан-Хуссейн — главные герои, и основную интригу создает коллизия их жизненных путей. Правда, Бать не отрицает и возможности симбиоза двух начал: неукротимую энергию Султана-Хуссейна гармоническое сознание Алишера направляет в созидательное русло.

Ариадна тоже ищет симбиоз с ныне обласканной государством подругой. 27 августа 1948 г. она сообщает эзоповым языком о неустойчивости своего благополучия: «Вышло какое-то распоряжение, по которому люди, имеющие, подобно мне, образование в объёме восьмилетки, полученное в отдалённой, сельской местности, не имеют права работать в системе министерства народного образования».

Ариадна потеряла работу, но при поддержке А.Жарова [АЭ 1:

159–161] смогла восстановиться. 9 сентября она зовет подругу в гости: «А ты не смогла бы приехать на немножко в Рязань?» Бать ограничилась только участливыми расспросами: «Понимаю, что тебе туговато приходится, но я как-то легкомысленно все время думала, что тебе помогают близкие друзья». Вместо Рязани она отправилась в ноябре в Ташкент вместе с поэтессой Вероникой Тушновой и историческим романистом Сергеем Бородиным. К концу года академик Бертельс (выдающийся ученый, известный Бать по Ташкенту, написал отзыв на «Сад жизни» для журнала «Звезда Востока» (№ 12)).

В СССР началась волна повторных ссылок и собраний по разоблачению космополитов во всех сферах научной и культурной жизни. Но 5 февраля в ЦДЛ прошел творческий вечер непотопляемого Эренбурга (40-летие литературной деятельности), на котором выступали Вс.Вишневский, К.Симонов, В.Каверин, С.Маршак, К.Паустовский, М.Ромм, М.Светлов, И.Сельвинский, А.Таиров и К.Федин. Некоторые из выступавших были объектами травли, некоторые — участниками. Видимо, Бать была на этом заседании, как и на других подобных собраниях этого года, посвященных Л.Леонову, И.Гете, А.Франсу и Р.Роллану.

22 февраля 1949 г. Ариадна Эфрон была вторично арестована и заключена в Рязанскую тюрьму — арестовывали всех бывших «сидельцев». 18 мая она была сослана на пожизненное поселение в Туруханск Красноярского края, куда прибыла этапом 28 июля. Устроилась уборщицей в школе, затем — художником в районном Доме культуры.

Бать с ее «национальными» интересами и происхождением легко могла попасть под удар, но судьба миловала. В ноябре Л.Эйдлин дарит ей «Четверостишия» Бо Цзюй-и с витиеватой надписью: «Дорогая Лидия Григорьевна, Вы не захотите отказать мне в удовольствии дружеского вручения Вам этой книги». Но объектом следующей «незабываемой встречи» она избирает А.Суркова — поэта с официально безупречной литературной позицией и фамилией.

Репрессии не коснулись и Мотолянского, занимавшегося восстановлением курортной зоны Крыма. В апреле он даже повышается в должности, но с сентября начинает посещать вечерний университет марксизма-ленинизма. Переписка с Эфрон прерывается на шесть лет.

В СТОРОНУ ОТТЕПЕЛИ (1950–1954)

При ближайшем рассмотрении он оказался... следователем, но достаточно притихшим и совсем не страшным.

А.Эфрон. Из письма к Л.Бать

Годы, проведенные в Туруханске, после лагеря были не самыми тяжелыми в жизни А.С.Эфрон. 31 декабря 1951 г. был расстрелян Самуил Давидович Гуревич, но весть о смерти любимого человека дошла до нее только в мае 1954 г.

То, что мы знаем о Лидии Григорьевне в это время, касается в основном общественной работы и развлечений: вечер И. Андроникова в ЦДЛ, встречи писателей с футболистами «Спартак» и артистами китайского цирка. В 1952 г. преобладали вечера памяти: Всеволода Вишневского, Жана Ришара Блока и др., а после смерти Сталина — и 400-летие со дня смерти Рабле. 26 ноября 1952 г. Эренбург организовал вечер памяти Элюара с участием К.Р.Фалька, Н.Хикмета, П.Антокольского и В.Инбер.

10 июля 1950 г. Инбер исполнилось 60 лет. Неизвестно, что ей подарила Бать, но в ответ 15 июля она получила роскошный фолиант Шекспира с надписью: «Другу юности, другу всех возрастов Лиде от Веры Инбер». Юбилей отмечался в ЦДЛ только 14 октября, а 2 ноября Бать получила «Избранное» Инбер с надписью: «Дорогому другу, милому человеку, Лиде Бать от Веры Инбер». Возможно, обилие подарков было связано и с тем, что Бать тоже числилась в юбилярах. Или Инбер хотела поддержать подругу, взволнованную плохими новостями из Ташкента.

В 1950 г. первым секретарем ЦК КП Узбекистана стал А.И.Ниязов, который «в одной из своих речей назвал националистическим не только эпос “Алпамыш”, но и величайшего поэта своего народа Алишера Навои. Каким бы ни был Юсупов, от него такого не дождались бы, поэтому и убрали из республики. Еще недавно торжественно и пьяно отпраздновали 500-летие со дня рождения Навои, а теперь необходимо было вспомнить, что основоположник узбекской литературы был знатным тимуридом, хранителем печати, а потом везиром (первым министром) в период правления своего соученика, султана Хусейна Байкары в Герате, что его произведения проникнуты философией суфизма, воспринимавшей мир как эманацию Божества. Сгущались тучи над Айбеком, автором романа “Навои”, но с ним приключился инсульт, который спас его от ареста» [Липкин 1997: 477].

В 1951 г. Лидия Григорьевна была занята Декадой узбекской литературы и искусства в Москве (17–27 ноября) участвовала в составлении сборника «Узбекские рассказы» и переводе пьес Хамзы Хакимзаде Ниязи. Она печатает статью «Новое в узбекской прозе» («Октябрь», 1952 . №1) в которой отмечает новые романы как свидетельство роста узбекской литературы, «в которой проза всегда была отстающим жанром» [Бать 1952: 185].

В 1952 г. «Советская женщина» заказала Бать статью о постановке едва ли не первой узбекской пьесы на русской сцене — комедии А.Каххара «Шелковое сюзанэ» (в оригинале «Новая земля»). Так в театре им. Моссовета Бать познакомилась с одним из лучших узбекских новеллистов, у которого когда-то постеснялась поселиться в Ташкенте. Позднее она побывала в его доме, познакомилась с семьей, учениками и написала о нем очерк «Я учился у Чехова...».

В том же году Инбер подарила ей книгу «Путь воды: Стихи» («Старому и всегда молодому другу...»), а критик И.Гринберг — очерк жизни и творчества Н.Тихонова («Дорогой Лидии Григорьевне с любовью и дружбой, возрастающими год от году»).

Агонии Сталина предшествовало дело о «врачах-убийцах», а за его смертью последовало их освобождение, амнистия из лагерей более миллиона заключенных (правда, не по политическим статьям), арест и расстрел Берии. Дело А.С.Эфрон также поступило на рассмотрение.

В июне 1953 г. Бать присутствовала на закрытом докладе Д.Т.Шеппилова «Об очередных задачах печати», а зимой 1953/1954 гг., наверняка, трудилась над подготовкой торжеств по случаю «300-летия воссоединения Украины с Россией», ознаменованного передачей Крыма Украине.

Одним из свидетельств наступивших послаблений стало оперативное появление свежего «Дневника писателя (1950–1952)» М.Шагинян. Видимо, на презентации Бать купила книгу и поднесла автору для получения автографа, на что Шагинян ответила с юмором:

Дорогой Лидии Григорьевне Бать
её же добром —
ей же челом
Мариэтта Шагинян 31-Х-53

В творчестве Бать знаком наступающей оттепели стало то, что очередным героем ее критики оказался не серьезный и заслуженный прозаик, а детский поэт Куддус Мухаммади, переведенный с узбекского Верой Инбер и С.Я.Маршаком. Бать утверждала, что его

творчество, «как всякое подлинное искусство, равно радует и детей, и взрослых».

В августе 1954 г. Л. Бать в составе делегации под началом Н. С. Тихонова отправляется на III съезд писателей Узбекистана. Эфрон удается получить временный паспорт, и в ноябре на деньги Т. Сикорской она отправилась в Москву для ускорения пересмотра своего дела. Повидалась и с Мотолянскими.

Тогда же Наталья Григорьевна Бать, внучатая племянница Лидии Григорьевны, впервые увидела дочь Цветаевой: по дороге на работу она зашла к «пратете» (так Лидия Григорьевна именovala себя в одной из подарочных надписей) и увидела незнакомую и совершенно несчастную женщину. — Ты знаешь, кто это? — спросила Лидия Григорьевна, посмотрев со значением. — Да, откуда тебе знать! — и поспешила вернуться к госте.

Вернувшись в Туруханск, Эфрон пишет Бать письмо 14 декабря: «Лидочка, очень рада была повидать тебя, поговорить с тобой, хоть и не навидалась, и не наговорила». Шлет привет и «Муле», о котором в прежних письмах не было ни слова. С тех пор эпистолярная связь подруг уже не прерывалась. Все недомолвки и обиды были окончательно похоронены.

В письме Эфрон приводится курьезный эпизод с попутчиком, встреченным в аэропорту: «При ближайшем рассмотрении он оказался... следователем, но достаточно притихшим и совсем не страшным. <...> он положил в мою авоську свои ботинки, а потом <...> улетел дальше на север <...> не понимаю, как их расценивать — как невольную кражу или как своего рода компенсацию за всё выстраданное мною от “ихнего брата”?»

Изменилось отношение к ссыльным. Эфрон пишет о Нине Гордон: «Над ней по-прежнему вьётся слава бывшей секретарши “самого” Симонова, и поэтому красноярские писатели на всякий случай к ней льнут...».

ГЛАВА III ОТТЕПЕЛЬ

ЛИРИКА 1955 ГОДА

1954 г. закончился II Всесоюзным съездом советских и сочувствующих зарубежных писателей (15–26 декабря), детально освещавшимся «Литературной газетой». Возможно, именно съезд и годоводные торжества задержали в Москве поэта Виктора Федоровича Бокова, автора целой подборки стихотворений, сохранившейся в бумагах Бать.

Лидии Григорьевне Бать — родительнице этого стихотворения 9.I.55 г.

Расщелина зуб — влюбчивость,
Это в моем роду.
Но в этом деле не лучше ли
Всем уподобиться льду?!

Вот она —
Глаз ее радужен,
Кротость в овале лица.
Стой, не беги!
Она замужем,
Этому нет конца!

Не перелюбишь всех неженек,
Не поцелуешь всех губ.
Вслед посмотри небрежно им,
Пусть себе мимо идут.

Стыну по-зимнему мраморно
Перед тобою, краса.
Вздумаешь, поздно ли, рано ли, —
Этому нет конца!

7-1-55 г.
перрон.

Возможно, ответом на этот экспромт стало недатированное стихотворение Бать, трактующее ту же тему в более идиллическом ключе:

В.Б.

Я сегодня вдруг проснулась
С ощущеньем пустоты.
Мысль тревожно шевельнулась,
Что виновен в этом ты.
Ты забыл дорогу к дому —
Ни приехать, ни придти,
Словно к улице знакомой
Все заказаны пути.
И по телефону даже
Не раздастся голос твой...
Не настроен, не налажен
Наших чувств и мыслей строй.
Но законам дружбы веря,
Знаю — будет день иной,
Распахнув пошире двери,
Ты предстанешь предо мной.
И стихам твоим внимая,
Сердце весело поет:
Никогда разлука злая
Нашей дружбы не порвет!

Л.Г.Б.

Июль и август Лидия Григорьевна провела в латвийском поселке Дубулты на Рижском взморье, где находился Дом творчества писателей. Видимо, в августе к отдыхающим присоединился и Виктор Боков. Нетрудно предположить, что одной из тем разговоров отдыхающих стала Марина Цветаева.

Когда-то Боков с Пастернаком провожал Цветаеву в Елабугу, позже — передавал письма Мура из Чистополя в Москву [ГЭ 2: 18], отсидел срок «за разговоры» (1942–1947) и до весны 1948 г. проработал вольнонаемным в Сибири, пока не перебрался в Калужскую область под Москвой. Переписывался с Платоновым, работал над антологией «Русская частушка» (1950), изыскивая любые возможности напечататься и перебраться в Москву. Пока еще он мало известен, но вскоре прославится текстами песен «На побывку едет молодой моряк» (1958) и «Оренбургский пуховый платок» (1960).

12-м августа (дата отмечает момент дарения, а не создания) помечено два стихотворения, подаренных Бать и написанных ранее. Первое, «Памяти Марины Цветаевой», было написано еще в Чистополе. Приводим в оригинальной орфографии:

Лидии Григорьевне, вспомнившей Марину Цветаеву. Виктор Бокков. 12 августа 55 г. Дубулты.

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Речной вокзал запомнился
В его дорожной дрожи.
В тот миг, как я знакомился,
Хотелось крикнуть: — Боже!
Ты с рук своих сбываешь
На жизнь иль на смерть,
И если убиваешь,
Зачем так наспех?

О, как тогда вы чаяли
Молчанье слов надгробных
Всей скорбью, всем отчаяньем,
Движеньем дуг надбровных.

Смотрели вы на нас двоих
Рассеянно, прощально.
Я помню Пастернак затих
И стало так печально.

Мы оба успокаивали
Надежды сладким снадобьем.
Мы вашу трезвость спаивали,
Чего никак не надо бы.

А люди лихорадочно
Себя в тот день спасали.
И дико, непорядочно
И вас и все бросали.

Шел дождичек и радуга
Сводила мост горбатый.
К вам близилась Елабуга
С своей страшной датой.

Когда вкрутую сварится
Заваренная каша,
С плеч спасшихся не свалится
Такая смерть, как ваша!

Другое стихотворение:

Лидии Григорьевне на память о знакомстве в Дубултах и радости
Узнавания душ. 12 августа 55 г. *Виктор Боков.*

В ком сердце черствое,
Заметит ли оно,
Что небо
В землю влюблено?

Нагнется ли
Над первою травой,
Как над дитём,
С раскрытой головой?

Подымет ли пчелу,
Что вымокла в пути,
Чтобы сказать:
Обсохни и лети?

Нет!
Сердцу черствому
Все это не дано —
Собой живёт,
Собой умрёт оно!

Сохранилось два текста, помеченных 30 августа. Видимо, в этот день Бать покинула Дубулты. Приводим подряд:

Л.Г.Бать.
Милая, милая, милая Бать,
Буду Вас помнить и буду Вас ждать!

Л.Бать.
Как тихо, почти незаметно увянула астра
На вашем столе, где стихи, и статьи и Золя,
Присядем. Чуть-чуть погрустим и пора собираться,
Поэзия жизни проходит, стеной обступают дела.
Опять окунетесь в московский людской муравейник,
А он солонее и суетней рижской волны,
Но если удастся — держите равнение
На дни с вечерами, в которых мы были вольны!

Там же 7 сентября написано и следующее стихотворение:

Л.Г.Бать.

Раздариваю строчки, как янтарь,
Из пригоршни рассыпав ассонансы,
Усердней, чем былых времен гончар,
Леплю свои словесные фаянсы.
Я верю, что для этого возник,
Как самоцвет, как радужные дуги,
Как тот, в тени пробившийся родник,
К которому спешат напиться люди.

1 декабря Боков заходил к Бать домой, но, не застав хозяев дома, оставил письмо, написанное крайне неразборчиво: «Я хотел прочесть последнее, ночное <...> Выступал в доме офицера и дал бой Жарову <...> Просьба моя: завтра в 6 часов вечера (2 декабря) на бюро секции поэтов разбирается вопрос о издании книги моих стихов заступитесь как коммунист». Бать была беспартийной, но сборник Бокова «Яр-хмель» через три года вышел.

Заканчивает цикл боковских посвящений Бать особняком стоящее новогоднее поздравление (от 31 декабря 1955 г.):

Дорогие, Лидия Григорьевна и Самуил Ефимович! Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам очень немногого в 1956 году:

100% здоровья

Новой квартиры

Тиражей в пять этажей!

Фсе!

Доктор фольклорных наук,

Фельдшер литературоведения,

сборщик грибов,

ловщик рыбы,

балалаечник,

Гитарист,

гармонист,

огородник,

Поэт,

Прозаик,

И просто знакомый Вам Виктор Боков <...>

Адрес отправителя: Бесквартирная улица, Надеждинский переулок, дом строится, квартира будет Боков.

Поэтический диалог с Боковым не нашел отражения в переписке с Эфрон, которая ждала писем, но сама писать не спешила: получив в начале декабря открытку с обещанием большого письма, она не сочла ее поводом для ответа (если ответом не было то письмо от 14 декабря 1954 г., которое мы уже цитировали).

3 февраля 1955 г., не дождавшись «большого письма», Эфрон упрекает подругу, замечая, что за два месяца «можно создать даже довольно приличную повесть». Сама она излагает историю своего противостояния с отделом агитации и пропаганды, отчасти известную по очерку А.А.Федерольф-Шкодиной «Мироедиха». Спор касался применимости эпитета «народный» к понятию «блок коммунистов и беспартийных»: инструктор допускал только эпитет «нерушимый», но был опровергнут ссылкой на журнал «Крокодил». Письмо дышит оптимизмом, отчасти внушенным карьерным возвышением Симонова, вернувшего Нину Гордон к себе на секретарскую работу (шолоховская критика Симонова на съезде СП, естественно, квалифицируется как «безвкусица и хамство»).

Бать отвечает оперативно. Предлагает разнообразную помощь и спрашивает о впечатлении, произведенном другими ораторами II съезда, о встрече Эфрон с Эренбургом по поводу пенсии А.И.Цветаевой и о перспективах.

Эфрон отвечает 23 февраля, еще не зная, что уже 19 февраля ее приговор был отменен, поэтому о планах ничего рассказать не может, но может рассказать о шамане — зам. председателя одного «национального колхоза»: «Он успешно практикует по совместительству и плюс к тому отличный охотник!». Об Эренбурге, также раскритикованном Шолоховым, отзывается не без иронии: «Он был очень мил, обещал мне помощь, впрочем, какую и в чём, осталось неизвестным и ему, и мне. Он подарил мне “Оттепель”, семена голубого эвкалипта и еще какие-то пилюли от тошноты на самолёте. Последние — действительно чудодейственные».

Подробнее всего в письме характеризуется сам адресат: «Ты для меня — кусок моей молодости и счастья»; «У меня к тебе особое, какое-то милое-милое чувство, нежное и сердечное. Я всегда любила в тебе смесь юмора, порядочности, наивности, осторожности, такта, непосредственности, таланта и... ограниченности. Милая моя, я сама знаю, что эта “ограниченность” произведет на тебя впечатление, как говорят французы, “волоса в супе” <...> Дело в том, что, как мне всегда казалось раньше, ужасно ограничивал тебя Дейчик <...> Эта маленькая ходячая энциклопедия в больших очках сделала тебя литератором “малых форм” <...> Мне очень хочется, чтобы ты написала что-то хорошее своё, а не о ком-то и чём-то,

опирающемся на дейчевский метод изысканий по проверенным источникам».

Ответное письмо Бать тоже содержало какие-то откровения в адрес Ариадны, которую Бать сравнила со своей детской подругой. Возможно, речь шла о некоей Кате, 7 июня 1917 г. написавшей открытку с американской танцовщицей: «Свинья! Ведь ты сказала, что напишешь первая!»

24 марта Ариадна Сергеевна поблагодарила ее за письмо: «Очень жаль, что я напомнила тебе маленькую нахалку — твою подругу детских лет. <...> мы не только знакомы, но и очень близки <...> так бесхитростно и доверчиво, как могут быть только родные люди».

С тем же настроением 30 марта Эфрон сообщает и о снятии судимости: «Спасибо же тебе за твою дружбу, за то, что ты всегда ко мне относилась неизменно тепло в очень тяжёлые, беспощадно-несправедливые времена. Именно тебе, милому, осторожному человечку, который всегда очень честно и искренне “слушался старших” и, тем не менее, сохранил чистое и доброе сердце».

20 апреля Эфрон живописует «сумасшедшие» сборы перед отъездом: «А собаку-то, собаку-то бросить! Такую милую, верную, красивую и умную собаку, которая решительно всё понимает, настолько, что иногда приходится говорить по-французски!»

Бать прислала все, что просила Эфрон для себя, подруги и драмкружка, объяснила, где требовать денег в Москве и как искать работу. Письмо пришло 9 мая — Эфрон откликнулась сразу: «Ужасно милые твои весточки, какие-то сразу добрые, лукавые, чуть-чуть назидательные и необычайно *свои* <...> Что-то нас с тобой роднит очень чистое, простое и вместе с тем волшебное, а такими бывают именно *детские* дружбы!» Идея воспользоваться авторитетом матери («ходить в дочерях») ей не понравилась, но в своем призвании она уверена: «Ты спрашиваешь, что бы я хотела больше всего делать? Конечно, писать, и только писать».

Эфрон с А.А.Шкодиной выехала из Туруханска 4 июня 1955 г. Через два дня они прибыли в Красноярск, где подруга осталась дожидаться реабилитации. 13 июня Эфрон была уже в Москве, где успела повидаться с Мотолянскими до упомянутой поездки Бать в Дубулты.

30 июня, не зная об отъезде подруги, Эфрон шлет ей открытку на московский адрес: «Лидя, дружок, я никак не могу до тебя дозвониться <...> Я всё время брожу по прокуратурам — за папу и за Аду хлопоту. <...> А главное — разбираю мамини рукописи. <...> Вот мы и встретились с нею вновь. И я, живая, нема в этой встрече — говорит только она».

Вскоре телефонная и почтовая связь налаживается, но следующее

письмо помечено уже 10 августа, а писем Бать мы не знаем вовсе. Ее жизнь в Дубултах известна нам только по стихам Бокова и ее письму к Дейчу: «Дорогой Дейчик! <...> Здесь тебя вспоминают, и имя твое нередко произносится. <...> С нежностью говорит о тебе Ниночка [Н.А.Бать — *P.B.*], а ее сына ты бы охотно потискал, до того он толстый и вкусный. Муля бы просто от него не отходил и даже изменил бы с ним старухе — Муре [кошка — *P.B.*]. <...> Общаюсь иногда с Волькенштейном⁵, который дал мне прочитать очень интересное описание игры Качалова в сцене монолога-диалога — Иван Карамазов и Чорт. Качалов четыре вечера подарил ему, играя в замедленном темпе эту сцену, чтобы он мог зафиксировать все жесты и интонации».

До возвращения из дома творчества Бать получила три письма Эфрон (от 10–25 августа), переполненных новостями московской жизни. Важнейший лейтмотив в них связан с матерью: «Живу двойной жизнью — днём бываю там и сям, <...> а ночью сижу с маминскими рукописями. Вместо того, чтобы хладнокровно разбираться в них, только и делаю, что читаю, и плачу, и хватаюсь за голову»; «Столько переписала мамино <...> что рука болит, мозоль набила». Эфрон берется за составление посмертного издания Цветаевой. И для этого просит помощи Эренбурга. Посредником должен стать чтец Д.Н.Журавлев, ученик Е.Я.Эфрон, тот зовет Ариадну на выставку картин из Дрезденской галереи, которые вот-вот вернутся в Германию: «Вместо свиданья с И.Г. [Эренбургом] он устраивал мне свиданья с Сикстинской Мадонной и “Динарием кесаря”»; «Читала ли ты возмутительные стихи Маргариты Алигер в “Литературной Газете” — о Сикстинской Мадонне?» Стихотворение Алигер называлось «О красоте» (1955):

По всей земле, во все столетья,
великодушна и проста,
всем языкам на белом свете
всегда понятна красота.
Хранят изустные творенья
и рукотворные холсты
неугасимое горенье
желанной людям красоты.
Людьми творимая навеки,
она понятным языком
ведет рассказ о человеке,
с тревогой думает о нем
и неуклонно в жизни ищет
его прекрасные черты.

Чем человек сильнее и чище,
тем больше в мире красоты.

И в сорок пятом, в сорок пятом
она светила нам в пути
и помогла моим солдатам
ее из пламени спасти.

Для всех людей, для всех столетий
они свершили подвиг свой,
и этот подвиг стал на свете
примером красоты земной.
И эта красота бездонна,
и безгранично ей расти.

Прощай, Сикстинская Мадонна!
Счастливого тебе пути!

Едва ли Лидия Григорьевна могла понять причину возмущения подруги. С точки зрения советской эстетики тут не было никаких особых погрешностей. Эфрон так прокомментировала свою оценку: «Стыдно писать такую белиберду, и нахально — печатать! Я к ним дописала конец:

Пишите всё и всё грешите!
Мадонна всем простит грехи...
И даже грешной Маргарите
Её сикстинские стихи.

Прочти всё вместе — неплохо получается. — Нет, но завершить стихотворение словами:

«Прощай, Сикстинская Мадонна
Счастливого тебе пути!» —

это же вроде:

«Лети, голубь мира, лети, голубь мира,
Ни пуха тебе, ни пера!»

Чорт знает что за дура эта самая Маргарита!»

Еще больше досталось Полю Элюару, которого Н.Н.Вильмонт предложил перевести для «Иностранной литературы»: «Стихи —

бред сивой кобылы». И это мнение сложилось давно, еще в ту пору, когда Элюар «наводнял маму своими ужасающими книжками с ужасающими под-пикассовскими рисунками». На увещевания Бать («ты пишешь насчет чувства такта и выдержки по отношению к Элюару») Ариадна отвечает категорично: «...когда Вильмонт дал мне прочесть Элюаровское “URSS — seule promesse” и спросил — “как Вам нравится”, я ответила: “по-моему — ужасно!” <...> третьего сорта в искусстве не терплю — ни наглой белиберды нашей Сикстинской Мадонны, ни Элюара, ни — имя им легион. <...> мне за последнее пятидесятилетие хватит перечитывать Маяковского, Пастернака, Цветаеву, Багрицкого — ну, и “Василия Теркина”».

Пастернак дал ей прочесть рукопись «Доктора Живаго» и подтвердил мнение о себе: «Это — единственный человек на всём белом свете, который с лёгкостью необычайной ставит меня с ног на голову, т.е. с тех ног, которые в наше время принято считать головой. <...> я люблю его всю жизнь самой светлой и самой коленопреклоненной из всех своих любовей».

Переводы из Элюара все же были сделаны (машинопись сохранилась в архиве Бать), но до печати не дошли.

Мысли Эфрон заняты книгой матери и возобновившимися отношениями с семьей. Жизнь подносит приятные сюрпризы: «Я нашла в букинистическом⁶ магазине очень интересную книгу про своего двоюродного деда⁶ — мамино дядю — и там про моего прадеда есть!» Но случаются и огорчения: кухни (дочери Анны Яковлевны Эфрон-Трупчинской) ссорятся, и одна для другой «вызывает карету скорой помощи, как для буйно-помешанной». Не без кокетства общается: «Приехал двоюродный брат Кот (сын Веры Яковлевны Эфрон), из экспедиции, где ловил каких-то тушканчиков. Теперь по телефону ловит меня, но я не даюсь». Все это скрашивается общей эйфорией, излившейся стихами после двух дней на даче «у тётки Лили». Стихи явно навеяны элегической идиллией Марины Цветаевой («В огромном липовом саду...») (1914):

И вот, в саду старинном,
Как в самом раннем детстве,
С лукошком за малиной
Пошла я по соседству.
Сияли в отдаленьи
Платки и платья женщин,
Таз медный для варенья,
И солнце — чуть поменьше.
Всё было неизменно

Иль началось сначала,
И времени — как сцены —
Я чувство потеряла.

Ариадна даже спровоцировала ревность подруги, шутливо объединив себя с Мотолянским и его кошкой: «Целую тебя, поправляйся, в смысле, худей <...> А мы тебя ждём — Мулька, и Мурка с потомством, и я!» Видимо, Бать отыгралась какой-то библейской реминисценцией, за что и получила от подруги реприманд: «Одного и того же юношу мы с тобой в древнем Египте *не* любили. <...> поклонялись одному и тому же богу и гадали по одним и тем же звездам. <...> у каждой был свой особый Муля <...> И мы это блестяще доказали».

После встречи надобность в письмах отпала, и эпистолярная лирика 1955 г. на этом закончилась, если не считать, что 15 сентября Мотолянским было составлено приглашение в Болшево на дачу к Е.Я.Эфрон.

В конце года об узах старинной дружбы Лидии Григорьевне напомнил еще один бывший узник ГУЛАГа — Виктор Гроссман. После второго «срока» (1948–1955) он восстановился в СП и вернулся в Вологду, где заканчивал роман о Пушкине «Арион», начатый еще в лагере: «Рукописи отбирали, уничтожали, но он упрямо начинал работу заново...» [Подольный 2004]. Бать помогала ему с решением жилищных дел, присылала книги для работы в пединституте, читала рукописи, рассказывала о ноябрьской встрече с Чуковским (в Переделкино) и с другими общими знакомыми.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА» И «ВЕЛИКОЕ ПРИЗВАНИЕ» (1956–1958)

1956 г. был годом осуждения культа личности и подавления венгерского восстания. В этом году Бать печатает в «Звезде Востока» переводы с узбекского (с подстрочника) и получает в подарок книги, по которым мы можем судить о ее дружеских и культурных контактах.

В.Левик дарит ей книгу «Из европейских поэтов XVI–XIX вв.» с надписью: «Лидочке и Самуилу Ефимовичу очень дружески и сердечно от автора-переводчика этой книги. 14/VII 1956». А в конце года Всеволод Азаров преподносит «Свет маяка»: «15/XII Милой Лидии Григорьевне, подруге моей юности, с черноморским приветом Вс.Азаров».

Б.Песис дарит «Пьеретту Амабль» Р.Вайяна со своим послеслови-

ем и упреком: «Дорогой Лидочке, не подарившей мне своей книжки, от непомнящего зла Б.Песиса 10/VII-56». Видимо, речь о «Саде жизни» под редакцией Е.Э.Бертельса и с иллюстрациями В.Алфеевского [Бать 1956]. В.А.Гроссман тоже слышал об этой книге по радио в доме отдыха ТАСС и попросил прислать ему экземпляр.

30 октября Бать получила от него большое письмо с рецензией на «Сад жизни»: «[Книга] мне очень понравилась. Написана культурно, с чувством меры и очень занимательно. Хорошо поданы исторические факты и во время их сменяет вымысел или тактичное рассуждение. Соблюден *couleur local*⁷. Словом, я мог бы, не кривя душой, найти в твоей работе еще много достоинств. Но в ней есть один главный недостаток — эта книжка ниже тебя. <...> ты могла бы создать нечто более значительное, а главное, более полно выражающее твоё отношение к жизни и к людям. <...> Такие книги, конечно, нужны, но они так же отличаются от художественных повестей, как методические пособия от критических статей Белинского. И Толстой писал в таком жанре, но и он не создал ничего замечательного в этом роде. Потому что здесь писатель смотрит не столько вперед и вглубь, сколько оглядывается. Не убежал ли он далеко от своего юного читателя. А писать надо как дышать, чтобы не было заметно отдышки».

Он советует сменить тему: «Отчего тебе не написать <...> о поэтах нашего дня: об их индивидуальностях, исканиях, ошибках, достижениях, <...> о тех прохоженных путях, на которых они порой бесплодно топчутся. Теперь уж можно говорить и об условиях, в которых протекало их творчество». 24 декабря он извещает Бать о завершении первого тома «Ариона» и начале работы над вторым.

16 июля 1956 г. Ариадне Эфрон удалось, наконец, заключить с директором Гослитиздата А.К.Котовым договор на издание сборника Цветаевой «Избранные произведения» [Мнухин 2003: 256], а в августе она отправилась с А.Шкодиной на тарусскую дачу Валерии Ивановны Цветаевой, чтобы записать ее воспоминания и «зарисовать то, что в Тарусе еще сохранилось от времен маминого детства» [Эренбург 2006: 320]. 5 августа она информирует Бать: «Живем, как боги! — Таруса и остатки твоего шоколада. <...> Все понятнее и ближе становятся здесь истоки маминого творчества, вскормившая и убившая ее Россия». Сохранился флигель, где жила Цветаева, и дом хлыстовок в яблоневом саду, и лабаз, где «торговал мукой бородастый хлыстовский Христос» из цветаевского очерка «Хлыстовки». Тетка Валерия была «мила, добра, приветлива» и в итоге подарила племяннице полосу земли под дом.

Первой цветаевской публикацией за долгие годы стала подборка стихов во втором выпуске альманаха «Литературная Москва»⁸

(вторая подборка — в альманахе «День поэзии», 1956). Альманах был задуман в 1955 г. Казакевичем и Кавериним, заразившими своей идеей Алигер, которая страстно желала «вытащить из забвения Цветаеву и Заболоцкого» и напомнить «о существовании великой Ахматовой» [Огрызко 2009]. К редколлегии присоединились А.А.Бек, К.Г.Паустовский (сосед Эфрон по Тарусе), В.Ф.Тендряков, А.К.Котов (с которым Эфрон подписала договор) и др.

Семь стихотворений Цветаевой и статья Эренбурга, написанная как предисловие к ее тому, понравились не всем. Чуковский записал в дневнике 30 декабря 1956 г.: «Была у меня Маргарита Алигер, принесла в подарок “Литмоскву”. <...> Гвоздь — стихи Заболоцкого. “Старая актриса” чудо <...> Записи Олеси претенциозны, Цветаева то очень хороша, то ужасно плоха <...> Самая умная статья в «Лит. Москве» — Александра Крона о театре» [Огрызко 2009; Чуковский 1995: 245].

В третий том альманаха Пастернак предлагал «Доктора Живаго»: его отклонили, но это не спасло издание от разгромной критики. Несмотря на «оттепель» (в 1957 г. депортация народов повернулась вспять), заметка Д.Еремина в «Литературной газете» (5 марта) стала приглашением к травле. Сначала Алигер и Казакевичу досталось от К.Федина на пленуме правления Московского отделения СП, а затем и от Хрущева, который 19 мая 1957 г. заявил, что в альманахе «протаскиваются чуждые нам идеи» и «в базарном тоне <...> при всех накричал» на Алигер [Огрызко 2009]. В июне темпераментного вождя пытались сместить с занимаемой должности, но вместо этого из Президиума ЦК были исключены В.Молотов, Г.Маленков, Л.Каганович и «примкнувший к ним» Д.Шепилов.

В конце августа 1957 г. Эфрон сообщила Бать о том, как подавлены гонениями Паустовские. Решалась судьба третьего выпуска: его пытались спасти, изменив редколлегию, но ее «утвердили в прежнем составе, изгнав... Тендрякова!» и добавив еще «четверых товарищей» разного качества. «Но сам журнал ни с места, тянут, берут измором, сводят на нет».

В начале октября, на фоне бурных восторгов по поводу запуска первого спутника, Алигер публично признала свои ошибки на собрании московских писателей. «Нет, она явно не Данте, она “другой”; настоящий Алигьери не любил каяться!» — записала в дневнике Л.Чуковская [Чуковская 2: 272]. Были запрещены и третий выпуск альманаха, и уже подписанная к печати книга Цветаевой.

Несмотря на «происки реакции», публикации 1957 года сделали свое дело, и заметным индикатором этого стал отзыв Валерии Цветаевой, еще больше потрясенной рукописью пастернаковского очерка «Люди и положения»: «Она вдруг (!) страшно заинтересо-

лась маминой поэзией, — писала Эфрон, — и чувствует себя <...> вроде чеховской “попрыгуньи”. “Неужели Марина”, — спрашивает она меня, — “действительно написала какие-то значительные вещи?”».

Бать, вовлеченная во все эти перипетии, волновалась и за книги Бокова и Гроссмана. Боков подарил ей 19 марта сборник Смелякова («Строгая любовь») «за неимением своей книги», а с «Арионом», сданным в «Советский писатель» возникли проволочки, и теперь судьба его зависела от рецензентов, из которых самым надежным автору казался К.Зелинский.

Бать переводит Мумтоза Мухамедова, рецензирует «Священную кровь» Айбека («Дружба народов», 1957, № 11), работает над повестью о М.С.Щепкине и никому не признается, что ей уже шестьдесят. Да никто бы и не поверил. Зато юбилей мужа был отмечен почетным приемом в Союз советских архитекторов (7 февраля 1957 г.).

10 июля Эфрон с подругой зовут ее в Тарусу, где строится новый дом: «Если Муля придет, будет чудесно <...> Целуем вас!» Три недели спустя она встречает гостей в Серпухове, но безрезультатно. В Москву летит открытка: «Мисюсь, где ты?» Потеряла ее и Е.Стасова, сообщавшая письмом в Дубулты (19 августа), что Фаничка Хайкинсон организовала ей чтение газет, собрав «группу товарищей из всех, кроме испанской, редакций “Советской литературы”»: «Все это очень милая публика <...> я как-то лучше справляюсь со своими нервами, которые одно время выскользнули из моих рук».

Где Бать скрывалась от старой большевички, неизвестно, но Эфрон ей позднее писала: «Ужасно жаль, что такой прелестный август так неудачно прошел для вас с Мулей — в тесноте и духоте! Куда собирается Муля на отдых, и, главное, как он себя чувствует? Наверное, ослаб очень от такой длительной истории...» Не радует самочувствие и автора письма: «Несколько дней просидели дома, питаюсь старым (подкожным!) жиром». Все же встретиться удалось: и в Тарусе, и затем — в Болшево 18 сентября (именины Е.Я.Эфрон и день рождения ее племянницы). В октябре Эфрон благодарит Бать за подарки и «тысячелетнюю» дружбу.

Мотолянские получили новую квартиру: на ул. Черняховского, д. 4, седьмой подъезд, третий этаж, рядом с Апушкиными. Там же на седьмом этаже поселились Дейчи, Александр Иосифович и его жена Евгения Кузминична. Ю. Либединский с двухнедельным интервалом подарил новоселам два переиздания своей повести «Неделя» (1922). Первое сразу по приезде: «Милым новоселам Лидии Григорьевне и Самуилу Ефимовичу это старое, но грозное оружие <...> 24/XI 57».

Ровно за день до этого в Милане вышел «Доктор Живаго», и уже

почти год как было объявлено о начале строительства коммунизма. Ушло выражение «враг народа», лагеря сменились «колониями», смертная казнь почти вышла из употребления, сроки заключения сжались, а возраст уголовной ответственности повысился.

В феврале Эфрон отправилась в Павлодар, к ожидающей реабилитации А.И.Цветаевой, не забывая делиться путевыми впечатлениями: «Недохват мужчин (я имею в виду, в купе) имеет свои весьма ощутимые преимущества — никто не играет в “козла”, не свешивает ноги сомнительного качества с верхних полок и не поднимает вопросов труда и зарплаты». Странница и в дороге заботится о подруге: «Не слишком поддавайтесь игу неверных, я имею в виду узбеков. Оставляйте же немного времени для прогулок, принятия и отдачи пищи и прочих культурных мероприятий! А ты, Мулька, держись, как только можешь, а то тебя узбеки и айбеки захлестнут с головой!»

31 марта уже из Тарусы Эфрон благодарит за телефон дантиста, шлет приветы Нине Бать и поцелует Муле с котом, сообщая, что домик в Тарусе, который строится на гонорары от переводов («Гоню в хвост и в гриву китайцев и помогаю немного Аде с ее англ<ийским> переводом»), почти готов.

В мае «узбеки и айбеки», действительно, взяли свое: не дождавшись звонка швейцарского кузена Жюля Куинджи, Бать отправляется в Ташкент⁹, оставив мужа наедине с «тигром бесхвостым». Эфрон и Нина Бать шлют ему сочувственные письма.

Эфрон пишет, машинально проставив на конверте инициалы Гуревича — С.Д.: «Муля милый, как-то Вы там переносили эти тропики? <...> Удавалось ли Вам хоть за город выезжать в жаркие дни или приходилось, как Лида “приказала”, сидеть у телефона, обмахиваясь веером, и ждать звонков кузена-швейцара? <...> Я совершенно одурела от труда умственного, Ада — от физического, а Арктика, сменившая тропики, тоже не радует».

Нина Бать 3 июня зовет на Рижское взморье: «То-то ты наслаждаешься кошками в одиночестве! Неужели и летом ты их держишь взаперти? Приезжай! Здесь миллион кошек, и все приходят в наш садик».

С 1 июля 1958 г. Мотолянский вышел на пенсию. Бать отказалась ехать в Валентиновку на общую с Дейчами дачу и стала подыскивать место в Тарусе, хотя Гроссман звал ее в Вологду. Но и к Эфрон она не поехала, несмотря на обещанные мир и спокойствие (21 июля): «У нас — не то, что в мире, — все без перемен <...> Главное, что как раз к ливанской истории испарились решительно все денежные “запасы”, и поэтому самочувствие слегка тревожное...» Издательские дела у Эфрон лучше, чем у Гроссмана: «На днях вновь “зашевелилась” машина книга в положительную сторону».

Возможно, с Эфрон Мотолянские повидались в сентябре: сохранился талон почтового перевода с приглашением на традиционный праздник 18 сентября: «Художеств<енная> часть — Болотин и Сикорская».

23 октября шведская академия присудила Пастернаку Нобелевскую премию, и тайная возня вокруг романа перешла в открытую фазу, превратившуюся в самый громкий скандал едва ли не за всю историю русской литературы. Физически Пастернак тогда не пострадал, но моральный урон понесла вся русская литература, подавлявшая стадному чувству и осудившая зарвавшегося гения, видимо, оправдывая себя тем, что советская власть еще никогда не была так либеральна. Грязь, вылитая на Пастернака с 25 октября по 6 ноября, замарала несчетное число репутаций, в том числе многих знаковых Бать конструктивистов: Инбер, Сельвинского и Зелинского, заявившего, «что произнести имя Пастернака на собрании прогрессивных писателей — все равно что издать неприличный звук в обществе» [Емельянова 1997: 121].

Эфрон непосредственно участвовала в составлении письма Пастернака к генсеку с просьбой не высылать его за границу. Что делала Бать во время всесоюзного шабаша, мы не знаем. Но в октябре она была в Ташкенте, а в конце ноября болела гриппом. Возможно, ей удалось уклониться от позора.

Похоже, что и Гроссман от пастернаковской темы в Вологде абстрагировался, тем более, что главные надежды он возлагал именно на К.Л.Зелинского, который оказал ему действенную помощь. Он жалуется на Д.Благого, который не спешит с рецензией на его роман, и еще больше на Г.П.Шторма, который попенял ему на «излишний натурализм» и слабость «общественных мотивов»: пришлось вносить правку, чтобы «даже такой невежественный читатель, как Шторм, разобрался бы». Сомнения коснулись даже названия, имевшего для Гроссмана и личные обертоны, не говоря уже о важном для романа декабристском подтексте.

К 20 апреля был уже почти закончен второй том, на который автор возлагал большие надежды: «В нем интереснее и богаче материал, огромное количество вещей или совсем неизвестных или очень мало известных даже осведомленным читателям. Много места уделено декабристам, особенно Пестелю и Н.Раевскому и эволюции политических настроений Пушкина. Кое-какие достижения мне видятся и в чисто художественном отношении»; «Исследователи <...> очень плохо разобрались с одесским этапом жизни Пушкина. Я надеюсь заполнить этот пробел».

В восторге от романа и давний друг Гроссмана Давид Ионович

Постолов («соузнник» Гроссмана по Каргопольягу), и отчасти Бать, которой автор пишет с гордостью: «Меня очень обрадовала твоя реакция на главу “Игра”. Даже Г.Шторм назвал эту главу “мастерской”».

Получив «прекрасный отзыв Зелинского», Гроссман собирается отдать книгу в «Советскую Россию». 1 мая он пишет письмо, полное энтузиазма и творческих планов, среди которых — «написать книгу о русских судебных ораторах и указать на связь адвокатуры и литературы»: «Судебное красноречие, как искусство слова, почти не подвергалось до сих пор серьезному анализу ни с точки зрения метода, художественных приемов, диалектики, языка и т.д. <...> Интерес же широкого читателя к этой теме доказывается тем, что вышел сборник избранных речей русских судебных ораторов и он за короткое время вызвал два издания с учетверенным тиражом. А книжонка дрянная!»

Будучи профессиональным юристом, он уже написал книгу «Дело Сухово-Кобылина» (1936), в которой снял с писателя обвинение в убийстве его любовницы Луизы Симон-Диманш. Он хочет вернуться к биографии А.Сухова-Кобылина и написать книгу для юношества о Крылове.

Однако издательские дела не клеятся, и Гроссман начинает подозревать, что от него ждут взятки. 15 июля он не только зовет Бать в Вологду, но и жалуется на то, что она «отбила» у него друга Постолова, потеряв интерес к его литературным делам. Действительно, Бать, готовящая повесть о Щепкине, была в восторге от Постолова, тесно связанного с русским театром. В письме от 19 августа Гроссман едва ли не ревнует к другу, пеняя на то, что Бать не дала ему прочесть книгу о Щепкине в рукописи: «Я довольно хорошо знаю и его биографию и творческий метод и недостатки и нравы кулис».

18 сентября Гроссман сообщает о благоприятном отзыве Зелинского на второй том и начале работы над третьим томом «Ариона». 26 декабря, уже после пастернаковской травли, сообщает: «Корнелий Люцианович написал мне открытку, в которой предрек успех моему роману, советовал его продолжать и обещал, что будет настаивать на издании книги». Он напоминает Бать, что ему исполнился 71 год и с публикацией следует поспешить. Увы, книга вышла только к его 80-летию.

Бать была ровно на десять лет его моложе, но и ею, несомненно, двигали схожие мотивы. И хотя успех и значение ее книги несопоставимы с успехом и значением «Доктора Живаго», книга о Щепкине оказалась ее вершинным произведением.

Бать использовала записки самого Щепкина, и не стала доводить

жизнеописание актера до его кончины, а выбрала сюжетно приемлемый кусок, оставив своего героя на самом пике карьеры. В третьей части вводится новая героиня — дочь Щепкина, чья блестящая артистическая карьера обрывается на взлете. И этот контраст двух судеб, отца и дочери, придает финалу трагическую глубину. На последней странице романа Щепкин читает книжечку «Кобзарь» пока неизвестного ему автора. Тем самым проводится линия к уже написанной повести о Шевченко, для которой «Великое призвание» служит по существу предысторией. Книги составляют дилогию, объединенную общими героями: Котляревским, семейством Репниных, Щепкиным и многими другими. Они сплетаются и фабульно, и тематически: обе рассказывают о восхождении одаренного раба к свободе и вершинам искусства в условиях дореформенной России, тематически связывают театр и литературу, Украину и Россию. Тридцать лет зрел этот замысел и, наконец, получил воплощение.

Книга вышла в конце года с посвящением: «Светлой памяти дорогого друга Александра Геденовича Бать». Так писательница отметила утрату дяди (1872–1954), тоже москвича, а в прошлом — казанского адвоката и защитника бедноты, прозванного за красноречие «волжским соловьем».

Рецензии на «Великое призвание» стали появляться уже в следующем году (О.Грудцовой, И.Айзенштока, А.Громовой, на переиздание позднее откликнулся П.Краснов). И.Айзеншток писал («Звезда», 1959, № 11): «Л.Бать не могла <...> не использовать такой содержательный и правдивый источник, как автобиографические “Записки” Щепкина, начатые по настоянию Пушкина. <...> Но при этом Л.Бать многое “примыслила”, “сочинила”. Однако ее домыслы всегда основаны на тщательном, почти придирчивом изучении материалов». Рецензент считал, что «сюжет книги исчерпывается с концом второй части: естественным его завершением оказывается окончательное освобождение знаменитого уже актера из крепостной неволи, а затем приглашение его в Москву, на сцену Малого театра. Третья часть <...> безмерно затянувшийся эпилог, где автор только спешит упомянуть о знакомстве и дружбе великого актера то с одним, то с другим знаменитым русским писателем, поэтом, ученым, общественным деятелем. И это несколько снижает общее благоприятное впечатление от повести, которую с интересом прочтут и юные, и взрослые читатели».

Как кажется, и этот «волос в супе» не помешал Бать энергично продолжить работу: она взялась за «третий том» своей биографической серии — повесть об актрисе щепкинской школы Полине Стрепетовой.

ТАРУССКИЙ КРИЗИС И ССОРА РЫЛЬСКОГО С ПАУСТОВСКИМ (1959–1960)

От Стрепетовой постоянно отвлекали дела: рецензия на «Узбекские рассказы» (1958) для «Дружбы народов» (1959. № 2), декада искусства и литературы Узбекистана, юбилей Хамзы Хакимзаде Ниязи¹⁰. Гвоздем декады стала постановка оперы «Зайнаб и Омон» на либретто поэтессы Зульфийи — по мотивам поэмы покойного Хамида Алимджана: обоих супругов Бать хорошо знала по ташкентской эвакуации.

Тотальная занятость спровоцировала и «тарусский кризис» в отношениях с Эфрон. Еще в марте «Ада произвела глубокую разведку» и нашла Мотолянским дачу в непосредственной близости «от нас и Левика», «волшебных рощ, полей, лугов и прочих горизонтов», а также автобусной остановки (брать тарусские холмы — «занятие утомительное даже для любителей умеренного альпинизма»). Но уже 15 мая начались сетования: «Старуха <...> боится, что ее водят за нос, что останется она с несданной дачей и с сомнительной сотней рублей в кармане». Явление Мотолянского с 200 руб. задатка ситуацию не спасло: гонец через день вернулся в хозяйских байковых штанах фисташкового цвета, а Бать так и не явилась, сославшись на занятость.

Эфрон негодовала: «Милая Лида, хоть твое письмо и является шедевром инженерного искусства, но факты остаются фактами: о том, что работу тебе нужно сдать в срок, ты знала, по-моему, и до последнего дня мая? <...> И то, что мы <...> в дураках оставили старуху <...> тоже остается фактом <...> попроси Шуру переслать мне вещи, взятые для маскарада Мулей. <...> О прочих предметах туалета умалчиваю, чтобы не уязвить мужскую гордость твоего супруга». Подпись — «Аля» (вместо обычного «Твоя Аля»).

Бать порывалась приехать, чтобы загладить вину, но визит пришлось отменить из-за явления А.И.Цветаевой, которая оказалась «главой Дантова Ада». Только к сентябрю тон переписки подруг стал дружелюбнее, но и тогда встреча не состоялась: традиционный «фестиваль» пришлось отменить «по соображениям высшего материального порядка». Навалилась работа: «Мариво, и Арагон, и Тагор, и всякие прочие шведы». Огорчало и то, что издание Цветаевой вновь забуксовало.

Сами Мотолянские получили в сентябре подарок — прошлогодний сборник Бокова «Яр-хмель» и как могли поддерживали впадающего в отчаяние Гроссмана, который писал: «Ожидание этих дней тяжелее месяцев и даже годов “нормальной” неволи».

Книгу ему пришлось переделывать, устранив, в частности, все «упоминания об эротике Пушкина». Он связывает задержку с «грязными побуждениями» рецензентов и скандалом из-за фантазии Б.Иванова «Даль свободного романа» (1959), вводящей в псевдо-историческое повествование «живых» героев Пушкина: Онегина, Татьяну, Ленского и т.д. По мнению Гроссмана, это «труд, художественно беспомощный и научно ничтожный».

Не нравится ему и прогремевший роман Дудинцева «Не хлебом единым» — о рационализаторе, посаженном при Сталине за «вредительство». Следуя конъюнктуре, автор «выдумывает врагов положительному герою». Но «искать надо не положительного героя <...> а положительное в героях»; «можно героически трудиться и быть сухим эгоистом <...> проявлять огромные дарования <...> и быть бабником и пошляком».

Гроссман сетует на догматизм критики: «Не хочу называть их имен, но кроме Мейлаха не знаю никого, кто был бы свободен от вульгарного социологизма». Сила Б.С.Мейлаха в «марксистской методологии», которая «ведет к прогрессу во всех областях и технических и моральных, несмотря на слабость и обыденность людей, которые являются типичными деятелями сегодняшнего дня».

Не теряя оптимизма, он предлагает Бать написать что-нибудь вместе, «например, юношескую повесть о Крылове», а 10 октября дает советы по биографии Стрепетовой: «Я слышал о ней отзывы К.С.Станиславского и воспоминания проф<ессора> Владимира Александровича Филиппова. По-моему, он и сейчас жив в Москве и с ним стоило бы встретиться и поговорить о гениальной актрисе, которую он очень любил».

К новому году из Вологды пришло сообщение, что очередная рукопись Гроссмана сдана в издательство.

Параллельно, по просьбе Е.Д.Стасовой, Бать приходится заниматься «Историей бунта крестьян села Богородского, бывшей Нижегородской губернии» Ивана Федоровича Желтова: «Благодаря повышенной умственной деятельности моего отца [Ф.А.Желтов — литератор, сектант-молоканин], его огромного эпистолярного архива, благодаря тому, что он всегда старался, чтобы его сын был с ним, я видел лично многих замечательных людей нашей эпохи. Легко сказать, что с ним я был не раз в Ясной у Л.Н.Толстого — что я лично видел, слышал и ощущал в своем сердце этого огромного разумом человечка» (и т.д. — 4 стр. машинописи и 3 стр. от руки).

Бать решила предложить этот колоритный рассказ Ираклию Андроникову для чтения с эстрады. Стасова идею одобрила: «Товарищу Андроникову понравятся те моменты <...> где Желтов <...> говорит о

том самоучке, который знал фр<анцузский> язык и помогал крестьянам, переводя французскую беседу генералов».

24 ноября 1959 г. было омрачено смертью Ю.Н.Либединского, а 30 мая 1960 г. умирает Борис Пастернак. Траурный отсвет лежит на письмах Эфрон 1960 года. В интервале между этими событиями Бать успела опубликовать статью о любимом Л.Леонове, а в Москве сходиться на «Театр дю Вьё-Коломбье» («Старая голубятня») который привез пьесы Ануя и Жироду.

Ариадна не присутствовала на похоронах 2 июня, слишком дорожа памятью о живом Пастернаке. Но ее письма из Лиепай (Латвия), где она гостила со Шкодиной у туруханской знакомой Л.И.Ролавс, полны печали: «Море, и бесконечные пляжи напоминают мне то Бретань, то Нормандию и вообще всё что-то и о чем-то — бывшем и не бывшем, напоминает». Бать засыпает ее открытками из круиза по Волге. Но в августе Эфрон настигает новый удар: судебное преследование Ольги Ивинской и Ирины Емельяновой, получивших заграничный гонорар за «Доктора Живаго». Эфрон пришлось присутствовать при обысках и давать свидетельские показания.

18 сентября телеграмма от Мотолянских была единственным полученным Эфрон поздравлением с днем рождения. Да еще «одна милая соседка, упорствующая дачница, принесла дивный букет гладиолусов, светящихся, как соборные витражи». Но главным подарком стали реликвии, переданные В.Ф.Булгаковым из Ясной Поляны через Эренбурга: «мамино кольцо серебряное, которое она лет тридцать носила, не снимая» и ее бамбуковая ручка.

Бать прислала большое письмо с описанием своего путешествия, и Эфрон сразу откликнулась: «Милая Лидочка, получила вашу телеграмму в свой табельный день, а сегодня — твое большое письмо, тронувшее меня и величиной, и содержанием. Я ведь знаю (<...> сама такая!), что ты предпочитаешь письма мысленные реальным. <...> Представляю себе, как берега развивали перед вами свои свитки, как вы наслаждались видами, не утруждая ног <...> как крики чаек замесняли вам телефонные звонки, а улыбки луны и солнца — физиономии знакомых и родственников».

К годовщине Октябрьской революции созрел новый повод для огорчений, к счастью, менее трагичный. В канун декады украинской культуры в Москве в октябрьских номерах «Литературной газеты» развернулась полемика вокруг мемуаров К.Паустовского. М.Ф.Рыльский обвинил Паустовского «в посягательствах на священное “чувство семьи единой” в последних книгах его “Повести о жизни”» [Оскоцкий 2001: 31]. 23 нояб. 1960 г. Ю.Казаков писал В.Конечному: «Начать с укоров в мелких неточностях (белые голуби) и кончить тем, что ста-

рик оскорбляет украинский народ и украинскую культуру! А ведь лучшую книгу об ихнем Шевченко Паустовский же написал» [Конецкий 2001: 272].

Справедливости ради, следует признать, что Паустовский писал свои мемуары в очень яркой и субъективной манере, в духе «Шума времени» Мандельштама. В исходной редакции его «Повести о жизни» (кн. 3 «Начало неведомого века», глава «Фиолетовый луч») он упоминал Н.К.Пимоненко, создававшего на своих картинах «открыточную, сладкую, как мёд, Украину», в одном ряду с «опереточными гайдамаками» С.Петлюры и квасными патриотами, «захлёбывающимися слюной от умиления» перед своим народом [Паустовский 1958: 128].

За эффектными пассажами Паустовского Рыльскому мерещился призрак борьбы с «буржуазным национализмом», от которого он уже натерпелся, что дало повод сравнить мемуариста с тургеневским Пигасовым: «Все преувеличивать было его страстью <...> Раз лошадь помчала под гору одну из прачек Дарьи Михайловны, опрокинула ее в ров и чуть не убила. Пигасов с тех пор иначе не называл эту лошадь, как добрый, добрый конек, а самую гору и ров находил чрезвычайно живописными местами» [Тургенев 2: 15].

8 ноября Эфрон ответила Бать: «Мне не особенно ясна подоплека преддекадного послания с Украины, ибо трудно представить себе, чтобы пожилой и почтенный человек взялся за перо лишь для того, чтобы предать анафеме белых голубей, которые сизые, песенку “гой, дидо” и прочие такие же краеугольные вопросы творчества Паустовского. Мне лично понравилась ссылка на цветную вкладку в БСЭ, как неоспоримый аргумент в пользу Пимоненко... К.Г. был ужасно огорчен и обижен этим выступлением».

В том же письме Эфрон содержалась и радостная новость: «В магазинах подписных изданий открылась подписка на мамину книжечку, долженствующую (тьфу, тьфу, не сглазить!) выйти в первом квартале (ну, скажем, полугодии) 1961 г. Можете подписываться сами, а также передавать знакомым... Если выйдет в 1961 г. — будет как раз годовщина — двадцатая — маминой смертью».

Ложкой дегтя к этой новости стала необходимость достать «восемь тысяч» для оплаты адвокатов О.В.Ивинской и ее дочери Ирины: «Из квартирки вывезено всё, продать нечего, бывших друзей ветром сдуло, и вот Иркины подружки — студентки — и я, дурак, в том числе, собираем эти бешеные деньги для бывших подпольных миллионеров».

Тогда же вышла вторая книга Бокова, «Над рекой Истермой. Записи поэта» (1960), которую в декабре он и презентовал Мотолянским «с чувством счастливого общения и неизменной интеллектуальной тяги, от Бокова-бродяги».

Хуже обстояли дела с «Арионом» Гроссмана, попавшего в бесконечную издательскую «одиссею» — вроде той, о которой вспоминал современник: «Чтобы попасть в план, маститые совписы стояли в очереди годами <...> в кабинете заведующей редакцией прозы некоей мадам Вилковой, я бывал свидетелем <...> сердечных приступов <...> некоторые беллетристы почитали за честь отстегнуть редактору до половины гонорара» [Климонтович 2000].

16 июня он уже морально готов искать справедливости через суд. Письма его полны грусти: «И в адвокатуре, и в высшей школе я занимал далеко не последнее место <...> Я видел свою пьесу на сцене московского театра, я держал в руках свою книгу, и это не делало меня счастливым. <...> я писал очень много, а печатал едва десятую часть написанного».

Но были и приятные моменты: 80-летие Блока (17 ноября, ЦДЛ) с участием С.М.Алянского, П.Г.Антокольского и Н.А.Нолле-Коган (адресат цветаевского цикла «Вифлеем»), выступившей с докладом «Последние встречи с А.Блоком в Москве». А были и просто смешные.

28 ноября Стасова рекомендует Бать очередного «самородка»: «Заклученный Аношкин В.С. прислал мне свое стихотворение <...> он является активным корреспондентом лагерной газеты и остался недоволен тем, что указанное стихотворение не поместили в газете».

БОРЕЦ

Вот человек...
И видно: — лоб не узкий
Не турок и не грек —
Обыкновенный русский.

Всегда подтянут и побрит
Он нарушений — не потерпит
Он видит их, и не простит,
Он всё запомнит, все проверит.

В глаза не скажет сразу, нет!
Он критики в глаза боится.
«Уж лучше пусть решит совет...
В сторонке я. Мне пригодится.

Сказать лишь там, где есть отчет,
Где скажут: «молодец ты!»
И уваженье и почет...
Но, не впадая в детство,

Скажу я так:
«Не гни зря спину
В базарный день, цена пятак,
Таким борцам за дисциплину».

Видишь зло — тебе противно:
Дрязги пресекай.
Не поможет? Так активно,
гласно выступай.

«ИЗБРАННОЕ» ЦВЕТАЕВОЙ И «СПАСИБО ЗА ПРАВДУ!» (1961)

Первый посмертный сборник стихов Марины Цветаевой вышел в знаменательном 1961 г., отмеченном денежной реформой и полетом Юрия Гагарина. В том же году вышел заключительный «том» биографической трилогии Бать, скрепленный «щепкинской» темой: повесть «Спасибо за правду» (1961), посвященная Полине Стрепетовой.

Год оказался богат на юбилеи. Отмечалось 70-летие Эренбурга, и 26 января Бать конспектировала юбилейные речи на пригласительном билете в ЦДЛ. Эфрон осталась в Тарусе, но послала Эренбургу телеграмму: «Вас поздравляю молодой седой драчливый добрый хмурый в день Вашей свадьбы золотой с бессмертной литературой» [АЭ 2: 91].

75 лет отмечал и Алексей Крученых, но не в ЦДЛ, а, как и все дни рождения, — у Л.Б.Либединской. 21 февраля Мотолянский удовлетворил библиографическую страсть, получив в подарок от Крученых автограф на коллективном сборнике стихов «Турнир поэтов»¹¹. Поэты состязались в умении зарифмовать фамилию Крученых. Автограф гласил: «Самуилу Ефимовичу от зарифмованного 3-е издание (1^е изд. 1928, 2^е изд 1929 г., а 3^е 1930 г. — добавленное А.Крученых 21/II 61 г.)»

Возможно, именно в этот день состоялся разговор, записанный И.Губерманом: «Моя теща отмечала день рождения Крученых, еще был жив этот знаменитый некогда футурист <...> Очень странно было, что еще мог разговаривать и явно удовольствие от жизни получал этот реликтовый остаток той мифической эпохи. За столом народу было много, шел несвязный общий разговор, и вдруг одна старушка, писательница Лидия Григорьевна Бать (как-то сказал Светлов, что у нее вместо фамилии — глагол) по-гимназически восторженно спросила воскликнула:

— Алексей Елисеевич, я все хочу у вас спросить: а Блока вы живого видели? Или встречали?

Крученых медленно намазал блин икрой (еще такие были времена), вкусно отправил его в рот, немного пожевал и наставительно сказал:

— Однажды я был на обеде у Владимира Галактионовича Короленко, и Владимир Галактионович мне сказал: когда я ем, я глух и нем.

И замолчал. И все какое-то мгновение недоуменно помолчали.

Лидия Григорьевна нарушила тишину первая:

— А Блок? — спросила она.

— А Блока там не было, — ответил Крученых [Губерман 1999: 173].

Отмечалось, наконец, и 100-летие со дня смерти Шевченко. По этому поводу Бать была 10 марта на концерте в Большом театре, а 23–24 марта — в ИМЛИ на научной сессии.

Эфрон начала хлопотать о вступлении в СП в качестве переводчи-ка и при посредничестве Л. Чуковской и Ф. Вигдоровой получила рекомендацию С. Я. Маршака.

В день полета Гагарина (12 апреля) подруги отправили друг другу письма. Эфрон была поражена: «Послала тебе твою фотографию и думала, что, верно, в этот же час и ты меня вспомнила!» Но дело оказалось совсем в другом: «Спасибо Гагарину, что он хоть заставил тебя написать, а то ведь ты “на письма” лентяй феноменальный, не то, что я».

Эфрон не ленится писать письма Емельяновой и Ивинской в Тайшетские лагеря (Иркутская область), параллельно занимаясь книгой матери с В. Орловым и А. Саакянц. Ее переводы из Тагора раскритиковала редакция, и это расхолаживало в работе над Лопе де Вега [Саакянц 2002: 66].

Бать сама редактирует чужие книги, и у нее больше поводов для радости, чем огорчений. 4 июня она получает в подарок от С. И. Липкина книгу переводов «Строки мудрых», снабженную трогательной надписью: «Дорогой Лидии Григорьевне Бать от всего одесского сердца». А 9 июня А. Кардашова надписывает ей «Сашино путешествие» (Детгиз, 1960): «Милой Лидии Григорьевне, моему дорогому редактору, работать с которой — редкое удовольствие».

Мотолянский предпринял очередную неудачную попытку провести лето в Тарусе. 23 июня Эфрон констатирует: «Милая Лидочка, открытку твою получили и взгрустнули, что вы такие волюнщики, обманщики и прочее тому подобное. Сначала мы довольно неудачно “лавировали в зависимости от ваших возможностей”, как ты пишешь, а теперь вы собираетесь заняться тем же самым. Что получится из этого контраданса, учитывая, что и остальные наши гости тоже не без лавирования, — посмотрим!»

В конце июня ожидалась «легкая артиллерия — девчонки в возрасте от 20 до 60, — дальше — тяжелая, т.е. <...> старушки, с болезнями, воспоминаниями, тяжелым прошлым и неясным будущим. И самая тяжелая из артиллерий — тетя Ася <...> А мне работать надо...»

Бать в итоге уехала в Дубулты, куда 19 августа был отправлен отчет Эфрон о прошедшем лете: «Это лето Таруса была филиалом Переделкина и Барбизона, пляж был умощён телами окололитераторов и околхудожников, в воздухе висели исключительно интеллектуальные разговоры и философские термины, до того всё было культурненько, что аж противно. Благодаря такому слёту людей мыслящих и обеспеченных цены на базаре как подскочили, так и остались на недостижимой высоте — мясо 3–4 р<уб>., сметана — 35 к<оп>. стакан, и даже червивые яблоки стоят одну строчку стихотворного перевода килограмм. <...> Мадам Гольшева и мадам Мандельштам превратились в двух тарусских мадам Рекамье <...> литературный салон Мандельштамихи процветал настолько, что хозяйка попросила ее съехать с квартиры; там только что на арфе не играли...»

В том же тоне освещаются и домашние новости: «На днях должен посетить нас наш семейный Савонаролла-Аттила — Ася с внучкой, они отдыхали в Паланге и, увы, желают посетить Тарусу. Коль после этого визита не попаду в сумасшедший дом, буду считать, что сезон окончился удачно».

Очевидно, что саркастический, но все же приподнятый тон продиктован автору подходящей к финалу работой над книгой матери¹². Некогда писать о переводах, о «Кире Георгиевне» (1959) В.П.Некрасова, посвященной репрессированным. С нежностью говорится об А.Саакянц («очаровательная девочка, редактор маминой книги») и озабоченно — о портрете для тома Цветаевой: «Портрет не очень хороший, но хоть не такой страшный, как тот, что украшает последний ахматовский томик <...> без претензий»¹³.

Эфрон благодарна подруге: «Дорогая Лида, рада была твоей весточке, даже целому большому письму, даже дождевым капелькам на нем. Я свое тоже могла бы украсить таким же орнаментом <...> с запада идут тучи, в унисон с международным положением» (13 августа в Берлине начали возводить стену); «Пожалуйста, передайте наш сердечный привет Нине и Наташе — своей прибалтийской родне, да и самой Прибалтике, если она не донимает вас ненастьями».

Той же лихорадочной веселостью проникнут и ответ на письмо и телеграмму ко дню рождения (21 сентября): «Передайте, пожалуйста, большую благодарность Песису за роскошную рекомендацию в Союз — читала и себя не узнавала — уж до того умница, уж до того талант, что, боюсь, слишком хороша для данной организации, и место мне на

Олимпе без пересадок. Но это всё хиханьки да хаханьки, свойственные мне, а спасибо ему настоящее»; «Погода и у нас изменилась, барометр стоит на “погано” <...> розы срезали только вчера — холодно было на них смотреть».

Наконец вышла книга Марины Цветаевой. Это событие было отмечено двойным письмом Мотолянских от 7 октября. Каждый из супругов написал свою часть. Особенно интересно написанное «высоким штилем» послание Самуила Ефимовича, единственное сохранившееся его письмо к А.Эфрон: «Книга Марины Ивановны, наконец, вышла <...> Многозначительно — она вышла в самый канун Дня Поэзии 1961 г. <...> Высоко держа эту книгу над собою, Вы пронесли ее через бурные реки, горные пороги, болотные топи и многие другие препятствия — и донесли!»

Как истинный библиофил, Мотолянский отмечает ажиотаж в магазинах: «Книга абсолютно нарасхват, у нас еще её нет, ибо в Лавку она еще не поступала. Звоню туда по 3 раза в день, и так делают, очевидно, все... В других магазинах ее выдают и будут выдавать только по заказам».

Письмо Бать — полушутливая приписка: «Дорогая Алюша! Муля до такой степени зауважал тебя, что даже перешел на Вы, считая очевидно, что эта форма достойна дочери Цветаевой. Но и я подписываюсь под всеми его словами <...> приедешь на денек? А не собирается ли Ада? Очень хотим ее повидать».

Эфрон не в силах разделять всеобщую радость от выхода книги (10 октября): «Я рада книжке, но меньше, увы, остальных, это моя печальная дочерняя привилегия. <...> Что для всех нас — прижизненное, для нее — посмертное. <...> Пепел Клааса». На улыбку хватило сил только при оформлении адреса: «Лидии Григорьевне Бать — фон Мотолянской».

Назад летит встречное письмо: «Пишу тебе под непосредственным впечатлением “Поэмы Конца”, которую я читала, как загипно-тизированной. <...> Какое счастье, что душа еще может переживать чувства такого напряжения, какое я сейчас испытала. В первый раз я читала поэму эту 30 лет назад <...>. Но сейчас я поняла ее неизмеримо глубже. Это трагедия не только женщины, это трагедия поэта <...> За счастье <...> быть <...> поэтом надо платить дорогой ценой, гибелью чувства, разлукой, разрывом, расставанием (“даже смысла такого нет”), нужно, и все тут».

Эфрон ответила сразу: «Пожалуйста, исправь опечатки — на стр. 73 вместо “конь лохматый” надо “косматый”, вместо (на стр. 155) “солдаток” — “ребятток” надо солдат, ребят. Последнее, по-моему, Орловское усовершенствование текста — он, как ни удивительно для

человека, зубы съевшего на неизменных текстах, очень любит “подсказывать” умершему автору, как надо стихи писать. Какой Муля молодец, что достал книжечку, — ведь просто немислимо было купить. Говорят, “Межкнига” заказала еще 25 тыс<яч> дотпечатать в январе».

На Эфрон обрушилась почтовая лавина. СП воспыал желанием перенести прах Цветаевой на Новодевичье кладбище [АЭ 2005: 632], и наследнице пришлось настраиваться на опознание «по косточкам» [АЭ2: 132]. На это наложилось и напряжение в отношениях с наследниками Пастернака, возникшее из-за документов поэта, хранившихся у Эфрон, и ожидаемые гонения на альманах «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) с подборкой стихов и прозы Цветаевой (очерк «Хлыстовки» вышел под цензурно допустимым названием «Кирилловны»).

Один экземпляр книги 9 ноября был послан Мотолянским с надписью:

Лиде и Муле
этот первый тарусский блин
(а комом или нет,
узнаем из газет!)

Аля

Таруса, ноябрь 1961

Альманах, продолжавший традиции «Литературной Москвы», получил и соответствующий официальный резонанс: пострадали директор издательства, главный редактор и секретарь обкома КПСС по идеологии А.Сургаков. Неофициальная реакция, напротив, была восторженной: «Милая Лида, “Страницы” посылаю <...>, чтобы и вы ими размахивали наравне с Сельвинскими. Почтаете — скажите, годны ли они на что-нибудь иное. Это Муля будет читать, т.к., судя по всему, мы обе в запарке. Мой Скаррон не так уж мил при ближайшем рассмотрении — не более мил, чем трамвай, на который опаздываешь».

Вскоре письмо Мотолянского подтвердило прогнозы, и 26 ноября Эфрон писала ему: «Рада, что “Страницы” доставили тебе удовольствие <...> маминой подборкой я недовольна, пестро, нестройно <...>. Но стихи хорошие, ибо у этого автора плохих нет. Портрет безобразно искажен, единственное, что более или менее сохранено, это — светлая расцветка, а то на всех портретах мама получалась какой-то темной».

Наконец вышла и повесть Бать «Спасибо за правду» (1961) с посвящением памяти матери — Елизаветы Азарьевны Бать, достраивающая дилогию о Шевченко и Щепкине до трилогии. На страницах книги выступает не сам Щепкин, а «щепкинская школа»: Стрелетова

жадно расспрашивает о великом актере старших коллег и выходит замуж за щепкинского ученика Модеста Писарева, который повторяет вслед за учителем, что «театр — это храм» и что «нет маленьких ролей, есть маленькие актеры» [Бать 1961: 73–74] и т.д. Сохраняется в книге и баланс литературы и театра. А.Н.Островскому посвящены целые главы, заставляющие на время забыть о главной героине, и раздел «Драматург и актриса». Глазами Островского мы видим игру Стрепетовой в «Грозе» и слышим его признание: «Вы гениальная актриса!» [Бать 1961: 156], вместе со Стрепетовой ревнуем Островского к М.Г.Савиной.

Пик официальной карьеры Стрепетовой (приглашение в Александринский театр) совпадает с началом политической реакции и крахом в личной жизни. «"Играет, как Репин пишет" <...> В устах одних это было высшей похвалой искусству, другие хотели сказать им, что она груба и вульгарна» [Бать 1961: 181]. В финале Бать приводит Стрепетову в свою родную Одессу, где актриса получает временную передышку, чтобы найти в себе силы для нового взлета к новой правде, составляющей смысл ее искусства.

Отзыва А.С.Эфрон на эту книгу мы не знаем, но на жизни Стрепетовой словно лежит отсвет Цветаевой: иступленное служение искусству, воплощение «народной» стихии в творчестве, «безмерность» в любви, неуживчивость, рождение трех детей, смерть младшей дочери во младенчестве, собственная ранняя смерть, гибель «искалеченного материнской любовью» сына сразу после смерти матери, нереализованная творческая карьера старшей дочери.

А то, что пережила Стрепетова, когда ее третий муж, А.Погодин (моложе ее на тринадцать лет), застрелился на пороге ее спальни, Бать знала по собственному опыту.

Повестью интересовался Гроссман, тесно связанный с театром: «Литературу я много лет преподавал в Гитис'е, а в Вологодском Пед<агогическом> Институте читал курсы истории русского театра», «был женат на актрисе МХАТ'а». 10 ноября он радуется, что нашел у Бать понимание во взглядах «на артистическую индивидуальность Савиной, Стрепетовой, Комиссаржевской и других».

Гроссман обдумывает новую часть своего романа, «Влажные ризы», и ворчит на Е.Ф.Книпович (26 октября): «Неужели для <...> того, чтобы судить в какой мере я учел ее критические замечания <...> нужно так много времени. <...> мне с Давидом [Постоловым] ровно 150 лет. Мы имеем право на некоторое внимание к нашему возрасту». В 1961 г. новообразованное Вологодское отделение СП провело творческий вечер писателя. Это укрепило позиции Гроссмана в борьбе с издательством. 26 декабря Гроссман уверяет: «Ведь я недаром напи-

сал книгу о Сухово-Кобылине. Прочти ее, и ты увидишь, что методы Лесючевского ничем не отличаются от методов Варравина, а Степанов — вполне подходящий Тарелкин».

Новогодний обмен открытками не обошелся без шуток и конфуза. Бать послала Эфрон открытку с Буратино, ведущим за лапу плюшевого мишку, и назвала его жизнерадостным дураком. Такую же открытку с подрисованными мишке очками послала ей и Эфрон, поясняя: «... так когда-то Лида Дейчика водила на работу!» Буратино напоминал ей Бать, видимо, вздернутым носом (в одном из писем она писала: «моя толстая, курносая, моя маститая»; видимо, характеристика носа имеет переносный смысл). Чтобы загладить неловкость, Эфрон послала вдогонку открытку цвета хаки с елью на фоне Спасской башни: «Милая Лидочка, поскольку мы обменялись одинаковыми открытками, причем мальчика, на них изображенного, ты назвала дураком, а я, pardon, нашла его похожим на одну знакомую, то решила тебя перепоздравить. Эта открытка — нестандартная и двух мнений не вызывающая!»

ЮБИЛЕЙ ЦВЕТАЕВОЙ И ПРОЧИЕ КОМИССИИ (1962)

Сборник Цветаевой вышел к 20-летию смерти поэта и как раз в канун ее 70-летнего юбилея. Дочери поэта между тем и самой в 1962 г. исполнилось 50 лет. *Свой* юбилей Эфрон отмечать не собиралась, и насколько остро она ощущала этот рубеж, неизвестно, но жалобы на здоровье и хроническую усталость начинаются почти сразу по его достижении. Однако на юбилейной волне неожиданно удалось обрести московскую квартиру.

10 февраля ей написал Казакевич: «Надеюсь, Вы простите меня за то, что я затеял разрешить Ваш “квартирный вопрос”» [АЭ 2: 150]. Эфрон явно восприняла идею скептически. Но за дело взялась Алигер, которая через Бать поторопила Эфрон со вступлением в Жилкооператив писателей. Бать удивилась, что она не в курсе дела, и упрекнула подругу (27 февраля): «Мне ты об этом ни слова не писала, но с ней, оказывается, даже по телефону обсуждала этот вопрос». Эфрон иронизировала (3 марта): «Милая Лидочка, не дожидаться бы мне от тебя такого огромного письма, кабы не твоя любознательность: как это я с *Алигершей* по телефону беседую, а *ты* не знаешь! <...> Мне — сама прислала мне телеграмму с просьбой позвонить ей, я <...> позвонила, и она голосом Гали Казакевич <...> сказала, что подала за *меня* заявление в кооператив». Эфрон пускается в иронические грезы о будущей квартире, но ничего хорошего от этих хлопот

не ожидает, вспоминая о хрущевском разное, устроенном Алигер за «Литературную Москву».

25 марта, когда стало ясно, что дело «выгорело», саркастический тон сменяется лирическим: «Ровно четверть века тому назад зашла к тебе на минутку маленькая и молоденькая, строгая на вид Маргарита — было это в Жургазе и почему-то запомнилось. Только я её и видела, эту самую Маргариту. И надо же, чтобы именно *она* <...> не только впряглась в самый безнадежнейший из моих возов, но и вытянула его». Но без сарказма не обойтись: «Вот только <...> если Литфонд даст ссуду, то ее надо возвращать — а откуда и чем? Натурой там не берут, да и какая натура с меня, когда я рождена еще в проклятые времена царизма?»

Эфрон волнуется, но ведет себя с завидным фатализмом: не дожидаясь ордера, уезжает в Прибалтику (сперва Латвию, затем — Литву). В ее отсутствие Бать получила ордер («жировку») и побывала на новой квартире, которую Мотолянский придирчиво осмотрел. Эфрон благодарит их: «Воображаю, сколько трудов тебе стоило, дорогая моя, получить на руки эту самую жировку <...> И это в то время, пока сама, так сказать, виновница жировки *прохлаждается* (лучшего слова не придумаешь!) на пустынных берегах Балтийского моря! <...> Приятно было узнать про мокрое пятно в углу и про сухие пятна на обоях: какая-никакая, а обстановка!» Условия ссуды продолжают беспокоить: «Возвращать смогу лишь теми самыми пятнами, о к<отор>ых выше шла речь».

23 июля Эфрон, Шкодина и Н.В.Каннель отправили из Паланги открытку, написанную тремя бывшими каторжанками под руководством «Брокгауза-Эфрона, члена ССП (члена-корреспондента!) и квартировладельца». А к новоселью Эфрон получила мебельные дары от «Абелей» (А.Старцев с супругой) и «Алигерши». Позднее отчитывалась, что в соответствии с погодой «кухонный потолок продолжает протекать, под раковиной тоже стоит вода, вообще канализация и лифт еще «настраиваются». С переездом не спешила, ссылаясь на отсутствие денег и времени [АЭ 2: 162].

Между тем Казакевич, который все это затеял, тяжело заболел, о чем Эфрон узнала еще в Паланге. 25 августа она шлет Бать ободряющие новости: «Человек ест, пьет, что хочет, садится, *встает* и делает неск<олько> самостоятельных шагов, *работает* (диктует), принимает друзей; совсем не худ (вес — 70 кило!)». 22 сентября сетовала в письме к Алигер: «Ничего о Вас и Э.Г. не знаю толком» [АЭ-МА 2004: 182]. В этот день Казакевич скончался.

Чуть раньше умерла дочь Веры Инбер — писательница Жанна Гаузнер, у которой когда-то в Чистополе ночевала Цветаева, а позднее

не раз бывал Мур. Бать вспоминала: «Я никогда не забуду 1 сентября 1962 года в Дубулты, когда меня кольнула мысль: “Надо позвонить в Москву Вере, как там Жанна? Ей было лучше, но почему-то беспокояно...” И я услышала ровный, словно заледенелый голос: “Я через час уезжаю в Ленинград... Жанна умира-а-ет...”» [Бать 1970: 99].

Юбилей Цветаевой 1962 года стал первым публично празднуемым цветаевским юбилеем. Первый торжественный вечер проводился в Литературном музее под председательством Эренбурга 25 октября 1962 г. — в разгар «Карибского кризиса». В кризисном состоянии оказалась и сбежавшая с праздника дочь поэта: «Я была, года четыре назад, на первом московском вечере <...> выступления (всё — от чистого сердца, умиленные и т. п.) еще кое-как вытерпела, хотя <...> казалось, что у меня выдирают без наркоза зубы мудрости; но когда выпорхнули чтицы и начали <...> “исполнять”, я не выдержала, встала и ушла. <...> До сих пор стыдно. С тех пор не была ни на одном таком вечере <...> это — та редчайшая ситуация, когда — за себя не ручаюсь» [АЭ 2: 235–236]. Но кризисы миновали, и Эфрон с облегчением писала Бать: «Какое счастье, что в околокубинских делах наступила некоторая разрядка».

Публикация «Избранного» (1961) и юбилейные мероприятия утвердили место Цветаевой в советской культуре: была создана комиссия по ее литературному наследию, в первый состав которой вошли Эренбург, Эфрон, А.А.Саакянц и А.Н.Макаров. На первом заседании 20 апреля 1962 г. было решено собрать цветаевские материалы из зарубежных фондов, опубликовать книгу Цветаевой о Пушкине, установить памятную доску на доме, где она жила Цветаева, ввести в комиссию Алигер [Саакянц 1998: 19] и подготовить уже год как запланированный том «Избранного» в большой серии «Библиотеки поэта» [АЭ 2: 90].

Чтобы укрепить свои позиции, Эфрон терпеливо добивается членства в секции переводчиков СП, несмотря на все свое отвращение к советской бюрократизации жизни. 16 июня она сообщила Бать, что И.Емельянова досрочно освобождена «с правом прописки в Москве и поступления в институт», а З.Н.Пастернак отказали в пенсии, «ибо муж ее к моменту смерти не был членом Союза!!! Так дико, что и не верится, а, впрочем, почему бы <...> не толкнуть “за те же деньги” и законную супругу на скользкий путь контрабанды?»

Отношения с коллегами-переводчиками складывались у Эфрон плохо, но случались и недоразумения. В письме от 20 января она с сожалением признается: «Вдруг вспомнила ни с того, ни с сего, как мы шли с тобой и Адой по пустынному тарусскому дугу, толкуя о неких

качествах Левика, а... он сзади шел! Смешно было. Нам. А он после этого продал дом и уехал». Эфрон высоко ставила переводы Левика, но считала, что ему не следовало браться за «Плавание» Бодлера после Цветаевой. Не об этом ли шла речь во время той прогулки?

Прием в СП кажется Эфрон маловероятным, 3 марта она пишет Бать: «Спасибо за сведения о приемной комиссии. Боюсь, что примет она меня пинком под задницу. (Если не знаешь, что это за слово, спроси у Мули — он медик военного времени и знает всякие слова)». По устному свидетельству Е.К.Дейч, препятствием могла быть только квота на прием переводчиков. О решении комиссии, заседавшей 30 мая, Эфрон узнала по телефону от Бать, которую благодарит 9 июня: «Нелегкая это работа в болото тащить бегемота».

16 июня Эфрон рассказывает Бать о работе с Саакянц над новой книгой матери: «Мы с “соавтором”, “сокомментатором”, “составителем” (одним словом, с “Сосо”) и трудимся, и гуляем между двумя ливнями, а Ада нас поит-кормит и создает нам дивный “дом творчества”». Саакянц — уже не единственный представитель нарождающегося первого поколения российского цветаеведения. Виктория Швейцер публикует в «Новом Мире» подборку цветаевских стихотворений, а в гости к Эфрон заходит «знакомая девочка», учительница, вероятно — И.Малинкович, будущий автор исследования о «Крысолове» Цветаевой.

Некоторые формы проявления любви к Цветаевой пугают Эфрон. В конце июля, отдыхая в Паланге, она узнает об С. Островском, который прочитал очерк «Кирилловны» и решил выполнить волю автора — установить памятный камень в Тарусе на берегу Оки [АЭ 2: 156]. В августе Эфрон с ним встретилась и отчиталась о встрече в письме к В.Орлову от 15 августа: «Мальчишка совершенно нищий, в обтрепанных штанах, всё сделал сам, голыми руками <...> в течение недели, под проливным дождем, движимый единственным стремлением выполнить волю... И мне, мне, дочери, пришлось бороться с ним и побороть его. Всё это ужасно» [АЭ 2: 158].

Очерк Л. Либединской о Цветаевой «Одна встреча» («Московский литератор», 7 декабря 1962 г.) Эфрон как будто получила позднее от А.И.Цветаевой [Каталог 1992: 126], хотя вполне вероятно более раннее знакомство через Бать. Но, видимо, первая реакция была негативной, и позднее она указывала Либединской на неточности.

На повторное чествование Цветаевой (в ЦДЛ 26 декабря) Эфрон не явилась, но результатом была довольна: «Я счастлива, что вечер прошел очень хорошо, судя по <...> звонкам и телеграммам. Первая позвонила мне Аня Саакянц, одна из двух (!) устроительниц вечера (вторая — Вика Швейцер)». Бесспорным свидетельством успеха слу-

жит и вскоре написанный мемуарный эскиз Ахматовой: «Сейчас, когда она вернулась в свою Москву такой королевой <...>» [Ахматова 1996: 278].

Видимо, праздничная атмосфера благодушно настроила и секцию переводчиков: «Чуть ли не в этот же день меня, наконец, “доприняли” в Союз — опять звонки и телеграммы, т<ак> ч<то> у меня Новый год начался раньше всех...». Среди полученных подарков оказалась и посылка от К.Б.Родзевича: «А сегодня получила из Фр<анции> (от героя “Поэм”) неизвестный портрет мамы (его же работы) и нем<ецкую> книгу “Русские женщины-поэты”, где большой раздел посвящен маме».

Год юбилейного «кризиса» Цветаевой Бать провела в размышлениях над собственной книгой, подытоживающей ее опыт общения с современными писателями — некое эхо идеи, подброшенной В. Гроссманом. И другие ее поздние книги — об Айбеке и Новикове-Прибое — будут посвящены современникам, но уже и многие современники переходили в историю.

В январе она написала Эфрон «агромадное» письмо о замысле «Незабываемых встреч», на что Эфрон откликнулась 31 января: «Очень рада была узнать <...> что ты на подступах к “давно намеченной, задуманной, делесемой и согласованной” книге. <...> Мне, как назло, в башку всё какие-то несогласуемые темы лезут. Вот, например, прочла некролог, посв<ященный> тов. Линькову, Герою Советского Союза, геройскому вожаку партизанского отряда. <...> И вспомнила, как я с этим легендарным “Батей” срок отбивала всё на той же неистощимой Потьме. “Отхватил” Батя ни больше ни меньше, как 25 л<ет> “срока” за... ну, как бы тебе сказать? В общем, защищая “физицки” мирное наше население, он в то же время настолько разорял его “экономицки”, проявляя притом такое необузданное пристрастие к слабому полу, что и “загремел”, как только соединился с частями Красной Армии. <...> Тема? Тема! Пропадает? Пропадает... Ну и черт с ней, пусть себе пропадает!»

Бать тоже не могла писать обо всех писателях, с которыми ее свела судьба. В первом варианте «Незабываемых встреч» был очерк о Василии Гроссмане, но об авторе «Ариона» Викторе Гроссмане она писать не стала, хотя и знала его как никто другой (в 1962 г. война с рецензентами продолжалась). Многие ее контакты известны только по дарственным надписям. Сотрудница «Известий» Татьяна Тэсс подарила ей повесть «Мать живых» (1961): «Лиде Бать, милому другу юности» (в Одессе Бать могла знать ее как поэтессу Т.Сосюру). А Ольга Грудцова (Напельбаум), один из ее рецензентов, подарила ей «Страницы воспоминаний о Лутовском» (1962) со своим очерком

«Луговской в Алма-Ате»: «Милая Лидия Григорьевна, дарю Вам эту книгу с, может быть и плохой, но очень дорогой для меня моей статьёй — в знак нашей неожиданной, согревающей сердце дружбы».

Бать обсуждает с Эфрон литературные впечатления, в частности — повесть Т.С.Есениной «Женя — чудо XX века», которая показалась Эфрон слабой: «...напоминает 30^е годы, <...> помнишь “Роковые лица” Булгакова, да и многое. Немножко Гофмана на советский лад; потом прошло, ибо никакой Гофман уже не был в состоянии угнаться за “ладом” этим самым».

На вопрос о «Леопарде» ди Лампедуза (Бать: «На днях Песис чуть не подрался со Старцевым по поводу этой книги») Эфрон отвечает иронически: «В Тарусе каждый сам себе леопард, и не до посторонних».

Серьезно отреагировала Эфрон на публикацию повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», прогремевшую сразу после «Карибского кризиса» («Новый мир». 1962. № 11), позднее даже вступила в переписку с автором, а ее помощница Саакянц настолько увлеклась им, что Эфрон упрекала ее за «измену» Цветаевой.

С большей охотой делилась Бать кинематографическими впечатлениями: «Сегодня <...> смотрела фильм с Марлен Дитрих по роману Агаты Кристи “Свидетель обвинения”. Обыкновенная детективная чепуха, но прекрасные актеры, особенно — главный [Чарльз Лоутон], старый толстый адвокат, удивительно похожий на Черчилля, но добродушный и благородный. Его просто хочется расцеловать в толстые щеки».

Эфрон тоже касается кинематографических тем (25 марта): «Тут у нас идут съемки фильма “Половодье”. Вчера кого-то “хоронили” из местного населения, а сегодня покойник пропил денюжки и учинил дебош, в то время, как на его бутафорской могиле рыдала настоящая, мосфильмовская артистка. <...> Снимали тут и “Накануне”, и “Ссору в Лукашах”, и “Чудотворную”, и еще какой-то неведомый, с историко-революционным уклоном, фильм, где все сигали в кандалах <...> и “гнались этапом”. Этот фильм на экраны не вышел, верно оказался историко-контрреволюционным при ближайшем рассмотрении!»

Даже тривиальные погодно-бытовые темы под пером Эфрон превращаются в блестящие юморески: «Сегодня был фельетон о том, как коню дали оплеуху! Интересно, как такие вещи проделываются технически?»; (6 июля): «Дорогая Лидуша, пишу тебе уже из тихой липайской гавани, где облачность переменная, t° воды — +14 (!), воздуха — тоже в этом роде, и т.д. Ближайшие от жилья увеселительные места — сумасшедший дом и еврейское кладбище, развлекаемся, как можем»; «всё бы хорошо, но взяла с собой работу и мучаюсь с ней, как гладиатор со львом, причем лев сильнее».

МУРЗИК И РУБАШКА СВЕТЛОВА, «ОЗА»,
«ВЛАЖНАЯ РИЗА» И СВЕРЖЕНИЕ ХРУЩЕВА
(1963–1964)

Эфрон заручается поддержкой Маршака, чтобы перепечатать статью «О новой русской детской книге», в которой его стихи цитируются безымянно: «Кто это пишет? Никто. Безымянный. Имя, ничего не говорящее. *Пишет высокая культура стиха*» [МЦ 5: 324]. Другой бы обиделся (ведь Маршак сотрудничал в тех же «Северных записках», что и Цветаева), но поэт был тронут (19 января 1963 г.): «Драгоценным подарком были неизвестные мне прежде строчки из статьи Марины Ивановны о детских книгах. <...> Право, это лучшее из всего, что когда-либо писали о моих книгах для детей» [Маршак 8: 459]. Статья Цветаевой была перепечатана в июньском номере «Детской литературы» за 1966 г. Эфрон наслаждается квартирой и светским обществом. В феврале 1963 г. она пишет Бать в переделкинский Дом творчества: «Сейчас подняла голову от работы, взглянула на твою приветливую и уютную зеленую лампу, и рука сама потянулась <...> к открытке...». Узнав, что «Муля» «третьевось были с Абельшей в концерте», она предается картинному отчаянию: «С горя пойду завтра к Маршаку». Поэт оказался «совершенно прелестен — какой-то детской, девичьей нетронутостью души»; «жаль его, что так он болен и слаб, еле стоит на ногах».

Работа над «Избранным» была изнурительной: «Аня [Саакянц], бедная, совсем иссохла от такого режима»: солженицынский Иван Денисович «перед нами мальчишка и щенок». «Славным “просветом”» оказалась только «визит Мули», который взял почитать прозу Цветаевой. Рассказы о переделкинских прогулках навевают грусть: «Я их, верно, все изучила», но на могиле Пастернака «никогда, верно, не буду».

Очередная попытка завлечь Мотолянских в Тарусу разбивается о непреодолимые препятствия в виде кошек. Призывы начинаются 19 мая: «Наша “гостевая” комнатенка (в к<отор>ой Муля однажды ночевал, хоть и не весьма удачно) приведена в летнюю готовность». На вопрос Бать, что привезти, ответ следует не сразу.

Эфрон признавалась Ивинской: «...двигаюсь, соображаю и действую в 2–3 раза медленнее, чем 2–3 года назад, а спрос с меня не уменьшается» [АЭ 2005: 721–722]. Выезд в Лиепая казался лечебной необходимостью. Шкодина объясняла: «Там море, абсолютный покой и отсутствие людей, говорящих на литературные, волнующие темы, что всегда способствует понижению давления, которое <...> снова вызвало сильные головные боли».

Ответ Эфрон ушел только 24 июня: «Единственное, что требуется, — хорошая погода, плохую Муля уже испытал здесь»; «Аня которая <...> имеет бледный вид и длинную шею, — шлет вам (а Мурзику особо) свой привет». Привет не помог: кот Мотолянского заболел, и визит провалился, как и визит Старцевых: «Звали в Тарусу Абелей, у них кошка болела и никто не приехал!». Шкодина сокрушалась (29 июля): «Ужасно жаль, что Мурзик встал на пути нашего счастья <...> вы самые желанные и дорогие гости в любое время». Эфрон вторит из Латвии (8 августа): «Преисполнилась еще большего уважения к Мурзику, он оказался куда сильнее нас с Адой и Тарусы, <...> М. б., конечно, соберетесь навестить Аду и Шушку, к<отор>ые вас ждут, как у моря погоды».

В конце 1963 г. состоялась первая передача о Марине Цветаевой по радио. Выступала сама Ариадна Эфрон (запись пропала, но текст сохранился).

После двух лет цветаевских юбилеев наступила передышка, но не для Бать, вовлеченной во все мероприятия: и 70-летие Маяковского, и 60-летие Гафура Гуляма (отмечалось в ЦДЛ 18 мая, в день рождения самой Бать) и 60-летие Михаила Светлова, с которым Бать особенно сблизилась из-за его дружбы с Либединской. Автору «Гренады» Бать подарила «модную тогда черную трикотажную рубашку» [Бать 1970: 250], изрядно пополнив его гардероб¹⁴. В середине августа история с рубашкой Светлова получила продолжение после награждения поэта орденом Трудового Красного Знамени:

«— Я как раз собиралась тебя поздравить... <...>

— Ты что, хочешь подарить мне еще одну рубашку?! Так имей в виду, что мне нужны еще и полотенца... Понемногу составитсa целый гардероб» [Бать 1970: 251].

90-летие Е.Д.Стасовой отмечалось торжественно, причем сама юбиляр, отлучившись из кремлевской больницы, произнесла образцово-спартанскую речь: «Скажу, как пионеры, всегда готов!» [Бать 1970: 25].

Самый важный для Бать юбилей отмечался 17 ноября — 175 лет со дня рождения М. С. Щепкина. 15 октября в «Литературной России» появилась заметка Ю.Балабанова: «“Священнодействуй или убирайся вон” — говорил он. И сам священнодействовал, выходя на сцену, этот великий крепостной. <...> О великом русском актере М.С.Щепкине рассказывает писательница Л.Бать в повести “Великое призвание”. Сейчас она вышла вторым изданием и пополнилась очень интересными страницами о встречах Щепкина с Пушкиным, о забавной истории знакомства актера с Гоголем».

В конце октября в Ташкенте проходила декада русской литературы. Бать и Вера Смирнова, переводившие «Дочь огня» таджикского писателя Джалола Икрами, воспользовались этим, чтобы осмотреть Бухару и познакомиться с автором [Бать 1970: 328]. Между тем Дейчи еще в сентябре проложили путь на Адриатическое побережье и прислали открытку из Дубровника: «Не в сказке сказать, не словом описать причудливую красоту этого города, где на каждом шагу запросто торчат пальмы и гигантские кактусы».

Только Гроссман не покидает Вологды и чувствует себя заброшенным. Он пишет роман «После восстания», который вместе с «Арионом» должен составить «большую эпопею о жизни Пушкина от изгнания до женитьбы». Вместо эпилога предполагается монтаж отрывков из дневников и писем поэта: «Этим последние годы жизни Пушкина будут описаны лучше, чем сделал бы любой писатель (в том числе и я)».

1964 г. начался судилищем над И.Бродским, а закончился отставкой Хрущева и выходом на свободу О.Ивинской. За Бродского вступились многие: Маршак, Чуковский, Паустовский, Твардовский и др. Твардовский помог и Эфрон, попросив у Литфонда денег для погашения ее ссуды за квартиру.

В том же году коллекция автографов Бать пополнилась надписью Чуковского на «Федорином горе» и многими другими. Л.Левин на своей биографии Луговского начертал посвящение «в ужасе, что этот скромный труд затеряется в сплошном потоке подношений и прочих лестных надписей».

Мотолянский, устав от жизни пенсионера, 18 февраля был «утвержден членом секции градостроительства, планировки и застройки населенных пунктов <...> при Главном архитекторе Москвы». В мае Бать отпраздновала и свой день рождения, и 150-летие Шевченко. Встретив бородатого Федина в Киеве, она заметила его сходство с Тургеневым [Бать 1970: 77]. А в июле Мотолянские отправились по Ладожскому и Онежскому озерам на Валаам и о. Кижи, который произвел на них неизгладимое впечатление.

Гроссман читает «Арион» на вечерах и по радио, продолжая осадку «Советского писателя». Ему легче напечатать научные труды (о «Полтаве», о «донжуанском списке» Пушкина), но их «никто, кроме узких специалистов, не читает».

Где-то в конце апреля перед отъездом в Тарусу Эфрон собрала у себя друзей и читала Мотолянским свой перевод «Меджнуна Эльзы» Л.Арагона, о чем вспоминала 12 мая: «лучше было бы почитать мамин, чем эту французскую клюкву». Кто ругал Арагона — Эфрон как

знаток поэзии или Бать как знаток Востока — из письма не явствует.

Позднее Эфрон припомнила Арагона, прочитав в «Молодой Гвардии» (№ 10) поэму Вознесенского «Оза» (арагоновский перевод еще не вышел): «Автор отлип от Цв<етаевой> и примкнул к Арагону, выдвинув свою свою контр-Эльзу. Переимчивый поэт!» Но Вознесенский не вполне «отлип от Цветаевой»: среди интертекстуальных россыпей поэмы есть и цветаевские следы [Рассадин 1965].

Эфрон вообще волновал избыток Цветаевой на страницах печати. Неожиданно вспыхнуло соперничество между нею и А.И.Цветаевой, которая намеревалась дать очерк о Горьком на страницах «Нового мира». Эфрон боялась, что журнал, в котором уже два года дожидалась очереди подборка стихов матери, не выдержит «натиска династии», а она еще намеревалась дать в него очерк «Отец и его музей» (выйдет в казахстанском «Просторе»). Тревожили и слухи о заграничных публикациях, тормозящих отечественные.

С отъезда в Тарусу и до конца года переписка Эфрон с Мотолянскими прошла под знаком кошек. В Тарусе дачников ждали «известные Муле фисташковые байковые штаны» и коты (12 мая: «Тарусские “мальчики”» поджидали ее (Шушку) с великим нетерпением, и она эти дни пользовалась огромным успехом, как настоящая столичная штучка. Так что не успеем оглянуться, как опять будет прибавление семейства»).

В сентябре от Мотолянских уходит домработница Тоня, в Дом творчества уезжает Бать и (предположительно) в ветлечебницу — Мурзик. Эфрон утешает одинокого хозяина фотографиями кошек (27 сентября): «Милый Муля, <...> как ты живешь-поживаешь <...> покинутый не только женщинами <...> но, что серьезнее, — Мурзиком? “Как живется Вам с другою?” — сиречь не с Тоней?»; (5 октября) «Не успеешь и оглянуться, как все будут на местах — и нежный, милый, единственный в своем роде Мурзик, и не менее нежная и т.д. Лида, и примкнувший к ней Песис... и я, грешная, и очень-очень вас любящая — Аля».

Отстранение Хрущева от партийного руководства 14 октября 1964 г. совпало с освобождением О.В.Ивинской¹⁵ и приездом в Москву кузена Бать — Жюля Куинджи, на что Эфрон откликнулась открыткой от 17 октября: «...в эти исторические дни шлю вам свой пламенный привет и очень сожалею, что не смогла поглазеть на кузена. <...> Новостей внутри моей избы нет никаких <...> у нас так называемая “радиоточка” <...> после передовой “Правды” я была вынуждена выслушать ряд историко-революц<ионных> песен в исполнении хора пенсионеров Козельского р-на, навязанных мне Калужским радиоузелом... <...> Как там шелудивый Мурзик?»

К Новому году Мотоляньские получили открытку из соседнего корпуса от Ады, Али и двух кошек, Шуши и (новорожденного?) Шурика. Главным было пожелание «благополучного возвращения МУРЗИКА». Следом пришла карточка: «Спасибо многим и многим новогодним за то, что “физические” расстояния между нами всё сокращаются, душевных же — не было...»

ГЛАВА IV

ЗАСТОЙ

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА» (1965)

Том Цветаевой в Большой серии «Библиотеки поэта» (1965), на долгие годы давший канон ее текстов и тем определивший восприятие ее творчества, в июне был в редколлегии на просмотре. «А сколько они будут “смотреть”? — тоже метеозагадка!» — писала Эфрон. Дело осложнялось болезнью В. Орлова, который должен был «лежать са-краментальные два месяца. Бояться отека легких». Общая ситуация складывалась как будто благоприятно, о чем свидетельствовал появившийся на прилавках посмертный том Пастернака. Возможно, это было приметой смены партийного руководства: новая власть «исправляла ошибки» предыдущей.

Параллельно готовился сборник переводов Цветаевой (из которого «выпали» за неимением места «грузины и другие») и издание Цветаевой на чешском. А.Саакянц приезжала по выходным в Тарусу, привозила рыбы для кошек «и уйму всяких цветаевских дел и делишек». Работа и доставляла радость, и отнимала силы: «...а на днях даже приехала целая дама из Чехословакии, имеющая отношение к книге переводов маминых стихов на чешский <...> Дама, впрочем, оказалась очень милая, но вокруг нее пришлось “побегать”». Дамой оказалась Галина Ванечкова, которая приехала по поручению переводчицы Яны Штробловой.

Устроив себе отдых в виде юбилейной поездки со Шкодиной и Саакянц в Туруханск (к десятилетию возвращения из ссылки), Эфрон занялась присланным из издательства макетом и 31 августа, в день памяти матери, отправила его в ленинградскую редакцию «Библиотеки поэта». В. Орлова как автора предисловия она попросила скорректировать некоторые формулировки, касающиеся родителей [АЭ 2: 223–225], что отчасти и было сделано.

Очень обрадовало ее «прелестное» предисловие Паустовского к очерку Цветаевой «Отец и его музей», опубликованному в № 10 казахстанского «Простора». На эту публикацию тепло откликнулась и Бать в письме от 27 октября. Для нее просмотр среднеазиатской периодики был служебной обязанностью.

Видимо, Бать нашла, что после очерка Цветаевой об отце должен появиться и очерк Эфрон о матери, на что подруга отвечала 2 ноября:

«Я пока что не мечтаю ни о своих, ни тем более теткинских публикациях, а лишь о маминых; а там — что бог даст! Если он даст и пенсию, и время, и силы, то будет вам и белка, и свисток...»

Еще год назад Эфрон сетовала в письме к И.Емельяновой: «Еще раз мертвому надо убраться с пути живого — и напористого» [АЭ 2: 191–192]. Но в этом «соревновании» «мертвая» Марина Цветаева выиграла: мемуары ее сестры начали появляться в журналах только со следующего 1966 г.

21 ноября Эфрон докладывала: «Через неделю должен быть сигнал маминей книги», в которой «пощипали» только какие-то мелочи, в частности, «сведения о том, что в Чехии добывается урановая руда».

Можно вообразить себе восторги Мотолянских по поводу нового роскошного тома Цветаевой, но на этот раз они были выражены устно.

По письмам к Бать можно проследить и работу Эфрон над переводами. 9 мая она ждет выхода «многострадального и долготерпеливого» Арагона и сообщает, что Бодлер в ее переводе «получил всенародное признание — говорят — лучше не бывает».

22 июня жалуется из Тарусы, что даже самых длинных дней в году «недостает на все неприметные и многотрудные обязанности крупного землевладельца в сложных погодных условиях». И хотя «сады-огороды и прочий допетровский быт» отступили на второй план, за месяц «сработано» всего пять стихотворений Бодлера: «почти непереводаемо» (всего было переведено тринадцать стихотворений).

В сентябре Эфрон переводила пьесу Тирсо де Молина «Стыдливый во дворце», а 18 октября признавалась: «Я работаю буквально не вставая с места, с усидчивостью монумента Островского у Малого театра; только что голуби de la paix [мира] не какают на голову, а так — сходство полное. <...> питаюсь овсянкой, как лошадь, и работаю, как она. “Выходом продукции”, как всегда недовольна; халтурно получается, ибо любая норма стихам противопоказана; это все же не кальсоны шить!»

В марте 1965 г. Самуил Ефимович, как можно догадаться, попал в больницу или проходил курс профилактического лечения под присмотром бывших коллег по санитарным войскам. Возможно, эта встреча с братьями по оружию (*двадцать лет спустя* после победы над Германией) вкупе с домашним прозвищем Мушкин и любовью к котам (кота в сапогах художники обычно «одевают» в костюмы XVII века) породила шутку о «мушкетерах» в письме Эфрон от 19 марта 1965 г.: «Милый Муля, как тебе там живется-отдыхается? Дай бог, чтобы хорошо, и чтобы люди были приятные вокруг, и чтобы погода не занудствовала! Как остальные мушкетеры поживают?»

Комически обыгрывается в письме и такое грустное обстоятель-

ство, как развод Н.А.Бать с мужем и попытка найти в Москве работу: «Вчера была у Лиды, она поведала мне про твой фантастический роман с *Ниночкой*, и ты *еще* возрос в моих глазах. Я тут же придумала ей анонимку:

Я, как и ты, любила Мулю
И так же получила дулю

(и подпись, скажем, “Клара”, пусть думает, что Цеткин!), но Лида не посоветовала». 22 июня Эфрон уже совершенно серьезно спрашивает про «Мулино здоровье и Нинины дела»: «Есть ли в них (т.е. в делах) какой-нб. просвет — душевный или фактический?»

Осенью Эфрон жалуется и на свои неприятности (21 ноября): «Работаю не покладая рук и подobia головы <...> Боли действительно прошли, но бедный желудок совсем сломался». Тогда же она просит Мотолянского передать письмо «Белле Борисовне, нашему с тобой врачу». А 25 ноября благодарит его: «Большое-пребольшое спасибо тебе, дорогой мой заочный доктор! Сразу почувствовала себя лучше...».

Между тем в Калужской области вспыхнула эпидемия ящура и был введен карантин. Тарусское послание от 21 ноября гласило: «Вспоминаете ли вы еще нас, несчастных ссыльно-карантинных, или с глаз долой, из сердца вон?» Из-за эпидемии тарусянам пришлось скучать с одним приемником и местной газетой «Знамя» (где, правда, печатались воспоминания гипнотизера Вольфа Мессинга).

Введенный карантин, как саркастически сообщала Эфрон, «привел к большому распространению эпидемии», поскольку работники ферм «топали по району и за пределами, аж в Москву за пöльтами!»: «Ира Емельянова говорит, что я — “непременный участник всех народных бедствий”. И правда; слава Богу, что на этот раз соучастники в основном — коровы!» Письмо было подписано «Ваши ящурницы» (видимо, с намеком еще и на вымирающих ящеров-динозавров).

10 октября того же года Эфрон предупреждает А.Саакянц об опасности: Н.Оттен «перезаразил многих своих гриппом», высокая температура и у машинистки М.К.Баранович. Затем Эфрон отбрасывает эзопов язык: «Ищут людей (и находят) — распространявших и печатавших списки “нелегалщины” — (Солж<еницын>, Гинз<бург>, Шаламов и еще кто-то “восставший”» [АЭ 2: 229]. Она просит Саакянц уничтожить это письмо.

Возможно, не только достоверная эпидемия ящура, но и страх подхватить диссидентский «грипп» помешали Эфрон приехать в Москву, когда книга матери уже была подписана в печать (13.11.1965).

Вероятно, она очень боялась, что какая-нибудь случайность навлечет на книгу партийный гнев в самый последний момент. В Москву она приехала около 13 декабря, когда тираж уже должен был быть отпечатан.

В мае Эфрон ощутила роль случая и начальственного произвола в своей жизни. Приехав в Тарусу со Шкодиной, она обнаружила обворованным свой дом и полуразрушенной — прежнюю цветаевскую дачу, вокруг которой Эфрон пыталась сплотить общественные силы для организации музея, посвященного «“знатным” тарусянам» [АЭ 2: 202].

28 мая она писала Мотолянским о том, что «местная администрация, не сказав худого слова, приняла решение снести старый цветаевский домик (где умер Борисов-Мусатов, бывал Поленов, работал чудесный скульптор Матвеев)». Временного успеха удалось достигнуть только благодаря тому, что «сработал» Эренбург, застигнутый между двумя «заграницами», и «хилый, еле живой Паустовский».

На события мирового масштаба Эфрон откликается только иронически. 18 марта 1965 г. А.А.Леонов «вышел» в открытый космос, и 20 марта Эфрон пишет Мотолянскому: «Из новостей только шаг в космос и обратно, а из не-космических: Шушка выходила замуж <...> Жаль, что Мурзик уже не опасен для дам; он — прелесть, хоть почему-то бордового цвета». 22 июня она передает привет Б.А.Песису, Старцевым, «а также многоуважаемому коту».

Лидия Бать в 1965 г. не отметилась яркими творческими свершениями, хотя и находилась в центре разнообразных событий. Пожалуй, самым впечатляющим из них стало отправленное 17 ноября из Парижа заверенное у нотариуса письмо доктора Луизы Бериславской (р. 1873), вдовы г-на Рибеновича («Madame Louise Berislavski, veuve de Monsieur Rubenovitch <sic!> ladite dame Docteur en médecine, demeurant à Paris, 23 rue de Bruxelles»).

Прилагался русский перевод: «Дорогая моя Лидия! <...> В моем возрасте — мне исполняется 92 года — невозможно предпринимать поездки. <...> приглашаю тебя самой предпринять поездку из Москвы в Париж и пробыть с нами три недели. <...> готова взять на себя все расходы, <...> Мы — Симон и я — крепко и с глубокой любовью обнимаем тебя. Твоя тетя Л. Рибенович <sic!>».

Гроссман решил издавать свой второй роман в Вологде, с местным театром велись переговоры о постановке новой пьесы Гроссмана «Пушкин в Москве». Последний роман он отправил на отзыв Зелинскому и Андроникову. Цензура доводит его до отчаяния: «Как счастливы были наши писатели и поэты, когда не знали редакторов и предварительных рецензентов и сами издавали свои произведения.

<...> Нельзя ли хоть частично вернуться к этой системе, хотя бы в форме, подобной жилищной кооперации».

18 июля он сообщает, что пишет девятую картину своей пьесы: «Ее содержание — отъезд Пушкина из Москвы. Провожать пришли: Мицкевич, кн. Вяземская, Баратынский и Погодин. Ужин у Соболевского. <...> Тема картины — что делать поэту в России, если не удастся бежать? Погибнуть? Или приспособиться? Обратный путь из Москвы в Петербург это путь Радищева и, значит, гибель!» Заканчивается письмо бодро: «Давно я не был так творчески наполнен».

Один из эпизодических корреспондентов Бать — Эрвин Гой, более известный под своим творческим псевдонимом Ондра Лысогорский. Не исключено, что Бать имела отношение к переводам М.Цветаевой из Лысогорского, опубликованным в «Интернациональной литературе» (№ 11/12 за 1940 г.). Возможно, Бать познакомилась с Лысогорским в Ташкенте в эвакуации или во время поездки в Чехословакию (до мая 1966 г., точнее не известно).

Лысогорский создал собственный литературный вариант ляхского диалекта. Писал он и по-немецки под влиянием Гёльдерлина и Рильке. Бежав из Чехии от нацистов, был интернирован в СССР. В Москве его переводили такие поэты, как Пастернак, Цветаева и Маршак. Все, что мы достоверно знаем об отношениях Бать и Лысогорского, это — запись стихотворения «Чайка» на оборотной стороне фотографии с портретом неизвестной нам женщины:

ЧАЙКА

Широкий, плавный чайки взлёт
в вечерний ясный небосвод.

Гляжу на лёгкий этот взлёт,
а даль чиста, как синий лёд.

Души движенье — птицы взлёт
За чайкою лечу — вперед.

Лидии Григорьевне Бать
Ондра Лысогорский

Москва—Будмерице 18 марта 1965

Предположительно, встреча Бать и Лысогорского произошла в Москве, а фотография была послана из Будмерице по почте. В Будмерице в псевдогоготическом замке располагался дом отдыха словацких писателей.

29 марта Бать, вероятно, побывала на вечере чтецов, посвященном творчеству С.И.Липкина в Центральном Доме актера им. А.А.Яблоч-

киной, а 12 мая — на открытии V съезда писателей Узбекистана в Ташкенте. 24 сентября поздравляла Айбека с 60-летием и 40-летием творческой деятельности. Именинницей была и поэтесса Зульфия, которая отмечала 50-летие и получила звание народной поэтессы Узбекистана. Бать посвятила ей очерк.

Командировки часто делали Бать недоступной, и 3 декабря Эфрон писала Мотолянскому: «Спасибо и Лидочке за все то же, что и тебе, только несколько более заочное, т.к. представляю себе, как она крутится-вертится “в сезон”, да еще Зульфия была “именинницей”, да еще мало ли чего, о чем я даже не подозреваю». Действительно, забот у Бать хватало, включая и «тимуровскую» работу: 10 ноября она в очередной раз навестила в больнице Е Стасову.

На вечере, посвященном 70-летию С.Есенина (4 октября 1965 г.), Бать спешно конспектирует речи на программке. Отсутствующие докладчики отмечены знаком «минус». Были и не обозначенные в программке ораторы, например Виктор Боков. Бать записывает: «Боков — яд, яд, яд». Но подробнее всего законспектировано выступление Е.Евтушенко, который читал «Письмо к Есенину». Бать записала несколько строк из следующего весьма смелого для 1965 г. отрывка:

Когда румяный комсомольский вождь
На нас, поэтов, кулаком грохочет,
И хочет наши души мять, как воск,
И вылепить свое подобье хочет,
Его слова, Есенин, не страшны,
Но трудно быть от этого веселым,
И мне не хочется, поверь, задрать штаны
Бежать во след за этим комсомолом.

[Евтушенко 3: 106]

Евтушенко вспоминал: «Я не поверил своим глазам, когда увидел напечатанные черным по белому некоторые имена тех, кто травил Есенина при жизни, на афише есенинского вечера в Колонном зале. Я написал в день выступления гневное и горькое «Письмо к Есенину» и дописывал его в президиуме. <...> Телевидение было технически неумелое, и почти все передачи были прямые. Но где-то на середине моего стихотворения на всех экранах СССР заплесало: “Передача прервана по техническим причинам” <...> Уже через несколько дней я получал читательские поздравления с этим стихотворением из самых-самых “медвежьих углов” <...> Напечатать это стихотворение мне удалось лишь через 22 года» [Евтушенко 2006: 156].

Автором предисловия к новому тому Пастернака был А.Синявский. В том же году А.Синявский и Ю.Даниэль были арестованы, что и спровоцировало, по-видимому, распространение «гриппа», которого боялась Эфрон. 5 декабря 1965 г. состоялся митинг, участники которого требовали, чтобы суд над Даниэлем и Синявским был проведен гласно и открыто, в соответствии с Конституцией. В СССР началось диссидентское движение. А через пять дней без всякого шельмования М.Шолохову была вручена Нобелевская премия.

СМЕРТЬ ВАЛЕРИИ ЦВЕТАЕВОЙ И ДЕЛО ДАНИЭЛЯ И СИНЯВСКОГО (1966)

1966 г. был отмечен смертью Ахматовой (5 марта) и процессом над Синявским и Даниэлем, вокруг которых развернулась полемика в писательском сообществе с выступлениями нобелевского лауреата Шолохова, Л.К.Чуковской, «письмами 63-х» и постановлением Секретариата Московского СП. Ужесточались репрессии, разрасталось и диссидентское движение. Эфрон держалась в стороне от «схватки», стараясь расширять сферу дозволенных к публикации текстов матери. 19 апреля она сообщает П.Г.Антокольскому свою программу: двухтомник, сборники «Театр», «Мой Пушкин» и сборник переводов «Просто сердце» [АЭ 2: 237].

Двухтомник и «Театр» она успела подготовить, но напечатанными их так и не увидела. Взяв «несколько дней передышки между переводами», она принялась за выписки из французских книг для комментария к пьесе «Фортуна», посвященной любвеобильному романтику и революционеру Арману Гонто герцогу Лозену, казненному в эпоху французской революции. В пьесе его легкомысленность утрирована, а демократические убеждения представлены прихотью аристократа. Эфрон боялась цензуры: «Очень может быть, что работа пустая, ибо пьеса несколько сомнительна, *rardon*, по ориентации». «Театр» (1988) вышел в разгар перестройки, через тринадцать лет после смерти Эфрон и десять — после смерти Антокольского, автора предисловия.

Между тем необходимо было рассказать и о жизни Цветаевой в приемлемом для официоза освещении. Роль биографа Эфрон хотела поручить Анне Саакянц. 5 сентября она инструктирует ее, как писать заявку на книгу: необходимо подчеркнуть, что противоречивость в творчестве Цветаевой — «не хаотичность или внутр<енний> анархизм, а — поиски истинной, глубинной правды, вечный спор с самой

собой» [АЭ 2: 264]. Три года спустя Саакянц выпустила «очерк жизни и творчества», но не Цветаевой, а Иосифа Уткина. Первую брошюрку о Цветаевой, «Тайный жар» (1986. Б-ка журнала «Огонек»), она публикует через двадцать лет.

Одно за другим в журналы просачивались цветаевские эссе. В январе в «Литературной Армении» вышла «История одного посвящения» — в редакции сильно отличающейся от зарубежной (выпало, в частности упоминание армянского купца, «жирного, масляного, черномазого» в цитате из Георгия Иванова). В июльском номере «Москвы» вышел очерк «Дом у Старого Пимена», а в «Литературной России» (11 ноября) — эссе «Мать и музыка» — «не лучшее мамино», да еще и с купюрами [АЭ 2: 287].

К очередной годовщине смерти Цветаевой Литфонд решил заменить установленный А.Цветаевой крест на елабужском кладбище на «“бывший в употреблении” купеческий монумент» [АЭ 2: 267]. Эфрон писала протестующие письма от имени цветаевской комиссии и членов семьи.

Скандал с крестом разразился в период траура над другой цветаевской могилой. 17 августа скончалась старшая сестра Цветаевой — Валерия Ивановна, дочь И.В.Цветаева от первого брака. Она еще успела прочесть «Дом у Старого Пимена» и, наверное, была знакома с эссе «Черт», в котором ей отведена важная роль.

О смерти тетки Эфрон сообщила Бать 4 сентября в торжественной «цветаевской» манере: «Умерла Валерия — как и жила — на свой лад, в темном и запущенном своем гнезде над светлой Окой, под присмотром единственного человека, который ее не только не раздражал, но и угождать умел, — старика-сторожа, пьянчужки и воришки, лукавого и учтивого оборванца.

Похоронили Валерию на новом кладбище — над речкой Таруской, среди молоденьких ёлок, посаженных там специально, чтобы запущенность, свойственная русским кладбищам, не была так заметна. Итак, закончилась последняя глава “Дома у Старого Пимена”, глава, не вошедшая в цветаевскую семейную хронику, но тем не менее небезыntересная, и написанная с немалым мастерством самой Жизнью».

«Одически» звучал и конец письма: «В ночь на 27 августа, мамину годовщину, грянул совершенно неожиданный мороз и увел все цветы; но сам день был торжественно тих, ясен и светел; провела его в кафедральном хвойном лесу над Окой, на высоком, кругло-крутом берегу; всё это напоминает так любимую мамой Чехию».

Эфрон допустила анахронизм, называя 27 августа «маминой годовщиной» (день смерти Цветаевой — 31 августа): это была годовщи-

на ее собственного ареста в 1939 г. Но в этот день она видела мать в последний раз.

В начале марта 1966 г. был получен недавно вышедший сборник Бодлера, где переводы Эфрон и ее матери оказались под одной обложкой. Летом, преодолевая мигрень, она билась над переводом пьесы Тирсо де Молина. Не забывала и Мотолянских: в конце апреля писала Е.Я.Эфрон: «Сегодня канун майского праздника; Ада “гостит” <...> зайдет Аня, и м.б. все втроем отправимся с визитом к Л.Г.Бать» [АЭ 2: 240].

Разговоры, конечно, велись о Франции. В мае Бать получила характеристику для ОВИРа, где упоминалось, что она работает в двух комиссиях СП, Национальной и жилищной, и награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

На новый год Эфрон пожелала Мотолянским мира: «С наступающим Новым годом, мои дорогие! Пусть он будет *мирным* — и добрым ко всем нам». Возможно, настойчивое пожелание мира было связано с тем, что Нобелевская премия мира не присуждалась в минувшем году, в Китае бушевала «культурная революция», а дело Синявского и Даниэля внесло раскол в писательское сообщество. На лицевой стороне открытки — бухарская игрушка — мальчик в халате и меховой шапке. Эфрон пририсовала ему тележку, набитую книгами Л.Бать и «Воспоминаниями» С.Мотолянского. Войнам и конфликтам Эфрон хотела противопоставить творчество и труд на благо культуры.

Книги Бать, действительно, продолжали выходить. Опоздав на год к 60-летнему юбилею, Бать и Матякуб Кошчанов опубликовали книгу об Айбеке [Бать-Кошчанов 1966]. Закончив ее, Бать смогла переключиться на повесть об А.С.Новикове-Прибое, 90-летие которого отмечалось в следующем году. Среди ее публикаций 1966 г. — статья «В трудный год» о Викторе Кине, репрессированном авторе популярного романа «По ту сторону» (в сборнике воспоминаний о нем «Всегда по эту сторону», 1966).

Книги ее находили отклик у читателей, даже за рубежом. В декабре она получает открытку от эмигранта Павла Моисеева: «Сердечно благодарю за Вашу книгу — “Спасибо за правду”». О себе Моисеев сообщал: «Я уже в старческом доме, который расположен на юге в живописном среди гор городишке».

Дела Гроссмана тоже продвигались. В журнале «Север» вышли его мемуары «Минувшие дни» с предисловием К.Чуковского. Среди героев — Чуковский, Б.Житков, В.Короленко, авиатор С.Уточкин, Е.Кузьмина-Караваева. Редакция запросила на мемуары рецензию Чуковского, и тот ответил: «Автор этих мемуаров из скромности очень мало говорит о себе. <...> я очень завидовал ему, так как у него

были все преимущества принадлежности к интеллигентной семье <...> я просил у него для прочтения то Глеба Успенского, то Теккеря, то Писарева. За это через семьдесят лет я спешу выразить ему свою благодарность» [Подольный 2004].

Самой большой удачей Гроссмана стала сдача в производство романа «После восстания», который имел все шансы опередить «Арион» из-за придинок московского редактора. Мотолянскому, взявшему на себя роль посредника, доставалось с обеих сторон: редактор требовал сноски к любой фразе Пушкина, а Гроссман негодовал, что от него ждут диссертации вместо романа. Вопросы вызывали и собственные переводы Гроссмана с французского, и текст народной солдатской песни. Писатель резонно заметил, что фольклорный текст «может иметь множество вариантов», но ему пришлось указать: «Строчка К.Батюшкова “Нас было лишь трое на легком челне” взята мною из “Песни Гаральда Смелого”» и т.п. Мотолянскому он писал: «Если бы Вы были дамой, я бы Вам поднес цветы, если бы я был поэтом, я бы Вам посвятил стихотворение».

16 марта у Мотолянских побывала М.Алигер, которая надписала им все имеющиеся в их библиотеке свои книги: «Год рождения» (1938): «Это первая моя книжка, и кое-что из нее всем в свое время уже надоело»; «Первые приметы» (1948): «А эта книга вышла только в количестве 26 экземпляров. Один из них — ваш. У меня такой — увы! — нет»; «Камни и травы» (1940): «А это третья и очень мне дорогая»; «Из записной книжки (1946–1956)» (1957): «И не такая уж простая и гладкая книжка. Сдавалась она в конце 1957 года, а вышла, собственно, в начале 1958 года». Именно в 1957 г. Алигер пережила самую тяжелую партийную проработку, от которой творчески так и не оправилась.

13 мая Бать, скорее всего, побывала в Центральном доме актера на вечере артистов из Народного театра чтеца, которые исполняли стихи Алигер, Асеева, Ахматовой и других поэтов. А 12 июня в Переделкино она получила от Либединской книгу «Зеленая лампа. Воспоминания»: «Дорогим, родным и бесконечно милым Лидии Григорьевне и Самуилу Ефимовичу с нежностью и любовью». Книга была памятником покойному Ю.Н.Либединскому, но среди героев были и Цветаева, и Светлов, и многие другие, а некоторые даже еще здравствовали (Крученых и Айбеку было отпущено еще два года). Настало время и Бать написать о людях своей жизни.

«САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА» И «МОРЕ БУШУЕТ» (1967)

50-летие Октябрьской революции СССР отметил увеличением **всех** выплат, отпусков и выходных, снижением налогов, сроков службы и наказаний. Общей эйфории мешал только голос взбунтовавшегося Солженицына. Теракт на Красной площади прошел незаметно — **как** выходка сумасшедшего (хотя среди жертв были и дети). А настоящий резонанс получил побег Светланы Аллилуевой, дочери Сталина.

6 марта ее приняло посольство США в Дели, а 22 апреля она дала пресс-конференцию. Советская пресса негодовала: воспользовалась смертью мужа-индийца, бросила детей, опубликовала «Двадцать писем к другу». Эфрон писала Н.Гордон: «Вчера через стенку слышала Пресс-конф<еренцию>, данную Светланой <...> Все очень мелко и дешево. Воображаю, как вождь и учитель вертелся в своей урне!» [АЭ 2: 285]. В письмах к Бать из Тарусы иронизировала: «Утлый здешний “универмаг” решили модернизировать, в витрине выставили бабий манекен работы безвестного умельца периода татарского нашествия и повесили вывеску. “Светлана” <...> до того злободневно, что хоть делай из универмага валютный магазин! Тем более, что “на данном этапе” товаров в указанном универмаге не больше, чем у той Светланы в голове».

Мотоляanske хранили перепечатку из № 13 словацкого еженедельника «Культурный живот», где была напечатана статья Павла Личко «Один день у Александра Исаевича Солженицына». Эфрон подарила Солженицыну том «Избранного» Цветаевой, а Солженицын передал ей через Саакянц одну из копий «Письма к съезду» (22–27 мая проходил IV съезд ССП), в котором требовал упразднения цензуры и несколько раз вспоминал Цветаеву [Саакянц 2002: 101–103].

При всей врожденной ироничности и критическом взгляде на вещи Эфрон относилась к власти иначе: она жаждала не изменения основ, а их соблюдения. 17 апреля она обратилась к секретарю СП К.Воронкову с просьбой об «истинной реабилитации» С.Я.Эфрона как разведчика, чтобы он «встретил 50-летие Советской власти в ряду вечно живых ее борцов» [Кудрова 1995: 265].

По достижении 55 лет, в день своего рождения (18 сентября) она вышла на пенсию. Чтобы приблизить желанный срок, она стала указывать в документах точный год своего рождения — 1912, а не 1913. К этому моменту подоспел и сборник «Мой Пушкин», на который Бать откликнулась 10 августа: «Я под глубоким впечатлением от книги “Мой Пушкин” <...> Только вчера ее получила, а вот сегодня проглотила ее уже всю». Эфрон порадовалась за подругу: «...лавка выделила

нам с Аней такую малость, что даже родственникам не хватило».

Постепенно становится возможным и разговор о парижском периоде жизни Цветаевой. Эфрон пытается получить через Алигер письма матери к С. Андрониковой-Гальперн. В. Каверин замышляет роман «Перед зеркалом»¹⁶, в котором Цветаева будет изображена в образе эмигрантки Ларисы Нестроевой [АЭ 2: 280–281]. Эфрон тоже задумывается о возможностях художественной прозы для сохранения образа матери, но ей ближе подход Э. Г. Казакевича, который хотел изобразить Цветаеву в «Московской повести» под собственным именем.

Она просит Алигер привезти из Парижа открытку с изображением Ники Самофракийской и сочиняет для «Литературной Армении» рассказ «Самофракийская победа» о вымышленном походе Цветаевой с Аветиком Исаакяном в Лувр. Сохранив подлинные имена и характеры, Эфрон выдумала фабулу, в рамках которой дала Цветаевой возможность высказаться на тему искусства. Мотив спора об иерархии искусств повторял конфликт поэтессы и художницы в повести Каверина, но представлял позицию Цветаевой менее «непримиримой». Эфрон использовала характерный композиционный прием матери: героиня пылко отстаивает свою точку зрения, а в финале сама себя опровергает, натолкнувшись на неотразимый пример — статую Ники Самофракийской.

Заметим, что необычная этимологизация имени Ники и перестановка имени и эпитета деавтоматизирует наше восприятие заглавия: эпитет «самофракийская» начинает прочитываться как слово с приставкой «само-», как бы намекая на победу над собой, что соответствует и той идее, которую Эфрон пыталась внушить Саакянц: противоречивость Цветаевой — «поиски истинной, глубинной правды, вечный спор с самой собой» [АЭ 2: 264].

Новелла получила теплый прием у читателей, но сама Эфрон была не очень ею довольна, хотя и благодарила В. Орлова за добрый отзыв об «утлых воспоминаниях», вдохновляющий на дальнейшую мемуарную работу [АЭ 2: 318–319]. Зато ее «тронули алконостовы воспоминания в “Н<овом> Море”» — мемуары С. М. Алянского, владельца издательства «Алконост», с которым Цветаева общалась в Берлине в 1922 г. Еще больше тронула встреча с К. Б. Родзевичем и его женой И. Бергер: «Он — чудо, что за человек, — и несомненно *дорос до поэм!*» По-настоящему потрясла ее смерть Эренбурга 31 августа, в день смерти Цветаевой [АЭ 2: 309]. Все эти люди знали ее еще девочкой, все были знакомы с Цветаевой и обо всех надо было когда-нибудь написать.

Но основная ее работа — переводы. Отправляясь в Тарусу, она берет с собой «непочатого Верлена» и «Мастера и Маргариту» Булга-

кова. Сцены бесовского «озорства» Эфрон не понравились, но образ Мастера оказался близок: «Мастеру нет места в жизни <...> он безмерно одинок в своем избранничестве <...> нет ему рая, нет ему ада — ибо и то и другое — *скопнице*; он одинок и там <...> никому не мешает его одиночество» [АЭ 2: 289].

Бать издала свою последнюю повесть «Море бушует»: к 90-летию А.С.Новикова-Прибоя и к собственному неофициальному 70-летию, посвятив ее «Памяти моего отца Григория Гедеоновича Бать» [Бать 1967: 5].

Книжка получилась короче предыдущих и давала связное представление о жизни писателя только до 1913 г., когда А.С.Новиков вернулся из эмиграции по амнистии — в честь 300-летия дома Романовых. Основой послужили собственные автобиографические тексты Новикова-Прибоя, в частности, рассказа «Судьба» о встрече с матросом, повлиявшим на выбор профессии будущего писателя. Кульминация биографии Новикова — Цусимское сражение — послужила лишь завязкой повести о том, как матрос Новиков собирал и терял материалы будущей книги, как они окончательно пропали и неожиданно были найдены много лет спустя. За «Эпилогом в двух главах» следует «Вместо послесловия», где Бать описала свое знакомство с писателем. Рецензию на повесть написала близкая Мотолянским О.Грудцова, которая 18 января 1968 г. подарила им свою книгу «Александр Бек: Критико-биографический очерк» (1967).

Некоторая вялость второй части повести была связана не только с желанием сдать книгу вовремя — к юбилею, но и начинавшейся болезнью Паркинсона. По свидетельству Н.Г.Бать, впервые болезнь проявилась после столкновения Бать с уличным хулиганом.

27 января Бать получила в подарок сборник стихов Зульфии «Сердце в пути» (1966). Февральский номер «Звезды Востока», посвященный Айбеку, был переполнен ссылками на монографию Бать и М.Кошчанова. Отметались упреки С.Виленского и М.Константиновой в психологической неубедительности сюжета революционного романа «Священная кровь». Бать (на тот момент — зам. председателя Совета по узбекской литературе СП СССР) именуется «другом узбекской литературы».

Закончилась многолетняя издательская одиссея В.А.Гроссмана: вышли обе книги пушкинской дилогии. «Арион» позднее был переведен на чешский и французский языки [Подольный 2004]. Последние известные нам письма к Мотолянским (все 1967 г.) адресованы Самуилу Ефимовичу и связаны с его страстью к эквилибрисам. Дальнейшее общение протекало, по-видимому, по телефону.

Продолжает писать из французской богадельни П.Моисеев, «поклонник и почитатель Сов<етских> Писателей», особенно — В.Тендрякова. 27 февраля Бать, вероятно, побывала на выставке «Встречи с русскими парижанами», где были выставлены материалы, собранные уроженцем Одессы Ильей Самойловичем Зильберштейном, который передал их в советские архивы и музеи.

27 марта Бать подала в ОВИР заявление с просьбой разрешить ей выезд во Францию на три недели для посещения «престарелой родственницы», но получила отказ. 22 июня она обращается к министру охраны общественного порядка Н.А.Щелокову: «Моя тетя, которой сейчас далеко за 80 лет, принадлежит к старейшему поколению русских революционеров и вынуждена была бежать из царской России. Живя во Франции, она поддерживала тесные связи с русской революционной эмиграцией. В ее доме бывал В.И.Ленин. <...> Для меня, писателя, занимающегося историко-революционной темой (участвую в сборниках, выпущенных “Политиздатом” — серия “Лениниана”), эта поездка имеет особо важное значение».

Начиная со следующего года, статьи Бать начнут появляться в сборниках, посвященных ленинскому окружению: «Женщины русской революции» (1968), «Партия шагает в революцию. Рассказы о соратниках Ленина» (1969), «Светом ленинских идей» (1969), «Мы наш, мы новый мир построим» (1970). Ее героини: актриса М.Н.Ермолова, которой первой присвоили звание «народной артистки» в 1920 г. при непосредственном участии Ленина, а также Лидия Михайловна Книпович, которая в 1905 г. была секретарем Одесского комитета РСДРП. Но в 1967 г. в Париж выехала только Алигер, а Абель Старцев исправно слал открытки из США.

Чуть раньше получения отказа из ОВИР'а у Мотолянских умер любимый кот Мурзик. 22 июня Эфрон утешала ее из Тарусы: «Если есть кошачий рай, то он вряд ли сравнится с земной жизнью Мурзика в вашей квартире <...> Шушка спит <...> и даже не подозревает, что частично овдовела, ибо было у нее и с Мурзиком несколько часов из жизни женщины. <...> Целуем вас, вплетая цветок нашей печали в венок вашей скорби о Мурзике».

Печаль мог отчасти развеять V Московский кинофестиваль (5–20 июля). 21 июля Эфрон, выступая защитницей свежего воздуха, ехидно предположила: «...опасаюсь все же, что минувший кинофестиваль не оставил вас равнодушными; Мулю во всяком случае; он ведь за Мариной Влади готов хоть на край света». Бать отвечала 24 июля: «Представь, сидим на даче, в наших зеленых джунглях и дышим свежим воздухом. Фестивалились только дважды и вполне насытились. <...>. Всюду много эротики и весьма однообразной».

Юбилей революции отразился на репертуаре зрелищ. Начиная с 30 августа, Мотолянские посмотрели целую серию спектаклей в «Современнике» О.Ефремова, и все — с революционным уклоном: «Большевики» М.Шатрова, «Декабристы» Л.Зорина и «Народовольцы» А.Свободина. А 8 сентября Л.Либединская подарила им повесть о детстве Герцена «Воробьевы горы»: «Родным моим Лидии Григорьевне и Самуилу Ефимовичу — первым читателям и советчикам, с любовью и благодарностью».

Но в быту Бать не была, по-видимому, склонна к угрюмой серьезности. 8 марта она получила поздравление от Саши из Риги (видимо, сына Н.А.Бать) как «одна из самых веселых женщин нашего семейства».

ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ И «НЕМИРНЫЙ МИР» (1968)

1968 г. оказался рекордным по числу траурных событий: убиты Мартин Лютер Кинг и Р.Кеннеди, разбился Гагарин, умер Л.Ландау, И.Сельвинский. В начале лета смерть унесла А.Крученых, Айбека и К.Г.Паустовского. С А.Каххаром Бать успела проститься в московской больнице (умер 24 мая). Год закончился для Бать болезнью мужа.

Но перед этим в СССР начали готовиться к столетию Ленина, о чем вышло специальное Постановление ЦК КПСС, и, может быть, именно поэтому апелляция Бать сработала и она смогла, наконец, побывать в Европе — почти одновременно с Дейчами. Произошло это до Пражской весны и майских-июньских беспорядков во Франции.

Бать выехала из Москвы 20 января и пробыла в Париже до 20 февраля. Эфрон вспоминала: «Вид у вас с Мулей в вагоне был, как после марафонской дистанции!» Но Мотолянский остался дома, и с 24 января, Бать шлет ему открытки. Эфрон советует не пытаться «объять необъятное», забыть про сувениры («за исключением *моих шнурков*») и не возвращаться до срока.

Песис поручил встретиться с Маргерит Блок, женой Ж.Р.Блока, а также списать на кладбище Пер-Лашез надпись на могиле писателя. Вместе с Терезой (личность не установлена) она посетила Рибеновичей. С театроведом Ниной Лазаревной Гурфинкель побывала «в театрах — самых классических, Комеди Франсез и Одеон; видела блестящих по виртуозности актеров». Кузен Жюль показал ей Лувр, дом «Юнеско», сводил в «Café de la Paix» и вообще — руководил изучением «музейной и ресторанной жизни Парижа».

30 января Бать сообщает мужу: «Музеи закрыты, поедem, навер-

ное, на могилу Наполеона и на Пер ла Шез. Все, что я помню с детства, возникает, как из сна». В тот же день она шлет Эфрон открытку: «Алюша, дорогая! Безмерно тронута твоим заботливым письмом. Всю неделю собиралась тебе писать, но ждала отклика от Е.Н.Старовой <...> я тебя слушаюсь. Впервые в жизни ела устриц и спагетти. Это ли не обогащение? Самофракийская на месте. Хороша до слез. Венера и Джоконда — тоже».

Еще до возвращения жены Мотолянский начал получать открытки и от Дейчей, которые прибыли во Францию 12 февраля. 13 марта они просят писать им на адрес А.А.Евреиновой. Пишут о них и общие знакомые. 18 марта Н.Гурфинкель отчитывается: «Дейчи очень-очень симпатичные, мы были вместе у сестры Щепкиной-Куперник». 27 марта Е. К. Дейч сообщает о визите в Монте-Карло, где «Дейчик ничего не выиграл», а 30 марта А.И.Дейч «в мэрии Ментоны получил почетную медаль города». В этом городе умер А.В.Луначарский, которому Дейч посвятил воспоминания.

Эфрон тоже путешествовала. В мае она совершила со Шкодиной паломничество «по святым местам»: Владимир, Суздаль, Боголюбов. В середине июля доезжает до Углича: «Любовалась несколько захиревшим с тех пор, что мы ему посвящали панегирики в Revue de Moscou, — каналом»; «К сожалению, в самом Угличе стояли недолго, так что приходилось “проникаться” буквально бегом. Гидша нам попалась почему-то ярко выраженная иудейка, и когда она возглашала “мы, русские люди, отстояли Углитш от нашествия монголо-татарских захватчиков”, — в глазах окружавших её славян загорелся тот самый татаро-монгольский огонёк». 11 сентября она присоединилась к экспедиции художников, путешествующих по Волге: «Ночь плывем, день стоим <...> стараюсь увидеть возможно больше невиданного, и к вечеру ноги гудят!»

Быть туристом хорошо, но терпеть туристов — не очень: «Орды туристов, дачников и празднующихся наводняют Тарусу; видя это, местные власти открыли кафе на... 8 столиков; в меню — водка и ежевичное варенье. <...> Студентам-ботаникам, приехавшим на практику, выделили здание (?) бывшей покойницкой, на территории кладбища. По ночам с места вечного упокоения несутся звуки озябших гитар и выражения, способные поднять живых и мертвых, — всех, кроме районного начальства»; «В лесу за грибами — как за ажурными чулками — не пробиться. <...> вдоль реки — сплошь палатки, по реке — сплошь байдарки; недостает лишь “чертова колеса”, чтобы чувствовать себя в ЦПКиО им. Горького. <...> нет тишины и на могиле Паустовского; для многих это — еще одна “достопримечательность”».

Из-за разбродов переписка с Бать оживилась, но недостаточно (9

июня): «Написала ли я ответ на твою открытку или прособиралась? <...> Как погляжу на себя с точки зрения всё убывающей памяти и всё прибывающей рассеянности, то нахожу, что Борису Ароновичу [Песису] самая пора делать мне предложение, а то поздно будет: он забудет предложить, а я — ответить»; (29 июля): «Дорогая Лидочка, ты, как всегда, “забрасываешь меня письмами”. Бог тебе судья, а так же узбеки, украинцы и прочие каракалпаки».

Удавалось и что-то сделать. В «Литературной Армении» (№№ 6–7) вышло эссе Цветаевой «Живое о живом». В планах были и собственные воспоминания (о Бунине), но проект не осуществился. Из сборника «День поэзии» статья Цветаевой «Световой ливень» о Пастернаке была изъята. Эфрон собирает эмигрантскую прессу о Цветаевой и связывается с М.Слономимом. Переводами занимается меньше.

Ее занимает Булгаков: «Перечитываю “Мастера и Маргариту” и еще больше нравится, чем при первом чтении, хоть и многовато дешевой чертовщины. Впрочем, и в жизни так же. Какой сюжет для оперы пропадает! о чем думает Шостакович??»

Бать собирает сборник «Незабываемые встречи» и, несомненно, занята очередным юбилеем Алишера Навои. В Ташкенте открылся музей литературы его имени, а в Большом театре в Москве 11 октября состоялся вечер, посвященный 525-летию поэта. Газета «Ташкент окшоми» сообщила о выходе новых книг к юбилею Навои, включая переиздание повести Бать.

От смертей, болезней и политических потрясений хочется укрыться на лоне вечной утешительницы — природы. Эфрон любит Тарусой: «Сирень стоит сплошной стеной, цветут тюльпаны, поют озябшие самоотверженные соловьи»; «Стараемся тут жить тихо-спокойно, по-пенсионному, но немирный мир всё вторгается и вторгается с убийствами, войнами, забастовками <...> А земля все так же кротка и прекрасна, и все так же цветут цветы и стада пасутся, и солнце всё так же капризничает в небесах — творит погоду по своему разумению».

У Бать появился новый повод для радости: ее внучатая племянница Наталья Григорьевна Бать 4 июня родила сына Юрочку Аксельрода. Он неоднократно упоминается в переписке с Эфрон. Ж.Куинджи шлет из Японии приветы «Наташе и ее bébé». Своих детей у Бать не было, как и у Эфрон, которая иронизировала: «У “нас” родился великолепный котик, мальчик, очень пушистый, весь в маму, <...> хвост морковкой — красоты несказанной и кроткого нрава. Неужели вы не соскучились по обществу единственного “Юрочки”, на которого способен наш возраст и ... пол?! <...> За породу и нрав мы с Шушей ругаемся».

10 декабря отмечался 70-летний юбилей покойного Ю.Н.Либенского — в день рождения Мотолянского, но Самуил Ефимович накануне оказался в больнице, и это превратилось в главный сюжет переписки конца года.

Эфрон писала ему: «Муля мой дорогой, не считай меня последней свиньей <...> за то, что я ни разу не смогла тебя навестить. <...> так “навалились” на меня мои тётушки <...> отметили Адин день рождения, пили, естественно, за твое здоровье, что тебе, несомненно, помогло сделать первые шаги (по направлению к дому!). Аня Саакянц раздобыла для тебя <...> Гоголя».

20 декабря Эфрон и Шкодина шлют Муле открытку с рисунком В.Г.Литвиненко на тему «Все хорошо в меру!» Рисунок изображает бокал вина и сидящих встать пьяных воробьев: «С днем рождения, дорогой, дорогой, дорогой Муля! Несмотря на то, что ты приложил все усилия, для того, чтобы сэкономить именинное угощение, мы всё равно своё возьмем <...> как только ты <...> окрепнешь настолько, чтобы хлебнуть нарзанчику, закусить валидольчиком!»

На следующий день ему послана открытка с рисунком санного катания сказочных героев: «А не пора ли уже запрягать лошадку и — домой, в объятья дорогой супруги и ее резвых подруг-пенсионерок? (“от них первая есмь аз!”)»

Среди поздравлявших Мотолянского с выздоровлением и новым годом оказался и художник Н.А.Никифоров, корреспондент Д.Бурлюка, зазывавший Мотолянских в Тамбов на выставку В.В.Маяковского.

«НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ» И СМЕРТЬ С.Е.МОТОЛЯНСКОГО (1969–1970)

1969 г. был отмечен советско-китайским конфликтом на острове Даманский. Обострилась и космическая гонка с США: СССР доставил на Венеру вымпелы с барельефом Ленина и советским гербом, а американцы высадились на Луну. Эфрон иронизировала: «...скоро мы начнем соревноваться с Палангой (в смысле числа отдыхающих); что до прочего <...> то не тот коленкор, отнюдь не тот. Но всё же куда лучше, чем на планете “Венера”; там пусть вымпелы живут...».

6 марта умерла совсем юная, но прославленная художница Надя Рушева, а 9 апреля на похоронах Иосифа Гордона Эфрон задумалась о краткости жизни и о том, что «еще *ничего* мною не сделано для мамы» [АЭ 2: 344]. В «Новом мире» появилась подборка «Из писем Марины Цветаевой». Готовился к публикации и полный вариант книги «Наталья Гончарова». Переводы Цветаевой попали в «новое изда-

ние Лорки в золотой суперобложке». Сама Эфрон отказалась переводить Лорку с неизвестного ей испанского, чтобы не плутать «между буквализмом и отсебятиной» [Саакянц 2002: 78].

В отношениях с Саакянц наступило охлаждение из-за «измены цветаевскому делу» [Саакянц 2002: 107]. В ноябре Саакянц подарила Мотолянским свою книгу «Иосиф Уткин. Очерк жизни и творчества» (1969): «Милым Лидии Григорьевне и Самуилу Ефимовичу — на память от автора»

Не теряя надежды на помощь, Эфрон разъясняет Саакянц близость сюжетов цветаевских поэм «На красном коне» и «Молодец» (1 июня): в обоих случаях героиня «приносит в жертву любви <...> себя самоё», свое женское начало. В первом случае это жертва «призванию, т.е. любви — наивысшей» [ср.: АЭ 2: 347]. Саакянц протестовала против подобного подхода. Эфрон успела зафиксировать свою концепцию сюжетных инвариантов Цветаевой в мемуарах, а затем ее плодотворно развила в своей кандидатской диссертации Е.Б.Коркина.

В июле вместе с Саакянц и Шкодиной Эфрон отправилась по Северной Двине и Сухоне «от Архангельска и до Архангельска» с заходом на Соловецкие острова. 24 июля она сообщает: «Самым ярким впечатлением поездки несомненно останется Великий Устюг, кажется, нет города краше среди виденных мною». 21 августа добавляет, что от поездки осталось «множество добрых воспоминаний и впечатлений, неполадки же этого рейса, к<отор>ых было более, чем достаточно, уже улетучились из натренированной памяти».

О чтении сообщается мимоходом, так что становится ясно, что Эфрон прочла повести ровесника и земляка Бать — В.Катаева («Маленькая железная дверь в стене», «Святой колодец» и «Трава забвения»): «В день рождения Володи¹⁷ вышла из строя последняя колонка и воду надо было таскать из “Святого колодца” — хоть бы он скорее порос “травой забвения”. А в день нашего приезда чтой-то лопнуло на электростанции, и вместо лампочки Ильича пришлось возжечь свечу Аввакума». Катаев имел не самую лучшую репутацию, но был одним из тех, кто открыто протестовал против реабилитации Сталина в 1966 г. (письмо «25-ти деятелей культуры и науки» Л.И.Брежневу).

На спектакле театра им. Моссовета «Петербургские сновидения», поставленном Ю.Завадским и просмотренном вместе с П.Антокольским, у Эфрон возникло ощущение всеобщей встречи «полстолетия назад в Борисоглебском переулке» [АЭ 2: 354].

Она прочла, наконец, и полный текст «Зеленой лампы» Либединской, о чем писала Бать: «Писала ли тебе, что только сейчас до

меня дошла “Зеленая лампа” Либединской, — неожиданно занятой оказалась для меня эта книжечка, попури из супружеской любви и превратностей эпохи, которую она (автор) *равномерно* реабилитирует и обвиняет, достигая в этих несовместимостях определенной симметрии. Подтекст этой книги, конечно, крупнее и значительнее текста, в <отор>ый постоянно вносишь поправки. Я ей напишу по поводу неправильностей в кусочке, относящемся к МЦ, — конечно, с полнейшей доброжелательностью напишу; к чему множить выдумки, если не в состоянии творить легенды?»

Тарусские письма как всегда полны юмора: «Пишу вам, укутанная, как Меньшиков в Березове <...> Земля отогревается медленно, никак не очнется от морозной и бесснежной зимы, и я сама <...> пока пень-пнём; хотя, кажется, начинаю пускать робкие ростки»; «М. б., дышите кислородом какого-нб. Дома творчества? <...> бродите где-нб. между Ташкентом и Самаркандом, среды акынов и арыков? — так или иначе, а написать мне мне хоть открыточку за три коп. не рассыпались бы». Типичны насмешки над дачниками: «в холодные дни» они гуляют «в габардинах и под звуки баяна», а в теплые «кусеивают окрестные луга, облачившись кто просто в трусы, кто в трусы и бюстгалтеры. При виде чего левитановские и поленовские ландшафты сохнут и дохнут с тоски».

Иногда пробивается лирика (21 августа): «Постоянно вспоминаю вас, постоянно мысленно разговариваю с вами — о прочитанном, увиденном, услышанном»; (14 сентября): «...все время вспоминаю вас в эти неожиданно-дарованные нам светлые и теплые дни “бабьего лета” <...> Впрочем, вспоминаю вас в любую погоду». Эфрон благодарит супругов за исмелин, лекарство от гипертонии, и надеется, что они отдохнули, «хотя Лида отдыхать не умеет!»

Действительно, в августе были сданы в печать «Незабываемые встречи. Литературные беседы. Воспоминания». Бать написала «Слово о друге» — памяти Айбека — для «Звезды Востока» (1969, №3) и по мере сил помогала с организацией музея Новикова-Прибоя. М.Л.Новикова пишет ей (9 июля): «Наконец мои освободили верх дома, где кабинет Алексея Силыча. Мне все кажется, что музея я не увижу: <...> Как Вы чувствуете себя, как здоровье Самуила Ефимовича? Вы в Переделкине, а он в Малеевке, не так ли?» Из-за болезни Паркинсона Бать чувствовала себя, конечно, не самым лучшим образом.

15 июня Эфрон резвится, вырезая из письма Бать много раз написанное слово «Переделкино», написанное каждый раз по-новому. Эти вырезки она вклеивает в свое письмо (выделены разрядкой): «Я рада, что ты на воздухе, в таинственном месте под названием Переделкино,

Перидилкино». Для Бать как профессионального редактора это, конечно, удар по самому больному месту. Чтобы сгладить впечатление от рискованной шутки, Эфрон пишет: «Очень, очень надеюсь, что вам удастся объединиться и отдохнуть <...> и вокруг будут милые люди; впрочем, вокруг вас все милеют! Даже я, хотя это не всегда заметно простым глазом».

Мотолянские и впрямь окружены вниманием. 4 февраля Никифоров присылает письмо с портретом Д.Бурлюка на конверте: «О Бурлюке буду писать — это был феномен XX века!» 25 февраля из Женевы пишет кузен Жюль. 19 апреля Либединская дарит книгу о К.Хетагурове «За вас отдам я жизнь». 15 июля в Переделкино Н.Тихонов подписывает сборник прозы «Шесть колонн» (1968): «Знаюку Востока, дорогой Лидии Григорьевне Бать — на доброе чтение — сердечно — старый азиат — Николай Тихонов». А через два дня С.Щипачев подписывает «Строки любви» (1967). Наконец, уже 6 ноября Л.Левин подписывает «Четыре жизни: Хронику трудов и дней Павла Антокольского»: «Лидочке и Мулечке с нежностью, с нежностью и еще раз с нежностью!»

Столетие Ленина в СССР в 1970 г. отмечалось максимально официально. Сдерживаемое властями народное творчество проявлялось обходными путями: в виде лесных насаждений, видных из космоса («Ленину 100 лет» и т.п.) и в анекдотах: про конфеты «Юбилейная тянучка», мыло «По ленинским местам» и трехспальную кровать «Ленин с нами». Ленин вдруг оказался символом антисталинизма и той революционности, которая была одиозна в царстве жаждавшей покоя брежневской геронтократии. Поэтому революционно звучала поэма Евтушенко «Казанский университет». Солженицын получил Нобелевскую премию. Убийственная для репутации Ленина повесть Василия Гроссмана «Все течет» вышла в издательстве «Посев» (1970) и разошлась в Самиздате, как и саркастическая поэма в прозе В. Ерофеева «Москва-Петушки».

Усилилась государственная «бдительность»: сменились редакции «Нового мира», «Литературной Армении», «Библиотеки поэта» и «Советского писателя». Ушли в отставку В.Н.Орлов и А.Т.Твардовский [АЭ 2: 373]. Цветаевские планы Эфрон пошли прахом: журналы стали недоступны. «Театр» Цветаевой был исключен из издательского плана. Только в «Звезде» (№ 10) благодаря И.В.Кудровой появляется подборка из пяти очерков Цветаевой об отце (три из них были переведены Эфрон с французского).

В предчувствии наступающего «оледенения» Эфрон с особым страхом ожидает издания на Западе «Лебединого стана» и «Перекопа»,

полного текста «Крысолова» и писем Цветаевой [АЭ 2: 364]. Отзыв Н.Берберовой на первую монографию о Цветаевой (С.Карлинского) оправдал ее опасения («нечто вульгарное, недостоверное», «устойчиво-мелкое»). Но западные публикации и статьи пополняют ее собственный архив. Среди ценных находок: брюсовский томик с пометами Цветаевой, полный текст «Живое о живом» и переводы Пушкина на французский.

Переводческая работа идет с трудом: «2 стихотворения Готье из 15-ти обязательных; правда, неплохо перевела, но надо ведь, чтобы и качество переходило в количество, иначе — какой в нем смысл!» Здоровье не радовало: прогрессировал эндартериит, возобновлялась гипертония. Заботы о тетках пришлось переложить на плечи Р.Б.Вальбе: «Обе в Болшеве, на старом дачном пепелище, Руфь подпирает их, как может, а я могу лишь довольно скудными денежными дотациями, т.к. ноги мои не носят меня больше на такие расстояния».

Летом она «чувствовала себя весьма неважно с обоих концов, т.е. со стороны головы и со стороны задних конечностей». 14 августа писала Бать в Переделкино: «Надеюсь, что ты, приемная дочь Узбекистана и приемная мать его литературы XX века, не слишком страдала от неожиданно раскаленного лета».

Бать страдала от другого. 18 мая в день ее рождения умер Самуил Ефимович: ставил в вазу цветы и упал. Смерть была мгновенной. Ему было 73 года.

Эфрон очень переживала за подругу, стараясь подчеркнуть, что жизнь все же продолжается: «Муля обещал мне еще один флакон “Исмелина”, если найдешь в его лекарствах, то побереги для меня, ладно? Это пока единственное, что кое-как помогает».

Эфрон отправляется в путешествие по Волге до Астрахани с путешводителем, подаренным Мотолянским десять лет назад: «Пусть нельзя дважды вступить в ту же реку, но заглядывать в одну и ту же книгу <...> можно, как можно прочесть в ней куда больше, чем в ней написано, и столько перечувствовать и продумать. <...> спасибо жизни за всё добро и всю радость, которую она нам дала, спасибо людям, любившим нас, прощавшим нам, одарявшим и озарявшим нас собою. Спасибо памяти сердца, способной избирать значительное и хранить его, спасибо негасимому свету угасших звезд, согревающему нас не меньше, чем лучи сегодняшних солнц... Я все время думаю о тебе, все время с тобой, дорогая моя».

Конечно, Бать поддерживали и другие близкие люди. 8 сентября Л.Либединская дарит ей свою книгу о Блоке «Жизнь и стихи»: «Родной моей Лидии Григорьевне с преданной любовью». 3 октября

Виктор Урин — избранную лирику: «Дорогой Лидии Григорьевне Бать — замечательному человеку и художнику». С новым годом поздравили коллективной открыткой Усман, Гульчехра¹⁸ и Гульнара: «Любимая наша Лидия Григорьевна! С наступающим Новым годом! Хотим, чтобы этот год принес вам много радостей».

Невозможно прожить без печали,
Но хотим мы, родная, пожелать
Чтобы в радости вы забывали,
Что недавно пришлось горевать».

Книга «Незабываемые встречи» вышла к официальному 70-летию писательницы, обобщив результаты тридцатилетней работы. В раздел «Голоса современников» включены такие имена, как Е.Д.Стасова, А.С.Серафимович, Ф.В.Гладков, А.С.Новиков-Прибой, К.А.Федин, И.Г.Эренбург, В.М.Инбер, Б.А.Лавренев, Н.С.Тихонов, Л.М.Леонов, А.А.Сурков, С.П.Щипачев, В.В.Вишневский, Б.Л.Горбатов, В.С.Гроссман, К.М.Симонов, Э.Г.Казакевич, М.А.Светлов, Якуб Колас, О.Л.Книппер-Чехова, А.Н.Грибов. Раздел «Мои среднеазиатские друзья» был скромнее: Х.Алимджан, Зульфия, Айбек, Г.Гулям, Д.Икрами.

Бать писала импрессионистически, стараясь передать в первую очередь атмосферу встречи, «человеческие» черточки, детали интерьера, если они характеризовали владельца. Например, упомянула, что Б.Лавренев начинал как поэт-эгофутурист (в духе И.Северянина), и М.Волошин одобрил его стихи, помог напечатать их в альманахе «Жатва» [Бать 1970: 109]. Допускала она и скромное инакомыслие: «Илья Львович Сельвинский однажды мне сказал: “Я очень люблю Суркова. С ним так тесно связана моя боевая молодость, драки на поэтическом фронте...” “Да, — подумала я, — хотя в этих драках нанесли друг другу порой тяжелые удары, память сохранила лучшее, что тогда было, — молодость, начало пути”» [Бать 1970: 162].

Не избегает она и комических черт в своих портретах: «Его [Ф.В.Гладкова] волновало все — и дисциплина в учебных заведениях, и первые шаги молодых людей, начинающих свой трудовой путь, и отношения между юношами и девушками, и даже... умение ходить по улице!

— Вы только подумайте, ходят, толкаются... Нужно создать правила уличного движения не только на мостовых, но и на тротуарах, повышать культуру во всем, во всем!

Гладков всегда был одержим какими-то идеями для улучшения жизни человека» [Бать 1970: 52].

Комизм проявлялся как избыток позитивных сторон характера:

«Мне известно было, что Леонов любит физический труд, и, видимо, его постоянно одолевает потребность такой работы: во время нашей беседы он все время сверлил какую-то деталь» [Бать 1970: 151].

Из рассказа А.С.Серафимовича: «Горький читал своим глуховатым голосом, напирая на букву “о”. Так длилось, должно быть, час. Наконец, Горький умолк <...> вышел из-за стола на не заставленное мебелью место и начал приседать и делать другие гимнастические упражнения. Никто не обратил на это ни малейшего внимания, а я смотрел во все глаза и, наконец, не выдержал, спросил соседа, что это значит? Тот изумленно поглядел на меня <...>: “А это он всегда так — посидит час-полтора на месте и мускулы разминает...”» [Бать 1970: 35].

Ей симпатична самоирония, как в рассказе Леонова: «Однажды, когда я был в Красной армии, я сыграл небольшую жалостную роль в пьесе Найденова, и, говорят, две женщины плакали в зале, только две. Видимо, от жалости — не к персонажу, а к потугам исполнителя» [Бать 1970: 147].

«Незабываемые встречи» стали последним крупным творческим проектом писательницы.

МЕМУАРЫ И СМЕРТЬ АРИАДНЫ ЭФРОН (1971–1975)

В 1971 г. Эфрон удалось опубликовать в «Новом мире» (№ 10) куски незаконченной поэмы Цветаевой «Егорушка». Вместе с Е.Б.Коркиной она готовит архив для передачи в ЦГАЛИ СССР, к которому допускает и приехавшую из Франции В.Лосскую.

Публикация «Воспоминаний» А.И.Цветаевой ее не радует. 18 мая она пишет Бать: «...сама хочу позаписать кое-что из помнящегося. На что-то слитное не замахиваюсь, хочу хотя бы отрывочно записывать важное о маме; впрочем, всегда это делаю, но не систематически, увы!» Жалуется Саакянц: «Все во мне устало и многое износилось» [Саакянц 1998: 131].

6 июня она извинялась перед Бать: «Дорогая моя Лидочка, если до сих пор не написала тебе, то это лишь по недостатку сил и времени <...> думается о тебе постоянно, и вспоминается — в той параллельной жизни, которая не по поверхности... Особенно думала (м. б., ты почувствовала это!) 18 мая; этот день, с роковой его *Двойственностью* не поддается (у меня) внешним знакам проявления *единства* чувств <...> на *это* по-прежнему *слов* нет. Но мы друг друга без *слов* знаем и понимаем... Со всей высоты прожитых лет, и как прожитых! А ведь

единственный *смысл* старости — это ее высота <...> с этой точки хорошо и далеко видно, и больше доброты в сердце к бывшему, сущему и грядущему...»

Бать ответила 10 июня: «Дорогая моя Алечка! Большую радость доставило мне твое письмо, как впрочем, все твои письма. Твой почерк я узнаю из тысячи. <...> Ты словно заглянула мне в душу и понимаешь, что в ней делается. А так “все спокойненько”...». Фраза «все спокойненько» — цитата из песни «На кладбище», приписываемой В.С.Высоцкому:

А на кладбище так спокойненько.
Ни врагов, ни друзей не видать.
Все культурненько, все пристойненько.
Исключительная благодать.

Бать продолжает печататься, получает в подарок свежие книги Либединской, Инбер (сб. «Анкета времени», подписан 16 ноября «милому другу моей юности, Лидочке»), под влиянием моды, а может быть и С.К.Апта — переводчика и биографа Т.Манна, приятеля мужа — она приобщается к творчеству классика: «Читала ли ты, вышедший год назад, роман Томаса Манна “Иосиф и его братья”? Мудрая книга! Читается медленно, но не потому что трудно написана (есть страницы совсем без абзацев), а потому, что не хочется пропустить ни одного слова. Мне очень интересно было бы поговорить именно с тобой об этом романе, но я еще стою у самых истоков его»¹⁹.

Общение подруг стало более эпизодическим, чему, возможно, способствовало и возвышение домработницы Маруси, которая поселилась в доме Бать почти на правах члена семьи. В новогодней открытке Эфрон писала: «Дорогая Лидочка, мы с Адой и Шушкой желаем тебе всего самого доброго и светлого <...> Передай наш новогодний привет Дейчикам и Марусе!»

В юбилейном 1972 г. публикации Цветаевой пробивались с большим трудом: «“Лит<ературная> газета” дважды отказалась печатать отрывок из поэмы “Молодец”; никто из писателей не собирался хлопотать о цветаевском вечере в Доме литераторов; даже в малом зале очень проблематично устроить что-либо» [Саакянц 2002: 37]. О ленинградском вечере Эфрон писала В.Орлову 6 февраля 1973 г. [АЭ 2: 389].

Публикации в СССР обострялись интересом к Цветаевой за рубежом. Ряд стихотворений появился в парижском «Вестнике РСХД» (1971, № 100) [АЭ 2: 383]. На воспоминания А.И.Цветаевой она отзы-

вается с досадой (Орлову 17 февраля): «...написать про Марину мог бы некто ей равнозначный <...> или — гётевский секретарь» [АЭ 2: 381–382]. Собственные воспоминания для «Звезды» ее не радуют, но она продолжает писать, «сознвая <...> свое лилипутство <...> плюс цензурный намордник на нем!» [АЭ 2: 386].

Вышло второе издание «Незабываемых встреч». На этот раз — без очерка о Василии Гроссмане и актерах. Зато появились очерки о М.Ф.Рыльском, Абдулле Каххаре («Я учился у Чехова...») и Куддусе Мухаммади («Друг детей»)²⁰.

21 мая Эфрон писала Бать: «Кое-как перебазировалась на летние квартиры <...> с небезызвестной Шушкой, тотчас же на старости лет пустившейся в загул. Я еще не очухалась и еще довольно-таки дохла <...> цветут вишни! — себе бы так! — но чегой-то не цветется и устается от всего»; 17 июня: «Роз у нас давно нет <...> сортовые требуют такого ухода, какого мы им обеспечить не можем, сами нуждаясь в оном!»

20 сентября благодарит подругу: «Милая Лидочка, очень была рада твоему звонку в мой день рождения, твоей неизменной памяти и дружбе. Всё меньше остается нас, помнящих... и даже звонящих и поздравляющих!» Это были не просто слова: 8 апреля умер А.И.Дейч, 11 ноября — В.М.Инбер.

На новый год Эфрон шлет подруге поздравление в стихах:

Пусть триста шестьдесят пять дней,
Нам предстоящих вскоре,
Текут, как млеко и елей,
Без горести и хвори!

В 1973 г. за границей без ведома наследницы вышли «Неизданные письма» (Париж, 1972) Цветаевой под редакцией Г.и Н.Струве [Саакянц 1998: 61]. Эфрон продолжает работать над архивом и 29 сентября сообщает Бать: «Фестиваль наш был скромн <...> зато приехала наша Лена [Коркина], <отор>ая в этот же день побывала в Болшеве у моих старушек». В марте в «Звезде» появились блестящие по литературному мастерству, но малые по объему «Страницы воспоминаний» Эфрон, на которые читатели откликнулись бурным потоком писем.

Высочайший уровень требований, предъявляемых к себе, мешает и переводческой работе: «Жалею ужасно, что связалась с Петраркой, — я способна переводить его лишь на мыло, а он по-прежнему верен лишь Лауре и не желает и взгляда бросить в мою сторону».

Она жалуется на здоровье, преодолевая смехом недомогание (21 мая): «Дорогая моя Лидочка, только сегодня рука “отпустила” на-

столько, что могу нацарапать тебе несколько строчек <...> Какой-то воспаленный нерв блуждает по мне, как призрак коммунизма по Европе, — и кто его знает, чего он блуждает». Иронизирует и над любимой Тарусой (11 июля): «Таруса пытается приобрести черты курорта, но как-то не с того конца. <...> народу приезжего много, а жрать нечего, как говорят французы, и сервиса не больше, чем при царе Федоре Иоанновиче; доро́ги и сортиры, во всяком случае, в том же состоянии».

В «Советской женщине» (1973, № 11) к 100-летию со дня рождения Е.Д.Стасовой перепечатана статья Бать «Абсолют» с портретом молодой и красивой революционерки. В краткий вариант статьи Бать внесла новый фрагмент: «Нельзя не вспомнить еще один штришок, свидетельствовавший о скрытой в ней душевной теплоте: нередко с людьми, к которым была расположена, она целовалась при встрече и расставании. Могла ли я думать, уходя от нее глубокой осенью 1966 года, что этот поцелуй последний?» [Бать 1973: 5].

Когда в мае состоялся вечер памяти А.И.Дейча, «тарусяне» были уже на даче, и Эфрон писала Бать 21 мая: «16^{то} ты, верно, была на вечере Дейчика. Напиши словечко — как прошел вечер, кто выступал и как? <...> Дейчик всегда был добр ко мне, я это чувствовала и помню». А 29 сентября она соболезнает и по случаю кончины Жюля Куинджи: «Жалко Жюля, жалко всех, кто, так или иначе, осиротел без него!»

1974 г. был не таким траурным для Эфрон и Бать, как предыдущие, но из жизни ушел Борис Аронович Песис. А для Эфрон потерей была и смерть Шушки. Однако жизнь для нее резко замедлилась. Она жалуется Е.Савинич на задержку публикаций в «Звезде» и цензурные купюры в воспоминаниях [Астахова 2006], надеется на «кое-какие цветаевские публикации» в других журналах (возможно, имея в виду очерк С.Грибанова о Муре в «Юности»), но сообщает В.Орлову, что материал «в последнюю минуту зарезан Полевым» [АЭ 2: 404].

Эфрон расшифровывает цветаевские тетради и с начала октября начинает передачу архива в ЦГАЛИ. В письмах рассказывает о своей помощнице и ее семье: «Мама нашей Лены недавно вернулась из Паланги, где не только героически мокла под дождем и зябла, но еще и купалась в море, наравне с неспасаемыми аборигенами <...> Много у нас есть еще безвестных героев! Лена тоже купается — в Оке, также являя этим незаурядную твердость характера!». Видимо, Эфрон знала и об отце Лены — Бауыржане Момышулы, герое войны и «Волоколамского шоссе» А.Бека.

В апреле Эфрон приняла заказ на том переводов с французского

для серии «Мастера поэтического перевода» [Саакянц 2002: 80], но ничего не успевает, как и природа вокруг: «Все невероятно запазывает в росте, развитии и цветении, кажется, что находишься на блаженной памяти крайнем Севере, где черемуха зацветает в июне, а остальное дополняется воображением. <...> теперь — еврейское счастье — колонку починили, и жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи! Понемногу вживаюсь в здешний кислород, но благотворного действия его еще не испытываю»; 30 июля: «У нас по-прежнему дожди следуют за дождями, перемежаясь небольшими солнечными антрактами; мы вновь облачились в осенние шкуры и все ждем устойчивого тепла <...> Абель отдыхает в Малеевке и “уже купается”; значит, на малеевском меридиане выпадали и такие дни...»

Бать радуется каждой строчке подруги, и Эфрон 8 августа пытается погасить ее пафос: «Дорогая Лидуша, вот уж не ожидала, что ты будешь считать строчки на моих открытках, да еще находить некие рекорды в их количестве! Это же чистейший “формализм”! Ты же должна упиваться их содержанием! Впрочем, оно, по-видимому, жидковато, как погода нынешнего лета, которая, воленс-неволенс, капает на мозги».

21 августа «тарусяне» начинают сворачивать свое «многоотраслевое мини-хозяйство и подумывать об эвакуации». А 5 сентября Эфрон уже по привычке язвит: «Дорогая Лидуша, если счесть твой телефонный звонок письмом — то ответила ли я на него или нет? Что-то невяжущее вроде бы мёкала в ответ <...> Тут почти все дачное “общество” поразьехалось к началу уч<ебного> года, только кое-какие старые перечницы и смоковницы — вроде нас с Адой! — остались на считанные дни».

Бать радуется переписка с В.Я.Исерлисом. 19 ноября она благодарит его за «Маленькие романы» эстонского писателя Энна Ветемаа: «Очень Вам благодарна за книгу и прошу прощения за долгое молчание — была занята срочной работой, а работаю я сейчас медленно. <...> Но автор несомненно очень талантлив и даже этот, как Вы его называете, “патологический”, маленький роман “Яйца по-китайски” доказывает это. И, как Вы можете себе представить, я начала с него!.. Такая характеристика всегда заманчива. Как для ребят слова: детям до шестнадцати лет <...> Вспоминаете ли Москву или она уже отшумела? Творчество Ветемаа уже обсуждалось в Москве в литературных кругах, но как-то прошло мимо меня».

В 1975 г. Эфрон с напряжением ждет публикации второй части мемуаров. 7 января она сообщает Е.Савинич, что «Звезда» «что-то затуманилась и, по-видимому, отложила продолжение воспоминаний в

долгий ящик». Но в апреле выясняется, что материал появится в 6–7 номерах [Астахова 2006].

18 мая Лидию Григорьевну официально поздравляли с 75-летием секретариат правления СП СССР и Бюро советов по литературам народов СССР, особо отметив ее «деятельность по пропаганде классического наследия литератур Украины, Узбекистана и Таджикистана». Ей было присвоено звание заслуженного работника культуры Узбекской ССР.

27 июня Эфрон извиняется перед ней за долгое молчание, перефразируя Шевченко: «Милая Лидуша, если бы ты была способна на это, то поминала бы меня словом не тихим и не добрым». Она пытается сохранять веселый тон, но впервые позволяет себе и подробно написать о своей болезни: «...уехала я совсем больная, уповая на то, что тарусский кислород быстро “поправит” меня; но не тут-то было <...> объявилась еще и болевая точка в позвоночнике между лопатками — источник бесконечных — болевых же — приступов, по 5–6 в ночь, а днем и считать их некогда <...> эффект грандиозный, с резонансом в обе руки, в плечи, словно все они состоят из обнаженных нервов; и сердце попутно взбалтывает и почти вслух вскрикивает. <...> Прости меня, милый и дорогой Лидуш, за эти иеремиады — это не жалобы, а лишь объяснения моих молчаний и прочих неучтивостей. Ты-то <...> не уподобляешься Иеремии или тому самому “Жобу на навозной куче”, которому почему-то всегда — или частенько — уподобляюсь я».

Последнее письмо Эфрон датируется 8 июля: «Спасибо тебе за предложение попытаться помочь с лекарствами, но я и сама толком не знаю, что мне <...> может помочь. По поводу более позвоночных пришлось вызывать “скорую”, а она, снимая боли, вызвала этим болеутоляющим такой приступ бронхиальной астмы (к<отор>ой я вообще не страдала), что пришлось мне лечь в больницу, откуда тебе и шлю свой “тарусский приветик”! Одно утешение, что во время оно эту больничку возводил кто-то из дедовской родни, да и лечили земские врачи — тоже родственники. Что бы мне тогда попасть к ним “по благу”! Теперь родня перевелась, и м. б., поэтому и больница не кажется верхом совершенства, особенно du côté²¹ туалета, одного для “лиц обоего пола” <...> Но врачи и весь персонал внимательны и старательны, а это главное».

К сожалению, врачи поставили неправильный диагноз, и 26 июля 1975 г. Ариадна Сергеевна Эфрон на 63-м году жизни скончалась от инфаркта. Перед смертью она успела получить номер «Звезды» со второй частью своих воспоминаний о матери [Белкина 2008: 767].

ЭПИЛОГ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛИДИИ БАТЬ (1975–1980)

Лидия Григорьевна прожила еще четыре с половиной года, успела издать с М.Кошчановым новый вариант книги об Айбеке (1976), поправить и переиздать другие работы, написать несколько новых. По надписям в книгах можно проследить ее контакты и интересы последних лет. Это книга А.Исбаха об А. де Сент-Экзюпери (4 ноября 1976), «Разговор с товарищем» (1970) К.Симонова, «Герцен в Москве» Либединской (1977), «Литературные портреты» О.М.Грудцовой («Лидии Григорьевне Бать с благодарностью за доброжелательность, за излучающийся от нее душевный свет»). Книгу Инбер «Страницы дней перебирая...» (1977) подарила В.Дмитриева: «Дорогой Лидии Григорьевне на память о нашем общем друге — Вере Инбер. С нежностью В. Дмитриева». В этой книге было несколько строчек и о встрече с Цветаевой в 1918 г. 12 мая 1977 г. Бать наверняка побывала в ЦДЛ на столетнем юбилее М.А.Волошина.

В 1978 г. она шлет открытки В.Я.Исерлису, благодарит «за фотографии трех богатырей» — сыновей: «Все хороши, а особенно весельчак, самый младший. Глядя на него так и хочется засмеяться. Сердечнейший привет его маме!» В споре супругов Исерлисов о Пушкине (в чем была суть полемики, не помнят и сами участники) встает на сторону супруги: «Насчет Пушкина, как Вы и угадали, я за Ларису». Позднее Л.А.Исерлис инспирировала автора этих строк, которому когда-то преподавала литературу в школе, заняться письмами А.С.Эфрон к Л.Г.Бать.

10 декабря 1978 г. Бать получила письмо от Ады Шкодиной, которая сообщала о том, что поставила памятник на могиле подруги, с приложением снимка: «Посылаю Вам мой наконец свершившийся долг перед памятью Али. Много мне это стоило сил и здоровья, и рада, что удалось все сделать».

Сама Лидия Григорьевна ушла 10 января 1980 г. Н.Г.Бать вспоминает: «В этот день я пришла вечером в Лидину квартиру, там был только А.И.Старцев, давний и верный друг. <...> Всю жизнь, начиная с 13 лет, я при любой возможности прибегала к ней, часто предпочитая ее дом свиданиям с приятелями». Наталья Григорьевна Бать сохранила письма Ариадны Эфрон и сделала первые шаги к их публикации. Эти письма пролежали с тех пор больше тридцати лет. Когда однажды возникла угроза пожара, именно их ее мать, Наталья Александровна Бать постаралась вынести из дома в первую очередь. Письмами пользовалась М.И.Белкина, заглядывали в них и другие исследователи. Теперь настало время опубликовать их полностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так как Л. Бать изменила свой год рождения на 1900-й, то сдвинулся и день ее рождения, который она в соответствии с новым календарем, принятым в РСФСР в 1918 г., стала теперь отмечать 18 мая.

² В письме 1906 г. А.Г.Бать сообщает жене: «Был на выставке, видел картины Берчика [Анисфельда — *P.B.*]. Хороши этюды, тихие тона, замечательно красивы цветы (он называет их баловство, а между тем они лучше всего). Картины бледны рядом с Врубелем и Серовым, но я долго, долго стоял перед ними и узнавал тебя, моя дорогая. Только крикливая больная фантазия немного коробила меня; я люблю декадентство как новый путь творчества, но не как разрушение старого. Когда же только разрушают и смеются над Венерой Милосской, мне делается больно» (Здесь и далее неоговоренные источники цитат — архив семьи Бать).

³ *Маргарита Иосифовна Алигер* (1915–1992); *Всеволод Борисович Азаров* (1913–1990); *Григорий Давидович Плоткин* (1917–1986).

⁴ С.А. и С.Ю.Радзинские были соседями Ахматовой. По словам Н.Г.Бать, Станислав Радзинский (отец Э.Радзинского) написал Л.Г.Бать рекомендацию в группком драматургов.

⁵ Речь идет о драматурге и теоретике драмы Владимире Михайловиче Волькенштейне (1883–1974), муже С.Я.Парнок и знакомом М.И.Цветаевой, с которой Волькенштейн ходил к Луначарскому просить помощи для голодающих писателей Крыма. Правда, о Цветаевой Волькенштейн не стал бы говорить, накануне войны он ее откровенно чурался.

⁶ *Анненков М. Федор Владимирович Цветаев в воспоминаниях его товарищей и учеников*. М., Университетская тип., 1902. 81 с. Как установил А.Н.Баранов, под псевдонимом «М.Анненков» скрывался родной дед А.С.Эфрон — И.В.Цветаев.

⁷ Местный колорит (*фр.*).

⁸ «Мои стихам, написанным так рано...», «Белое солнце и низкие, низкие тучи...», «У первой бабки — четыре сына...», «Что же мне делать, слепцу и пасынку...», «Прокрасться», «Попытка ревности» и «Мой письменный верный стол...».

⁹ Как член комитета по узбекской литературе Бать дважды побывала в Ташкенте в 1958 г.: в мае, а затем в октябре — на конференции писателей Азии и Африки и IV съезде писателей Узбекистана.

¹⁰ 22 февраля Бать получила в подарок двухтомник Хамзы, а через день «Шесть рассказов для маленьких» (1958) Хаким Назира: «Лидии Григорьевне. Подарок моих сыновей и дочерей Х.Назир 23.II 59».

¹¹ На обложке значилось: «Турнир поэтов, Н.Асеев, В.Катаев, В.Маяковский, В.Инбер, С.Кирсанов, Б.Пастернак, И.Сельвинский, С.Третьяков, Н.Саконская, Т.Толстая, И.Терентьев, В.Хлебников, и др. Обложка К.Зданевича. Портрет А.Крученых — рис. И.Терентьева. Автографы: Н.Асеева (стр. 11–12) А.Олсуфьевой (стр. 17) Примечания А.Крученых. Издание «Группы лефовцев» Москва 1930. Стеклопечат Шейф-общ. НКПС. Главлит № А69211.

Тираж 150 экз.».

¹² Насмешки не помешали Эфрон позднее принять приглашение на годовое застолье у Н.Оттена и Е.Голышевой.

¹³ Имеется в виду книга Ахматовой «Стихотворения (1909–1960)» (М., 1961) См.: http://www.antiquebooks.ru/pic/16/2597/96730_2.jpg

¹⁴ Однажды П.Е.Познанская позвонила Светлову, чтобы позвать на очередной выпуск телепередачи «Вечера поэзии»: «...только не забудьте, Вы в прошлый раз были в такой синей рубашке с (далее следовало ее подробное описание — пуговицы и т.п.) Светлов дослушал и сообщил: — Старуха, не переживай! Другой у меня все равно нет» [Беспровзванный 2006].

¹⁵ Выход О.В.Ивинской на свободу 14 октября Эфрон встретила сухо, признавшись ее дочери «со всей большевистской прямоотой»: «Писать твоей маме мне решительно не о чем, даже учитывая все на свете. <...> Как мне ни жаль её, а сердце моё к ней опустело и оскудело» [АЭ 2: 192].

¹⁶ Цветаева уже была прототипом героинь художественной прозы. Впервые — под именем Мары в «Детстве» (1912) С.Я.Эфона.

¹⁷ В.И.Ленина.

¹⁸ Видимо, Гульчехра Нуруллаева [Бать 1970: 7], ныне — известная узбекская поэтесса и журналист.

¹⁹ Как свидетельствует Довлатов, никто из его современников не мог осилить культовой книги: «Роман вернулся месяца через три. <...> Страницы (после 9-й) были не разрезаны. Трудная книга. Но хорошая. Говорят» [Довлатов 3: 251].

²⁰ Кроме того, третьим изданием вышла книга «Великое призвание» [Бать 1972а].

²¹ Со стороны (*фр.*).

ПИСЬМА

1939

Вернувшись в Советский Союз 18 марта 1937 г., Эфрон устроилась на работу в одно из подразделений Журнально-газетного объединения (ЖУРГАЗ) — ежемесячный журнал «Revue de Moscou» (на фр. языке), где работала по договору, а с 1 января 1938 г. была зачислена в штат.

1

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Москва]

[Киев]

17.I.39

Дорогая Лидуся! Письмо твое получила, и, конечно, оценила «лично» на конверте! Пока что несколько слов в ответ между делом и бездельем (по левую руку машинка, по правую — комплект газет, tu vois ça!) Во-первых, о делах — Сесиль² на тебя сердита, что ты не присылаешь обещанных материалов и стихов для перевода. Во-вторых — хотела бы (Сесиль и Revue) получить от Дейча³ хорошую статью, вернее, очерк, о Киев⁴ вообще и в связи с перепланировкой в частности. И, конечно, побольше фото! Предположительно на 3–4 полосы. Вот.

У нас жизнь бьет ключом. Красноармейский номер⁵ сдали в печать только 9го числа, работая, как безумные. «Un jour au camp» твоей подруги⁶ пошел без изменений с несколькими, правда, вычерками. Вдохновилась на 10 стр., осталось 8. Получилось, правда, г. (если не поняла, что означает сия буква, Д. объяснит!) — но ведь Красная

¹ Вообрази! (фр.)

² Сесиль Францевна Дюсиметьер, заведующая редакцией «Revue de Moscou».

³ Александр Иосифович Дейч (1893–1972), заведующий отделом культуры и искусства «Revue de Moscou».

⁴ Бать и Дейч находились в Киеве. Поездка была связана с подготовкой к шевченковскому юбилею (125 лет со дня рождения), который готовился в мае 1939 г. В Доме-музее в Крещатикском переулке, № 8а их принимал М.Ф.Рыльский: «Особенно ярко запомнилось пребывание в Доме творчества в Ирпене под Киевом в феврале 1939 года» (Бать Л.Г. Незабываемые встречи. Изд. 2. М., 1972).

⁵ Номер «Revue de Moscou», посвященный Красной Армии, был сдан в печать 9 января 1939 г.

⁶ «День в лагере» (фр. — очерк с типичным для Алис Феррон (псевдоним Эфрон) названием. Ср.: «День отдыха в Москве», «День в магазинах» (Кудрова И. После России. Марина Цветаева: Годы чужбины. М., 1997. С. 315).

Армия, увы, вовсе не моя стихия! Работа в редакции, поскольку смыслю в медицине, идет крайне неорганизованно. Сесиль боится решать что-либо сама, с каждой запятой носится к Михайлову⁷, qui n'est jamais là⁸, в результате все страшно тормозится. Не помню, при тебе ли поступила к нам Фанни Хайкинсон⁹ в качестве техреда, удачно заменив небритого Гришу¹⁰? Работает она не на страх, а на совесть, но почему-то действует мне на нервы. Очевидно, я в глубине души большая стерва! Вот не люблю, и кончено. Вот люблю, и кончено. И ни вправо, ни влево!

Нашего могучего редактора мы с тех пор так и не видели¹¹. Зато МихМих¹² тут как тут — роет землю копытом и висит на телефоне. Если ему когда-н<и>б<удь> придется кончать жизнь самоубийством, то повесится он именно на телефоне. И именно на нашем.

Ну вот, Лидуся. Элиза¹³ у нас не появлялась с твоего отъезда. Нина¹⁴ заходила к ней с запиской, нашла ее с «ангиной и иностранцами», несколько дней тому назад. С тех пор о ней ни слуху, ни духу. Очевидно, обиделась крепко, и не только на Михайлова, но и на ни в чем не повинного Сонкина¹⁵, к которому не являлась тоже. Мне ее очень жаль, но все же это страшно глупо. Моя жизнь все та же минус ты, работы много, неразберихи много. Сесиль самостоятельна, как блюдо лапши, из-за чего принято сидеть допоздна, — это высший стиль ударничества. Я одиноко пишу о том, что стахановцы — это те, к<отор>ые со-

⁷ Борис Данилович Михайлов (Вильямс, 1895–1953), бывший сотрудник Коминтерна, главный редактор журнала «Revue de Moscou». Был арестован в 1949 г.

⁸ Которого никогда нет на месте (*фр.*).

⁹ Фанни Исаевна Хайкинсон (1902–1972). С 1933 г. работала в ЖУРГАЗе секретарем-машинисткой, затем техническим редактором («За рубежом», «Наша страна», «Дойче цайтунг»). В 1938 г. перешла в редакцию «Revue de Moscou». Впоследствии у нее установились дружеские отношения с Эфрон.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Сергей Сергеевич Динамов (1901–1939), главный редактор журнала «Интернациональная литература». Арестован 26 сентября 1938 г., расстрелян 16 апреля 1939 г.

¹² Кобелев-Виттинг Михаил Михайлович (1900–1941), старший редактор периодических изданий на иностранных языках В/О «Международная книга». Арестован 7 сентября 1940 г., расстрелян 28 июля 1941 г.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Нина Павловна Гордон (урожд. Прокофьева, 1908–1996), близкая подруга Эфрон. Работала секретарем М.Кольцова, руководителя ЖУРГАЗа, затем — К.Симонова. Во Франции Эфрон была знакома с ее будущим мужем, И.Д.Гордоном (1907–1969), режиссером, монтажером кино.

¹⁵ Михаил Евгеньевич Сонкин (1917–1972), писатель, журналист, участник Великой Отечественной войны.

вмещают ударную работу с нормальным рабочим днем, — но меня не слушают, и я норовлю улизнуть пораньше.

Папа опять расхворался, и я буквально на части рвусь, чтобы быть и здесь, и там, и всюду быть на высоте и вовремя¹⁶. «Дейчевская история» продолжается. Эту несчастную заметку раздули в слона и спекулируют на ней все, кому не лень¹⁷. К сожалению, я довольно мало в курсе, только вижу, что Подкаминер¹⁸, принявшийся за Чумакова и Корнееву, не спит ночей и тает на глазах. (Моих.) Но дерется, как тот самый лев, чье имя он носит¹⁹.

У нас оттепель, тает безумно, тепло — пахнет весной. Потеплело даже на даче²⁰. На этом интересном сообщении вышла Сесиль, трудовой день продолжается. Сесиль просит еще и еще напомнить о матерьялах. И «что она такого» от тебя не ожидала! (На случай, если матерьялы опоздают!).

Крепко тебя целую. Привет от всех. Жду письма. Будь здорова, поправляйся. Дейчику привет!

Аля

¹⁶ Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) переживал рецидив сердечно-го заболевания, впервые проявившегося в конце марта 1938 г. (Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. М., 1995. С. 16). Эфрон писала А.И.Цветаевой 6 янв. 1945 г.: «Больница, в кот<орой> он лежал, находилась в двух шагах от моей работы, я бегала к нему по несколько раз в день, проводила у него все вечера, дежурила все ночи. <...> Читала ему вслух, лепила из хлеба разных зверушек, ко<торые> ему очень нравились» (Эфрон А.С. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Р.Б.Вальбе. М., 2008. Т. 1. С. 86. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы). Летом 1938 г. С.Эфрон находился в Одессе на санаторном лечении, в конце 1938 г. — на даче в Болшево, откуда писал Е.Я.Эфрон: «Аля все так же самоотверженно меня нянчит» (Цветаева М.И. Неизданное. Семья: История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б.Коркиной. М., 1999. С. 379).

¹⁷ Возможно, речь идет о реакции партийного руководства ЖУРГАЗа на заметку «Семья Оппенгейм», посвященную одноименному фильму Г.Рошала (1938) по мотивам романа Л.Фейхтвангера. Это была последняя публикация А.И.Дейча за 1938 г. (Александр Иосифович Дейч: библиографический указатель / Сост. В.Н.Басков. М., 1988). Не исключено, что поездка в Киев была мерой предосторожности.

¹⁸ Лев Моисеевич (?) Подкаминер (ок. 1902 — после 1941), секретарь парторганизации «Revue de Moscou».

¹⁹ Видимо, Подкаминер защищал Дейча от нападок Чумакова и Корнеевой, своих коллег по партийной работе.

²⁰ Дача НКВД в Болшево, дом № 4/33 в пос. «Новый быт», где С.Эфрон с дочерью проживал с октября 1938 г.

27 августа 1939 г. Эфрон была арестована и отправлена в Лубянскую тюрьму. 2 июля 1940 г. было вынесено Постановление Особого совещания при НКВД — приговор: 8 лет ИТЛ (ст. 58-6 — шпионаж). 24 января 1941 г. она была отправлена этапом в Княжий Погост Коми АССР, куда прибыла 16 февраля 1941 г. Затем была переведена в лагерь на станции Ракпас, где работала на комбинате в швейном и химическом цехе. Во второй половине 1943 г. после отказа на предложение стать осведомителем последовала переброска на Крайний Север в штрафной лагункт (на одном из писем к А.И.Цветаевой указано место нахождения: ст. Каменка), на лесоповал. С.Д.Гуревичу (см. о нем примеч. 5 на с. 164) в конце 1943 — начале 1944 г. удалось добиться ее перевода в Потьму Мордовской АССР. Здесь она работала в деревообрабатывающем цехе.

1945

2

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Потьма]

[Москва]

16 января 1945

Дорогая Лида! Адрес твой забыла (так найти бы нашла, от Трубной недалеко), да и не знаю, там ли ты живешь, где раньше? Шлю эту весточку на авось, надеюсь — дойдет. Писала тебе с Севера два раза, но ты в это время, как потом узнала от брата, была в Ташкенте¹. Я спрашивала тебя тогда, где мама, никто мне не писал, что ее нет в живых².

Много времени прошло с тех пор, что мы с тобой пили чай на террасе нашей Болшевской дачи, из чашек, что ты нам подарила³. А я все вспоминаю, вернее, — все помню. Знаю, что и ты меня не забыла. Хорошо было бы, если бы написала. Домашние⁴ пишут редко и скупо, всем некогда, я это всем сердцем понимаю, знаю, что и тебе некогда,

¹ Бать находилась в Ташкенте с ноября 1941 г. до июня 1943 г.

² Эфрон узнала о смерти М.Цветаевой 12 июля 1942 г. из письма Е.Я.Эфрон (о ней см. примеч. 8 на с. 152).

³ Эфрон вспоминала: «Она была, кажется, единственной знакомой, которую я решила, несмотря на все запреты, познакомить со своими “законспирированными” родителями на нашей болшевской даче в 1939 г. Лида, как помню, привезла тогда кому-то из нас в подарок большую, красивую фарфоровую чашку василькового цвета» (Белкина М. Скрещение судеб. М., 2008. С. 126).

⁴ Имеются в виду Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич (см. примеч. 9 на с. 152), ставшая близким человеком в семье Эфронов.

но мне совсем не с кем поговорить о маме, думаю — ты мне расскажешь о ней. Виделась ли ты с ней после моего отъезда? Когда видела ее в последний раз? Какие были последние ее, тобою слышанные, слова? Читала ли она тебе свои стихи, прозу? Что именно? Какое она произвела на тебя впечатление тогда? (Живая, а не по воспоминаниям. Впечатления об умершем человеке — как рукопись в *окончательном* варианте, а ты вспомни *черновики*).

Еще расскажи мне, помнят ли ее поэты?

О сколько их уходит в эту бездну,
Разверстую вдали,
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Исчезнет всё, что пело и боролось,
Любило и рвалось,
И зелень глаз моих, и звонкий голос,
И золото волос...⁵

Писала она это, когда была совсем девчонкой, а теперь — свершилось. И еще:

...Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд⁶.

Скоро настанет. Когда у меня будет возможность, я запишу (и зарисую) о ней все, что помню⁷. А помню — все. На одной из ее книг, подаренных ею мне, написано: «Але — моему абсолютному читателю»⁸. И я знаю — будет время, когда она станет абсолютным поэтом каждого, у которого душа есть. Она настолько человечна, что каждый такой найдет в ней себя.

Она маленькой мне писала:

«Мать с дочерью бредём, две странницы»⁹

⁵ Неточная цитата из стихотворения М.Цветаевой «Уж сколько их упало в эту бездну...».

⁶ Заключительные строки стихотворения М.Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано...».

⁷ Та же мысль в письме от 1 января 1945 г. к Е.Эфрон и З.Ширкевич (Эфрон, I, 83). Первый мемуарный эскиз содержится уже в письме к А.Цветаевой от 5 октября 1944 г.

⁸ На книге М.Цветаевой «Молодец» (1925): «Але — моему абсолютному читателю 7 мая 1925 г.» Позднейшая приписка: «1925–1935 гг.» (Там же, 88).

⁹ Из стихотворения М.Цветаевой «Дорожкой простонародною...».

С того дня, что я узнала об ее смерти, я бреду по жизни одна. То, что раньше мне казалось бедою и горем, отпало перед лицом *ее смерти*.

Напиши про брата в Ташкенте¹⁰. Видела ли его в Москве¹¹? Знаю, что он необычайный умница, красив, кое в чем похож на маму! Не знаю, жив ли¹². С прошлого года, весны, писем нет, и никто ничего толком о нем не пишет, как не писали и о ней.

Напиши мне, Лида! Мой адрес:

Мордовская АССР, п/о Явас, а/я 241/5.

Жива, здорова, первый раз за эти годы работаю по специальности (художественной)¹³. Расписываю деревянную посуду, неплохо получается.

Не помню, любила ли ты рассказы Эдгара По¹⁴? Я — нет. Но название одного из них мне запомнилось. Это — «Падение дома Эшер»¹⁵, помнишь? Сам рассказ плох, название — хорошо. Совсем не читаю, ничего, потому что нечего. Но однажды мне попался престарелый номер «Советского искусства», и там статья молодого Дейчика о Западном театре. Кажется, 27го года! Целую тебя, привет Дейчу, пиши.

Твоя Аля

¹⁰ Бать виделась с *Георгием Сергеевичем Эфроном* (1925–1944) в Ташкенте (1941–1943), оказывала ему разнообразную поддержку. Г.Эфрон частично посвящал Бать в свою переписку с сестрой.

¹¹ Г.Эфрон вернулся в Москву осенью 1943 г. и в декабре случайно встретился с Бать в Доме литераторов (*Белкина М.* Скрещение судеб. М., 2008. С. 559).

¹² Г.Эфрон скончался от ран, полученных в бою под деревней Друйка Браславского района Витебской области ок. 7 июля 1944 г.

¹³ В 1930–1933 гг. Эфрон обучалась в школе прикладного искусства (*Art et Publicité*), слушала лекции на Курсах при Лувре по истории искусства и живописи (*École du Louvre*), занималась в школе прикладного искусства (*Art Appliqués*?).

¹⁴ *Эдгар Аллан По* (1809–1849), американский писатель-романтик.

¹⁵ В рассказе описывается смерть Роберта Эшера, потрясенного явлением призрака его заживо похороненной сестры, и гибель фамильного замка. 25 августа 1942 г. Эфрон писала Е.Эфрон и З.Ширкевич: «Вся эта история, пожалуй, еще более неприятна, чем знаменитое “Падение дома Эшер” Эдгара По <...> Это не По, это не Шекспир, это — просто жизнь» (*Эфрон, I*, 60).

1948

После освобождения 27 августа 1947 г. Эфрон поселилась в Рязани в семье друга, И.Д.Гордона, который жил там, закончив свой лагерный срок в мае 1945 г. С 1 февраля 1948 г. Эфрон была зачислена в штат Рязанского художественного училища, где преподавала графику.

3

Эфрон — Бать
ПИСЬМО¹

[Рязань]

[Москва]

Дорогая Лида! Если ты меня еще не забыла, то пришли обязательно свою книгу об Алишере Навои². С тех пор, что ты писала очерки на украинские темы, прошло немало лет, в течение которых я не читала ничего твоего, — даже письмами ты меня не баловала! Боюсь показаться нахальной, но мне нужно две твоих книги, т.е. два экземпляра её, одну для меня, а вторую для моих учеников по графике, которую прошу тебя надписать им — учащимся Рязанского художественного училища от —. Не удивляйся — дело в том, что библиотека училища была почти полностью разорена в годы войны, пополнять нечем, так как средств не хватает даже на приобретение учебников. Вот я и обращаюсь за помощью ко всем книги пишущим и имущим с просьбой помочь 200 ребятам, которым в течение всего учебного года совершенно нечего читать. Лида, учти, что откликаются даже самые маститые, даже самые лауреаты³, не будь жадиной, откликнись тоже. Кроме того, если у тебя есть что-н<и>б<удь> из книг современных наших писателей, которые (книги) тебе не нужны, а также журналы, то пришли, очень тебя прошу — этим ты окажешь [оборвано] художникам, а также [оборвано] очень, очень приходится бороться за повышение их уровня и знаний.

¹ Верхний край листа оборван. Письмо отправлено из Рязани в первой половине августа 1948 г. (см. примеч. 2 на с. 129–130).

² Алишер Навои (1441–1501) — поэт, мыслитель и государственный деятель тимуридского Хорасана, писал на фарси и тюрки. Почитается в Узбекистане в качестве национального классика. Речь идет о книге: *Бать Л.Г. Сад жизни. Повесть об Алишере Навои*. М., 1948.

³ См. аналогичную просьбу в письме к Б.Пастернаку от 1 августа 1948 г. (Эфрон, I, 151).

Сама я живу помаленечку. На несколько месяцев⁴ ездила в Коломну с группой художников для организации там художественной школы мастеров — могу сказать, что теперь на практике знаю, что такое «Домик в Коломне»⁵. Сейчас опять на основной своей работе, в Рязани. Работа по душе, несмотря на то, что отнимает много сил и решительно всё время. Материально еще приходится туго, но в дальнейшем положение должно улучшиться. Отношение ко мне — идеальное.

Обидно то, что за лето совсем не пришлось отдохнуть⁶, устала ужасно, а тут надвигается — буквально через несколько дней — новый учебный год, значит, опять без передышки до следующего лета.

Очень хотелось бы получить от тебя весточку. Пожалуйста, не сердись на мои просьбы и, пожалуйста, выполни. Крепко тебя целую, моя толстая, курносая, моя маститая. Поцелуй от меня Фани⁷ и Сесиль⁸ и еще раз поблагодари их за добрую память и доброе ко мне отношение.

Алешу⁹, пожалуйста, не целуй и не благодари — мне вообще не хочется, чтобы он знал обо мне что бы то ни было. Мой адрес — Рязань, ул. Ленина 30, Художественное училище, мне.

Твоя Аля

⁴ «Видно описка! М<ария> Б<елкина>» — помета М.И.Белкиной.

⁵ Поэма А.С.Пушкина. Ошибка Эфрон, спутавшей подмосковный город с предместьем Петербурга, где происходит действие пушкинской поэмы.

⁶ Эфрон писала Н.Н.Асееву 23 июня 1948 г.: «...чтобы как-то прожить лето, пришлось на эти месяцы принять школьный секретариат и библиотеку» (*Там же*, 148).

⁷ Ф.И.Хайкинсон (см. примеч. 9 на с. 122) вернулась из эвакуации в ноябре 1943 г. и работала техническим редактором во французской редакции журнала «Советская литература».

⁸ С.Ф.Дюсиметьер — см. примеч. 2 на с. 121).

⁹ Алексей Васильевич Сеземан (1916–1989), сын Н.А.Клепининой и пасынок Н.Н.Клепинина, живших в Болшево в одном доме с семьей С.Эфрона. Работал в «Revue de Moscou» одновременно с Эфрон. Отношение к А.Сеземану, возможно, связано с обстоятельствами его ареста и скорого освобождения, а также показаниями Сеземана и Эфрон на допросах.

4

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Рязань]

[Москва]

27 августа 1948

Дорогая Лида! Большое тебе спасибо за ласковое письмо и за нарядного маленького Алишера, которого еще не читала: работаю буквально до одури, а в одурелом состоянии твою книжку читать не хочу — буду скользить по поверхности, а это всегда — предельное неуважение к автору. Только одно скажу пока — открыла книгу и случайно набрела на место, где Алишер видит в пустыне какой-то черный *предмет*. Это слово меня как-то покорило — слишком оно современно и по-западному звучит, особенно когда «предмет» оказывается бурдюком. Тебе не кажется?

Оформлена книжка очень изящно¹, но, опять-таки глядя не по поверхности, с той небрежностью и приблизительностью, которую себе позволяют иной раз крупные художники. По-моему, может и эпоха требовать большей вдумчивости, тщательности и серьезности от оформителя книги. Честное слово, я бы сделала лучше — и поработала бы над ней больше, дольше, глубже. Я очень рада, что это — твоя собственная книга, а то всё было «Дейч и Бать» — в этом содружестве бедная курносая с вдумчивыми глазами Лида делала всю чёрную и черновую работу и никак не могла приобрести творческой самостоятельности.

Но давай договоримся — прочтя, буду тебя хвалить и ругать откровенно и чистосердечно, во всю меру своего литературного чутья и нелитературной дружбы.

Оговариваюсь, т.е. делаю оговорку, помня, как однажды довела тебя до слёз своей грубой критикой по поводу какой-то твоей статьи на фарфоровые темы. Мы обе были неправы тогда — ты слишком придерживалась торных троп, а я слишком растекалась мыслию по древу.

С удовольствием встретила бы с тобой, поговорили бы обо всём. Самое хорошее письмо — только очень плохой заменитель живой речи и встречи.

Что рассказать тебе о себе? С тех пор, что писала тебе в последний раз, произошли у меня кое-какие перемены. Вышло какое-то распоряжение², по которому люди, имеющие, подобно мне, образование в объ-

¹ Книгу оформлял Д.И.Митрохин (1883–1973), который оформлял и московское издание поэмы «Царь-Девница» (1922) М.Цветаевой.

² 14 августа 1948 г. Эфрон писала Б.Пастернаку: «А сегодня мне объ-

ёме восьмилетки, полученное в отдалённой, сельской местности³, не имеют права работать в системе министерства народного образования — даже в должности технического секретаря, каковым я, по сути дела, являюсь на сегодняшний день. Сама представляешь, насколько я огорчена и подавлена этим. Несмотря на более чем минимальный оклад (на руки получала я около 240 р<уб>. в месяц!), работа мне была по душе, и все ко мне очень хорошо относились. А теперь я осталась без работы (Рязань — маленький городок, и найти что-либо подходящее чрезвычайно трудно!) и без тех самых 240 р<уб>., на мизерность которых я часто сетовала и которые мне сейчас кажутся очень дорогими. И вообще, всё это вместе взятое очень обидно. Просто, как говорится, «заступиться некому», а сама я постоять за себя никак не умею⁴.

Ну, не буду больше скулить. А за окном самый настоящий не осенний мелкий дождичек⁵ и ранний, но бесспорный вечер. Уйти бы куда-нибудь.

А ты, всё же очень прошу тебя, пришли ещё один «Сад жизни» — с надписью ребятам. Ты доставишь им очень большую радость.

Пиши мне, не скупись. Пока что по тому же адресу. Даже когда я там не буду больше работать, мне всё равно передадут, тут всё очень близко.

Крепко тебя целую, спасибо за всё.

Твоя Аля

явили приказ, по которому я должна сдать дела и уйти с работы. Мое место — если еще не на кладбище, то во всяком случае не в системе народного образования» (Эфрон, I, 152).

³ Имеется в виду восьмилетнее лагерное заключение.

⁴ В письмах к Б.Пастернаку (14 октября и 12 ноября 1948 г.) Эфрон рассказала о заступничестве поэта А.Жарова, благодаря которому ее восстановили в должности. Возможно, по этому вопросу она обращалась к К.Симонову.

⁵ Слова из одноименного стихотворения А.Дельвига, ставшего народной песней.

5

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Рязань]

[Москва]

9 сентября 1948

Дорогая Лида! С большим и подлинным удовольствием прочла твоего «Алишера». Очень хорошо, молодец. Книга, с одной стороны, очень насыщена историческим материалом, с другой — нисколько им не перегружена, несмотря на сложность эпохи и событий, обилие персонажей. Герои не условны, не схематичны, у каждого — своё лицо, запоминающееся. Восток — не назойлив и не слишком декоративен, как во множестве книг европейских авторов, даже таких, как Флобер, не сумевший (по моему скромному мнению!) сочетать окружение, обстановку, эпоху, с людьми, жившими, страдавшими, любившими, умиравшими в них — (в своей «Саламбо»¹.) В твоём «Алишере» — чудесное равновесие между людьми, пейзажем, эпохой. Изредка поблёскивает азиатское золото богатых одежд, но оно не ослепляет читателя — блеск мудрых и добрых глаз Алишера сильнее... И вот ещё что хорошо: в книге нет по существу ни одного романа, ни одной любовной истории (если не считать малоубедительной истории Дур-Султан и Мусабека²) — но она вся (книга!) напоена и насыщена именно любовью — несмотря на всю жестокость окружающего. — Очень мне понравился, между прочим, эпизод с Алишером и Лутфи — как это перекликается с Пушкиным и Державиным³!

¹ В романе «Саламбо» французского писателя Г.Флобера изображена история любви Саламбо (дочери военачальника Гамилькара) и Мато (вождя ливийских варваров) на фоне восстания карфагенских наемников в III в. до н.э.

² В общих чертах эта история напоминает сюжет песни «Помню, я еще молодухой была»: молодые люди полюбили друг друга сразу и на всю жизнь, скоро расстались и воссоединились много лет спустя. За время разлуки Дур-Султан была насильно выдана замуж, овдовела и вернулась в родительский сад, а Мусабек стал прославленным воином, преданным Алишеру Навои.

³ Лутфи (1366/67–1465/66), узбекский поэт. Имеется в виду следующий эпизод: «Однажды девяностолетний поэт Лутфи приехал во дворец к Бабуру. Он сказал, что хотел бы увидеть молодого поэта. <...> Щеки Алишера из бледных сделались пылающе-красными, и он прочитал юношески-ломающимся голосом вдохновенную газель о любви. <...> глаза Лутфи загорелись; он слегка покачивал головой в такт, потом обнял мальчика и с жаром воскликнул: — Клянусь аллахом, я променял бы на эту газель десяток тысяч персидских и тюркских стихов и считал бы сделку великой удачей».

Язык хорош. Я отметила некоторые места, где всё же (опять-таки это лишь моё мнение, вероятно, спорное!) хотелось бы лучше, точнее. Стр. 53 — Хусейн гоняет голубей тростниковой палкой — почему не шестом? Стр. 86 — землевладельцы везут продукты на базар. Убери, Христа ради, эти «продукты» — слишком современное, да и не русское слово. Стр. 117 — «были раскинута подушки». Почему не «разбросаны»? Раскидывают шатёр, ковёр, но не подушки. Стр. 124 — в сцене борьбы нужно бы указать, что один из борцов ударил другого головой об острый угол стола. Создается впечатление, что тот ударился телом. Стр. 137 — «христианин, повязанный [дуншаром]». Помоему, нужно бы «опоясанный» — «повязанный» вызывает впечатление о повязке на голове. 239 стр. — «Давно истлели кости его тестя»... вряд ли! Кости тестя, несомненно, пережили самого Хусейна. На стр. 15 встречается «прекрасно оформленная рукопись». Убери «оформленная», это понятие 20-го века, слово режет слух. О «предмете» в пустыне я уже писала тебе.

Все это — мелочи, пустяки, и, возможно, спорные мелочи и пустяки. Но, да простит меня Бог и друзья (меня и мою скромность!), — слух у меня неплохой, и если он, этот самый читательский слух, — улавливает не тот звук в мелодии данной книги, значит, и в самом деле не тот звук должен быть заменён тем самым звуком, словом, понятием, бесспорным и несомненным. Ты, надеюсь, ничуть не рассердилась на меня? Ты ведь раньше почти никогда на меня не сердилась. Очень хотелось бы тебя повидать. А ты не смогла бы приехать на немножко в Рязань? Ведь это очень близко от Москвы и недорого. М<ожет> б<ыть>, ты прочла бы чудесным ребятам из всё ещё «моего» училища что-н<и>б<удь> вроде доклада или лекции, хотя бы о том же Алишере, или ещё о ком-н<и>б<удь> тебе близком, Шевченко⁴, напр.? В таком случае училище смогло бы хоть частично оплатить твои расходы по «путешествию». Потом тебе, несомненно, самой было бы очень интересно побывать в гостях у будущих художников в возрасте от 14 до 30 лет, посмотреть их работы, послушать их рассказы, побывать на занятиях. Приезжай! Напиши мне поскорее по этому поводу. Местный Отдел искусств и прочие тому подобные встретят тебя очень тепло, восторженными откликами и отзывами в местной прессе (газета «Сталинское Знамя») ты будешь обеспечена,

⁴ Украинский поэт и художник Т.Г.Шевченко (1814–1861) — герой ряда статей и книги Бать и А.Дейча. См.: [Бать Л., Дейч А.] Taras Shevchenko // Интернациональная литература (английская версия). 1939. № 2. С. 79–87; Бать Л., Дейч А. Тарас Шевченко // Молодая гвардия. 1939. № 2–3. С. 124–174; Бать Л.Г., Дейч А.И. Тарас Шевченко. М.; Л., 1939.

а главное — мы с тобой повидаемся, поговорим и, может быть, отдохнём друг с другом от всего тяжелого, пережитого нами за эти годы. А кроме того, мне в самом деле хотелось бы, чтобы ты побывала в «моём» Художественном училище, уж очень интересен и хорош послевоенный набор ребят — фронтовиков, инвалидов Отечественной войны и просто очень маленьких мальчиков и девочек, в большинстве своём — из окрестных колхозов.

Приезжай, Лида! Это будет просто чудесно. Я работаю по-прежнему, работа интересна, увлекательна, но — мал оклад, на руки после всех вычетов получаю около 240 руб., на то и живу — трудно! Ну, ничего. Очень жду тебя. Напиши поскорей, можешь ли приехать? Крепко целую, ещё раз спасибо за хорошего Алишера.

Твоя Аля

Бать – Эфрон
ПИСЬМО

[Москва]

[Рязань]

24 сентября 1948

Дорогая Аля!

Твое письмо доставило мне большую радость. Твой слух верен, как всегда, и такой критике можно только порадоваться. Я согласна со всеми замечаниями. Но книгу эту я писала с большой любовью и к его герою, и к его творениям, и, очевидно, это чувствуется.

Не писала тебе так долго из-за массы одолевающих меня дел. Очень соблазнительны твои приглашения, и в глубине души у меня живет надежда (какой Восток!), что это когда-нибудь произойдет. Но, увы, сейчас это невозможно. А хорошо бы побродить с тобой по Рязани, посмотреть на Кремль (я еще вижу его как в тумане воспоминания 15-летней давности), рассказать твоим ученикам о Шевченко-художнике, да и о поэте. Я не знаю, как тебе, а мне в «Саде жизни» нравится глава «Любимый ученик», о дружбе-вражде между Алишером и Биннаи¹. Во всяком случае, там мне хотелось выразить разное в человеческих отношениях. Расскажи мне подробнее о себе. Понимаю, что тебе туговато приходится, но я как-то легкомысленно все время думала, что тебе помогают близкие друзья. Мне бы хотелось яснее представить себе ситуацию. Как сейчас с работой? Не нужны ли какие-нибудь книги по специальности? Это мне, пожалуй, будет легче достать, чем свою книжку.

Есть ли у тебя толстые журналы? Недавно в № 8 «Звезды» я с интересом прочла литературный сценарий Папави² «Павлов». Как-то рассказ о больших людях вызывает во мне желание творить, действовать... Смотришь ли фильмы? Не приходит ли тебе в голову написать что-нибудь, ну хотя бы о твоих учениках, ведь это такое богатство судеб, души, дарований!

Пиши мне!

Целую.

Лидя

¹ Камаладдин Биннаи, Камаль ад-Дин Бинои (1453–1512) — поэт, не признававший староузбекский язык подходящим для создания совершенных художественных произведений. Известен резкими выпадами по адресу Навои.

² Сценарий М.Г.Папавы «Павлов», послуживший основой одноименного фильма (1949), режиссер Г.Рошаль.

1940-е — начало 1950-х

22 февраля 1949 г. Эфрон была вторично арестована и заключена в Рязанскую тюрьму. 18 мая 1949 г. Постановлением Особого совещания при НКВД был определен приговор: пожизненная ссылка в Туруханск Красноярского края, куда Эфрон прибыла этапом 28 июля 1949 г. Сначала она устроилась уборщицей в школе, а 15 сентября перевелась в районный Дом культуры, где работала художником, оформляла выставки и праздничные мероприятия, участвовала в театральных постановках. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. началось постепенное облегчение участи ссыльных. 31 августа 1954 г. Эфрон была освобождена из ссылки на поселение и получила паспорт с ограничением мест проживания, но продолжала добиваться полной реабилитации.

7

Эфрон — Бать

САМОДЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА¹

[?]

[Москва]

С новым годом, дорогая Лида²! Желаю тебе счастья в жизни и литературе и крепко целую.

Твоя Аля

¹ На лицевой стороне рисунок Эфрон: мальчик в красном костюме на лыжах и с двумя елками, фон — большие пятиконечные звезды и справа надпись «С Новым Годом!».

² Помещено условно, датируется 1940-ми — началом 1950-х, по обращению к одной Бать, откуда можно судить, что поздравление создано до того времени, когда после поездки в Москву в ноябре 1954 г. в письме Эфрон впервые упоминается имя С.Мотолянского. Известно о самодельных открытках 1940-х — 1950-х гг., которые Эфрон отправляла родным.

1954

8

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Туруханск]

[Москва]

14 декабря 1954

Дорогая Лидочка, в Туруханск я добралась только 11го дек<абря>¹ — так долго пришлось сидеть в Красноярске из-за упорно нелётной погоды. Я не успела тогда, в Москве, попрощаться с тобой ещё раз и даже позвонить, несмотря на то, что отъезд свой отложила на день (обменяла билет) и на то, что мне передали о твоём звонке. Дело в том, что мне в последний день устроили возможность поехать на приём к профессору-туберкулезнику, чем я и воспользовалась, и на этот визит убила почти что целый день. Профессор (она) сказала мне, что в Туруханске меня основательно подлечили², что действительно начинался какой-то процесс, но теперь он или ликвидирован, или блокирован, я толком не поняла, так устала и обалдела, ожидая. Направила меня на рентген в другой конец города (у неё не оказалось плёнок), но туда я уже, к сожалению, не успела. Ехала я хорошо, компания подобралась приличная, и даже нашёлся попутчик на самолёт. При ближайшем рассмотрении он оказался... следователем, но достаточно притихшим и совсем не страшным. И всё же у нас с ним получилось недоразумение — он положил в мою авоську свои ботинки, а потом мы оба про них забыли, он улетел дальше на север, а ботинки остались у меня. Не знаю, что мне с ними дальше делать, и не понимаю, как их расценивать — как невольную кражу или как своего рода компенсацию за всё выстраданное мною от «ихнего брата»?

Красноярск мне не понравился, транзитно-этапный город, где вечерами опасно удаляться от центральной, единственно освещённой улицы, и потом провинциальный в квадрате, в кубе, причём, провин-

¹ В ноябре 1954 г. благодаря материальной помощи Т.Сикорской (о ней см. с. 151–152. Эфрон побывала в Москве, смогла ускорить сроки рассмотрения своего дела и повидаться с близкими.

² 20 августа 1954 г. Эфрон сообщала Б.Пастернаку: «...у меня обнаружили тбс, к счастью, не в открытой форме. <...> Не работаю второй месяц. Здесь, на севере, есть всевозможные <...> лекарства и препараты, глотаю всякую горечь, в которую не верю (по старинке верю в овсянку, масло и в “как го-сподь”), и дважды в сутки — стрептомицин» (Эфрон, I, 337).

ция, лишённая традиционной прелести особнячков и садов, какая-то особенная, агрессивная, наглая.

В магазинах — унылые ситцы и культтовары каменного века, в продуктовых — хлеб, конфеты «Весна» и рыбные консервы «Ряпушка». Говорят, что это временное явление и что вообще город снабжается неплохо. Разыскала там свою Нину и Юза³, она стала совсем седая, но лицо не изменилось, он же очень постарел. Над ней по-прежнему вьётся слава бывшей секретарши «самого» Симонова, и поэтому красноярские писатели на всякий случай к ней лнут, но зарабатывает она в местном отделении ССП 240 рублей как половинна счетовода, и еще 200 р<уб>. за машинку. Он работает в какой-то строительной организации⁴. Московскую квартиру они сменяли на квартиру в центре Красноярска, с относительными удобствами. Ему не повезло — в то время когда нам, «повторникам», отвешивали кому что придётся, в основном бессрочную ссылку, ему дали «только» 10 лет этой самой ссылки, т.е. гораздо легче, чем нам, а вышло хуже — нам бессрочную сняли, а у него «срочная» осталась.

У меня здесь всё время болит голова, явно от перемены климата, и вообще здесь чувствуешь себя тяжелее, как будто вешишь больше, — труднее ходить, дышать. Ещё несколько дней — и привыкну, но насколько же легче привыкать к лучшему! В частности — к климату.

Работы ужасающе много, не знаю, как справлюсь, да ещё столько дней — почти неделю — потеряла в Красноярске.

³ 24 февраля 1951 г. И.Д.Гордон был повторно арестован и сослан в Красноярск на 10 лет. В 1953 г. срок был сокращен до 4 лет. Эфрон прожила у Гордонов, вероятно, с 4 по 10 декабря.

⁴ И.Д.Гордон работал на комбинате стройматериалов. После многолетней неустроенности с заработком в конце 1944 г. Н.П.Гордон стала работать с К.М.Симоновым в качестве его секретаря и машинистки. Пережив новый арест мужа, Гордон «сказала, глядя ему прямо в глаза: “Константин Михайлович, я все понимаю... Может быть Вам теперь не удобно, чтобы я работала у Вас...”. Разве можно забыть, с какой болью он посмотрел на меня и строго сказал: “Чтоб я этого больше никогда не слышал!” <...> А ведь “К.М.” был тогда на всех своих больших постах. Держать своим секретарем жену бывшего заключенного, а потом ссыльного, наверное, было непросто. Он хлопотал о моем муже» (*Ростова О. Голубые хрустальные бусы: О Нине Павловне Гордон // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве (2001, 2002 гг.): Сб. докладов. М., 2003. С. 109*). Когда Н.Гордон удалось решить вопрос с проживанием в Красноярске, Симонов дал рекомендательное письмо к С.В.Сартакову, возглавлявшему красноярскую организацию Союза советских писателей, — «она должна работать по специальности <...> Работала одна за всех: машинистка, стенографистка, главный бухгалтер, счетовод. Одна сидела целый день и управляла Союзом писателей!» (Там же).

Лидочка, очень рада была повидать тебя, поговорить с тобой, хоть и не навидалась, и не наговорила. Спасибо судьбе за добрые чудеса — сколько их нужно было, чтобы я с лёгким сердцем приехала в Москву! Хотя, в данном случае, при чём тут судьба? Спасибо партии и правительству! Целую тебя, моя дорогая. Рада буду получить весточку.

Привет Муле!⁵

Твоя Аля

⁵ *Самуил Ефимович Мотолянский* (1896–1970), инженер-экономист, муж Л.Г.Бать с 1923 г. — этот год был указан в брачном свидетельстве при официальной регистрации 12 июня 1947 г. Человек разносторонних интересов, корреспондент М.А.Волошина. С 1933 г. работал в «Гипрогоре» (с перерывом на войну, в которой принимал участие), занимался проектировкой и застройкой городов.

1955

9

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Туруханск]

[Москва]

Туруханск, 3 февраля 1955

Дорогая Лидуша, прождала я обещанного «большого письма» около двух месяцев, но, решив, что за такой срок можно создать даже довольно приличную повесть, не только письмо, отчаялась и пишу сама. Я тебя даже во сне видела — пришла к тебе в гости, но ты на меня не обратила ни малейшего внимания, мне стало неловко, и я ушла. Вот видишь, как нехорошо получается!

А всё же письмецо, написанное твоим круглым, детским почерком *d'une petite fille appliquée*¹, доставило бы мне удовольствие. Впрочем, тебе там виднее!

У меня новостей интересных никаких, а малоинтересных — достаточно.

Например — вступила в единоборство с местным отделом агитации и пропаганды по вопросу — является ли блок коммунистов и беспартийных (на выборах) *народным* блоком? Я считаю, что является, а зав<едающий> агитпроп райкома партии — что нет. Я написала лозунг «В день выборов 24 февраля отдадим свои голоса кандидатам народного блока коммунистов и беспартийных» — а он велел его снять, это, мол, политически неверно. Я спрашиваю — если блок не «народный» то какой же он? А этот попугай отвечает: «нерушимый»! Лозунг сняли, а переписывать его я отказалась, пока не придёт ответ из «Крокодила» — пусть он рассудит, кто из нас прав²! Ну, а ты как думаешь?

Я до сих пор не прочла ещё всех материалов по съезду писателей³ (т.е. того, что было напечатано в «Литературке»). Отчасти Шолохов виноват⁴ — он меня так неприятно поразил и безвкусицей, и хамством своего выступления, что я побоялась — а вдруг там ещё что-н<и>б<удь> в этом роде? Впрочем, вряд ли.

¹ Прилежной девочки (*фр.*).

² Возможно, речь идет о конфликте с инструктором отдела агитации и пропаганды Туруханского райкома партии Колесниковым, (см. о нем в очерке Эфрон «Мироедыха»: Эфрон, III, 254).

³ 15–26 декабря 1954 г. проходил II Всесоюзный съезд писателей.

⁴ М.А.Шолохов выступил на съезде с резкими нападками на К.Симонова и И.Эренбурга (*Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1960. С. 303–304*).

Много и по-прежнему бестолково работаю — т.е. пишу лозунги, которые перестирываются, рекламы, которые вновь и вновь забеливаются, декорации, которые перекрашиваются и перестраиваются, и т.д. Никогда ничего постоянного, работа-однодневка, и так уже скоро шесть лет.

Писала ли тебе, что в Красноярске, на обратном пути, разыскала Нину и Юза и провела с ними два приятных вечера. Только успела отсюда поздравить их с Новым годом и пожелать сама знаешь чего, как пожелание моё незамедлительно исполнилось — накануне Нового года его вызвали и вручили ему великолепный чистый паспорт и постановление Главной прокуратуры о реабилитации «за отсутствием состава преступления»⁵.

Восемнадцать лет ждали они этого дня. В феврале возвращаются в Москву. Симонов прислал Нине телеграмму — приглашает на прежнюю работу⁶. Как я за них счастлива!

Эти дни погода стоит у нас дивная, такие восходы и закаты, такие звезды и северные сияния, такая чистота и тишина! Люблю, люблю я свою страну, уж действительно, от Москвы до самых до окраин, и дорога она мне бесконечно. Столько пришлось выстрадать, Лида, столько пришлось потерять, а вот любовь к Родине, вера в её огромное настоящее, в её небывалое будущее осталась, выросла, окрепла, стала моей основной.

Не улыбайся, не считай это выпрєнными словами. Да впрочем, ты и не улыбаешься...

Пиши, дружочек мой! Жду.

Целую тебя, сердечный привет Муле, и если увидишь Фанни⁷ и Сесиль, поцелуй их за меня, я их помню.

Твоя Аля

Не обманывайся картинкой на конверте, она не имеет ничего общего с Туруханском!

⁵ И.Д.Гордон был освобожден 28 декабря 1954 г.

⁶ Н.П.Гордон: «...уже 11 февраля мы были в Москве <...> я получила от него [Симонова] телеграмму: "Дорогая Нина Павловна! Бесконечно счастлив за Вас. <...> если Вы с мужем решите ехать в Москву, если не устроитесь лучше, к Вашим услугам. Комната на даче. В смысле работы — буду рад работать снова вместе с Вами"» (Ростова О. Голубые хрустальные бусы: О Нине Павловне Гордон // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве (2001, 2002 гг.): Сб. докладов. М., 2003. С. 109–110).

⁷ В марте 1953 г. Ф.И.Хайкинсон была уволена в связи с развернувшейся компанией «борьбы с космополитизмом».

10

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Красноярский край,

с. Туруханск, до востребования

АЭфрон

Москва И-51

Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22

Лидии Григорьевне Бать

23 февраля 1955²

Дорогая Лидуша, очень обрадовалась твоему письму. У меня к тебе особое, какое-то милое-милое чувство, нежное и сердечное. Я всегда любила в тебе смесь юмора, порядочности, наивности, осторожности, такта, непосредственности, таланта и... ограниченности. Милая моя, я сама знаю, что эта «ограниченность» произведет на тебя впечатление, как говорят французы, «волоса в супе»³, и поэтому расшифрую её. Дело в том, что, как мне всегда казалось раньше, ужасно ограничивал тебя Дейчик, и это самое ваше многолетнее творческое содружество никогда не давало тебе быть самой собой. Эта маленькая ходячая энциклопедия в больших очках сделала тебя литератором «малых форм» (я знаю, что это — не совсем то выражение, но ты поймёшь его правильно), не дала тебе расти самостоятельно в большой творческий рост. А ведь тебе всё, всё было «дадено». Да и не только «было», и сейчас «дадено», и его, слава богу, нет на твоём пути. Что ты делаешь сейчас и о чём думаешь, о какой работе, в дальнейшем? Мне очень хочется, чтобы ты написала что-то хорошее своё, а не о ком-то и чём-то, опирающемся на дейчевский метод изысканий по проверенным источникам.

Да, а ещё ты для меня — кусок моей молодости⁴ и счастья, потому что счастлива я была — за всю свою жизнь — только в тот период — с 37 по 39 год в Москве, именно в Москве и только в Москве. До этого счастья я не знала, после этого узнала несчастье, и поэтому этот островок моей жизни так мне дорог и так дороги мне мои тогдашние спутники.

¹ Фото: Агра. Курортный парк. (Пальмы).

² На штемпеле: Туруханск Красноярского кр. 24.02.55.

³ От французской поговорки: «Cela vient comme des cheveux sur la soupe», имеющей смысл «досадная помеха, неожиданная неприятность».

⁴ В письме к Б.Л.Пастернаку от 25 февраля 1953 г. Эфрон писала о жизни в Болшево: «Я там была по-настоящему счастлива, и сознавала, что счастлива. Не потом, путем сравнения, поняла, что то было счастье, а так просто — жила, и каждый день был сознательным, вернее — осознанным счастьем» (Эфрон, I, 306).

Ты просишь меня рассказать что-то «конкретное» о моих дальнейших делах. О, боже мой! И сама-то я в достаточной мере неконкретна, и дела мои в тумане, и ещё меньше, чем ты, я представляю себе, на каком этапе они остановились. Про этот этап я могу сказать лишь одно — он в высшей степени мучителен именно своей неопределённостью⁵. Куда ехать, если нигде никто не ждёт? Ведь это не слова, а на самом деле так. Редким друзьям, вероятно, и так осточертело годы и годы помогать мне кто как и чем может, не хватает ещё, чтобы сама я появилась на горизонте со всеми своими сомнительными способностями и несомненными потребностями! Короче говоря, для того, чтобы я сама себе и другим не была в тягость, мне нужна реабилитация. Жду я её уже два года (если считать правильнее, то уже 16 лет!). Если она будет, то тогда всё будет справедливо и даже легко и просто — даже вопросы жилплощади и работы! Если её не будет, то сама не представляю себе, что я буду делать и как буду жить. Вероятно так, как теперь, только труднее морально. Впрочем, куда ещё труднее!

Насчёт нашего отдела агитации и пропаганды всё осталось по-прежнему, лозунги висят без слова «народный» — я их не переписывала, «народный» смыли без моего участия. Я тогда написала по этому поводу в «Крокодил», но ответа, к сожалению, не получила. Письмо моё, м<ожет> б<ыть>, затерялось, или очередь до него дойдёт только после выборов — не знаю.

Работаю ужасно много, очень устаю, тупею, чумею, для себя времени совсем не остаётся. Кстати, помнишь, я тебе рассказывала про последнего шамана? Так представь себе, он оказался не последний, нашла ещё одного — заместителя председателя одного национального колхоза⁶! Он успешно практикует по совместительству и плюс к тому отличный охотник! Здесь действительно непочатый край чудес. Только для того, чтобы их находить и разрабатывать так, как надо, нужно то, чего у меня нет, — свободное время. И немало — целый творческий год! А где его взять? Если бы не вышеуказанные 16 лет в общей сложности, то я, несомненно, в своём теперешнем возрасте, могла бы себе это позволить, а сейчас я могу позволить себе толь-

⁵ Эфрон не знала об отмене приговора (определение № 4н-0856/55 Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 февраля 1955 г.).

⁶ Ср. в письме Б.Пастернаку от 24 марта 1955 г.: «...заместитель председателя передового колхоза им. Ленина — шаман, настоящий, воинствующий, практикующий! Именно он и осуществляет “связь с массами” и, прочитав над ними соответствующие заклинания, мобилизует их на проведение очередного мероприятия, вроде заключения соцдоговора о перевыполнении плана пушнозаготовок» (Там же, 351).

ко зарабатывать на хлеб, что обычно совсем исключает возможность творческой работы.

При всём при том я ещё легкомысленна и беспечна, и всё жду чуда. (Хорошего, плохих — более, чем достаточно!)

Увы, Лидочка, я совершенно бессильна изобразить на бумаге восход или закат! Это слишком красиво и не поддается имитации. Я лучше нарисую тебе собак, оленей, или того шамана, или вообще что-нибудь живое, хочешь? Спасибо за предложение прислать бумаги, книг. Я напишу тебе свои просьбы. Посылаю тебе смешную маленькую неудачную фотографию, это я у своего рабочего места — а банки-склянки на столе — это не обед, а всякие мои краски.

Да, насчет И.Г.⁷ я тебе, по-моему, рассказывала — он был очень мил, обещал мне помощь, впрочем, какую и в чём, осталось неизвестным и ему, и мне. Он подарил мне «Оттепель»⁸, семена голубого эвкалипта и еще какие-то пилюли от тошноты на самолёте. Последние — действительно чудодейственные. Речей Гладкова, Федина, Фадеева⁹ до сих пор не прочла, хоть и берегу съездовские газеты до проблематического досуга, но считаю, что, т.к. мы с ними не дураки, то не должны были разойтись во мнениях. Пиши, милая! Целую тебя, сердечный привет твоему милому мужу.

Твоя Аля

⁷ Здесь и далее этими инициалами указывается Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967), писатель, близкий знакомый М.Цветаевой 1921–1922 гг. Эфрон знала его в детстве. Возобновление отношений было связано с ее хлопотами о пенсии для А.Цветаевой (см. письмо Б.Пастернаку от 24 сентября 1954 г.). О встрече в ноябре 1954 г. см. в письме к Ю.И.Братковской и Н.Н.Богдановой от 17 января 1955 г.: «Повидалась и с Эренбургом. У него видела Пабло Неруду, кучу породистых собак, коллекцию картин последних формалистов и много других редкостей» (Эфрон А.С. Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. *Федерольф А.А.* Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 36).

⁸ Повесть И.Эренбурга, давшая название послесталинской эпохе либерализации.

⁹ Имеются в виду выступления на съезде писателей (см. примеч. 3 на с. 139).

II

Эфрон — Бать
ПИСЬМО¹

[Туруханск]

авио

Москва И-51

Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22

Лидии Григорьевне Бать

24 марта 1955

Дорогая Лидочка! Спасибо тебе сердечное за милое твоё письмо. Оно тронуло меня, и обрадовало, и немного настроило на грустный лад — всё сразу. И даже не столько написанным в нём, сколько всем тем, что тебе думалось, чувствовалось и вспоминалось, когда ты писала его. Такие вещи до меня доходят всегда, иной раз даже лучше, чем написанное. Ибо, чем черствее и грубее делаюсь я внешне, благодаря обстоятельствам, тем чувствительней и тоньше становлюсь внутренне — несмотря на обстоятельства. Вообще-то ничего хорошего в этом нет, *т.к.* где тонко — там и рвётся, и я иной раз чувствую, что ещё немножко — и порвусь! (Или разорвусь!) Очень жаль, что я напомнила тебе маленькую нахалку — твою подругу детских лет. Приведенная тобой цитата показывает, что она была полна сомнений, а это нестерпимо вообще, а у детей — в частности. Кстати, насчёт сомнений, некоторое время тому назад меня пригласили в райком, «выяснять отношения» с зав<едующим> отд<елом> агитации и пропаганды, по поводу «народного блока»². К моему крокодильскому письму было приложено какое-то строгое отношение из крайкома и бумажка из «Крокодила» с красочным заголовком и с предложением «разъяснить Вашему работнику «народность» блока и дать ответ автору письма». Ответ мне был дан в плане, что, мол, блок-то блоком, но зачем же Москву беспокоить? Нет людей без недостатков, так же и наш зав<едующий> отделом... и вообще, давайте договоримся, что мы будем с Вами работать в контакте, а «Крокодил» ... ну к чему это? Я строго ответила, что использовала право, дарованное мне Конституцией, обращаться в любую инстанцию, вплоть до ЦК, и пусть они мне спасибо скажут, что я написала только в «Крокодил», а не в отдел агитации и пропаганды при Центральном Комитете, что зав<едующий> отд<елом> агитации и пропаганды, конечно, может иметь недостатки, но не порядка отсутствия элементарной политиче-

¹ Фото: (ВДНХ в Киеве) Павильон Украинской ССР.

² См. примеч. 2 на с. 139.

ской грамотности, а ответ на моё письмо попросила дать мне в письменном виде. И действительно, на следующий день я его получила. Он гласил, что Туруханский РК КПСС считает вышеуказанный блок действительно народным. Что и требовалось доказать.

Да, дружок мой милый, вот уж скоро двадцать лет, что мы знакомы, и вдруг, на расстоянии многих тысяч километров выяснили, что мы не только знакомы, но и очень близки, так по-простому, так бесхитростно и доверчиво, как могут быть только родные люди, которым и годы, и расстояние — не помеха. Что ж, очень это хорошо.

Спасибо тебе за хлопоты о бумаге. Здесь её, действительно, нет, работаю на обёрточной и обойной. А вот насчёт книг, если тебе где-н<и>б<удь> попадётся пьеса «Под золотым орлом» Ярослава Галана³ и «Без вины виноватые» Островского⁴, была бы тебе очень и очень благодарна, если бы ты мне их выслала. Есть ещё одно желание, но т.к. оно из легкомысленных, то вовсе не обязательно, чтобы ты его исполнила. В московских универмагах есть рисунки для вышивки крестом, они штампованные прямо на материале и не требуют канвы. Стоят они 5 р<уб>. штука, продаются без очереди, и даже в кассу не нужно — деньги получает продавец. Если не трудно, пришли штуки 2–3, их принимают в любом почтовом отделении заказной бандеролью с объявленной ценностью. (Если послать простой бандеролью, то нашим почтовым девушкам недолго и стащить!)

И самая главная из книжных просьб: приятельница⁵, с которой я живу, преподаватель вуз'а (английский язык) ужасно страдает без книг на этом языке. У неё здесь Шекспир, Шоу, Генри и 2–3 вещи Диккенса, читанные-перечитанные. Благодаря отсутствию книг она теряет квалификацию, к<отор>ая в дальнейшем очень и очень ей понадобится. У нас ведь издаются книги на английском, только желательно было бы получить книги именно английских авторов, а не

³ Ярослав Александрович Галан (1902–1949), украинский писатель, автор драмы «Под Золотым орлом» (1947), в которой представлена тяжелая жизнь в лагерях «для перемещенных лиц» на территории американских оккупационных властей в Западной Германии, чьи действия сопоставлены со зверствами нацистских концлагерей.

⁴ Пьеса А.Н.Островского об общественном положении незаконнорожденных и драме матери, потерявшей ребенка (на фоне театральной и провинциальной жизни 60–80-х гг. XIX в.). Просьба Эфрон связана с театральной деятельностью районного Дома культуры.

⁵ Ада Александровна Шкодина (урожденная Федерольф, 1901–1996), ближайшая подруга последних 25 лет жизни Эфрон (знакомство состоялось в 1949 г. в рязанской тюрьме), мемуаристка (Эфрон А.С. Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. Федерольф А.А. Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 201–342].

переводы с русского на английский, к^{отор}ые зачастую «не то». Спасибо тебе, милая, заранее. Значит, в первую очередь хотелось бы что-н^иб^{удь} английское, во-вторых — пьесы и в самых последних и не обязательно — вышивки.

На днях напишу тебе подробно и по-настоящему, сейчас же настолько завалена работой и издёргана (у нас проходит ужасный районный смотр художественной самодеятельности), что не в состоянии не только говорить с тобой, как хотелось бы, но даже просто лепетать.

Крепко тебя целую, сердечный привет Муле.

Твоя Аля

12

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Туруханск]

авио

Москва Неглинная ул. д 18/1
кв. 22 Лидии Григорьевне БатьТуруханск, 30 марта 1955¹

Дорогая Лидуша, порадуйся вместе со мной — получила полную реабилитацию и снятие судимости, определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 19 февраля 1955 г., «за отсутствием состава преступления»².

Ты любила меня и беленькую, и «черненькую», вернее — зачернённую, мой милый дружок, и я знаю, что ты разделишь мою радость так же, как делила все мои горести.

Спасибо же тебе за твою дружбу, за то, что ты всегда ко мне относилась неизменно тепло в очень тяжёлые, беспощадно-несправедливые времена. Именно тебе, милому, осторожному человечку, который всегда очень честно и искренне «слушался старших» и, тем не менее, сохранил чистое и доброе сердце.

Надеюсь выехать в Москву с навигацией, а там — «как господь!»

У меня есть к тебе несколько вопросов-просьб.

Первое: согласно ст. 47 § 29 КЗОТ³ (изд. 1953 г.), я должна получить пособие в размере двухмесячного оклада с того места работы, откуда меня изъяли в 1939 г.

Это, как тебе известно, была та самая *Revue de Moscou*, в которой мы вместе работали. Но т.к. она прекратила своё существование, пособие мне должно выплатить то министерство, или ведомство, к которому исчезнувшая «*Revue*» принадлежала³. Ты, вероятно помнишь, что это за ведомство или министерство, или издательство и как с ним связаться, т.е., скажем, в какой отдел нужно писать, что приложить к заявлению и т.д.

Мне, конечно, нужно будет порядочно денег на дорогу, ну, и жить на первых порах тоже на что-то надо, и по-моему, необходимо вос-

¹ На штемпеле отправки: Туруханск 2.04.55.

² Справка управления МВД по Красноярскому краю № 7349 от 18 марта 1955 г. об отмене приговора была вручена Эфрон 26 марта 1955 г. См. рассказ об этом в письмах Б.Пастернаку, Ю.Братковской, Е.Эфрон и З.Ширкевич от 28 марта 1955 г.

³ В письме к А.Шкодиной от 12 августа 1955 г. в качестве правопреемника названо издательство «Международная книга».

пользоваться этим, довольно тощим, возмещением «понесённых» мною (в течение 16 лет!) «убытков».

Но вот только куда сунуться, не представляю себе.

Может быть, ты сможешь разузнать и написать мне?

Второе: как ты думаешь, есть ли какие-н<и>б<удь> шансы на получение какой-н<и>б<удь> работы? Мои немудрёные возможности и способности ты знаешь, так же, как и то, что за вышеуказанные 16 лет я растеряла больше половины того, что знала и умела.

Ещё что-то третье хотела спросить, но забыла.

Единственное, что смущает мою радость, это то, что Аде моей нет ещё ответа, и, конечно, неизвестно, сколько его ждать⁴.

Моё дело пересматривалось без нескольких дней два года, а она всего год, как подала заявление о пересмотре. Но уж после того, как в моей путанице разобрались, я верю, что и у неё всё будет благополучно. Только вот когда?!

Прости, дружок, за просьбы и поручения!

Крепко тебя целую и люблю

Твоя Аля

Сердечный привет Муле!

⁴ 7 августа 1955 г. Эфрон писала Ю.Братковской и Н.Богдановой о разборе дела А.Шкодиной в Главной Военной прокуратуре: «К сожалению, они, видимо, не расположены решать это дело положительно, видимо, ее брак с иностранцем и теперь, 30 лет спустя, кажется им непростительным преступлением» (Там же, 81). А.Шкодина получила реабилитацию в 1956 г.

13

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Туруханск]

[Москва]

20 апреля 1955

Дорогая Лидочка, спасибо за всё — поздравительную телеграмму, чудесную бумагу и книжки, а главное — за дружбу, память и внимание. Жду письма.

Дни у меня сумасшедшие, мешанина из лозунгов, совещаний, репетиций, фотомонтажей, собраний, стенгазет, выставок, благодарностей, выговоров, докладов, дружб с уборщицами и принципиальных споров с начальством, постановок, установок и сплошных перемен паспортов — не успеваю освоиться с одним, как меняю на второй, более сносный, а там и на третий, совсем хороший, и для каждого — 4 ужасных фотографии, одним словом, как здесь говорят, всё — через ж. кувырком, и в итоге всё становится на ноги. Успеваю только работать и немного спать — ни выходных, ни перерывов на обед, ни самих обедов. Хожу всю зиму подряд в одном и том же до-нельзя задрипанном халате, от которого по очереди отлетают пуговицы. Словом — хороша!

Ни о чём не думаю, только несколько секунд перед сном мечтаю. Всё это вместе взятое называется «я готовлюсь к отъезду».

Подала заявление об увольнении, уволят¹ — тогда уже будем все-рьёз готовиться. Ехать собираемся с первыми пароходами, в этом году весна ранняя, и они ожидаются в начале июня² (в первой декаде), а обычно бывают в двадцатых числах.

Дорога будет сплошным мучением — здесь очень трудна посадка, а в Красноярске в навигационный период билеты на поезд достать почти невозможно. Конечно, все достают, но ждать приходится неделями. Сюда везли — куда проще было!³

¹ Эфрон оставила работу 3 мая.

² А.Шкодина пишет, что первый теплоход прибыл 4 июня 1955 г. Возможно, в этот же день состоялся отъезд из Туруханска.

³ Ср. в письме к Б.Пастернаку от 26 августа 1949 г.: «...ехала я до места назначения около четырех месяцев самым томительным образом. Самым неприятным был перегон Куйбышев — Красноярск, мучила жара, жажда, сердце томилось. Из Красноярска ехали пароходом по Енисею что-то долго и далеко, я никогда еще в жизни не видела такой большой, равнодушно-сильной, графически четкой и до такой степени северной реки. И никогда не подумалась бы сама посмотреть. Берега из таежных превращались в лесотундру, и с Севера, как из пасти какого-то взвешного зверя, несло холодом» (Эфрон, I, 179).

А собаку-то, собаку-то бросить! Такую милую, верную, красивую и умную собаку, которая решительно всё понимает, настолько, что иногда приходится говорить по-французски! И никто ее брать не хочет, т.к. здесь все собаки — рабочие, воду возят и дрова, а моя только умеет ходить на задних лапах и кусать милиционеров...

Почему всё в жизни трудно, и особенно под старость?

Странные, тревожные, весенние дни. Дуют все четыре ветра сразу, пуржит, дождит, вдруг ясно, и возникает тот берег в сливовой дымке. И опять ветер, тот, что перед ненастьем. Иногда чуть-чуть солнца, капель с крыш, хрустальные рожки сосулек. Просторно здесь до дикости и тихо до звона в ушах.

Целую тебя, моя хорошая. Сердечный привет Муле. И от Ады привет.

Твоя Аля

14

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

авио

Красноярский край,
с. Туруханск, почта, до востребования А.Эфрон

Москва И-51
ул. Неглинная д. 18/1 кв. 22
Лидии Григорьевне Бать

Туруханск, 9 мая 1955¹

Дорогая Лидуша! Спасибо за письмо, только что полученное, в день Победы! Ужасно милые твои весточки, какие-то сразу добрые, лукавые, чуть-чуть назидательные и необычайно *свои* — как это точнее объяснить, и не знаю, ну — как будто бы мы друг друга знаем с самого детства, *вернее* не придумаю. Что-то нас с тобой роднит очень чистое, простое и вместе с тем волшебное, а такими бывают именно *детские* дружбы! На самом же деле мы немножечко работали вместе и не встречались с тех пор добрых три пятилетки. В чем дело? и почему так? Откуда же это ощущение детской давности наших отношений и детской же близости? Так различны наши судьбы и наши дороги, так непохожи мы сами (вернее — несхожи!) И у тебя — тоже так? Будто бы это было очень давно, и именно на берегу моря, и жизнь была сразу и очень просторна, и очень подробно, как всегда у детей, которым рукой подать и до цветка, и до отдаленнейшей из звезд. Будто бы мы обе смотрим туда, туда, где небо сходится с водою, и всё было наше, и здесь, и по ту сторону горизонта, и всё необъятное умещалось в детской горсти.

Ну, а потом мы, видимо, выросли и поглупели. И нашли друг друга опять. И у тебя — так же?

Впрочем, всё это бред...

Спасибо тебе, дорогая, за всю твою заботу. И за предложение денег на дорогу. Ничего мне не присылай — я получила тысячу рублей от Т.С.Сикорской² и, кроме того, должна получить около трёхсот

¹ На штемпеле: Туруханск 10.05.55.

² Поэтесса и переводчица Татьяна Сергеевна Сикорская (1901–1984) с сыном, Вадимом Витальевичем Сикорским (1922–2012) и мужем, поэтом и переводчиком Самуилом Борисовичем Болотиным (1901–1970) были эвакуированы в Елабугу вместе с М.Цветаевой. После освобождения из лагеря в 1947 г. Эфрон по совету Б.Пастернака обратилась к Сикорскому с просьбой рассказать об обстоятельствах последних дней жизни Цветаевой. Ответ на это письмо от самой Т.Сикорской от 9 июня 1948 г. послужил началом переписки, продолжавшейся и после повторного ареста Эфрон. Когда в 1949 г.

рублей на работе, дорога же в общей сложности обойдётся рублей около восьмисот, со всеми прочими дорожными и багажными расходами уж никак не больше тысячи (считая, что на неопределенное время придётся застрять в Красноярске³, пока удастся получить билет. В навигационный период там столпотворение вавилонское.)

«Внешней торговлей»⁴ займусь по приезде⁵, хотя что-то, кажется, мало шансов там добиться толку. Уж очень давно канула в Лету эта самая «Revue». Кажется, она ненадолго «пережила» меня тогда⁶?

Насчёт помощи «Союза писателей» в отношении работы я немного сомневаюсь — я ведь не писатель, и то, что я, на пятом десятке, продолжаю «ходить в дочерях» вряд ли может послужить веским доводом в мою пользу. Ну, авось что-нибудь найдётся, а нет — страна велика, и где-нибудь работа уже ждёт меня!

Мой «квартирный вопрос» ты, вероятно, помнишь? Ты, ведь, помнится, бывала у нас на Мерзляковском⁷? Это — сундук у тётки за дверью, и — больше ни миллиметра! У тётки Лили⁸ и у тётки Зины⁹ 12

Сикорскую вынудили отказаться от переписки, связь и материальная помощь Эфрон продолжалась через жену ее сына, Аллу Михайловну Белякову (1926–1994).

³ В Красноярске А.Шкодину и Эфрон около недели принимала подруга Шкодиной — Р.И.Козинцева.

⁴ Имеется в виду журнал «Внешняя торговля» — ежемесячный орган министерства внешней торговли СССР (издавался в Москве с августа 1931). Эфрон и Бать считали его преемником «Revue de Moscou» (см. также примеч. 3 на с. 147).

⁵ Приезд в Москву состоялся 13 июня 1955 г. В этот день Эфрон написала А.Шкодиной: «Дорогой мой Адик, вот я и приехала. На вокзале меня встретила Татьяна Сергеевна [Сикорская. — *И.Б.*], несмотря на то, что в телеграмме Зине я указала дату прибытия 14 число, а поезд прибыл 13-го — с одной стороны, на сутки раньше, а с другой — с шестичасовым опозданием <...>» (письмо к А.А.Шкодиной от 13 июня 1955 — РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 289, л. 1).

⁶ Жургазобъединение было закрыто после ареста М.Кольцова.

⁷ Мерзляковский пер., д. 16, кв. 27.

⁸ *Елизавета Яковлевна Эфрон* (1885–1976), театральный педагог и режиссер. Сестра С.Я.Эфрона. По возвращении в СССР в 1937 г. Эфрон жила у нее до переезда в Болшево. Е.Эфрон оказывала всемерную поддержку племяннице во все время ее заключения и ссылки.

⁹ *Зинаида Митрофановна Ширкевич* (1888–1977), подруга Е.Эфрон. Дочь священника. Их знакомство состоялось во время революции, когда Е.Я.Эфрон попала в село Усть-Долысы Невельского уезда, где она организовала Народный театр. В 1929 г., заболев костным туберкулезом, приехала в Москву для лечения, где осталась жить, прописавшись у Эфрон в качестве домработницы.

метров площади на двоих, причём там хранится и то, что осталось от бабушек и дедушек, и от умерших братьев и сестер, и от моих родителей, и от Мура, и от Аси, маминой сестры¹⁰, и от друзей разных поколений. А когда к тёте Лиле приходят сразу трое учеников¹¹, то третьему негде сесть.

Но это — самая родная и гостеприимная комнатка на свете, то самое, что называется «в тесноте, да не в обиде»

На этом же сундуке спала мама¹², когда её выселили с той самой болшевской дачи, и Мур, до отправки на фронт¹³. И я спала, и ещё посплю. Вообще же *жить* там, конечно, совсем негде, а ночевать можно.

Да, дорогая моя, я не рассказала тебе, чем кончились мои трения с Туруханским РК КПСС *via*¹⁴ Крокодил? Посрамлённый зав<едующий> агитпроп, конечно, как и полагается (увы, это ещё «типично»!), затаил на меня злобу (и, еще раз увy, райком во всей этой истории с «на-родным» фронтом всей душой был с ним...) Так вот, он решил меня проучить и придрался к какому-то моему «декоративному панно», посвящённому 50-летию первой русской революции. Нашёл там искажения, отступления от оригинального рисунка (галлицизм¹⁵! от подлинника!) и в моё отсутствие составил акт на это дело и панно приказал снять и... забелить... А на следующий день на собрании зачитали акт и поставили мне «на вид». Я не растерялась и подняла страшный скандал — что это за акты в моё отсутствие? Что за нарушение демократии? Докажите, что были искажения, если панно забелили! Кто это вас научил составлять акты в отсутствие «автора»? Что это за «особое совещание»? Я буду жаловаться, товарищи, я это так не оставлю! Я дойду до отдела агитации и пропаганды ЦК, если нужно будет! Я не потерплю такого произвола!

И через три дня... мне вынесли благодарность за отличный, самоотверженный труд! Вот так-то здесь всё и идёт!

¹⁰ Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993) в это время находилась в ссылке в д. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области, с 1943 г. поддерживала регулярную переписку с Эфрон.

¹¹ Е.Эфрон, ставшая инвалидом после перенесенной в 1931 г. сердечной болезни, давала уроки художественного слова на дому.

¹² Из письма М.Цветаевой Эфрон 22 марта 1941 г.: «8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева — навсегда. Месяц жили у Лили, на твоём пепелище, я — на твоём зеленом одеяле, Мур — на твоём бедном рыжем сундуке» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А.Саакянц и Л.А.Мнухина. М., 1994–1995. Т. 7. С. 744).

¹³ Последний период жизни Г. Эфрона в Москве: осень 1943 г. — февраль 1944 г.

¹⁴ Через (*фр.*)

¹⁵ Original (*фр.*) — подлинник.

Спасибо огромное за вышивки. Жду их с нетерпением. А с пьесами клуб потерпит до зимы — с началом навигации драмкружок не в состоянии заниматься большими пьесами — люди разъезжаются кто куда. «Под золотым орлом», кстати, нашли в Красноярске.

Лёд идёт уже в 500 кил<ометрах> от нас — скоро и здесь начнётся ледоход. Мечтаю выехать первым пароходом, в начале июня. Между прочим, какой это невероятный труд, выехать с Севера!

Ты спрашиваешь, что бы я хотела больше всего делать? Конечно, писать, и только писать. Всякое там рисование — это только подсобное, как иллюстрация к книге. Целую тебя крепко, сердечный привет Муле. От Ады привет.

Твоя Аля

15

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Москва Г-69 Мерзляковский пер. Москва Неглинная д. 18/1 кв. 22
д. 16 кв. 27 А.С.Эфрон Лидии Григорьевне Бать

30 июня 1955¹

Лидя, дружок, я никак не могу до тебя дозвониться, ты, наверное, на даче². И сама молчишь — м<ожет> б<ыть>, я успела чем-н<и>б<удь> тебя обидеть? Я всё время брожу по прокуратурам — за папу и за Аду хлопочу³. Два раза в неделю езжу в Болшево к тёткам⁴, повидаться и отвезти продукты. А главное — разбираю мамины рукописи. Поскольку могу установить — сохранилось большинство, но кое-чего явно нет. Пока нашла 64 тетради (черновые, чистовики и записные книжки). Из этого сундука, окованного железом, как из ящика Пандоры, встаёт вся та жизнь, которую я в себе держала, тоже, как в ящике, и не давала ей ходу. Выйдя из сундука, мамина жизнь туда не возвращается больше, над этим не закроешь крышку. Всё это сильнее меня — и живее меня, живущей. Перечитывая то, другое, хватаешься за голову. Это — самая страшная из поэтических жизней, а она у них, у настоящих, всегда страшна... Как я это всё в себе глушила, и как бесполезно!

Вот мы и встретились с нею вновь. И я, живая, нема в этой встрече — говорит только она.

Когда будешь в Москве, позвони мне, а если меня не окажется, передай, когда можно тебе позвонить, чтобы застать тебя⁵.

Целую тебя, сердечный привет Муле.

Твоя Аля

Лидочка, если не трудно, узнай телефон Сесиль, мне бы хотелось позвонить ей. Говорят, она очень больна.

¹ Штемпель получения: 31.06.55.

² Бать получила под Москвой в Валентиновке дачу на одном участке с семьей Дейчей.

³ Справка о реабилитации С. Эфрона была выдана Эфрон 3 октября 1956 г. О деле А.Шкодиной см. примеч. 4 на с. 148.

⁴ В летние месяцы Е.Эфрон и З.Ширкевич снимали дачу в Болшево в дачно-строительном кооперативе «Зеленовод».

⁵ Н.Г.Бать вспоминает о знакомстве с Эфрон в гостях у Бать, возможно, во время их первых встреч в 20-х числах июня 1955 г.

16

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Москва]

[Дубулты]

10 августа 1955

Дорогая Лидуша, *les grands esprits se rencontrent*¹ — я только собралась писать тебе, узнав адрес от Мули, как получила твоё письмо. Спасибо, мой хороший! Рада, что ты дышишь себе Прибалтикой и поправляешься.

С Н.Н. встретила², он был очень мил и сердечен и не так толст, как описывал себя по телефону, чтобы я его с кем-н<и>б<удь> не спутала при встрече. Дал мне перевести парочку стихов Элюара к ноябрьскому номеру³. Стихи — бред сивой кобылы, что я ему наивно и высказала. Т.е. Вильмонт. На каком бы и с какого бы языка она ни изъяснялась (т.е. сивая кобыла).

Кстати, о стихах — мне на днях рассказали множество двустийший на тему — кто как нужен искусству, но я запомнила только два:

1

«Так для искусства нужен Ардов⁴,
Как ж....е — пара бакенбардов»

2

«Искусству нужен так Нейгауз⁵,
Как ж....е — тормоз Вестингауз⁶!»

¹ Великие умы всегда найдут общий язык (*фр.*) — пословица.

² Николай Николаевич Вильмонт (1901–1986), литературовед, переводчик, историк культуры. Познакомился с М.Цветаевой в 1940 г., давал ей заказы на переводы для журнала «Интернациональная литература». Встречу с Вильмонтом в 1955 г. Эфрон описала в очерке «О Казакевиче» (*Эфрон*, III, 216). По сообщению Н.Г.Бать, Вильмонт бывал в доме Мотолянских, и, возможно, именно от Бать Эфрон получила совет связаться с ним по вопросу помощи с переводами и номер телефона.

³ Для журнала «Иностранная литература». Эфрон вспоминала: «...стихи эти были давным-давно переведены по заказу редакции кем-то из “маститых”, и мой перевод, на который я возлагала столько надежд, естественно, оказался никому не нужным» (*Эфрон*, III, 215). В № 5 «Иностранной литературы» (ноябрьском) было опубликовано одно стихотворение Элюара в переводе С.Боброва. Об Элюаре см. письмо № 17 и примеч. 7 к нему на с. 159–161.

⁴ Виктор Ефимович Ардов (1900–1976), писатель-юморист.

⁵ Генрих Густавович Нейгауз (1888–1964), пианист.

⁶ «Вестингауз электрик», электротехническая компания США.

Говорят, Нейгауз не огорчился, считая тормоз делом полезным даже и в этой отрасли.

Извини за эти глупости, но они — не мои.

И.Г.⁷ еще не видела, с Борисом⁸ должна увидеться в субботу — он будет в городе.

Родственники одолевают — вслед за отъездом тёти Нюти⁹ приехала ее дочь, а моя кузина Нюра¹⁰, которая с места в карьер мне рассказывала, как она ссорится с сестрой Лизой (опять-таки моей кузиной)¹¹. Вплоть до того, что одна для другой вызывает карету скорой помощи, как для буйно-помешанной. Это что-то новое в нашем благородном семействе, я даже испугалась и раздумала ехать к ним в гости в Ленинград — ещё и меня укут в сумасшедший дом!

Два дня пробыла на даче у тёти Лили¹², было очень тихо и приятно, хозяйка пожертвовала нам целый куст малины, который я обобрала и мы сварили варенье в настоящем медном тазу, и я написала стихи:

«И вот, в саду старинном,
Как в самом раннем детстве,
С лукошком за малиной
Пошла я по соседству.
Сияли в отдаленьи
Платки и платья женщин,
Таз медный для варенья,
И солнце — чуть поменьше.
Всё было неизменно
Иль началось сначала,
И времени — как сцены —
Я чувство потеряла».

⁷ И.Г.Эренбург. См. примеч. 7 на с. 143.

⁸ С Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890–1960) Эфрон впервые встретилась в конце июня 1935 г. во время его пребывания в Париже на антифашистском конгрессе. Их последняя встреча до ареста Эфрон состоялась в середине лета 1939 г. Попытку установить письменный контакт Эфрон предприняла в начале 1945 г., получив адрес от А.Цветаевой. Б.Пастернак посылал ей книги, оказывал материальную помощь. В 1948 г. через посредство А.Крученых произошел первый обмен письмами во время ее проживания в Рязани, и это послужило началом их многолетней переписки. После «нелегальной» встречи в Москве в конце января — начале февраля 1949 г. следующая произошла только в ноябре 1954 г.

⁹ Анна Яковлевна Трупчинская (Эфрон, 1883–1975).

¹⁰ Анна Александровна Трупчинская (1909–1982).

¹¹ Елизавета Александровна Трупчинская (1910–2005).

¹² В Болшево (см. письмо № 19 на с. 165).

Так оно и было, как здесь описано.

Да, помимо Ньюры, еще приехал двоюродный брат Кот¹³, из экспедиции, где ловил каких-то тушканчиков. Теперь по телефону ловит меня, но я не даюсь.

Так и живём.

Последние дни чуть прохладнее и легче дышится.

М<ожет> б<ыть>, тебе там попадется какая-нибудь шерстишка вязальная, привези, если не дорого! И если вообще там водится.

Целую тебя, поправляйся, в смысле, худей, и загорай, и отдыхай. А мы тебя ждём — Мулька, и Мурка с потомством, и я!

Твоя Аля

¹³ Константин Михайлович Эфрон (1921–2008), сын Веры Яковлевны Эфрон (1888–1945) и М.С.Фельдштейна (1884–1939).

17

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Москва]

[Дубулты]

17 августа 1955

Дорогая Лидочка, получила твоё письмо, спасибо! Что рассказать тебе о себе? Живу двойной жизнью — днём бываю там и сям, делаю какие-то мельчайшие дела, от которых ничего не продвигается и как-то ничего не остаётся, а ночью сижу с мамиными рукописями. Вместо того, чтобы хладнокровно разбираться в них, только и делаю, что читаю, и плачу, и хватаюсь за голову. На днях нашла её самую последнюю фотографию, на профсоюзной книжке, где взносы уплачены по август 1951¹, — а умерла она 31 августа.

Недавно приезжал ко мне Пастернак². Он кончил роман³ и отдал его перепечатывать. Предложил мне прочесть его в рукописи, но у меня такое суеверное отношение к рукописям, как к такому же невозстановимому, как сама жизнь, что я не решилась — а вдруг что-нибудь с ней, с рукописью, случится у меня. Хотя это и невероятно, но все же невероятное тоже бывает. Борис всё тот же, на протяжении всех лет, рассказать о нём и передать его невозможно, для этого нужно быть им самим. Это — единственный человек на всём белом свете, который с лёгкостью необычайной ставит меня с ног на голову, т.е. с тех ног, которые в наше время принято считать головой. И только благодаря ему я так никогда и не могу решить, что в себе считать теменем, а что пятками. Прелесть он необычайная, и я люблю его всю жизнь самой светлой и самой коленопреклоненной из всех своих любовей. И.Г. я не видела, напрасно я на этот счёт сосваталась с Журавлёвым⁴. Просто напишу ему, и он меня примет, когда найдет для этого минутку⁵.

¹ Профсоюзный билет, выданный 24 апреля 1941 г. группкомом писателей Гослитгиздата Профессионального союза работников печати. Ошибка Эфрон: марки об уплате наклеены по август 1941 г.

² Очевидно, 13 августа. В письме от 10 августа встреча ожидается «в субботу», которая приходилась на 13 августа. Спустя 2 дня, 15 августа, Пастернак обратился к Эфрон с просьбой передать М.К.Баранович бумагу для перепечатки романа «Доктор Живаго».

³ «Доктор Живаго».

⁴ Дмитрий Николаевич Журавлев (1901–1991), мастер худож. слова, народный артист СССР, ученик и друг Е.Я.Эфрон, которая была режиссером его программ. Эфрон познакомилась с Журавлевым в 1937 г.

⁵ Письмо неизвестно. Вероятно, встреча состоялась ок. 27 августа. В письме от 28 августа Эфрон благодарит Эренбурга «за то, что так отозвались

Насчёт Элюара — я его давно-давно знаю, он наводнял маму своими ужасающими книжками с ужасающими под-пикассовскими рисунками⁶, и с тех пор я питаю к нему недоверие. Ну, предположим, он всю жизнь «искал» — но для того, чтобы в конце концов «найти» белые стихи, белые до слепоты и безликости

«Tous les pays croissent dans la lumière
L'URSS les agrandit, les améliore»⁷

и т.д. И та сложность — кривляние, и эта «простота» хуже воровства. Ну да бог с ним. Конечно, постаралась перевести получше.

В эту пятницу или субботу обещали результат по Адиному делу, и я ужасно волнуюсь. Впрочем, волнуюсь за неё все эти месяцы, и вообще мне тошно от этой улицы, пыльной и нудной, и от этого кирпичного здания с зелеными коридорами, пахнущими табачным дымом и уборными, и от самого того типа, что держит в своих пухлых руках с короткими ногтями судьбу, жизнь человека. Так как эта тошнота подкреплена всеми предшествующими тошнотами, то она сильная, как можешь себе представить.

Несколько раз была в Дрезденской галерее⁸, благодаря всё тому же Журавлёву. Вместо свиданья с И.Г. он устраивал мне свиданья с

на мою просьбу, — сейчас иду к Вам за машинкой, а в субботу буду Вам звонить» (*Эфрон*, II, 13). Обсуждалось издание сборника: *Цветаева М.И.* Избранное. М., 1961.

⁶ Поль Элюар (1895–1952), французский поэт, был первым мужем Елены (Гали) Дьяконовой, гимназической подруги сестер Цветаевых, впоследствии ставшей женой Сальвадора Дали. См. в письме М.Цветаевой к С.Н.Андрионовой-Гальперн от 10 октября 1927 г.: «У меня есть 6 книг одного совр<еменного> франц<узского> поэта — и КАКИЕ! С картинками!» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А.Саакянц и Л.А.Мнухина. М., 1994–1995. Т. 7. С. 110]. Сборники Элюара иллюстрировали кубист Андре Лот и сюрреалист Макс Эрнст. Еще в 1917 г. Элюар послал Цветаевой свой сборник «Долг и тревога» (1917) с дарственной надписью.

⁷ Из стихотворения П. Элюара «URSS, la seule promesse» (СССР — единственная надежда (*фр.*)). В переводе Эфрон:

Все страны к свету тянутся, растут,
Всех их, мятежных иль друзей,
СССР растит и улучшает.

(Архив семьи Бать (Мотоланских))

⁸ 2 мая — 20 августа 1955 г. в ГМИИ им. А.С.Пушкина проходила выставка картин Дрезденской галереи, вывезенных в СССР в 1945 г., перед их возвращением в Германию.

Сикстинской Мадонной и «Динарием кесаря»⁹. М<ожет> б<ыть>, он и прав.

Дни в Москве жаркие, ночи прохладные, т<ак> ч<то> жить можно. Часто езжу на дачу, всё никак не надышусь на свою тётю Лилю. Перечитываю «За правое дело»¹⁰. Хорошо.

Ну вот, Лидочка, кажется, и всё. Крепко тебя целую и желаю безмятежного отдыха. Будь здорова и пиши.

Твоя Аля

На днях перечла твой «Сад»¹¹ — хорошо, но тесно — Восток просит больше воздуха, простора, и, соответственно, бóльшего количества печатных листов. Но ты, кажется, и увеличила книгу?

⁹ «Сикстинская Мадонна» — картина Рафаэля. «Динарий кесаря» — картина Тициана.

¹⁰ Свои первые впечатления от романа В.С.Гроссмана «За правое дело» о событиях Сталинградской битвы (Новый мир. 1952. № 7–10) Эфрон сообщила в двух письмах Е.Эфрон и З.Ширкевич от 8 ноября 1952 г. Отдавая должное «и наблюдательности, и уму автора», она отмечала композиционное несовершенство книги (*Эфрон*, I, 296).

¹¹ «Сад жизни» (см. примеч. 2 на с. 127). Бать готовила книгу к переизданию (новое издание — 1956 г.).

18

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Москва Г-69 Мерзляковский Латвийская ССР г. Рига Дубулты
 пер. д. 16 кв. 27 А.Эфрон Дом творчества писателей
 Лидии Григорьевне Бать

25 августа 1955

Дорогая Лидуся, а я думаю, что эта записочка тебя ещё застанет. Если что-н^еи^иб^еудь не страшется, то встречу тебя. Уж раз проводить не успела, то хоть встретить успеть!

Читала ли ты возмутительные стихи Маргариты Алигер¹ в «Ли-

¹ Стихотворение М.Алигер (о ней см. примеч. 2 на с. 232) «О красоте» (1955):

По всей земле, во все столетья,
 великодушна и проста,
 всем языкам на белом свете
 всегда понятна красота.
 Хранят изустные творенья
 и рукотворные холсты
 неугасимое горенье
 желанной людям красоты.
 Людьми творимая навеки,
 она понятным языком
 ведет рассказ о человеке,
 с тревогой думает о нем
 и неуклонно в жизни ищет
 его прекрасные черты.
 Чем человек сильней и чище,
 тем больше в мире красоты.
 И в сорок пятом, в сорок пятом
 она светила нам в пути
 и помогла моим солдатам
 ее из пламени спасти.
 Для всех людей, для всех столетий
 они свершили подвиг свой,
 и этот подвиг стал на свете
 примером красоты земной.
 И эта красота бездонна,
 и безгранично ей расти.
 Прощай, Сикстинская Мадонна!
 Счастливого тебе пути!

т<ературной> Газете» — о Сикстинской Мадонне? Стыдно писать такую белиберду, и нахально — печатать! Я к ним дописала конец:

Пишите всё и всё грешите!
Мадонна всем простит грехи...
И даже грешной Маргарите
Её сикстинские стихи.

Прочти всё вместе — неплохо получается.
— Нет, но завершить стихотворение словами:

«Прощай, Сикстинская Мадонна
Счастливого тебе пути!» —

это же вроде:

«Лети, голубь мира, лети, голубь мира,
Ни пуха тебе, ни пера!»

Черт знает что за дура эта самая Маргарита!

Да, ты пишешь насчет чувства такта и выдержки по отношению к Элюару. По этому поводу могу тебе сообщить, что когда Вильмонт дал мне прочесть Элюаровское «URSS — seule promesse»² и спросил — «как Вам нравится», я ответила: «по-моему — ужасно!» И не отступлюсь от этого и на плахе!

Нет, Лидочка, столько я пережила, перевидала, перенесла и поняла, что третьего сорта в искусстве не терплю — ни наглой белиберды нашей Сикстинской Мадонны, ни Элюара, ни — имя им легион.

А что касается стихов — мне за последнее пятидесятилетие хватит перечитывать Маяковского, Пастернака, Цветаеву, Багрицкого — ну, и «Василия Теркина»³. Больше мне, пожалуй, ничего и не надо. Переводить-то я, конечно, могу всё на свете — но люблю так мало, таких немногих!

Одного и того же юношу мы с тобой в древнем Египте *не* любили. Ты плохо помнишь. Мы с тобой поклонялись одному и тому же богу⁴ и гадали по одним и тем же звездам. А что касается юношей, то у

² СССР — единственная надежда (*фр.*)

³ «Василий Тёркин (Книга про бойца)» — поэма А.Т.Твардовского.

⁴ В записной книжке М.Цветаевой (№ 10) сохранились записи десятилетней Али о египетских богах Ра, Осирисе, Анубисе: *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б.Коркиной и М.Г.Крутиковой. М., 2000–2001. Т. 2. С. 293).

каждой был свой особый Муля⁵, это несомненно. И мы это блестяще доказали.

Столько переписала мамино (прочла, наконец, 5 дней на даче) — что рука болит, мозоль набила.

Крепко тебя целую. До скорой встречи.

Твоя Аля

⁵ Имеются в виду муж Бать С.Е.Мотолянский и гражданский муж Эфрон Самуил Давидович Гуревич (1904–1951), с которым Эфрон познакомилась в 1938 г. через Н.Гордон в период работы в ЖУРГАЗе. Гуревич помогал М.Цветаевой, Г.Эфрону, стремился облегчить участь Эфрон в период ее лагерного заключения. Был арестован 20 июня 1950 г., осужден по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности, расстрелян 31 декабря 1951 г.

19

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Болшево]

Москва И-51

Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22

Лидии Григорьевне Бать

15 сентября 1955¹

Дорогая Лидочка, я сегодня вечером, даже — ночью (в двенадцатом часу) не смогла к тебе дозвониться, почему-то, после того, как набрала номер, не было гудков.

Если 18^{то} будешь на даче, м<ожет> б<ыть>, выберешься к нам, будет очень хорошо. От вас идти — перейти ж/д полотно и идти по напр<авлению> к ст<анции> Болшево, второй или третий поворот направо, пос. Зеленовод (там написано), дача № 12. А если не будешь на даче и не соберешься, то специально не приезжай, ne te fatigue pas². Я буду в городе 19^{то}.

Если случайно встретишь Сикорских (или Болотиных)³, не упоминай случайно об этом рождении⁴ — мне не хочется, чтобы они приехали, а они помнят эту дату, и я им что-то уже наврала — зачем, спрашивается? да шадя тётю Лилю. Ne mentez jamais ou ayez bonne mémoire⁵. А у меня она как раз не bonne. Целую и сплю.

Твоя Аля

Я нашла в букинистич<еском> магазине очень интересную книгу про своего двоюродного деда — маминого дядю⁶ — и там про моего прадеда есть⁷! Просто чудо какое-то!

¹ На штемпеле: Москва 16.09.55.

² Не утомляй себя (*фр.*).

³ Т.С.Сикорская и ее муж С.Б.Болотин (см. примеч. 2 на с. 151–152).

⁴ 18 сентября — день рождения Эфрон (по новому ст.) и именины Е.Я.Эфрон, которые они отмечали совместно.

⁵ Либо никогда не лгите, либо имейте хорошую память (*фр.*)

⁶ Имеется в виду кн.: Анненков М. Федор Владимирович Цветаев в воспоминаниях его товарищей и учеников. М., 1902. Анненков — псевдоним И.В.Цветаева.

⁷ Имеется в виду Владимир Васильевич Цветаев (1818–1884), священник. Служил в погосте Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии.

1956

20

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Калужск<ая> обл. г. Таруса

Москва И-51

Первая Дачная д. 9, Эфрон А.С.

Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22

Бать Лидии Григорьевне

5 августа 1956²

Дорогая Лидочка! Живем, как боги! — Таруса³ и остатки твоего шоколада. Места действительно изумительные, всё холмисто, и поэтому с каждым шагом всё новое. Погода переменная, к ней приносравливаемся: во время дождя сидим дома, после дождя бежим за грибами или просто так, гулять, и все время тихо радуемся красоте, воздуху, просторам, безлюдью. Старшая тетка цветаевская⁴ очень мила, добра, приветлива.

Ей уже 73 года, а мужу ее⁵ что-то около 80, но они, как и всё мое старшее поколение, молоды не только духом, но и по внешнему виду им не дашь столько лет, сколько они прожили и пережили. У них ста-

¹ Фото: Московский метрополитен им. В.И.Ленина. Ст. «Маяковская».

² На штемпелях: Таруса 8.08.56.

³ Эфрон с А.Шкодиной гостили у В.И.Цветаевой с 29 июля (*Климова Е.М.* Ариадна Эфрон и Таруса (по письмам В.И.Цветаевой к А.С.Эфрон) // Цветаевские научные чтения в Тарусе: Сборник докладов, сообщений и тезисов. Вып. 2. Калуга, 2007. С. 69). 1 августа 1956 г. Эфрон писала Е.Эфрон и З.Ширкевич: «Постепенно и тихо проникаюсь сознанием, что она, красота эта, вырастила, вскормила и вспоила маму и что крепче, чем все Италии и Франции, вошла в ее творчество именно эта, русская, тарусская, сила и прелесть» (*Эфрон, II, 31*).

⁴ *Валерия Ивановна Цветаева* (1883–1966), единокровная сестра М.Цветаевой, дочь И.В.Цветаева от первого брака. Личное знакомство Эфрон с В.Цветаевой произошло, вероятно, на встрече, состоявшейся ок. 25 февраля 1956 г. (*Эфрон А.С.* Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. *Федерольф А.А.* Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 88). Очевидно, тогда же было высказано намерение посетить Тарусу. В письме И.Эренбургу от 4 августа 1956 г. Эфрон сообщала, что приехала «к ней в Тарусу, чтобы записать с ее слов все, что она помнит <...> о Цветаевых, и зарисовать то, что в Тарусе еще сохранилось от времен маминого детства и ранней юности, проведенных здесь» («Я слышу все...»: Почта Ильи Эренбурга, 1916–1967 / Изд. подг. Б.Я.Фрезинский. М., 2006. С. 320).

⁵ *Сергей Иасонович Шевлягин* (1882–1965), доцент, преподаватель латыни.

рый, немного распушенный, но уютный, со всякими закоулочками, домик над Окой, изумительный сад, буквально заросший различными цветами и кустами сирени, жасмина, жимолости, бузины. Много деревьев, много малины и смородины. Есть бодучая коза с кошачьими глазами, и с такими же глазами очень милая кошка, и совсем маленький котенок, который так же прелестно шипит на меня, как некогда ваш Мурзик. Есть и собачонка на коротких лапах, с которой мы уже никуда друг без друга. А главное — все вокруг почти такое же, как в мамином детстве, те же холмы и та же Ока, и те же берега с серебристыми ивами. Городок сам с виду очень дореволюционный, м<ожет> б<ыть>, даже и дореформенный — пустынная площадь, мощенная ровным булыжником, одноэтажные каменные домики, из окон которых выглядывают невесты-цветы и невесты-девушки. Тихие улочки, как дорожки, проложенные в сплошной зелени. И, как полагается в любом приречном городе, все улицы спускаются к Оке, тяготеют к ней, словно весенние потоки.

В двух шагах от тетиного домика — дом отдыха, разросшийся на бывшей Цветаевской территории. Частично уцелел и флигелек, где жила моя мама девочкой⁶. Стоит еще и крепкий, подслеповатый домик в яблоневом саду, где жили хлыстовки-Кирилловны, про которых писала так много мама. И лабаз, где торговал мукой бородатый хлыстовский Христос⁷.

Все понятнее и ближе становятся здесь истоки маминого творчества, вскормившая и убившая ее Россия.

Целую тебя, милый друг. Скоро уж я поеду обратно, а совсем не хочется. Здесь так удивительно хорошо и по душе. Сердечный привет Муле.

Твоя Аля

⁶ В 1894–1910 гг. Цветаевы арендовали принадлежащую городу дачу в Песочном (в двух верстах от Тарусы вверх по Оке).

⁷ См. автобиографический очерк: *Цветаева М. Хлыстовки // Встречи*. 1934. № 6. Первая публикация в СССР вышла под названием «Кирилловны» в изд.: Тарусские страницы: Лит.-худож. ил. сб. Калуга, 1961. С. 252–261.

1957

21

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

Калужск<ая> обл. г. Таруса

Москва

ул. Кирова 6, Эфрон А.С.

Неглинная 18/1 кв. 22

Лидии Григорьевне Бать

Милая Лидочка, Ада будет в М<оскве> прибл<изительно> с 18 по 22, не поздно ли для тебя ехать 22–23 с ней? Хочется, чтобы ты приехала на подольше, здесь изумительно, чудные прогулки, поедем через реку в Поленово, посмотрим усадьбу-музей² и вообще побродим по дивным местам, полюбуемся на близи и дали. В городе ли ты? Как Аде связаться с тобой на случай совместного приезда? Напиши ей к 18^{му} свои координаты и как вам договориться, по адресу Олсуфьевский пер. д. 2/4 кв. 4 Шкодиной А.А.

Очень тебя ждем, очень тебе рады, да и тебе будет, я думаю, приятно здесь. Сможешь хорошо отдохнуть — есть все необходимое для этого. Если хочешь, приезжай раньше, дай знать, чтобы я тебя встретила. Во всяком случае напиши. Если Муля приедет, будет чудесно, разместимся все.

Целуем вас!

Аля и Ада

¹ Датируется ок. 10 июля 1957 г. (дата на штемпелях: 11.07.57–11.07.57).

² Под Тарусой, рядом с деревней Бехово находится усадьба художника Василия Дмитриевича Поленова. А.Цветаева в своих воспоминаниях рассказывает о праздниках, устраивавшихся в усадьбе художника, связанного узами многолетнего знакомства с семьей И.В.Цветаева.

22

Эфрон и А. Шкодина — Бать

ЗАПИСКА¹

[Таруса]

[Москва]

Лидии Григорьевне [Бать]

Дорогая Лидочка, очень тебя жду, здесь чудесно. Приезжай с Адой и оставайся подольше. От Серпухова поезжайте непременно машиной, гораздо приятнее и не так уж дорого — 60–80 р<уб>. машина до самого места!

Привезти нужно белого хлеба (здесь трудности даже с черным), сахара кило 2, грамм 300 масла, а так всё есть. Здесь уйма всего для варенья — вишни, малина и т.д. Если захочешь, сварим варенья — дешевле и вкуснее, чем покупное. Тогда надо захватить пару банок или бидон, чтобы тебе везти обратно, и еще сахару. Все это не трудно, общение хорошее. Если Муля может приехать — очень хорошо, место найдется.

Целую и жду

Твоя *Аля*

P.S. Милая Лидия Григорьевна!

Должна была вручить Вам это письмо и везти Вас в Тарусу.

Очень жалею, что Вы не можете ехать со мной, и посылаю письмо по почте.

Ваша *Ада*

¹ Записка была написана до 18 июля 1957 г., перед отъездом А.Шкодиной в Москву.

23

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹Калужск<ая> обл. г. Таруса
ул. Кирова 6 А.ЭфронМосква И-45
Неглинная д. 18/1 кв. 22
Лидии Григорьевне Бать

Милая Лидочка, ну что же, 1^ю так 1^ю, очень хорошо! Поезжай непременно с Малой Каланчевской (налево от Ленингр<адского> вокзала), 1^я путь, 8. 27 на Серпухов. Там постараемся встретить, Ада или я. Садись в 4 или 5 вагон. В случае, если вдруг не сумеем встретить в Серп<ухове>, то на вокзальной площади направо (в конце) стоянка тарусских автобусов, идут каждый час. Встретим тогда в Тарусе. Там же в Серп<ухове>, заняв место [*сверху*: очередь] на автобус, ищи машину — бывают такси и во всяком случае «леваки». С собой бери обувь соотв<етственно> погоде, тапочки во всяком случае, сарафан. Теплое тут есть, кофточки и т.д. Из продуктов: хлеб, масло 300 г (не больше), сах<арный> песок, палочку дрожжей, больше ничего не надо. Тут хороший базар по воскресеньям, маленький базарчик в будни, «фрукты» свои — ягоды, яблоки поспевают, и т.д. М<ожет> б<ыть>, чтобы не везти лишнее, поручишь Шуре² отправить сахар посылочкой (тогда килограмма 3) из п<очтового>/о<тделения> высотный дом, пл. Восстания, там принимают, она знает. Это будет гораздо проще для тебя и легче. Больше никаких продуктов не вези, все у нас запасено.

Места тут дивные, хоть бы погода еще побаловала! Ну вот, милая моя, очень ждем и рады побыть и побродить вместе. Да, если вдруг не встретим в Серп<ухове> и поедешь на машине, буду ждать тебя на тарусской площади у автоб<усной> остановки, останови машину. Кажется, всё. Приезд подтверди телеграммой. Целуем и ждем

Муле и Мурке привет!

Аля и Ада

[На полях:] Пост<ельные> принагл<ежности> все есть, не вздумай везти!

Старайся ехать в будни, <в> суб<боту> и воскр<есенье> много народа.

Если можно, захвати несколько катушек липкой бумаги (в аптеке) от мух, а то они уже начали появляться и кусать за ноги!

¹ Датируется ок. 26 июля 1957 г. (дата доставки по штемпелю: Москва 28.07.57).

² Домработница Бать.

24

**Эфрон — Бать
ТЕЛЕГРАММА¹**

[Таруса]

[Москва]

= МОСКВА НЕГЛИННАЯ 18/1 КВ 22 БАТЬ ЛИДИИ Г=

КЛГ 571 ТАРУСЫ 36 16 1 2208²В ЧЕМ ДЕЛО ВСТРЕЧАЛА ТЕБЯ ПЕРВОГО СЕРПУХОВЕ=АЛЯ-
ПРИЕМ: 23.50

¹ На штемпеле: Москва 1.8.57.

² Примеч. на телеграмме: Цифры, указанные после наименования пункта, откуда послана телеграмма, означают: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма отправлена, и 4) время отправления телеграммы (первые две цифры — часы и следующие две цифры минуты).

25

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

Мисюсь, где ты?² Что с тобой? Жду не объяснений по поводу, а тебя.

Аля

Или телеграмму о выезде.

¹ Датируется условно, ок. 2 августа 1957 г., по связи с телеграммой от 1 августа и предыдущими письмами.

² Цитируются заключительные слова из повести А.П.Чехова «Дом с мезонином».

26

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Калужск<ая> обл. г. Таруса

ул. Кирова 6 Эфрон А.С.

Москва И-45

Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22

Бать Лидии Григорьевне

29 августа 1957¹

Милая Лида, сегодня впервые после твоего отъезда — гроза и дождь, а то всё была дивная погода! Жаль, что ты не смогла побыть здесь подольше. Как здоровье Мули? Надеемся, что он давно и прочно поправился и что вы где-нибудь мирно отдыхаете. Я же устроила себе небольшой антракт между редактурами и переводами², ходили с Адой купаться на тот пляж, где были с тобой вместе, ходили в лес за грибами и орехами. Теперь впрягаюсь вновь, благо давно пора, да и к тому же погода настроилась на дождливый лад. В Москву собираемся в середине сент<ября> — если 18го вы с Мулей будете свободны и в настроении, то ждем вас в Болшево на наш традиционный семейный праздник — Лилины именины и мое рождение. Целуем тебя, сердечный привет Муле.

Аля и Ада

Болшевский адрес — пос. Зеленовод, 12, 3-й поворот направо от Валентиновки по напр<авлению> к Москве.

¹ На штемпеле: Москва 28.07.57.

² Эфрон переводила для издательства «Художественная литература». 2 октября 1957 г. она писала М.И.Белкиной: «...я ухитрилась отредактировать занудливейший философский роман конца XVIII века <...> и, кроме того, перевести кое-что стихотворное со всех языков на наш единственный...» (Белкина М. Скрещение судеб. М., 2008. С. 756). Имеется в виду роман «Оберман. Письма, изданные г. Сенанкурор» французского писателя Э.Сенанкура (см. следующее письмо), а также, возможно, переводы из персидской и арабской поэзии; см. сб.: Современная персидская поэзия / Сост. и предисл. А.М.Шойтова. М., 1959; Новая арабская поэзия / Сост. А.Горюдецкий. М., 1958.

27

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПИСЬМО¹

Калужск<ая> обл. г. Таруса
ул. Кирова 6 Эфрон А.С.

Москва И-45
Неглинная ул. д. 18/1 кв. 22
Лидии Григорьевне Бать

29 августа 1957²

Милая Лида, утром отправила тебе открытку, а вечером получили твоё письмо, содержащее вопросы, требующие незамедлительного ответа. Какие были события со времени твоего отъезда? Дважды приезжал Кирилл³, мой соратник по «Оберману», мы с ним работали до полнейшего обалдения, но зато он нас немного покатал по окрестностям, что доставило нам немалое удовольствие. Таруса ему очень, очень понравилась, и он, по-моему, тоже стал мечтать о дачке. Заглядывала к нам и твоя приятельница⁴, к<отор>ую ты зовешь Мурой, а мы — никак, т.к. не знаем ее отчества, а спрашивать, уже будучи знакомыми, как-то неловко. Дала тетке Валерии почитать то предисловие Пастернака⁵, к<отор>ое ты, к сожалению, не успела просмотреть, и т.к. там много глубоко-хвалебного о маме, а Пастернак, как-никак, авторитет даже для Валерии, то она вдруг (!) страшно заинтересовалась маминной поэзией и чувствует себя — если вообще способна чувствовать, — вроде чеховской «попрыгуньи». «Неужели Марина», — спрашивает она меня, — «действительно написала какие-то значительные вещи?» Ну, что еще? заезжали с Адой и Кириллом к Паустовским⁶, любовались их прелестнейшей дачей,

¹ Фото: Сочи. Санаторий им. Орджоникидзе.

² Штемпель отправки: 29.08.57.

³ Кирилл Викторович Хенкин (1916–2008), журналист, был знаком с Эфрон еще во Франции. В 1937 г. воевал в Испании в составе интербригад. В 1941 г. вернулся в СССР, работал в разведке. С 1944 г. — сотрудник французского отдела Московского радио. Помогал Эфрон в получении переводов и в работе над ними. С 1973 г. жил за границей (в Израиле, затем в Германии).

⁴ Возможно, Мария Михайловна Бугачевская (1915–2001), известная скрипачка, приятельница Нины Бать.

⁵ Речь идет об очерке «Люди и положения», который был написан в 1956 г. в качестве предисловия к предполагавшемуся сборнику стихотворений Б.Пастернака. Накануне, 28 августа 1956 г. Эфрон писала автору: «...прочла твой роман и предисловие к стихотворной книге, где так глубоко и просто о маме — ведь все это — чудеса из чудес» (Эфрон, II, 51).

⁶ Семья писателя Константина Георгиевича Паустовского снимала дачу в Тарусе с 13 апреля 1955 г.

на которую пошло бездна вкуса и уйма денег. Все они (не деньги, а Паустовские) плохо выглядят и плохо себя чувствуют, за исключением дочки (Арбузовской)⁷ — милой, здоровенькой девушки фестивального обличия⁸. Конст<антин> Георг<иевич> рассказал, что редколлегию «Лит<ературной> Москвы» утвердили в прежнем составе⁹, изгнав... Тендрякова¹⁰! и добавив еще четверых товарищей, фамилии к<отор>ых я, конечно, позабыла, — о двоих он отзывался очень положительно (один из них его ученик по литинституту), о третьем и так и сяк, а о четвертом... ну, четвертый по принципу добавления к бочке мёда. Но сам журнал ни с места, тянут, берут измором, сводят на нет¹¹.

Стадо (стада — коров овец и коз!) встречаем ежедневно, но с Цыганом [?] познакомиться пока не довелось. Не знаем, как он, а мы не сожалеем.

Я ведь тогда забегала к тебе¹² не потому, что успела соскучиться, а с определенной и прозаической целью — я ведь должна тебе кучу денег — и за сахар, и за продукты, и за дорогу Серпухов — Москва — но дырявая голова моя не удержала цели посещения, я совсем забыла, с чем и зачем шла, и вспомнила о том, что маленько ограбила тебя, только по возвращении в Тарусу.

Строительство¹³ пока недвижимо — немисливо достать плотни-

⁷ *Галина Алексеевна Арбузова*, дочь жены К.Г.Паустовского Татьяны Алексеевны Евтеевой-Арбузовой (1903–1978) от первого брака с драматургом Алексеем Николаевичем Арбузовым.

⁸ 28 июля — 11 августа 1957 г. в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. По воспоминаниям современников, фестиваль перевернул взгляды советских людей на моду, манеру поведения, образ жизни.

⁹ В редакционную коллегия альманаха «Литературная Москва» входили (во 2-м выпуске 1956 г.): М.И.Алигер, А.А.Бек, В.А.Каверин, Э.Г.Казакевич, А.К.Котов, К.Г.Паустовский, В.А.Рудный, В.Ф.Тендряков.

¹⁰ *Владимир Фёдорович Тендряков* (1923–1984), писатель.

¹¹ Критическая кампания против альманаха началась с заметки Д.Еремина в «Литературной газете» 5 марта 1957 г. и продолжалась на пленуме правления Московского отделения Союза писателей, открывшегося в тот же день. 19 мая 1957 г. на встрече Н.С.Хрущева с интеллигенцией было заявлено, что в «Литературной Москве» «протаскиваются чуждые нам идеи». Появление во 2-м выпуске статьи И.Эренбурга о Цветаевой (задумывалась как предисловие к ее первому посмертному сборнику) вызвало остановку издания. Третий выпуск альманаха не состоялся.

¹² Речь идет о кратковременном пребывании в Москве в августе.

¹³ В августе 1956 г. В.И.Цветаева предложила Эфрон в качестве родственного дара полосу ее участка. Это предложение и полученный из Моссовета отказ на запрос об улучшении жилищных условий (см. письмо Б.Пастернаку от 1 октября 1956 г.) побудили ее начать строительство собственного дома

ков, к<отор>ых райфо¹⁴ облагает таким огромным налогом, что за работу им ничего не остается. Стройконтора же никакого дела с индивидуальными застройщиками не желает иметь. Так что постановление правительства¹⁵ местными организациями воспринимается довольно оригинально — застройщиков штрафуют немилосердно — вот и вся им помощь! Не знаем, что и делать. А как хочется уже разделаться со всеми этими тяготами и хлопотами!

Ужасно жаль, что такой прелестный август так неудачно прошел для вас с Мулей — в тесноте и духоте! Куда собирается Муля на отдых, и, главное, как он себя чувствует? Наверное, ослаб очень от такой длительной истории¹⁶...

Только сегодня погода сменила милость на гнев — ночью разразилась необычайная гроза, *вся* из молний, всю ночь было светло от голубых вспышек, и окна дрожали от громовых раскатов, и днем с небольшими передышками теплый дождь. Но деревья всё еще стоят не тронутые ржавчиной, еще совсем летние, и всё красиво, красиво... Жаль, что этой видимости лета остаются считанные дни. Ну, еще какие новости? специально в предвидении твоих будущих посещений Ада приобрела шесть зеленых *фарфоровых* чашек с золотым ободком, несмотря на мое противодействие. Вот, кажется, и все новости. Целую вас!

Аля

С удовольствием вспоминаю нашу встречу в Тарусе и надеюсь увидеть вас на нашем семейном празднике в Болшево 18 сентября. Целую.

Ада

[*На полях:*] Если выберешься к нам в сентябре, до 15го, будем очень рады!

в Тарусе. О перипетиях строительства известно по воспоминаниям А.Шкодиной (*Эфрон А.С. Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. Федерольф А.А. Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 309–324*).

¹⁴ Финансовый отдел райисполкома.

¹⁵ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР», обязывавшее местное руководство оказывать всемерное содействие индивидуальному строительству.

¹⁶ Речь идет о затяжной болезни С.Е.Мотолянского.

28

Эфрон и А. Шкодина — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Валентиновка]

5го сент<ября> 1957

Милая Лидочка, *entre temps*¹ ты, наверное, получила мое письмо в ответ на твое, и все в порядке. Руины ящика работают не так уж плохо. Болшевский адрес — пос. Зеленовод, 12. От ст<анции> Валентиновка, перейдя путь, по направлению к Москве, третий поворот направо (в этом месте дорога спускается вниз). Там есть надпись (дощечка на столбике) «Зеленовод». Идти прямо по этой единственной в поселке дорожке-улочке, потом она свернет налево, и с левой же стороны дача № 12 Масловых. Это всё довольно близко от ст<анции> Валентиновки, во всяком случае ближе и проще, чем из Болшево. Итак, ждем тебя все на семейный фестиваль. Целуем тебя, сердечный привет и пожелания здоровья Муле.

Твои Аля и Ада

¹ Тем временем (*фр.*).

29

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Таруса]

[Москва]

2 октября 1957

Дорогая Лидуша, жаль, что я не дозвонилась до тебя в Москве, но это беда поправимая, т.е. на будущей неделе думаю приехать, и тогда повстречаемся и потрепаемся.

После семейного фестиваля выехали (из Москвы в Тарусу) быстро и удобно, Кирилл, жаждавший поскорей, хоть вчерне, разделиться с переводом для того, чтобы уехать в отпуск, отвез нас в Тарусу на машине. Два дня мы с ним гнали галопом перевод — по моему, довольно-таки без толку, ибо галопом, обычно, ничего не наверстаешь! потом он уехал, увеза с собой остатки мало-мальски приличной погоды. Разверзлись хляби небесные, и сразу очень резко похолодало; мы с Адой сразу обе простудились, что с нами случается чрезвычайно редко. Думаю, что тут дело было главное в том, что мы, еще накануне бегавшие в сарафанах, просто не сумели вовремя переодеться в теплое и продрогли, сидя дома, каждая за своим делом. В результате обе получили по основательному насморку и бронхиту и несколько дней просидели дома, питаюсь старым (подкожным!) жиром. Теперь дело пошло на поправку, но с благоприобретенным кашлем я, видно, не так-то скоро расстанусь. У меня на это талант.

Благословясь, наняли плотников и приступили. Начинается второй тур хождений по мукам — нужно добывать тёс и доски, т.е. шнырять в поисках их по подмосковным складам, нанимать машины и везти в Тарусу. Следующий тур — добывать кровельную щепу — ее производят в лесу, километрах в 20 от Тарусы, вывозить из леса ее нужно самим, а дорог нет, особенно в дождливый сезон. И еще много-много туров предстоит! А главное — еще много-много денег потребуется, боюсь, что значительно больше того, чем я могу располагать, ибо, помимо всех спланированных расходов, возникают расходы совершенно внеплановые и совершенно необходимые и неизбежные!

Как Муля? Я совсем не замечаю, как время проходит, и поэтому уже не представляю себе, когда он уехал и когда приедет, и не приехал ли уже? Впрочем, вопросы задавать бесполезно, ибо ответишь ты мне на них только устно. Рада буду с тобой наконец увидеться по-настоящему и наговориться. Среди прочего жажду услышать твой

рассказ о Болотиных-Сикорских¹, к^{отор}ые, насколько я соображаю, отняли у тебя своими сборами почти весь день моего рождения! Жаль ужасно. Спасибо тебе, дружок, что ты с неукоснительной самоотверженностью взяла на себя этот странный груз, но повторять этого больше не будем — вперед наука! Еще раз спасибо тебе и за чудесные подарки — а пуше всего за тысячулетнюю нашу дружбу.

Крепко целую тебя и Мулю, и до скорого свидания!

Ада шлет сердечный привет.

Твоя Аля

¹ См. письмо № 14 на с. 151–154. Очевидно, Бать сопровождала их в Москву.

1958

30

Эфрон — Бать
ПИСЬМО¹

[Куйбышев]

Москва

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119² Лидии Григорьевне Бать
19 февраля 1958³

Дорогая Лидочка, еду очень симпатично, в купе всего одна попутчица, до самого Павлодара⁴, очень милая девушка, будущий плановик какой-то автобазы. Недохват мужчин (я имею в виду, в купе) имеет свои весьма ощутимые преимущества — никто не играет в «козла», не свешивает ноги сомнительного качества с верхних полок и не поднимает вопросов труда и зарплаты. Кроме того, девушка может вполне спокойно, без посторонних глаз, подготавливать перед сном свою завтрашнюю красоту — накручивать бигуди, мазаться всякими снадобьями и дать отдохнуть своей осиной талии от всяких приспособлений.

Приближаемся к Куйбышеву, видочки не ахти, только кое-где путь перебегают Волга, которая после Енисея кажется самозванкой. По всей трассе тепло и ветрено — Поволжье имеет печальный вид, зима, видно, сулит неурожай. Снег не покрыл ничуть озимых — они все торчат на поверхности, кое-где земля совсем обнажена. Каждую травинку видно.

Стараюсь оправдать «скорость, мягкость и купейность», т.е. одним глазом перевожу⁵, а другим в окно заглядываю, руками же шевелю спицы, как пушкинская нянька. Одним словом, комбайн.

Т.к. больше ничего интересного сообщить не могу, да и это неинтересно, на этом закругляюсь. Целую крепко тебя и Мулю, жму лапу коте, и до скорой встречи. Дейчикам⁶ сердечный привет, будьте все здоровы и не слишком поддавайтесь игу неверных, я имею в виду уз-

¹ Бумага с изображением ландыша в левом верхнем углу.

² В конце 1957 г. Мотолянские получили двухкомнатную квартиру в новом доме, в одном подъезде с семьей Дейч.

³ Штемпель отправки: Куйбышевской обл. 20.02.58.

⁴ Речь идет о поездке Эфрон к А.И.Цветаевой, которая жила тогда в Павлодаре, куда переехала вслед за семьей сына.

⁵ Имеются в виду переводы китайских авторов (см. примеч. 3 на с. 182).

⁶ А.И.Дейч и его жена *Евгения Кузьминична Малкина-Дейч* (1918–2014).

беков⁷. Оставляйте же немного времени для прогулок, принятия и отдачи пищи и прочих культурных мероприятий!

А ты, Мулька, держись, как только можешь, а то тебя узбеки и айбеки⁸ захлестнут с головой!

Целую вас, милые, и опять-таки до скорого свидания!

Ваша Аля

⁷ Бать переводила узбекских авторов, участвовала в работе комитета по узбекской литературе, регулярно бывала в Узбекистане. Эта работа началась еще в период ташкентской эвакуации, когда Бать брала интервью у местных писателей и собирала материал для биографии Алишера Навои.

⁸ Айбек (Муса Ташмухамедов, 1905–1968), узбекский поэт, прозаик, переводчик, автор романа «Навои» (1945), друг Бать, которая переводила его прозу, написала о нем несколько статей и книгу (в соавторстве с М.Кошчановым).

31

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Калужск<ая> обл. г. Таруса Москва

ул. Кирова 7

Вторая Аэропортовская д. 7/15

Эфрон А.С.

кв. 119 Бать Лидии Григорьевне

31 марта 1958¹

Милая Лида, шлю тебе свой очередной тарусский привет и жду от тебя встречного, московского, где ты в полутора словах расскажешь мне о своих делах и делишках, в коротеньком перерыве между ними. Приехал ли Муля? Независимо от этого поцелуй его от меня — устно, письменно или по телефону! Тигру бесхвостому тоже передай от меня всякие нежности и скажи ему, что здесь, в Тарусе, таких красавцев, как он, причем настолько избалованных публикой, нет даже среди людей — по крайней мере, не в дачный сезон!

Ада просит очень поблагодарить тебя за твои хлопоты насчет дантиста, с которым ничего, кстати, не получилось, т.к. он работает не всю неделю, и мы [смогли] взяться за Адины зубки только в те дни, когда она должна была быть уже в Тарусе. К счастью, Марсель (французанка, о к<отор>ой я тебе рассказывала)² дала нам еще один, менее аристократический, адрес, и там все наладили быстро и даже недорого. Т<ак> ч<то> с этой, весьма существенной, стороны — все, слава богу, в порядке.

Здесь, конечно, очень-очень хорошо, тишина и покой после Москвы поразительные. Гоню в хвост и в гриву китайцев³ и помогаю немного Аде с ее англ<ийским> переводом, т<ак> ч<то> работаю с 9–10 утра и до 11 вечера, с короткими перерывами для подноски воды, для еды и сорокаминутной прогулки. Китайцы уже осточертели и подвигаются со скрипом. Избавлюсь от них, вероятно, только к августу, т<ак> ч<то> лето предвидится довольно напряженное и малоинтересное! Но домик наш, уже почти готовый и очень хорошенький, виден из окна⁴. Encore un petit effort⁵ — денежный и всяческий, и наше

¹ Штемпель: Таруса 1.04.58.

² Возможно, имеется в виду *Марсель Васильевна Русанова*.

³ Эфрон принимала участие в сборнике переводов из современной китайской поэзии (сб. «Новая китайская поэзия». М., 1959). Она также переводила стихи из средневекового романа У Чэн-эня (*У Чэн-энь. Путешествие на Запад*. М., 1959).

⁴ Эфрон и А.Шкодина снимали комнату у соседей Зябкиных.

⁵ Еще небольшое усилие (*фр.*).

«строительство» будет закончено, предполагаем, что это произойдет к осени. Еще нет крыльца, террасы, внутренней отделки, печки (и кирпича для нее). Рамы уже сделаны и стеклятся, двери тоже делаются. Во всяком случае летом я уже смогу работать в совсем пустом доме, на подоконнике! А на следующее лето, даст бог жизни и здоровья, вы с Мулей обновите у нас «гостевую» комнату!

Целуем вас, шлем привет твоей Нине⁶, если она еще у тебя, и ждем весточки.

Твоя *Аля*

Приеду 15–20 апреля, буду звонить — если не застряну из-за бездорожья!

⁶ *Нина Александровна Бать* (1916–1999), племянница Бать, переводчица.

32

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

9 апреля 1958

Дорогая Лидочка, огромная к тебе просьба — отдай, пожалуйста, на машинку мои переводы, как только возможно скорее, и, кроме того, заплати машинистке из своих «средств» — отдам, когда приеду, а приеду между 17–20 апр<еля>. Дело в том, что мне тотчас же по приезде надо будет сдать переводы, уже перепечатанные, в редакцию, чтобы успеть заключить договор и получить аванс, необходимый для того, чтобы рассчитаться с рабочими, достраивающими наши хоромы. Они *уже* работают, а денег, как полагается, ни шиша. Это — приблизительно половина пока что переведенного¹, вторую половину как-н<и>б<удь> настучу сама, приехав в Москву, — беда в том, что «стучать», во-первых, негде, а во-вторых — некогда, т.е. накопилась куча всяких срочностей. Поэтому и позволяю себе нагрузить еще свои дела на твои дела, не сердись, милая! И если можешь, устрой мне это, и Бог тебя не забудет своими щедротами.

Всякую здешнюю всячину расскажу по приезде, а пока очень кратко тебя целую и Мулю, Дейчику привет передай!

Твоя запарившаяся Аля

Еще раз прости за нахальство! Больше не буду.

Ада передает свой строительный привет.

¹ 7 апреля 1958 г. Эфрон сообщала Е.Эфрон: «Работаю я с 9 утра до 11 вечера ежедневно, не разгибаясь, с перерывами только на еду, и уже одурела сверх всякой меры. В 15-х числах должна сдать первые 1500 строк китайского перевода, сегодня “догнала” до 1000 строк, а 500 за остающиеся дни мне, конечно, не вытянуть...» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 65).

33

Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Калужск<ая> обл. г. Таруса
ул. Кирова 7, А.С.Эфрон

Москва Вторая Аэропортовская
ул. д. 7/15 кв. 119
С.Д.Мотолянскому¹

29 мая 1957²

Муля милый, как-то Вы там переносили эти тропики? Как само-чувствие? Где, что и как Лида³? Удавалось ли Вам хоть за город выезжать в жаркие дни или приходилось, как Лида «приказала», сидеть у телефона, обмахиваясь веером, и ждать звонков кузена-швейцара⁴?

Мы тут пребываем в полном ничтожестве. Я совершенно одурела от труда умственного, Ада — от физического, а Арктика, сменившая тропики, тоже не радует. Как ваши звери? Надеюсь, что в те жаркие, нестерпимые дни Вы догадались их остричь наголо, чтобы облегчить их мучения и порадовать Лиду? С домиком еще предстоит мужественная и требующая значительных капиталовложений печная эпопея. Со строителями боремся с переменным успехом. Когда приедет Лида? Целуем Вас и желаем всего самого хорошего!

Ваши А. и А.⁵

¹ Видимо, Эфрон не запомнила отчества адресата (Ефимович).

² Описка. Штемпели: 31.05.58–2.06.58.

³ Бать в это время находилась в Ташкенте в гостях у Айбека.

⁴ *Жюль Куинджи*, по словам Н.Г.Бать, был последним представителем семьи Куинджи (не родственник Архипа Куинджи), родственников Бать, к которым последняя навещалась чуть ли не ежегодно в Париж до революции. Это было одно из тех семейств, куда «заходил Ленин», когда маленький Жюль еще «бегал под столом». Он жил в Париже, на Майорке, работал переводчиком в ЮНЕСКО, не раз приезжал в Москву в 60-е гг. Н.Г.Бать запомнила его «маленьким, сухоньким старичком». Умер в 1973 г. (см. примеч. 1 на с. 341).

⁵ А.С.Эфрон и А.А.Шкодина.

34

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

6 июля 1958

Дорогая Лидочка, точно все выяснится на самых днях, тогда точно и напишу. Теперешние жильцы, в связи с какими-то своими обстоятельствами останутся или до 1 авг<уста> или до 15 авг<уста>.

С 15 авг<уста> вас не устроит? Напишите! а я, в свою очередь, как узнаю точно, напишу вам. Говорят, что весь июль будет плохая погода, а август хороший — проживем — увидим.

Ужасно хотелось бы, чтобы вы приехали сюда! У меня такое впечатление, что с 15 авг<уста> и «дондеже»¹ сюда можно будет приехать в любое время и на любое время, но м<ожет> б<ыть>, у вас другие планы?²

Сижу над китайцами — что-то высижу? Ада по уши занята нашим домиком — нашли печников, начинают печь класть. Крепко целуем.

Ваши А. и А.

¹ До тех пор, пока (церк.-слав.).

² Видимо, разговор о приезде Бать с мужем в Тарусу состоялся в те дни, когда Эфрон приезжала в Москву по делам. Она вызывалась в качестве свидетеля в Управление КГБ при Совете Министров СССР (повестка датирована 14 июня 1958); вероятно, отмечала с друзьями выход С.Мотолянского на пенсию (с 1 июля), получала заказы на переводы, узнавала ситуацию Пастернака, опубликовавшего на Западе роман «Доктор Живаго», — см. письмо к Е.Эфрон и З.Ширкевич от 2 июля 1958 г. (Эфрон, II, 55). Еще одной причиной поездки было требование со стороны ЦК КПСС опротестовать публикацию в 1957 г. на Западе книги М.Цветаевой «Лебединый стан» и попытаться вернуть в СССР часть цветаевского архива, хранившегося в библиотеке Базельского университета. Тогда же она могла получить обнадеживающие известия о подготовке к печати книги М.Цветаевой (см. примеч. 3 на с. 187).

35

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Калужской обл., г. Таруса

Кирова 7 АЭфрон

Москва Д-167

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

21 июля 1958¹

Дорогая Лидочка, не ответила тебе сразу, т.к. толком ничего не могла сказать — собственно, и сейчас не могу. Дело в том, что семейство, живущее у хозяйки, о к<отор>ой шла речь, пустило там прочные корни, и до сих пор неизвестно, когда они уедут. Вначале речь шла о 1, потом о 15 августа, теперь же речь идет о том, что, м<ожет> б<ыть>, на смену бабушке и внукам приедут тетя, дядя и племянник, — все это «может быть» и ничего «наверное». Семейство ничего толком не говорит, хозяйка из-за этого тоже ничего решить не может, и все остается висеть в воздухе. Других же хозяев, к<отор>ые сдавали бы на короткий срок с услугами, мы не знаем — везде все снято и занято. Как быть дальше с этим делом — не знаю, т.к. от меня — да и от хозяйки — тут ничего не зависит, а всё «как Господь». Если Вы лето будете проводить в Валентиновке, то ведь сможете приехать, если тут освободится в удобное для вас время, а я сейчас же дам знать.

У нас — не то, что в мире², — все без перемен, строим, достраиваем, расстраиваемся, обе заняты по уши. Китайцы идут со скрипом, устала. Главное, что как раз к ливанской истории испарились решительно все денежные «запасы», и поэтому самочувствие слегка тревожное — всегда легче, когда что-нибудь есть в запасе на всякий пожарный случай. Да и не на пожарный тоже. Думаю в Москве быть в десятых числах, перед отъездом, отсюда дам знать, чтобы непременно повидаться.

На днях вновь «зашевелилась» мамина книга в положительную сторону, и, если все вообще будет благополучно, то она, возможно, и выйдет³.

Целую вас обоих, напиши словечко — где вы, как самочувствие и дела?

Ада шлет сердечный привет.

Ваша Аля

¹ На штемпеле: Таруса 21.07.58.

² Имеется в виду «ливанский кризис» (май–сентябрь 1958), связанный с неудачной попыткой президента Ливана Шамуна удержаться у власти при помощи десанта морской пехоты США, высадившегося 15 июля 1958 г. в Бейруте.

³ О крушении этих надежд Эфрон сообщала М.Белкиной в письме от 11 сентября 1958 г., а 26 декабря 1958 г. писала А.Ахматовой: «мамина книжка не вышла и не выйдет» (Эфрон, II, 57).

36

Эфрон — Бать

ТАЛОН ПОЧТОВОГО ПЕРЕВОДА¹

Калужск<ая> обл. г. Таруса,

[Москва]

Первая Дачная, 15

Министерство связи СССР

ТАЛОН

к переводу по почте на сто руб. ____ коп.

ДЛЯ ПИСЬМА

Милая Лидочка, очень жаль, что не смогли приехать к нам на неделю. Надеемся, что найдете время хоть на несколько дней «Золотой осени». Очень ждем вас обоих 18 сент<ября> в четверг (Болшево, от Валентиновки 3 поворот налево, пос. Зеленовод, 12). Это наш традиционный праздник, художеств<енная> часть — Болотин и Сикорская². Целую вас, привет от Ады.

Ваша Аля

¹ Датируется примерно серединой сентября 1958 (?), по содержанию.

² Известно свидетельство Р.Б.Вальбе о том, что С.Болотин и Т.Сикорская исполняли на даче Е.Я.Эфрон «в сопровождении двух гитар» свой перевод песни северных народов об острове счастья Келлах (см.: Туруханские письма Ариадна Эфрон — Алла Белякова / Предисл., подгот. текста и примеч. Г.А.Данильевой. М., 2009. С. 41).

1959

37

Эфрон — Бать

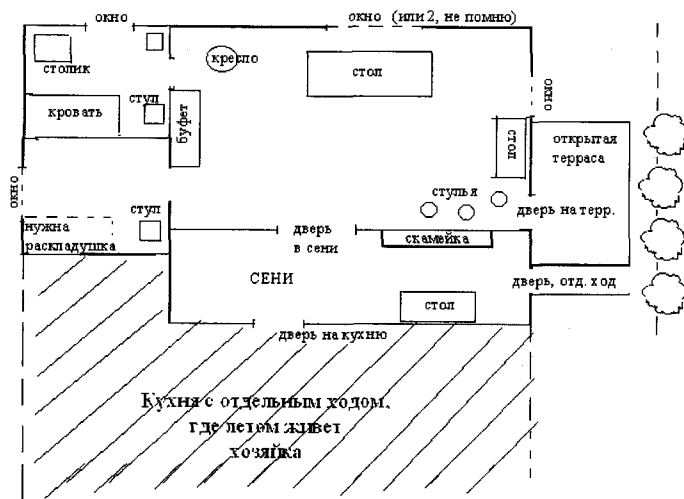
ПИСЬМО¹

Таруса Калужской
1^я Дачная 15 АЭфрон

Москва Д-167
Вторая Аэропортовская д. 7/15
кв. 119 Бать Лидии Григорьевне

17 марта 1959²

Милая Лида, Ада произвела глубокую разведку относительно вашей тарусской квартиры! Трудность этого дела вы знаете — все хозяева стремятся сдавать на сезон, месячные жильцы их не устраивают. Наконец нам очень рекомендовали один адрес, мы там побывали. Хозяйка одна, никаких детей, внучат, тишина, покой. Она — старушка, была когда-то в прислугах, умеет готовить. Квартира в старом, но в хорошем состоянии, доме, ее собственном. Вход отдельный. Выглядит приблизительно так:

т.е. столовая, две спальни, сени, отдельная терраса, отдельный ход. Все это небольшое, меньше, чем та наша квартира, где ты у нас была, но, по-моему, на двоих достаточно с гаком!

¹ Фото: Цветы.

² На штемпеле: 28.03.59.

Квартира эта сдана «постоянным» дачникам на июль–август. Снять ее можно на любое время мая–июня, скажем, с середины мая до середины июня, или на весь июнь, как пожелаете, если пожелаете. Цена — 500 р<уб>. в месяц, для Тарусы, где норовят содрать 2–3 тыс<яч> за сезон, совсем не дорого, во всяком случае, нормально.

Дом на тихой зеленой улице, буквально два шага от волшебных рощ, полей, лугов и прочих горизонтов. От «центра» — минут 15 ходьбы, но, опять-таки в двух шагах, на углу улицы, параллельной той, где дом, — остановка городского автобуса, который без всяких хлопот доставляет во все концы городка — к нам, к почте и т.д. Этот автобус, кстати, приятное для нас нововведение, т.к. шагать из конца в конец [по] разбросанной по холмам Тарусе — занятие утомительное даже для любителей умеренного альпинизма. Район, где расположен дом, — высокое плоскогогорье с чудесным видом, и, главное, там отсутствуют крутые подъемы и спуски, гулять можно по ровному, но очень разнообразному в отношении пейзажей, месту. От нас и Левика³ недалеко.

Относительно «услуг» мы не договаривались, т.к. мне неизвестны ваши требования и возможности оплаты сверх квартирных 500 р<уб>. У нас с Адой создалось впечатление, что хозяйка согласится и готовит, не особые разносолы, чтобы себя не утомлять (она пожилая), — и если к ней не предъявлять особых на этот счет требований. И, само собой разумеется, если плата за «услуги» будет устраивать обе стороны. Водой она во всяком случае снабжает.

Хозяйку эту *очень* хвалят, и лучшая рекомендация, что дачники *одни и те же* останавливаются у нее много лет подряд. Если всё вышеизложенное вас интересует, я бы на вашем месте просто послала бы рублей 100 аванса⁴ и указание, на какое время хотели бы снять, приблизительно с какого числа. Разумеется, передумаете, — сто рублей невелика потеря. Захотите приехать — квартирка будет вас ждать. Конечно, лучше, если Лида смогла бы приехать посмотреть, но я бы советовала все же сперва послать хозяйке аванс, т.к. Лида — канительщица, и квартирка может уплыть. В общем, решайте сами. Лида, если решишь ехать смотреть, конечно, наша хатка к твоим услугам, только извести! Адрес хозяйки: Вера Егоровна Савина, ул. Пушкина 25 Таруса Калуж<ской> области.

Целую. Ада шлет сердечный привет.

Аля

³ Вильгельм Вениаминович Левик (1907–1982), переводчик.

⁴ В архиве сохранились квитанции об оплате. Вероятно, Бать отослала аванс за дачу на имя Эфрон, которая в тот же день перевела его хозяйке квартиры.

[Притиска на полях:] Квартира меблированная, с посудой. Нужны только постельн<ые> принадле<жности> (одеяла, белье) и ложки, ножи, вилки, к<отор>ые у хозяйки плохие.

38

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

Таруса Калужской обл.

Москва А-319

Первая Дачная 15 АЭфрон

2^я Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Бать Лидии Григорьевне

27 апреля 1959²

Во-первых, поздравляем милых Лиду и Мулю с весенними праздниками, во-вторых — *сообщаем*, что *сообщение* наладилось³. Помоему, надо *сообщить* хозяйке о дне приезда, чтобы застать ее дома и чтобы (желательно) этот день был *после* Пасхи, которая будет праздноваться 3–4–5 мая, ибо в эти дни старушка явно будет ходить по гостям и христосоваться, чего, мне кажется, следует избегать. Ехать до Серпухова (удобный поезд с Курск<ого вокзала> 10. 50 утра), от Серпухова на автобусе или такси до Тарусы, спросить пекарню (быв<шая> церковь) — мы рядом. Целую.

¹ Рис.: «С праздником 1 мая!» Кремль, цветущая ветвь, голуби.

² Штемпели: 27.04.59–1.05.59.

³ Между Москвой и Тарусой.

39

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

Таруса Калужской
1^а Дачная 15 АЭфрон

Москва
2^а Аэропортовская д. 7 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

15 мая 1959¹

Милая Лида, что с вами, здоровы ли? Писала вам еще в апреле, но — ни ответа, ни привета. Если раздумали приезжать, то предупредите хозяйку, чтобы она успела сдать на июнь, — ведь время идет! Если же не раздумали, а просто молчите, то как бы хозяйка не передумала сама, приняв ваше молчание за «несогласие». Ведь вы же собирались и посмотреть квартиру, и договориться насчет «услуг», по сути дела договоренности нет, а до июня осталось две недели. Старуха, когда встречаем ее в городе, спрашивает, когда вы приедете и приедете ли вообще, а мы и сами ничего не знаем, и она боится, что ее водят за нос, что останется она с несданной дачей и с сомнительной сотней рублей в кармане.

Лидочка, ведь, кажется, в мае твое рождение? Прости меня за дурную память и прими или авансом, или с запозданием мои поздравления и неумеренные пожелания счастья и благополучия, а главное — здоровья! Целую вас обоих, сердечный привет от Ады. Дейчику нежный привет от нас.

Твоя Аля

М<ожет> б<ыть>, попадется тебе гослитовский сборничек стихов Костаса Варналиса? Купи для меня, пожалуйста, там мои переводы².

¹ Штемпель отправки: Таруса 17.05.59.

² Костас Варналис (1884–1975), греческий поэт и прозаик. Эфрон принадлежат переводы восьми его стихотворений — Варналис К. Избранное. М., 1959.

40

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

[Таруса]

Москва Д-167

2^а Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Бать Лидии Григорьевне

2 июня 1959²

Милая Лида, хоть твое письмо и является шедевром инженерного искусства, но факты остаются фактами: о том, что работу тебе нужно сдать в срок, ты знала, по-моему, и до последнего дня мая? о том, что тарусская хозяйка ждет вашего решения, вам было известно с середины апреля? и наконец, мог же Муля набраться смелости и отказаться от квартиры в свой, хотя и поздний, но всё же приезд? И то, что мы с нашими «горячими рекомендациями» и заверениями остались в дураках и в дураках оставили старуху, не сдавшую на июль комнату и потерявшую на этом немалые для нее деньги, — тоже остается фактом. Не в том, что вы передумали, — дело, а в том, что мне во всех житейских делах, в которых как-то заинтересованы третьи лица, необходимо соблюдать ту же четкость, что и в работе, иначе получается немало недоразумений и обид. А мы все без них отлично обошлись бы — и вы, и мы, и старушка. Конечно, никакого «гнева» твое письмо у нас не вызвало, гнев, как и любовь, по пустякам не тратятся! а просто досадно, что всё так нелепо получилось.

Спасибо тебе за приглашение провести у вас 2–3 дня — летом наши³ уезжают на дачу, т<ак> ч<то> мне есть, где остановиться, да и Ада наконец получила комнату⁴, и «бедствия», которые мы терпели эти 2–3 года, приезжая в Москву, теперь, слава богу, кончились. А уж где только не приходилось кочевать и ночевать — особенно Аде! К счастью, это всё позади. Наконец кончились все циклоны и антициклоны, наша (вами презренная!) Таруса сияет в неповторимой своей красоте. На том берегу — разливанные моря ландышей, зацветают луга. Ночами не поют, а гремят соловьи, а с утра и до вечера прямо в воздухе решают песенные головоломки жаворонки и скворцы. Легко дышится и чудесно работается, и радостно отдыхается — чего и вам желаем там, куда занесут вас путевки, курсовки и творческие командировки.

¹ Сочи. Городской вокзал.

² Штемпель отправки: Таруса 3.06.59.

³ Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич.

⁴ В квартире по адресу: Комсомольский проспект, д. 49, кв. 23.

Большая к тебе просьба — попроси Шуру⁵ переслать мне вещи, взятые для маскарада⁶ Мулей. Можно в мягкой обшивке, а можно всё запихать в посылочный ящик. Сама я в Москве, видимо, буду нескоро, а кофточка и шарфик годятся в прохладные вечера. О прочих предметах туалета умалчиваю, чтобы не уязвить мужскую гордость твоего супруга.

Всего вам доброго, будьте здоровы!

Аля

⁵ Домработница.

⁶ Возможно, имеется в виду «утепление» предметами дамской одежды С.Мотолянского в связи с холодной погодой во время его пребывания в Тарусе весной 1959 г.

41

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.

1^я Дачная 15 АЭфрон

Москва Д-167

2^я Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Бать Лидии Григорьевне

9 июня 1959¹

Милая Лида! Видимо, с «приездом на 2–3 дня» получилась явная опечатка — в твоём письме предыдущем написано: «...если сменишь гнев на милость, то непременно постарайтесь в течение лета, когда это для вас обоих будет удобно, приехать на два-три дня. Что ты на это скажешь»? Что я на это сказала, ты уже прочла — т.е. приняла эту фразу за приглашение с твоей стороны, только нам было неясно, куда именно нас приглашают, я решила, что в Москву, а Ада — что в Валентиновку. Насчет же намеков и упреков, то «вы мне льстите», я просто припомнила все наши недавние мытарства, именно связанные с переездом в Тарусу, — т.е. все трудности, которые и описать невозможно, связанные с необходимыми пребываниями в Москве², — когда просто негде было остановиться, особенно Аде, — и приходилось ночевать то там, то тут, подчиняться чужим «распорядкам», кому-то «услуживать» за этот самый ночлег, рассовывать свои вещи по чужим квартирам и чувствовать себя униженно лишней в любой чужой тесноте. Все это — т.е. эти реминисценции — никак не носят характера посягновения на вашу с Мулей жилплощадь — упаси Боже! и мне очень жаль, что меня можно было понять именно так. Относительно же твоего приезда к нам дело обстоит так: в 15-х числах июня Ася с внучкой³ выезжают из Павлодара в Тарусу с кратковременным заездом в Москву⁴. Что из этого получится — никому не известно. Т.е. неизвестно, что именно подразумевается под «15^{ми} числами», во что выльется кратковременный заезд в Москву, когда они обе приедут в Тарусу, сколько времени проведут здесь — всё абсолютно неясно. Они могут появиться здесь и числа 20го июня, а м<ожет> б<ыть>, и в

¹ Штемпель: Таруса 11.06.59.

² Периодические «пребывания в Москве» были вызваны, в частности, проблемами с подготовкой «Избранного». В тот же день Эфрон писала Г.Казакевич: «Спасибо Э<ммануилу> Г<енриховичу> за хлопоты о моих делах, мне кажется, что ничего не выйдет с железобетонными товарищами из Гослита, я к этому готова, и меня это не огорчит» (Эфрон, II, 64).

³ А.Цветаева и ее старшая внучка, Маргарита Трухачева (р. 1947).

⁴ Из-за хлопот с реабилитацией.

июле, могут провести у нас от 2^х недель до 2^х мес[яцев], и сама я не представляю себе, во что превратится это лето. Если бы ты могла приехать до 20 июня, было бы чудесно — конечно, если будет подходящая погода, сейчас она, тьфу-тьфу, не сглазить, великолепна, мы каждый день гуляем, купаемся, ездим на пароходике в какое-н<и>б<удь> новое красивое место. Цветут луга — красота неопишная. Если не сможешь сейчас, то тогда — после Асиного отъезда, ибо сосуществовать с Асей — трудно, тем более, что и помещение у нас маленькое. А до Аси и после нее в твоём распоряжении наш мезонинчик — полный покой, прелестный вид.

Возвращаясь к нашим «мутонам»⁵, т.е. к Вере Егоровне⁶, конечно, нет никакой трагедии в том, что вы из *Москвы* ей написали «за три дня до конца срока» (т.е. получила она ваш отказ как раз 1ое июня, т.е. в тот самый день, когда июньские съёмщики уже переезжают на дачу и нет никаких безумцев, к<отор>ые в это время искали бы квартиру — и именно у нее!) — но просто неприятно получилось то, что отказаться можно было раньше, в частности, мог сделать это Муля в свой приезд, когда старуха предложила ему вернуть аванс, если квартира не нравится. Вы на этом деле потеряли 200 р<уб>., а она — 300 (при несданной квартире), — а можно было обоим сторонам обойтись без потерь. Вот и вся «трагедия» — нам же урок не ручаться хозяевам за съёмщиков и наоборот! В общем, приезжай, если сможешь, надеюсь, что не пожалеешь. Будьте здоровы, от Ады привет!

Аля

⁵ Мутоны — от moutons (*фр.*) «бараны». Макаронический вариант крылатой фразы («вернемся к нашим баранам», т.е. к теме нашей беседы).

⁶ Квартирная хозяйка (см. письмо № 37 на с. 189–191).

42

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Таруса Калужской

Москва Д-167

1^я Дачная 15 АЭфрон2^я Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Бать Лидии Григорьевне

21 сент.<ября> 1959¹

Милые Лида и Муля, спасибо за память и внимание! «Юбилей»² пришлось в этом году не отмечать по соображениям высшего материального порядка, но Лилю все же съездила поздравить, буквально галопом, с поезда на поезд. Лето было роскошное, но уже прошло, как ему и положено. Зато Ася была главой Дантова Ада, увы, не последней³, т.к. она на днях сообщила из Павлодара о получении реабилитации⁴, — рада за нее, но не за себя, — и, значит, скоро осветит собой московский горизонт. Напишите хоть два слова о том, как провели это время, как самочувствие и какие новости? у меня новостей миллион, но о них — при встрече, а когда она будет — бог весть, т.к. сейчас работаю по-сумасшедшему — работа за целое лето навалилась только в сентябре, а сроки сдачи — ноябрь, тут и Мариво⁵, и Арагон⁶, и Тагор⁷, и всякие прочие шведы⁸. С маминкой книжкой все та же тягомотина, и деньги не отдают, все, как полагается. При всем при том остаемся живы и здоровы, чего и вам желаем. Целуем!

Ваши А. и А.

¹ Штемпели: 23.09.59–24.09.59.

² День рождения Эфрон и именины Е.Я.Эфрон.

³ Каламбур: главой ада и главой первой части «Божественной комедии» Данте Алигьери.

⁴ После ареста 2 сентября 1937 г. А.И.Цветаева провела десять лет в лагере и пять лет в ссылке. Реабилитирована 15 сентября 1959 г.

⁵ *Пьер Карле де Шамблен де Мариво* (1688–1763), французский драматург и романист. Речь идет о переводах Эфрон для изд.: *Мариво П.К.* Комедии. М., 1961.

⁶ Сборник французского поэта Арагона «В странной стране». См.: *Арагон*. Собр. соч.: В 11 т. М., 1960. Т. 9. По мнению Е.Г.Эткинда, «переведенный ею Арагон риторичен, но и глубок, великолепен, убедителен — иногда он по-русски оказывается сильнее, чем в оригинале» (*Эфрон А.С.* ...В небе — сохатый бьет копытом / Публ. Р.Б.Вальбе. Послесл. Е.Эткинда // *Новый мир*. 2000. № 1. С. 109).

⁷ *Рабиндранат Тагор* (1861–1941), индийский поэт и писатель. Эфрон перевела шесть стихотворений Тагора (*Тагор Р.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т. 7).

⁸ Популярная цитата из «Стихов о советском паспорте» В.Маяковского.

43

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому

ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

[Москва]

С Новым годом, милые Лида и Муля²! Желаю вам в первую очередь здоровья, а уж из остального новогоднего ассортимента выберите, что вам придется по душе. Всё сбудется, вот увидите!

Долго и кропотливо выбирала вам самую завлекательную открытку³. По-моему, и мило, и недорого!

Целую вас крепко, Ада шлет сердечный привет и пожелания. И, пожалуйста, поздравьте от нас обеих Дейчиков обоих.

Ваша Аля

¹ Худ. М.Юдин. Изд. ИЗОГИЗа. 1959.

² Предположительная дата: конец декабря 1959 г.

³ На открытке изображены сталевар, Кремль, заснеженные ели, надпись «С новым годом!»

1960

44

Эфрон и А. Шкодина — Бать и С. Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ

Латвийская ССР г. Лиепая ул. Москва Д-167

Ригас 45 кв. 4 Л.И.Кореловой Вторая Аэропортовская д. 7/15
 для нас кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

12 июля 1960²

Дорогие Лидочка и Муля, шлем вам свой латвийский привет³ и очень жалею, что не удалось созвониться с вами перед нашим отъездом, — написать заранее о том, когда поедет, помешала суета сует и всяческая суета. Здесь нам, несмотря на капризы погоды, очень нравится, море, и бесконечные пляжи напоминают мне то Бретань⁴, то Нормандию⁵ и вообще всё что-то и о чем-то — бывшем и не бывшем, напоминает. Либава⁶ городок тихий и чистый необычайно, здесь хорошо отдыхается. Много ходим и ездим, а я к тому же и купаюсь в любимую погоду, как на заре туманной юности⁷. Время летит быстро, скоро уже будем заказывать обратные билеты. Надеюсь, что оба вы здоровы и что вам всё благопритствует! Целуем вас!

А. и А.

¹ Фото: улица города.

² На штемпеле: Лиепая 12.07.60.

³ 2 июля Эфрон и Шкодина отправились на отдых в Латвию по приглашению туруханской знакомой Эфрон Людмилы Исааковны Ролавс (Кореловой). В письме к Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич от 10 июля 1960 г.: «Время бежит быстро, скоро уже будем заказывать обратный билет!» (Эфрон, II, 73).

⁴ Эфрон бывала в Бретани в 1928, 1929, 1931 гг.

⁵ Летом 1934 г. Эфрон ездила на океан в Нормандию с семьей немецких евреев-эмигрантов Бляйхрёдер, которых, по словам М.Цветаевой, «за 150 фр<анков> в месяц обучала французскому — и всему» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А.Саакянц и Л.А.Мнухина. М., 1994–1995. Т. 6. С. 415).

⁶ Официальное название г. Лиепая (Латвия) до 1917 г.

⁷ Цитата из стихотворения «Разлука» А.В.Кольцова.

45

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Лиепая]

[Москва]

Лидуша дорогая, ты, верно, вернулась или возвращаешься из своего плаванья²? Первый и основной вопрос — повезло ли вам с погодой? Тут все время было безнадежно дождливо и холодно. Простите, что не отвечала на ваши открытки с дороги — их было так много, что просто не успевала! Как здоровье твое и Мулино? напишите словечко! Теткины именины и мое рождение в этом году не отмечаем за отсутствием здоровья с теткиной стороны и настроения — с моей, о чем расскажу при встрече. В Тарусу тебя тоже не зову, т.к. там уже холодно, грязно и уныло до чрезвычайности. Отложим всё это до более благоприятного сезона. Ибо должен же быть и он в моей жизни? Надеемся в этом году месяца на 3 поздней осени и зимы выбраться в Москву, ибо совсем одичали — вот тогда-то и пообщаемся всерьез. Крепко вас обоих целую. Привет от Ады.

Аля

¹ По содержанию письмо можно датировать ок. 23 июля 1960 г. — в этот день было написано письмо к Э.Казакевичу, содержащее последние сведения о пребывании в Лиепе (Эфрон, II, 75–76).

² Бать и С.Мотоланский путешествовали по Волге до Астрахани, и по возвращении они подарили Эфрон путеводитель.

46

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.

1^а Дачная 15 АЭфрон

Москва Д-167

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

19 сент<ября> 1960

Милая Лидочка, получила вашу телеграмму в свой табельный день¹, а сегодня — твое большое письмо, тронувшее меня и величинной, и содержанием. Я ведь знаю (впрочем, я и сама такая!), что ты предпочитаешь письма мысленные реальным.

Рада, что вам погода благоприятствовала, что вы хорошо отдохнули. Представляю себе, как берега развивали перед вами свои свитки, как вы наслаждались видами, не утруждая ног, как Лиля² закупала арбузы в Астрахани, как крики чаек заменяли вам телефонные звонки, а улыбки луны и солнца — физиономии знакомых и родственников. Хорошо!

Мы с Адой до сих пор вспоминаем поездку на пароходе по Енисею (не ту, что туда, а ту, что оттуда!)³. Удивительно было красиво, даже мало сказать — красиво; просто поразительно. Для той реки и для тех берегов слова еще не найдены, еще ничего не сказано о том несказанном.

Свой день рождения я провела тихо и непримечательно, вспомнили обо мне вы с Мулей да тетя Лиля с тетей Зиной, да еще погода порадовала меня запоздалым теплом, а природа — последним цветением последних цветов, первой желтизной деревьев, чудесными заокскими далями. Пришла к нам одна милая соседка, упорствующая дачница, принесла дивный букет гладиолусов, светящихся, как соборные витражи. Попили чайку, поговорили «за жизнь», послушали передачу об

¹ 18 сентября (день рождения Эфрон). Ироничная отсылка к традиции празднования именин царствующих особ.

² Возможно, домработница Бать.

³ Имеется в виду этап в Туруханск в июле 1949 г. и возвращение из ссылки в июне 1955 г. О настроении на обратном пути из Туруханска см. в воспоминаниях А.Шкодиной: «Каждая из нас боялась конца поездки и начала чего-то нового, самостоятельной жизни среди чужих людей на новом месте... А на пароходе, может быть, в последний раз можно было, не думая, отдаваться радости движения, весны, свободы» (Эфрон А.С. Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. Федерольф А.А. Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 293–294).

историческом рейсе «Балтики»⁴. Мне нездоровилось — простудилась — сегодня немного отлегло.

На днях ездила к своим старушкам в Болшево, отвезла им малую толику тарусского урожая, помидоры, яблочки китайские, грибы такие и сякие, т.е. свежие, сушеные и маринованные. Обе усталые, больные и милые, как всегда. Лиля все время, все время болеет. Видела у них Журавлева⁵, только что приехавшего из Одессы, — рассказывал много милого и занятого.

Получила из Ясной Поляны мамино кольцо серебряное, которое она лет тридцать носила, не снимая, и её ручку деревянную, вернее — бамбуковую. История этих вещей — поразительная — рассказывала ли ее вам⁶?

Спасибо вам за сулёные подарки, но, как ни удивительно, не они будут стимулом для следующего моего визита к вам! Хотя и люблю подарки, как в детстве (кстати, кто их не любит?)... но вас — еще больше! (Кстати — кто вас не любит?) Женя⁷, конечно, не в счет, речь идет о человеках! — Если то, что ты пишешь о широте и величине моей души, — правда, то это ужасно для бренного тела! Такие души до добра не доводят его, бренное тело то есть! Целую вас крепко, будьте здоровы. Ада шлет сердечный привет.

Ваша Аля

⁴ В сентябре 1960 г. правительственная делегация СССР в главе с Н.С.Хрущевым совершила плавание на турбоэлектрободе «Балтика» в США на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

⁵ О Журавлеве см. примеч. 5 на с. 159.

⁶ Речь идет о даре, полученном от В.Ф.Булгакова (1886–1966), лично-го секретаря Л.Н.Толстого в 1910 г., который с 1923 г. проживал в Праге в эмиграции и оставил воспоминания о встречах и совместной работе с М.Цветаевой в 1924–1925 гг. В 1937 г. М.Цветаева передала Булгакову для организованного им в Збраславе под Прагой Русского культурно-исторического музея собрание оттисков своих статей, бамбуковую ручку и «заветное» серебряное кольцо. В 1948 г. Булгаков вернулся в СССР. В настоящее время и ручка, и кольцо находятся в РГАЛИ.

⁷ Е.К.Малкина-Дейч. О ней см. примеч. 6 на с. 180. Фраза Эфрон свидетельствует о некоторой напряженности Мотолянских и жены А.И.Дейча в это время.

47

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Таруса]

Москва Д-167

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

8 ноября 1960¹

Милая Лида, спасибо за весточку, за поздравление². Но нечего «ругаться» на мое молчание, сама хороша, только сейчас собралась ответить на мое письмо! Впрочем, мы обе весьма занятые — каждая в своем роде — особы. Убей меня Бог, если я знаю, чем, собственно, занята. Работы нет уже давно, а я всё как белка в колесе, и всегда усталая.

Чего-то не особое впечатление на меня произвела эта самая «переписка из двух углов»³. Мне не особенно ясна подоплека преддекадного послания с Украины⁴, ибо трудно представить себе, чтобы пожилой и почтенный человек взялся за перо лишь для того, чтобы предать анафеме белых голубей, которые сизые, песенку «гой, дидо» и прочие такие же краеугольные вопросы творчества Паустовского⁵. Мне лично понравилась ссылка на цветную вкладку в БСЭ, как неоспоримый аргумент в пользу Пимоненко⁶... К<онстантин> Г<еоргиевич>

¹ На штемпеле: 10.11.60.

² С праздником Октябрьской Революции.

³ Ироническая аллюзия на «Переписку из двух углов» Вяч.Иванова и М.О.Гершензона, которые летом в 1920 г., находясь в санатории и живя в одной комнате, письменно обменивались мыслями о судьбах мировой культуры (позже переписка была издана). Эфрон сравнивает с ней обмен открытыми письмами в «Литературной газете» М.Ф.Рыльского и К.Г.Паустовского.

⁴ М.Рыльский опубликовал свое письмо в дни, предшествовавшие традиционному культурному мероприятию — декаде украинского искусства и литературы в Москве (проходила в ноябре 1960).

⁵ Рыльский, «настропаленный национально-амбициозными местными «патриотами», обвинил русского [писателя] в посягательствах на священное «чувство семьи единой» в последних книгах его «Повести о жизни», якобы проникнутых неуважением к Украине и ее самобытной культуре» (*Оскоцкий В. От какого наследства мы не отказываемся // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 31*).

⁶ Николай Корнильевич Пимоненко (1862–1912), украинский живописец. В БСЭ приводилась репродукция картины Пимоненко «У колодца (Соперницы)» (1909). В 1-м издании «Начала неведомого века» (*Паустовский К.Г. Начало неведомого века: повесть. М., 1958*), входящем в автобиографический цикл Паустовского «Повесть о жизни» (глава «Фиолетовый луч»), писатель упоминал Пимоненко, создававшего на своих картинах «открыточную,

был ужасно огорчен и обижен этим выступлением. Что до его ответа, то он, собственно, является следствием первого послания (Козьма Прутков⁷) — тут отвечающий всегда в лучшем, более выгодном положении... а в общем, лучше было бы, чтобы не было ни первого письма, ни второго. Красиво, кстати, выглядит Таддееичева⁸ сноска относительно царской цензуры и абзац о Пигасове⁹! Сильно!

В магазинах подписных изданий открылась подписка на мамину книжечку, долженствующую (тьфу, тьфу, не сглазить!) выйти в первом квартале (ну, скажем, полугодии) 1961 г. Можете подписываться сами, а также передавать знакомым... Если выйдет в 1961 г. — будет как раз годовщина — двадцатая — маминей смерти¹⁰.

Как там — не вышел ли еще Арагон с моими переводами¹¹, не знаешь?

Надеемся декабрь во всяком случае, а м<ожет> б<ыть>, и январь, провести в Москве. Тогда повидаемся и наговоримся. Ада почти не бывала в Москве, а [в] свой последний приезд туда простудилась и проболела, поэтому и не звонила. Да и телефона в квартире нет и, видимо, еще не скоро будет. Она очень надеется, что вы с Мулей посетите ее московское жилье, — которое время от времени будет и моим¹². В частности, надеюсь, и в декабре. Ада хоть и в новом районе, но с транспортом дело обстоит идеально, т<ак> ч<то> нам с вами добратся друг до друга будет нетрудно.

Неважны мои делишки — ты представляешь себе, надо собрать

сладкую, как мёд, Украину», в одном ряду с «опереточными гайдамаками» С.Петлюры и квасными патриотами, «захлёбывающимися слюной от умиления» перед своим народом. В советских условиях свободное высказывание такого рода могло восприниматься как политический донос.

⁷ Вероятно, намек на афоризм Козьмы Пруткова «Где начало того конца, которым оканчивается начало?».

⁸ То есть Рыльского. *Максим Фадеевич Рыльский* (1895–1964), украинский поэт, ученый, общественный деятель.

⁹ Речь идет о персонаже романа И.С.Тургенева «Рудин»: «Все преувеличивать было его страстью <...> Раз лошадь помчала под гору одну из прачек Дарьи Михайловны, опрокинула ее в ров и чуть не убила. Пигасов с тех пор иначе не называл эту лошадь, как добрый, добрый конек, а самую гору и ров находил чрезвычайно живописными местами» (*Тургенев И.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1961–1962. Т. 2. С. 15).

¹⁰ М.Цветаева покончила с собой 31 августа 1941 г.

¹¹ См. примеч. 6 на с. 198.

¹² См. письмо № 40 на с. 194–195. По сообщению К.Краснопольской, Эфрон и Шкодина «поселились в двенадцатиметровой комнатенке в коммуналке на Комсомольском проспекте» (Аленькины вещи: Записная книжка / [Сост. С.Виленский]. М., 2007. С. 13).

— достать — кучу денег — восемь тысяч! На защитников О<льги> В<сеголовны> и Иры — скоро суд, достали хороших адвокатов¹³. Не знаю, как насчет О<льги> В<сеголовны>, но относительно бедной девчонки есть надежда. Из квартирки вывезено всё, продать нечего, бывших друзей ветром сдуло, и вот Иркины подруги — студентки — и я, дурак, в том числе, собираем эти бешеные деньги для бывших подпольных миллионеров. В результате чего останемся голы-бо-сы, как и они, — но, собственно, за какие грехи? Как тебе нравится?

Целуем вас обоих, будьте здоровы!

Твоя Аля

¹³ После смерти Б.Пастернака (30 мая 1960 г.) О.Ивинскую и ее дочь И.Емельянову обвинили в получении из-за границы гонорара за роман «Доктор Живаго» контрабандным путем. Адвокатом Ивинской был В.А.Косачевский, Емельяновой — В.А.Самсонов. «В ноябре был суд, в январе — этап» (Емельянова И. Легенды Потаповского переулка: Б.Пастернак. А.Эфрон. В.Шаламов: Воспоминания и письма. М., 1997. С. 270–271). Эфрон познакомилась с ними в 1955 г.

1961

48

Эфрон — Бать
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Таруса]

[Москва]

19.4.61

Милая Лидочка, *les grands esprits se rencontrent*¹, послала тебе твою [так!] фотографию и думала, что, верно, в этот же час и ты меня вспомнила! Спасибо *Гагарину*, что он хоть заставил тебя написать², а то ведь ты «на письма» лентяй феноменальный, не то, что я. Действительно, сижу безвыездно в Тарусе, много работаю³, устала, как северный ездовой пёс. Ада в Ленинграде, скоро должна приехать. Погода все время была препакостная, после двух дней передышки опять какой-то «глубокий циклон» движется. Но в пасмурную погоду лучше работается, весна не тянет «за ушко да на солнышко». Надеюсь скоро встряхнуться и стать опять человеком, коли это достижимо. На днях напишу толковее о делах-делишках, а это только... воздушный поцелуй!

— Ваша Аля

¹ См. примеч. 1 на с. 156.

² Ю.А.Гагарин совершил полет в космос 12 апреля 1961 г.

³ Над переводом пьесы Лопе де Вега (см. письмо № 53 и примеч. 19 к нему на с. 215.

49

Эфрон — Бать¹

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва Д-167

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

5 июня 1961²

Милые Лида и Муля, сегодня — вернее завтра, 6^{то}, уезжает от нас милая девушка, редактор маминой книги³, гостившая у нас немного, и наш мезонинчик ждет вас⁴.

Ехать можно с Каланчевского вокзала до Серпухова *рано*, поездом 8 ч<асов> с минутами, после этого на Каланчевке перерыв аж до 12 дня и надо ехать с *Курского* поездом 9.20 или 10.20 до Серпухова.

В Серпухове — автобус до Тарусы (выйдя с вокзала — направо, стоянка и будка, где продают билеты на Тарусу, там же бывают тарусские такси) — кроме того [*1 слово зачеркнуто*] опять же, там же неподалеку стоянка такси городских, серпуховских; тарусское такси берет 4* человек по 1 р<уб>. с физиономии, городское — 4 р<уб>. за рейс до Тарусы (до площади, а чуть-чуть приплатить — довезят до дому).

Если поедете автобусом, то он довезет вас до площади; спросите, как пройти на Воскресенскую горку берегом, по берегу дойдете до бывшей пекарни, она же быв<шая> церков⁵, на пригорке, обогнете ее справа, наш домик — № 15 — четвертый от церкви, маленький, с ме-

¹ Письмо находится в экспозиции Тарусского музея семьи Цветаевых. Выражаем благодарность директору Е.М.Климовой и научному сотруднику М.А.Завьяловой за предоставленную возможность ознакомиться с письмом.

² Штемпель московского почтамта, предположительно читается как 7.6.61.

³ А.А.Саакянц.

⁴ Вероятно, договоренность о приезде Мотолянских в Тарусу была заключена во время поездки Эфрон в Москву 27–29 мая.

⁵ Церковь Воскресения Христова. Построена в 1628–1654 гг., перестроена в 1900 г. А.Цветаева вспоминала: «Две церкви — собор на площади (там же бывает — ярмарка) и Воскресенская церковь — на крутом холме. (Это — на полпути к даче, где мы живем)» (*Цветаева А.И.* Воспоминания: В 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы. Т. 2. 1911–1922 годы / Анастасия Цветаева: изд. подгот. Ст.А.Айдиняном. М., 2008. С. 78–79). 9 июля 1906 г. там отпевали скончавшуюся 5 июля мать М. и А. Цветаевых М.А.Цветаеву. См. в письме А.Эфрон к Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич от 22 июля 1968 г.: «<...> она же — бывшая балетная студия Валерии Цветаевой, она же — пекарня, тоже бывшая, она же, в настоящем, — склад промтоварного магазина...» (*Эфрон, II, 333*).

зонинчиком. Такси довезет до места. Не забудьте, что улица — *Первая Дачная*, т.к. есть и 2^а, и 3^а. *Первая* идет по той стороне, что церковь — не собьетесь. Муля был уже у нас⁶, а Лида сидела на фундаменте нашего домика⁷, т^ак ч^то и по памяти найдете нас!

Приезжайте, ждем, ждет и красивая Таруса — жаль, что уже отцвела сирень и «отходят» ландыши, но все равно хорошо. Эти дни чудная погода, солнечная и не жарко, надеемся, что и вы привезете с собой не худшую. Помимо погоды привезите батон белого хлеба, ½ кило масла — остальное здесь есть на «корню» — всякое молочное, яйца, зелень. Не тащите с собой никаких грузов, приезжайте налегке, чтобы приятно была дорога!

Не собирайтесь долго, чтобы ничто не помешало — не откладывайте. Хорошо, если пришлете телеграмму о выезде, чтобы мы были дома и не умчали на пляж или еще куда<->н<и>б<удь>.

Если Муля привезет фотоаппарат — будет чудесно, здесь есть что (и кого!) «запечатлеть» — хотя бы на пленку!

Итак, надеемся — до очень скорого свидания, обнимаем!

Ваши А. и А.

Чувствую себя лучше — воздух помогает — гуляю, скоро, надеюсь, начнем купаться, храбрецы уже купаются!

Всякое постельное и утиральное у нас есть — ничего везти не надо, Лиде кофточку вязаную дадим, если потребуется, Мулины «дес-су» наготове⁸.

⁶ Во второй половине мая 1959 г.

⁷ В августе 1957 г.

⁸ «Дессу» (десу, dessous, *фр.*) — дамское белье. Шутка, связанная с пребыванием С.Мотолянского в Тарусе, когда по случаю холодной погоды ему было предложено «утепление». См. в письме № 87: «известные Муле фисташковые байковые штаны».

50

Эфрон и А.Шкодина — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Таруса]

Москва Д-167

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

14.6.61¹

Милая Лидочка, будем вам очень рады! Только, ради бога, не задерживайтесь, чтобы не понаехал к нам какой-н<и>б<удь> народ, а то будет тесно и сумбурно, а хочется, чтобы вы отдохнули спокойно. Да и погода пока держится хорошая. Постарайтесь не позднее 20⁰⁰. О продуктах не беспокойтесь, нужный нам всем диет-минимум обеспечен — творог, молоко, зелень, самое лучшее летнее питание! Привезите только 500 г масла, батон белого хлеба и, если есть, пару лимонов; главное — приезжайте сами. Мы купаемся, вода очень теплая; Муля пусть захватит фотоаппарат — пополнит свою коллекцию пейзажей и... красавиц! Есть у меня тут кое-что из маминой прозы², совсем вам незнакомой: почитаете. И вообще отдохнем вместе несколько днейков душой и телом. Только не откладывайте, не мешкайте и не углубляйтесь в «суету сует». Целуем.

А. и А.

¹ Штембели: 14.06.61–18.06.61.

² Вероятно, очерк «Хлыстовки» (цензурный заголовок — «Кирилловны»), посланный весной А.Саакянц с надписью: «Анечке — чтобы лучше понять будущую Тарусу» (*Саакянц А.А.* Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 22).

51

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

Лидочка, ждем-пождем, а толку чуть! Вместе с нами ждут вашего «решения» и другие друзья и знакомые, к^{отор}ые должны к нам приехать, но которых мы всё «отставляем», чтобы не вышла куча мала. Решитесь, отзовитесь!

Целуем

А. и А.

Таруса, 20 июня 1961

52

Эфрон и А.Шкодина — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Таруса]

Москва А-319

Вторая Аэропортовская д. 7/15 кв.

119 Лидии Григорьевне Бать

23 июня 1961¹

Милая Лидочка, открытку твою получили и взгрустнули, что вы такие волынщики, обманщики и прочее тому подобное. Сначала мы довольно неудачно «лавили» в зависимости от ваших возможностей», как ты пишешь, а теперь вы собираетесь заняться тем же самым. Что получится из этого контраданса, учитывая, что и остальные наши гости тоже не без лавирования, — посмотрим! В конце 6 — нач²але 7 мес³яца> ожидается легкая артиллерия — девчонки в возрасте от 20 до 60, — дальше — тяжелая, т.е. приедут отдыхать из Коми АССР² и Сталинграда³ «далекие-близкие» старушки, с болезнями, воспоминаниями, тяжелым прошлым и неясным будущим. И самая тяжелая из артиллерий — тетя Ася с противной внучкой тоже грозитя «заехать» из... Павлодара! А мне работать надо — это желание посещает меня, как только подумаю об Асе... Жара у нас сменилась теплом, холодно не стало. Дожди очень редко. Начались ягоды, цветут луга; купаемся, ужасно жаль, что все это без вас! Целуем нежно.

¹ Штемпели: 23.06.61–27.06.61.

² Вероятно, знакомые Эфрон по лагерным временам.

³ Возможно, речь идет о Вере Михайловне Савицкой, знакомой Эфрон по парижскому «Союзу возвращения на родину».

53

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской
1^а Дачная 15 АЭфрон

Латвийская ССР, Рижское
взморье Дубулты ул. Гончарова
Дом творчества писателей
Бать Лидии Григорьевне

19 августа 1961¹

Дорогая Лида, рада была твоей весточке, даже целому большому письму, даже дождевым капелькам на нем. Я свое тоже могла бы украсить таким же орнаментом — и у нас погода уже несколько дней, как слезливо настроена, и после такого жаркого лета это даже приятно — пока не надоело. Похолодало, с запада идут тучи, в унисон с международным положением². Ветер, ветер, не то что ветви, сами деревья низко кланяются наступающей осени. Это лето Таруса была филиалом Переделкина и Барбизона³, пляж был умошен телами околлитераторов и околхудожников, в воздухе висели исключительно интеллектуальные разговоры и философские термины, до того всё было культурненько, что аж противно. Благодаря такому слёту людей мыслящих и обеспеченных цены на базаре как подскочили, так и остались на недостижимой высоте — мясо 3–4 р<уб>., сметана — 35 к<оп>. стакан, и даже червивые яблоки стоят одну строчку стихотворного перевода килограмм. Не-червивых яблок (как и переводов) в этом году нет.

Всё лето я что-то делала (а сделанного — нет!), кого-то кормила, поила, прогуливала, купала; коптилась у керосинок, поливала огород, читала «Боги, гробницы, ученые»⁴ и «Киру Георгиевну»⁵; вязала кофты Иришке в Мордовию⁶ и даже переводила — очень плохо. Варила

¹ Штемпель отправки: Москва 22.08.61.

² 13 августа 1961 г. на границе восточной части Берлина (столицы ГДР) и западной части города (Западного Берлина) была установлена Берлинская стена.

³ Местечко Барбизон под Парижем, куда выезжали работать художники и где в 1830–1860-х гг. возникла так называемая «барбизонская школа».

⁴ Речь о кн.: *Керам К. Боги. Гробницы. Ученые*. М., 1960. Советское издание книги археолога Курта Вальтера Керама (1915–1972) о великих археологических открытиях XIX — первой половины XX вв.

⁵ Повесть В.П.Некрасова, в которой впервые была затронута тема судьбы репрессированных.

⁶ И.Емельяновой в мордовский лагерь. «Много мыслей ввязано в эту кофтишку, а также чувств, о чем распространяться не люблю, как сама знаешь...» (из письма к ней от 5 октября 1961 г.) (*Эфрон А.С. Жизнь есть*

варенье (то недо-, то пере-), жарила кабачки, стирала; все то же самое, минуя переводы, проделывала и Ада. Перегостило у нас немало народу, в т<ом> ч<исле> кое-кто и симпатичный попадался, например, очаровательная девочка, редактор маминой книги⁷. Очень милы оказались и жившие неподалеку Ирины подруги⁸ — милее самой Иры, между нами говоря!

Мадам Гольшпева⁹ и мадам Мандельштам¹⁰ превратились в двух тарусских мадам Рекамье¹¹ — минус то-то и то-то; литературный салон Мандельштамихи процветал настолько, что хозяйка попросила ее съехать с квартиры; там только что на арфе не играли... Ну вот, достаточно про Тарусу; к счастью, все ее красоты пока что целы и жаждают вас, авось дождутся. — Мамина книжечка должна была выйти в августе¹², но не тут-то было, типография загружена предсездовскими и космическими материалами¹³, т<ак> ч<то> раньше конца года вряд ли мы ее увидим¹⁴. Пока что была одна корректура, сверка задерживается; книжечка тыфу, тыфу, не сглазить, получается не такая уж маленькая (около 300 страниц) и приятная с виду. Портрет не очень хороший¹⁵,

животное полосатое: Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой 1955–1975 / Сост. И.И.Емельяновой. М., 2004. С. 137).

⁷ Анна Александровна Саакянц (1932–2002), редактор Гослитиздата, соредактор А.А.Козловского в первой посмертной книге М.Цветаевой, впоследствии — автор множества статей и книг о Цветаевой, мемуаров об Эфрон и работе над наследием М.Цветаевой. Личное знакомство Эфрон и Саакянц состоялось 3 марта 1961 г.

⁸ Инесса Захаровна Малинкович (1928–1992), автор кн. «Судьба старинной легенды» (о сюжете поэмы М.Цветаевой «Крысолов»), и Марианна Фрейдина (р. 1942?), ее ученица, школьная подруга И.Емельяновой.

⁹ Елена Михайловна Гольшпева (1906–1984), переводчица, жена Н.Д.Оттена (о нем см. примеч. 1 на с. 224).

¹⁰ Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980), жена О.Э.Мандельштама.

¹¹ Жанн Франсуаз Жюли Аделаида Бернар, в замужестве мадам Рекамье (1777–1849), жена банкира и хозяйка салона, который был политическим и литературным центром Парижа наполеоновских времен. Прославлена портретами кисти Ж.Л.Давида и Ф.Жерара, на которых представлена в «античных», довольно открытых одеяниях и полулежа.

¹² «Избранное» подписано к печати 5 сентября 1961 г.

¹³ Речь идет о подготовке к XXII съезду КПСС (17–31 октября 1961 г.) и освещении полета Ю.Гагарина в космос.

¹⁴ Книга вышла в начале октября 1961 г.

¹⁵ В клетчатом платье (1924). Речь идет о недоработке портрета, Эфрон писала В.Орлову 15 октября 1961 г.: «...надо было отретушировать волосы — какие-то досадные рога получились, тень над подбородком жестка, но всё это огрехи типа пятен на солнце» (Эфрон, II, 124).

но хоть не такой страшный, как тот, что украшает последний ахматовский томик¹⁶, — во всяком случае, без претензий.

На днях должен посетить нас наш семейный Савонаролла-Аттила¹⁷ — Ася с внучкой, они отдыхали в Паланге и, увы, желают посетить Тарусу. Коль после этого визита не попаду в сумасшедший дом, буду считать, что сезон окончился удачно. Сейчас работаю вовсю — перевожу Скаррона¹⁸ — с удовольствием. Перевод Лопадеевской пьесы¹⁹ у меня получился неважно, до сих пор не наберусь духа «двести» его «до ума». А надо. Пожалуйста, передайте наш сердечный привет Нине и Наташе²⁰ — своей прибалтийской родне, да и самой Прибалтике, если она не донимает вас ненастьями. Целуем вас обоих, поправляйтесь, отдыхайте, будьте здоровы, пишите! Желаем всего, всего хорошего.

Ваши А. и А.

¹⁶ В кн.: Ахматова А. Стихотворения. М., 1958.

¹⁷ Савонарола Джироламо (1452–1498), флорентийский религиозно-политический деятель, и Аттила (406–453), вождь гуннов. Оба прославились своей неукротимостью и разрушительной силой.

¹⁸ «Жодле-дуэлянт», «Нелепый наследник, или Корыстолюбивая девица» и «Саламанкский школяр, или Великодушные враги» Поля Скаррона. См.: Скаррон П. Комедии. М., 1964.

¹⁹ *Lope de Vega* (1562–1635), испанский драматург. Почти весь 1961 г. Эфрон переводила с подстрочника «Что случается в один день», «эта грациозная, остроумная вещь давалась ей особенно трудно» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 70). См.: *Vega Lope de*. Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 5.

²⁰ Нина Александровна Бать (см. письмо № 31 на с. 183) и ее сестра Наталья Александровна Бать (1907–2000), экономист.

54

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Таруса Калужской
1^а Дачная 15 АЭфрон

Москва А-319
Вторая Аэропортовская д. 7/15 кв.
119 Лидии Григорьевне Бать

21 сентября 1961²

Дорогая Лидочка, спасибо тебе за письмо и вам обоим за телеграмму³. (Пришла она на таком бланке, что закачаешься!). Я, конечно, не избывный хам, не успела вовремя ответить на письмо, закрутилась со всякими там работами и заботами; тем не менее была убеждена в вашей снисходительности, ибо сами вы иной раз предпочитаете письма мысленные реальным. День рождения нынче провела с тетей Лилей-именинницей. В прошлом году как-то не получилось, главным образом, из-за далеко не именинного настроения, связанного с около-борисовыми делами⁴, а в этом вырвалась из цепких и не поддающихся объятий Лопы де Веги и прочих шведов и отправилась в Болшево, груженная помидорами, яблоками, вареньями...

Было очень мило, трогательно и тихо у тети Лили. Она настолько слаба и быстро утомляется даже от радостного, что в этот день не позвала к себе никого из ближайших, мы были совсем одни, вдвоем (с Зинаидой Митрофановной). День был чудный, теплый, мы вспоминали, сколько милого народа собиралось на наших прежних фестивалях. Совсем недавно. Время со страшной быстротой идет лишь для детей и стариков, одних одаривая без меры (ростом, развитием, цветением каждого дня), у других с такой же быстротой отнимая последнее — силы. Но несмотря на все эти соображения, в Болшеве совсем не было грустно. Лиля была, как всегда, радостна, оживлена, жизнелюбива — (но слаба очень!) и с такой детской непосредственностью и взрослой неизбалованностью радовалась и скромным дарам, и не менее скромным, сугубо-диетическим, яствам!

Передайте, пожалуйста, большую благодарность Песису⁵ за ро-

¹ «Слава строителям коммунизма!». Рисунок комбайна в поле.

² Штемпель отправки: Таруса 21.09.61.

³ Поздравление с днем рождения.

⁴ См. примеч. 13 на с. 206.

⁵ Борис Аронович Песис (1901–1974), критик, исследователь французской литературы. Помогал М. Цветаевой установить сотрудничество с журналом «Интернациональная литература» в 1940 г. По словам Н. Г. Бать, «высокий, огромный, хромал, ходил с палкой. Жил в одном доме с Мотолянскими, по-

скошную рекомендацию в Союз⁶ — читала и себя не узнавала — уж до того умница, уж до того талант, что, боюсь, слишком хороша для данной организации, и место мне на Олимпе без пересадок. Но это всё хиханьки да хаханьки, свойственные мне, а спасибо ему настоящее.

Погода и у нас изменилась, барометр стоит на «погано», виют витры⁷, льют дожди — правда, «переменные» — холодно. Но цветы держатся, тьфу-тьфу, не сглазить, стойко; разномастные георгины заглядывают в окна, как дети; горят из последних сил настурции, сальвии, ноготки, и каждый непогожий вечер неукоснительно рассматривают свои звездочки белые и красные табаки. Последние гладиолусы и розы срезали только вчера — холодно было на них смотреть.

Работаю я плохо из рук вон — все никак не разделаюсь с Лопе; то первоначальная спешка давала себя знать; то последующее размусоливание. А вот Скаррон идет куда лучше и веселее. Все это полбеда, а беда та, что деньгами — из-за пресловутого бумажного кризиса — и не пахнет, всё откладывается из плана в план, из года в год — как жить будем?

Целую вас, дорогие, спасибо за любовь и память. До встречи (когда?!) хоть пишите время от времени о своей светской жизни. А я — вам, о своей «провинциальной».

Ада шлет сердечный привет — будет в Москве раньше меня и раньше меня увидит вас.

Ваша Аля

сле развода с женой, переводчицей Н.Жарковой, оставался постоянным гостем дома, в том числе и новой семьи Жарковой». Прототип главного героя фильма «Покровские ворота».

⁶ Переводы Эфрон послужили основанием для вступления в Союз писателей.

⁷ Слова из украинской народной песни «Виют витры, виют буйны».

55

С.Мотолянский, Бать — Эфрон

ПИСЬМО¹Москва А-319 2ая Аэропортов-
ская 7-15 кв 119 С.М. — Л.БатьТаруса Калужской обл.
1ая Дачная 15 А.С.Эфрон

[Мотолянский — Эфрон]

Москва, 7-ое октября 1961

Дорогая Алечка, не знаю, какими словами передать свою радость и поздравить Вас — хотелось бы самыми лучшими, самыми настоящими, но это так трудно! Книга Марины Ивановны², наконец, вышла и уже у многих в руках. Книга абсолютно нарасхват, у нас еще её нет, ибо в Лавку³ она еще не поступала. Звоню туда по 3 раза в день, и так делают, очевидно, все... В других магазинах ее выдают и будут выдать только по заказам. Многозначительно — она вышла в самый канун Дня Поэзии 1961 г.⁴ Вольно или невольно сделан необыкновенный подарок всем ревнителям подлинной поэзии, как сказали бы во времена Пушкина. Все мы должны поздравлять с этим друг друга, но в первую очередь, Алечка, Вас — за Ваши героические усилия, за Ваш труд, равный подвигу, за Вашу преданную Любовь, которую нельзя не писать с большой буквы. Высоко держа эту книгу над собою, Вы пронесли ее через бурные реки, горные пороги, болотные топи и многие другие препятствия — и донесли!

Очень жалко, что в эти дни мы — в отрыве, хотелось Вас не только от души поздравить, но и крепко обнять и крепко, крепко расцеловать.

Делаю это все заочно.

Желаю Вам еще больше сил, дальнейших успехов.

Муля

[Бать — Эфрон]

Дорогая Алюша!

Муля до такой степени зауважал тебя, что даже перешел на Вы,

¹ Даты на штемпелях: 7.10.61–9.10.61. На конверте: рисунок стройки и надпись «Слава строителям коммунизма!».

² См. письмо № 53 и примеч. 12 и 14 к нему на с. 214.

³ Книжная лавка писателей — магазин Литфонда, где приобретали книги члены Союза писателей.

⁴ Речь идет о проводившихся с 1955 г. в Москве праздниках Дня поэзии.

считая очевидно, что эта форма достойна дочери Цветаевой. Но и я подписываюсь под всеми его словами, хотя на Вы с тобой переходить не собираюсь. Просто очень жаль, что мы оторваны друг от друга и лишены возможности даже порадоваться вместе. Мне уже кто-то из понимающих сказал, что предисловие Орлова хорошее. А ты какого мнения?

Пиши, дорогая, постараемся хотя бы в письмах не терять друг друга. А, может, и приедешь на денек? А не собирается ли Ада? Очень хотим ее повидать. Передай ей наши приветы, поцелуй и просьбы позвонить, как только приедет. Тебя обнимаю горячо.

Лиди

56

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

Москва Д-319

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

— фон Мотолянской

10.X.61¹

Дорогие Лида и Муля, очень тронута и обрадована вашим милым — мало милым — дорогим сердечным письмецом. Я рада книжке, но *меньше*, увы, остальных, это моя печальная дочерняя привилегия. Никакие книжки, книги, собрания сочинений *никогда* не «перекроют» сознания, что *она* не дожила до этого, и не только до этого, и мало сказать не дожила! Что для всех нас — прижизненное, для нее — посмертное. Для нее! Рассудком я всё понимаю, а сердце ничего не приемлет после 31 августа 1941 года. Пепел Клааса². — Ада будет в 20^х числах в Москве и передаст вам, конечно, книжечку, а я вам ее надпишу, когда сама приеду. С горем пополам доперевела «Лопу», переводом недовольна; сейчас начала Скаррона, это идет куда веселей, да и размер более ёмкий. Но договорные сроки трещат по всем швам, а деньги и не маячат. Сижу на мели, что тем более печально, что есть шанс провести *сюда* телефон, что было бы весьма кстати. Ада, приехав, созвонится и расскажет новостешки. Пока целуем вас крепко.

Ваша Аля

Пишите!

¹ Штемпель доставки: Москва 12.10.61.

² Герой романа «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» бельгийского писателя Ш. де Костера Уленшпигель носил в ладанке на груди пепел своего отца, сожженного инквизицией, повторяя: «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

57

Бать — Эфрон¹

ПИСЬМО

Москва, А-319, 2-ая

Таруса 1ая Дачная, 15

Аэропортовская, 7/15 кв. 119.

А.С.Эфрон

Л.Г.Бать

10/X 1961 г. 18 ч.

Дорогая моя Алюша!

Пишу тебе под непосредственным впечатлением «Поэмы Конца»², которую я читала, как загипнотизированная. Муля час назад принес книгу из Книжной Лавки Литфонда, где творилось нечто невообразимое. Завтра, конечно, нигде уже не достать. Какое счастье, что душа еще может переживать чувства такого напряжения, какое я сейчас испытала. В первый раз я читала поэму эту 30 лет назад, переписанную, тогда я восприняла только ее интимную сторону, и тоже была потрясена, тем более, что это чем-то перекликалось для меня с личным. Но сейчас я поняла ее неизмеримо глубже. Это трагедия не только женщины, это трагедия поэта, вернее женщины-поэта. За такое счастье, за счастье быть поэтом, таким поэтом надо платить дорогой ценой, гибелью чувства, разлукой, разрывом, расставанием («даже смысла такого нет»), нужно, и все тут.

Аля, я пишу сумбурно, но просто потому, что мысль летит быстрее пера, и я хочу поскорее послать тебе эти горячие строки, м<ожет> б<ыть>, пройдя короткий путь от Москвы до Тарусы, они сохранят хоть немного тепла.

Целую тебя, дорогая.

Лидя

¹ Даты на штемпелях: 12.10.61–12.10.61. Конверт идентичен предыдущему.

² Поэма М.Цветаевой.

58

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

Таруса Калужской
1^я Дачная 15 АЭфрон

Москва А-319
Вторая Аэропортовская д. 7/15
кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

13 октября 1961¹

Милая Лидочка, спасибо за отклик сердца на «Поэму конца», она действительно поразительна — и проверена временем, и далеко шагнула за пределы личного. И не из тех вещей, которые прочтешь и отложишь. Перечитывать можно всегда, и всегда хватает за душу.

Пожалуйста, исправь опечатки — на стр. 73 вместо «конь лохматый» надо «косматый»², вместо (на стр. 155) «солдаток» — «ребятко» надо *солдат, ребят*³. Последнее, по-моему, Орловское усовершенствование⁴ текста — он, как ни удивительно для человека, зубы съевшего на *неизменных* текстах, очень любит «подсказывать» умершему автору, как надо стихи писать.

Какой Муля молодец, что достал книжечку, — ведь просто *немыслимо* было купить. Говорят, «Межкнига» заказала еще 25 тыс<яч> допечатать в январе.

Осень — поразительная, но мало ее вижу, работаю. Лопе на машинке, скоро сдам, хоть сама недовольна переводом, но мусолить больше немыслимо и некогда. Скаррон идет веселее, но в договорные сроки (Прокрустово ложе) не уложусь. Ада на днях будет в Москве, повидается, она расскажет все наши новости, а пока обнимаем вас, будьте, главное, здоровы, дорогие!

Ваша Аля

¹ На штемпеле дата отправки: 13.10.61.

² В стихотворении «Цыганская свадьба».

³ В стихотворении «Поэма заставы».

⁴ Владимир Николаевич Орлов (1908–1985), литературовед, главный редактор «Библиотеки поэта», инициатор издания книг М.Цветаевой «Избранное» (1961), «Избранные произведения» (1965), «Мой Пушкин» (1967).

59

Эфрон — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Таруса Калужской

Москва А-319

1^а Дачная 15 АЭфрон

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

9 ноября 1961¹

Милая Лида, «Страницы»² посылаю вам с Мулей вместе с этой кратчайшей весточкой, чтобы и вы ими размахивали наравне с Сельвинскими³. Почитаете — скажите, годны ли они на что-нибудь иное. Это Муля будет читать, т.к., судя по всему, мы обе в запарке. Мой Скаррон не так уж мил при ближайшем рассмотрении — не более мил, чем трамвай, на который опаздываешь. Договорные сроки кончаются, а я не осилила еще и половины — что-то будет? Новостей особых нет, а не-особые расскажет Ада, она скоро будет в Москве. А ты когда? Или уже приехала? Обнимаю вас обоих, будьте здоровы!

Ваша Аля

¹ Штемпели: Таруса 10.11.61—Москва 12.11.61.

² Литературно-художественный сборник «Тарусские страницы» (Калуга, 1961), в котором был опубликован очерк М.Цветаевой «Кирилловны» (см. примеч. 7 на с. 167), отрывок из поэмы «Лестница» и подборка из 43 стихотворений. На альманахе Эфрон сделала надпись:

Лиде и Муле
этот первый тарусский блин
(а комом или нет,
узнаем из газет!)

Аля

Таруса, ноябрь 1961.

³ Илья Львович Сельвинский (1899—1968), поэт, драматург, и его жена Берта Яковлевна Сельвинская (1898—1980).

60

Эфрон — С.Мотолянскому

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Таруса]

[Москва, С.Е.Мотолянскому]

26 ноября 1961

Милый Муля, прости, что не ответила сразу на твою весточку. Рада, что «Страницы» доставили тебе удовольствие, — надеюсь, что Лиде тоже; маминой подборкой я недовольна, пестро, нестройно, так и чувствуется, что торопливая оттеновская¹ рука понаде́ргала что могла и откуда могла. Но стихи хорошие, ибо у этого автора плохих нет. Портрет безобразно искажен, единственное, что более или менее сохранено, это — светлая расцветка, а то на всех портретах мама получалась какой-то темной. Если удастся прилично переснять с того, к<отор>ый служил оригиналом для «Станиц»², — подарю. А что понравилось в «Стр<аницах>» — и не понравилось?

¹ Николай Давыдович Оттен (1907–1983), сценарист, критик, составитель альманаха «Тарусские страницы».

² Имеется в виду фотография М.Цветаевой 1914 г. На обороте рукой Эфрон: «10-е годы, МЦ в старинном кресле».

61

Эфрон — Бать и С. Мотолянскому

ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

Москва, А-319

2^я Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

С Новым годом, дорогие! Желаю вам здоровья и вдохновения — в работе, равно как и в отдыхе. Бездарность «картинки»² лучше всего докажет вам мою обалделость от Скаррона — да если бы только он³. Впрочем — довольно реалистическое отображение: так когда-то Лида Дейчика водила на работу!⁴ Будьте здоровы и счастливы. Обнимаю.

Ваша Аля

¹ Датируется ок. 28 декабря 1961 г. (дата отправки по штемпелю: 29.12.61).

² См. примеч. 4.

³ Ср. в письме В. Орлову от 30 декабря 1961 г.: «Зима всерьез. Минус тридцать пять <...> за окном красиво, но несколько чересчур по-сибирски. Скарроновские строфы мерзнут на лету. Водопроводная колонка вышла из строя, и воду приходится таскать из “святого” источника, вся святость которого заключается в обратном от него пути, напоминающем Голгофу» (Эфрон, II, 139).

⁴ На открытке изображен Буратино с елкой на плече, ведущий за руку плюшевого медвежонка, которому Эфрон пририсовала очки.

62

Эфрон — Бать
ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

Москва. А-319

2 Аэропортовская д. 7/15 кв. 119

Л. Г. Бать

Милая Лидочка, поскольку мы обменялись одинаковыми открытками, причем мальчика, на них изображенного, ты назвала дураком, а я, pardon, нашла его похожим на одну знакомую², то решила тебя перепоздравить. Эта открытка — нестандартная³⁸³ и двух мнений не вызывающая! Итак, милые мои, еще раз с Новым годом! Целую вас крепко, Ада, сегодня приехавшая, присоединяется.

Ваша *Аля*

¹ Датируется ок. 29 декабря 1961 г. (дата отправки по штемпелю: 30.12.61).

² На Бать.

³ Ирония. Открытка была одноцветной и изображала ель и Спасскую башню Кремля под надписью «С Новым годом!».

1962

63

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

20.1.62

Лидочка, милая, как ты там? Как самочувствие? Поправились ли!¹ Я еще до сих пор не разделалась со своим гриппом, все тянется и выматывает душу, ибо надо работать, ни на что невзирая, так и тружусь, ни жива, ни мертва, ни Богу свеча, ни черту кочерга, но все же скорей последнее. А как Муля, здоров ли? Говорят, по Москве бродит очередной вредный грипп, — надеюсь, что вы с ним не встретитесь! О себе как-то нечего и писать — всё Скаррон со всех сторон² — погода нулевая, снегу мало — тишина... Скучала бы, если бы умела, тосковала бы, было бы когда, — а так — то не умею, то некогда, и всё хорошо. Вдруг вспомнила ни с того, ни с сего, как мы шли с тобой и Адой по пустынному тарусскому лугу, толкуя о неких качествах Левика³, а... он сзади шел! Смешно было. Нам. А он после этого продал дом и уехал. Целую вас, мои дорогие, будьте здоровы!

Ваша Аля

¹ Эфрон в начале января занималась в Москве организацией комиссии по литературному наследию М. Цветаевой и, возможно, видела Бать.

² Ср.: «19.1.62. кончила 2 действие “Жоделе”» (Саакянц А. А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 44).

³ См. примеч. 3 на с. 190.

64

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

[Таруса]

Москва А-319

Вторая Аэропортовская д. 7/15
кв. 119 Лидии Григорьевне Бать31 января 1962²

Милая Лидочка, спасибо за письмо, оно было (для тебя) такое агромадное, что не рискую отвечать какой-то открыткой. Неприлично. Очень рада была узнать, что грипп не очень тебя потрепал, тыфу-тыфу, не сглазить. А пуще того, рада, что ты на подступах к «давно намеченной, задуманной, лелеемой и согласованной» книге³. И, поскольку ты дала право мне выбрать любой полюбившийся эпитет, конечно, хватаюсь за «согласованный». Себе бы так. Мне, как назло, в башку всё какие-то несогласуемые темы лезут. Вот, например, прочла некролог, посв<ященный> тов. Линькову, Герою Советского Союза, геройскому вожаку партизанского отряда⁴. Прочитала биографию — стёклышко! алмаз! И вспомнила, как я с этим легендарным «Батей» срок отбывала всё на той же неистоимой Потьме⁵. «Отхватил» Батя ни больше ни меньше, как 25 л<ет> «срока» за... ну, как бы тебе сказать? В общем, защищая «физицки» мирное наше население, он в то же время настолько разорял его «экономицки», проявляя притом такое необузданное пристрастие к слабому полу, что и «загремел», как только соединился с частями Красной Армии. Много интересного рассказывал «Батя», кутаясь (это в 45-то лет!) в декоративную седую бороду, прикидываясь дедом и блестя разбойничьими глазами. А самое забавное, что нач<альник> лагеря, оказавшийся б<ывшим> партизаном батиного отряда, не давал своего шефа в обиду; шеф был зачислен на больничное питание и соответствующий режим, изучал... английский язык и делился воспоминаниями. По закону — тогда — 25 лет надо было отбывать на... каторге (было и такое тогда заведение), но Батя

¹ «С новым годом!». Рисунок Кремля, «С» в виде летящей ракеты.

² На штемпеле: Таруса 1.02.62.

³ Возможно, речь идет о замысле будущей книги Бать «Незабываемые встречи. Литературные беседы. Воспоминания» (1970).

⁴ Григорий Матвеевич Линьков (1899–1961), участник гражданской и Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Возглавил отряд особого назначения, совершавший диверсии на оккупированной территории Белоруссии, Польши и Чехословакии.

⁵ В период с 1944 по 27 августа 1947 г.

не дурак был... В общем, дядька был презанятнейший, косая сажень в плечах, седая борода... при всём при том весьма начитанный и вполне интеллигентный человек. — Тема? Тема! Пропадает? Пропадает... Ну и черт с ней, пусть себе пропадает! Где наше не пропадало...

Несколько дней здесь было здорово холодно, ниже 30°, и мороз стучал кулаком в бревна домика. Именно такое впечатление — вдруг раздается глухой удар в стену; от холода бревно дает трещину. А сейчас переменялся ветер, пасмурнеет, теплеет. Прочла — слабую, помоему, повесть Есениной⁶, что-то напоминает 30^е годы, тогда такие штуки были в моде — помнишь «Роковые яйца» Булгакова⁷, да и многое. Немножко Гофмана⁸ на советский лад; потом прошло, ибо никакой Гофман уже не был в состоянии угнаться за «кладом» этим самым. Читаю местную газету «Октябрь». Сегодня был фельетон о том, как коню дали *оплеху*! Интересно, как такие вещи проделываются технически? Еще читала Зигмунда и Ганзелку про Мексику⁹ и Рабле в чудном переводе Любимова¹⁰. Больше читать нечего. Да и слава Богу, т.е. некогда.

Целую тебя и Мулю, будьте здоровы, это самое главное. Мурзику и бабушке¹¹ (если она, как я надеюсь, жива) братский привет от моей кошки, краше которой нет во всем мире.

Ваша Аля

⁶ Татьяна Сергеевна Есенина (1918–1992), дочь С.А.Есенина и З.Н.Райх. Речь о повести: Есенина Т. Женя — чудо XX века. Юмористическая повесть // Новый мир. 1962. № 1. С. 5–118.

⁷ Повесть «Роковые яйца» М.А.Булгакова о том, как неосторожное использование изобретения профессора Персикова наводнило Москву гигантскими рептилиями.

⁸ Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822), немецкий писатель-романтик, в произведениях которого привычная реальность гротескно и фантастически преобразается.

⁹ Книга известных чешских путешественников: Ганзелка И., Зикмунд М. От Аргентины до Мексики. М., 1960. Возможно, интерес к книге связан с тем, что в Мексике проживала подруга юности Эфрон И.В.Лебедева-Коль (1916–?).

¹⁰ Франсуа Рабле (1494–1553), французский писатель. Речь об изд.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Перев. с франц. Н.Любимова. М., 1961.

¹¹ Имеется в виду кошка, «бабушка» кота Мурзика.

65

Бать — Эфрон
ПИСЬМО

[Москва]

[Таруса]

27 февраля 1962 г.

Дорогая Алюша!

Долго не писала. Успела за это время еще раз загрипповать. Как раз в те дни — между 6 и 15 получила твое письмо¹. С тех пор все время собираюсь тебе писать, и вот докатилась до конца месяца.

Как-то позвонила Ада, я обещала ей узнать, когда думают поставить твое дело в приемочной комиссии²; я узнала, а она не звонит. Иванов³ вернулся, но еще при нем не было заседаний, на первом после его прибытия не должны были стоять переводчики, так как предыдущие были заполнены ими. По всем расчетам, как говорит Песис⁴, твое дело будет слушаться в марте. Это раз. Два — я встретила Маргариту Алигер⁵, и она мне сказала, что не худо бы тебе приехать в Москву и хлопотать о включении тебя в Жилкооператив писателей, причем Литфонд поможет материально. Говорит, что об этом уже договорено, этим занимается и Казакевич⁶. Мне ты об этом ни слова не писала, но с ней, оказывается, даже по телефону обсуждала этот вопрос. Она просила меня сломить твой скепсис в этом деле, и я охотно включаюсь, но поможет ли? Что тебя смущает? Если Литфонд, действительно, идет навстречу, то последующие суммы уж как-нибудь удастся выплатить, так как рассрочка, говорят, будет в 15 лет. Напиши мне толково, что тебе предлагают, из слов Маргариты мне не все ясно. Третье, что я хочу тебе сообщить: после долгих поисков чего-нибудь путного, для тебя, наконец, приобретена настольная лампа весьма удобная для глаз. Мечтаю о передаче ее в твои руки. Это только подарочный аванс.

Живу в обычном котле дел и делишек, встреч, киноразвлечений и т.п. Сегодня как раз смотрела фильм с Марлен Дитрих по роману Агаты Кристи «Свидетель обвинения»⁷. Обыкновенная детективная

¹ Письмо от 31 января 1962 г.

² Приемная комиссия Союза писателей.

³ Писатель Вс.В.Иванов был председателем приемной комиссии московского отделения СП.

⁴ О Б.Песисе см. примеч. 5 на с. 216.

⁵ О М.Алигер см. примеч. 2 на с. 232.

⁶ См. ответное письмо Эфрон от 3 марта 1962 г.

⁷ Американский фильм «Witness for the Prosecution», (1957), реж. Билли Уайлдер (Billy Wilder), снятый по одноименной новелле А.Кристи. Сюжет

чепуха, но прекрасные актеры, особенно — главный, старый толстый адвокат, удивительно похожий на Черчилля, но добродушный и благородный⁸. Его просто хочется расцеловать в толстые щеки.

Прочла книгу весьма примечательную. Читала ли ты «Леопард» ди Лампедуза⁹, и если да, то что о ней думаешь? На днях Песис чуть не подрался со Старцевым по поводу этой книги. Наверное, у твоих светских друзей Голышева-Оттен — она есть, вся Москва последние месяцы говорит о ней.

Что там произошло с «Тарусскими страницами»? Кажется все-таки кому-то попало¹⁰?

Ада говорила, что в марте ты, наконец, появишься в Москве. Когда же, когда же это будет? Ответь поскорее на все вопросы. Горячо целую. Муля тоже.

Лида

рассказывает об адвокате, ведущем дело человека, подозреваемого в убийстве с целью получения наследства. Марлен Дитрих играла роль Кристины Воул, жены обвиняемого.

⁸ Роль адвоката исполнял англо-американский актер Чарлз Лоутон (Charles Laughton, 1899–1962).

⁹ Роман Дж. Томази ди Лампедуза «Леопард» (М., 1961), о судьбе сицилийского аристократа, князя Фабрицио Салина, и революционном движении 1860-х гг.

¹⁰ Публикация альманаха имела репрессивные последствия для директора Калужского книжного издательства А.Сладкова и главного редактора Р.Левиты, а также для секретаря обкома КПСС по идеологии А.Сургакова. Более суровые меры (вплоть до специального постановления), запланированные Бюро ЦК КПСС по РСФСР, где были рассмотрены материалы сборника, отменены Н.С.Хрущевым после того, как у него на приеме побывал К.Г.Паустовский.

66

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва А-319

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

3 марта 1962¹

Милая Лидочка, не дожидаться бы мне от тебя такого огромного письма, кабы не твоя любознательность: как это я с *Алигершей*² по телефону беседую, а *ты* не знаешь³! Уверяю тебя, что мне бы самой в голову не пришла такая затея ни с того, ни с сего; Мне — сама прислала мне телеграмму с просьбой позвонить ей, я, конечно, заинтриговалась и позвонила, и она голосом Гали Казакевич⁴ (*бедный* Э.Г.⁵!) сказала, что подала *за меня* заявление в кооператив⁶ — как, что, сколько, это я ничего не знаю. И попросила меня послать «собственноручное» заявление, что я и сделала, и еще добавила всякие дополнительные бумажки. Никакого скепсиса и в помине не было, как можешь себе представить, наоборот, я очень обрадовалась, т.к. Алигерша сказала, что о деньгах можно не беспокоиться (совсем ли не беспокоиться, частично ли не беспокоиться — это пока что *её* тайна.) Написать тебе толково, «что мне предлагают», я не в состоянии, т.к. никто ничего мне не предлагал (уже лет двадцать) — кроме Маргариты (см. выше).

¹ На штемпеле дата отправки: Таруса 4.03.62.

² *Маргарита Иосифовна Алигер* (1915–1992), поэтесса, познакомилась с Эфрон в 1937 г. (см. письмо № 67 на с. 234–235. Возобновление отношений произошло, скорее всего, через Э.Казакевича. М.Алигер входила в комиссию по литературному наследию М.Цветаевой, помогала Эфрон в бытовых и литературных делах.

³ Юная М.Алигер занималась в Одессе в литературной студии, которой руководила Бать. По словам Н.Г.Бать, Алигер некоторое время жила в Москве у Мотолянских.

⁴ *Галина Осиповна Казакевич* (1913–2001), жена Э.Г.Казакевича. Благодарим за уточнения Л.Э.Казакевич.

⁵ *Эммануил Генрихович Казакевич* (1913–1962), писатель. Активно помогал Эфрон в издании кн. М.Цветаевой «Избранное». См. ее очерк «О Казакевиче» (Эфрон, III, 211–236).

⁶ 10 февраля 1962 г. Э.Казакевич писал: «Дорогая Ариадна Сергеевна, надеюсь, Вы простите меня за то, что я затеял разрешить Ваш «квартирный вопрос», то есть вопрос о доставании для Вас городской, московской квартиры» (Эфрон, II, 150). «Казакевич организовал письмо от СП СССР к председателю Моссовета, в результате чего А.С. получила однокомнатную квартиру в писательском кооперативе на 2-й Аэропортовской ул.» (Там же).

С ее слов я поняла, что всё уже сделано, всё договорено, — и уже приготовилась въезжать: Ада дает мне 4 стула гамбсовских красного дерева (и не из «Зол<отого> теленка»⁷), ты — лампу (спасибо!), а раскладушка, кошка и акварель Волошина есть у меня самой. И стала мечтать, как буду жить в таком большом доме, — переманю к себе, думаю, Песиса, и Абеля⁸, и Дейча. Потом решила Дейча не переманивать. Себе дороже.

А ты пишешь — еще хлопотать надо о «включении»⁹. Это чтобы я хлопотала? Вот чего не умею, так не умею. Пусть Маргарита и Казакевич хлопочут; им зачтется. (На следующей встрече Мг К с литераторами¹⁰). Я заявление подала, а на большее не способна. Подать заявление — и въехать. За счет Литфонда. Спасибо за сведения о приемной комиссии. Боюсь, что примет она меня пинком под задницу. (Если не знаешь, что это за слово, спроси у Мули — он медик военного времени и знает всякие слова). «Леопарда» Лаперузовского¹¹ или как его — не читала. В Тарусе каждый сам себе леопард, и не до посторонних. Что с «Тар<усскими> стр<аницами>», не знаю, кроме того, что тарусский книготорг — последнее место земного шара, где это «Золотое руно»¹² продается неограниченно. Приеду я приблизительно наравне с этим письмом¹³, а пока целую тебя и Мулю, будьте здоровы!

Твоя Аля

⁷ Роман И.Ильфа и Е.Петрова. Гамбсовский мебельный гарнитур фигурирует в романе «Двенадцать стульев».

⁸ *Абель Исакович Старцев* (1909–2005), литературовед, переводчик, специалист по американской литературе.

⁹ В состав членов жилищно-строительного кооператива.

¹⁰ Намек на выпад Н.С.Хрущева (Mister Khrushchev, англ.) против М.Алигер на встрече с литераторами 19 мая 1957 г.

¹¹ Каламбур, основанный на сходстве фамилий итальянского писателя Томази ди Лампедуза и французского мореплавателя Жан-Франсуа де Гало Лаперуза (см. примеч. 9 на с. 231).

¹² Золотое руно — возделенная добыча мифических аргонавтов.

¹³ Целью поездки в Москву была сдача перевода пьесы «Жодле-дуэлянт» Скаррона, квартирные хлопоты, начало работы над «Избранными произведениями» М.Цветаевой.

67

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва А-319

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне Бать

25.3.62¹

Лидуша, милая, мало [того], что я так и не сумела дозвониться до Маргариты, чтобы хотя бы по телефону поблагодарить ее за все хлопоты о моем жилье, но, приехав в Тарусу², обнаружила, что где-то посеяла — очевидно, в Москве, — записную книжечку со всеми адресами и телефонами. Так что и написать ей не могу, пока ты вновь не пришлешь мне ее адрес. Очень прошу тебя, позвони ей ты, и расскажи «всю правду обо мне». Пусть лучше знает, что я растяпа, чем думает, что — хамка. А вообще-то дивны дела твои, Господи! Ровно четверть века тому назад зашла к тебе на минутку маленькая и молоденькая, строгая на вид Маргарита — было это в Жургазе³ и почему-то запомнилось. Только я её и видела, эту самую Маргариту. И надо же, чтобы именно *она* — так для меня неожиданно — не только впряглась в самый безнадежнейший из моих возов, но и вытянула его — квартирный воз я имею в виду! Ведь мне скоро пятьдесят, но своей комнаты у меня *никогда* не было, такой, чтоб закрыть дверь и остаться одной. Даже в Тарусе — целый домик, а отдельной комнаты нет.

Нет, вру, до революции была отдельная, детская комната, до пятилетнего возраста. Как раз тогда, когда она мне вовсе не была нужна. А тут целую квартиру сулят — с «современным гордисьмым санузлом». И кругом сплошь писатели. И у каждого свой собственный санузел. Прямо рай Магомета.

Вот только денежный вопрос неясен и тревожит. Все говорят, что если Литфонд даст ссуду, то ее надо возвращать — а откуда и чем? Натурой там не берут, да и какая натура с меня, когда я рождена еще в проклятые времена царизма? Всё — загадка.

Тут у нас идут съемки фильма «Половодье»⁴. Вчера кого-то «хоронили» из местного населения, а сегодня покойник пропил денежки и учинил дебош, в то время, как на его бутафорской могиле рыдала настоящая, мосфильмовская артистка. Половина тарусского праздни-

¹ Штемпели: 25.03.62–28.03.62.

² Эфрон вернулась в Тарусу 22 марта.

³ См. преамбулу к письму № 1 на с. 121–123 и комментарии к нему.

⁴ Режиссер Искра Бабич. Мосфильм, 1962.

шатающегося населения участвует в массовых сценах — то на «похоронах», то на «свадьбах». Что ни год, то съёмки, и всё на одном и том же месте, вернее — на одних и тех же. Снимали тут и «Накануне»⁵, и «Ссору в Лукашах»⁶, и «Чудотворную»⁷, и еще какой-то неведомый, с историко-революционным уклоном, фильм, где все сигали в кандалах почему-то и «гнались этапом». Этот фильм на экраны не вышел, верно оказался историко-контрреволюционным при ближайшем рассмотрении!

Целую тебя и малеевского Мулю⁸. Как он себя чувствует?

Твоя Аля

⁵ Режиссер Владимир Петров. Мосфильм, Студия художественных фильмов (София), 1959.

⁶ Режиссер Максим Руф. Ленфильм, 1959.

⁷ Режиссер Владимир Скуйбин. Мосфильм, 1960.

⁸ С.Е.Мотолянский находился в это время в Доме творчества писателей в Малеевке (Подмосковье).

68

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Таруса Калужской
1^а Дачная 15, АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского² д. 4³ кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

3 мая 1962

Милая Лидочка, спасибо за открытку, прости, что не поздравила вас с весенним праздником, — поздравления примите запоздавшие, как и сама весна! Я звонила тебе, дружок, раза три, но не было «физицкой» возможности переждать твои же разговорчики, тем более из автомата. Учítывая, что ничего нового, кроме добрых чувств, не могла тебе передать, (а они, чувства, не новы!), то ты мало что потеряла от несостоявшегося разговора. Последние дни в Москве были ужасно напряжены, устала, как последний пёс. Приехала в Тарусу⁴ и, сейчас же как с автобуса сошла, точно груз с себя сбросила, так хорош воздух, так мила еще в те дни неяркая и неприметная — весна. На праздники к нам приехала знакомая девочка⁵, очень славная и до-нельзя переутомленная, мы постарались откормить её, «отоспать» и накачать свежим воздухом за короткие праздничные дни. Кажется, преуспели! Она — девочка, то есть, — учительница, мне кажется, что это — самый тяжелый труд, который только может существовать...

Весна в этом году ленива, холодна, а всё же хороша. В промежутке между двумя дождями проглядывает такая синева! А деревня зеленеет прямо на глазах... Впрочем, вы это, верно, всё видели у себя на даче — или сидели на праздники в Москве?! — Вечерами слушаем конкурс⁶, сегодня — вот сейчас — играет Бийо⁷, 2^я концерт Прокофьева⁸ не-

¹ «С праздником 1 мая!». Вид на Кремль (графика).

² Ул. Вторая Аэропортовская изменила название на ул. Черняховского.

³ Изменение адреса связано с переменой топографического обозначения дома.

⁴ С 15 апреля Эфрон находилась в Москве в связи с первым заседанием комиссии по литературному наследию М.Цветаевой. Вернулась в Тарусу ок. 22 апреля.

⁵ И.Малинкович.

⁶ 1 апреля — 7 мая 1962 г. в Москве проходил II Международный конкурс пианистов и скрипачей им. П.И.Чайковского.

⁷ *Кристиан Бийо* (р. 1943), французская пианистка, получившая VI премию.

⁸ Концерт № 2 соль минор для фортепиано с оркестром, op. 16 (1912–1913).

обычаен, да и в навязшую в ушах обязательную программу она внесла массу нового, необычайного же. Прокофьев удивительно хорош! — Днями же, конечно, работаю; Ада меня совершенно «разгрузила» от домашних дел, таких трудоемких, и я многое успела. Успеваю даже и погулять поблизости, нарвать самых ранних цветиков — фиалок, «мать-и-мачеху», диких примул «баранчиков»...

В мае буду ещё раз в Москве — буду звонить тебе. А пока целую вас обоих, от Ады сердечный привет.

Твоя Аля

Спасибо тебе за «информацию» о комиссионных делах⁹ и вообще за всяческое участие...

⁹ Ср.: Э.Казакевичу 23 мая 1962 г.: «30го молитесь обо мне, должны меня принимать в Союз, и, знаете, предчувствую, что примут по шее. <...> Впрочем, моя вымя настолько натренирована, что вряд ли переломится по данному поводу» (Эфрон, II, 152).

69

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
[Таруса] [Москва]

22 мая 1962

Лидуся дорогая, прости меня, скотину, у меня совершенно в предотъездной суете¹ вылетело из головы твое письмо². Это не невнимание, а дурацкая моя голова. Если ты еще не написала сама, то пришли мне свой текст, я всё сделаю. Это, конечно, не наикратчайший вариант, но учитывая то, что вы переписываетесь обычно без особой спешки... Да, кстати, № нашего тел. 1-65 (два звонка), а не просто 65, — это Ада ошиблась. Погода второй день хорошая, даже не верится. Работаю всю, через неделю приезжает моя «соавторша»³ — полмесяца поработаем вместе (над комментариями)⁴. В июле надеемся с Адой съездить в Лиепаю⁵ — нашли «жертву», к<отор>ая побудет в это время в Тарусе... с кошкой. Тоже красиво. Как Женя⁶??? Целую вас!

Ваша Аля

¹ Эфрон была в Москве в середине мая.

² Возможно, речь идет о помощи в составлении письма на французском языке для парижских родственников Бать.

³ А.Саакянц.

⁴ Эфрон и А.Саакянц начали подготовку издания: Цветаева М.И. Избранные произведения / Предисл. В.Орлова. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

⁵ См. примеч. 2 на с. 200.

⁶ Е.Малкина-Дейч.

70

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

9 июня 1962

Лидочка, милая, так и не дождусь, верно, обещанного письмеца! Представляю себе, что «руки не доходят», — работа, дачная эпопея, трудно разрешимые «погодные» проблемы. Бедному Муле, верно, пришлось сбежать с дачи, если он вообще туда попал до холодов и дождей. Досталось от погоды (верней, непогоды) и нам, все тарусские (и кабы только тарусские!) огороды оплакивают погибшие огурцы и т.д. Воды везде в переизбытке... Мы сидим с «соавтором» над комментариями будущей книги, ужасно трудно, ибо всё несказуемо и не-сказанно, работа громадная, а времени на нее мало до смешного — у соавтора двухнедельный отпуск, а дальше опять врозь... Спасибо тебе за твой (тогдашний) звонок по тел<ефону>, а главное — спасибо тебе и иже с тобою за безмерную заботу. Нелегкая это работа в болото тащить бегемота¹. Целую тебя и Мулю, сердечный привет всем. Пиши!

Твоя Аля

¹ Цитата из стихотворной сказки К. Чуковского «Телефон». Очевидно, Бать извещала Эфрон по телефону о результатах заседания приемной комиссии Союза писателей 30 мая 1962 г.

71

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

16 июня 1962¹

Милая Лидочка, спасибо за письмо, хоть ты и ухитрилась сэкономить (выиграть) полезную площадь его за счет ранее написанного!

Ада сидит здесь, вернее, не сидит, что ей несвойственно, а крутится, как белка в колесе, целыми днями. Мы с «соавтором», «сокомментатором», «сосоставителем» (одним словом, с «Сосо») и трудимся, и гуляем между двумя ливнями, а Ада нас поит-кормит и создает нам дивный «дом творчества». В Москве я должна быть 26^ю, чтобы встретиться с ред<актором> Скаррона² и «дотягивать» последнего, что, как догадываешься, отнюдь не вдохновляет, а числа 1–2 июля надеемся отбыть в солнечную (?) Латвию. Из приятных известий — впрочем, ты, верно, знаешь, — третьего дня вернулась Ира, дочь Ольги³, по «условно-досрочному освобождению» (срок ей сократили на 1 год 2 ½ мес., т.е. больше, чем на треть), с правом прописки в Москве и поступления в институт. Всё прочее в руке божьей. О матери ничего нового не слышно.

Вика Швейцер⁴ подготовила для «Нов<ого> Мира» подборку маминых стихов и заметку⁵ — кажется, «Н<овый> Мир» принял; ни заметки, ни подборки я еще не видела, постараюсь «ознакомиться» до отъезда в Прибалтику.

Говорят, что З<инаиде> Ник<олаевне> П<астернак> отказали в пенсии, ибо муж ее к моменту смерти не был членом Союза⁶!!! Так

¹ Штемпель с датой доставки: 18.06.62.

² Редактором был В.С.Лозовецкий. О работе над переводом Скаррона см. примеч. 18 на с. 215.

³ См. примеч. 13 на с. 206.

⁴ *Виктория Александровна Швейцер* (р. 1932), литературовед; наряду с А.Саакянц стояла у истоков изучения творчества М.Цветаевой в СССР.

⁵ Речь о публикации: *Цветаева М.И.* Стихи разных лет / Подбор и подг. текстов В.Швейцер // *Новый мир.* 1965. № 3. С. 153–166. О прохождении рукописи в редакции см.: *Караганова С.В.* «Новом мире» Твардовского // *Вопросы литературы*, 1996. № 3. С. 318–344.

⁶ О попытках добиться пенсии для вдовы Пастернака см. дневник К.Чуковского (*Чуковский К.* Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 318–320, 330, 342–343).

дико, что и не верится, а, впрочем, почему бы и не отказать и не толкнуть «за те же деньги» и законную супругу на скользкий путь контрабанды?

Говорят, что квартиру мне (в кооп<еративе>) всё же предполагают предоставить в *июле* с<его> г<ода>, а денег (к<отор>ые надо внести при въезде в круглой сумме в 22 ст<арых> тыс<яч>) у меня ну ни шиша, и не предвидится, Алигерша, к<отор>ая обещала заняться материальной стороной, отбыла в неизвестном направлении, и опять же, кстати, говорят, что и в Литфонде денег нет. Всё это «говорят», а толком я ничего не знаю — уверена лишь в отсутствии денег! Ибо в *этом* вопросе никогда не ошибешься... Очевидно, коли всё это так и есть, придется откатиться в следующую очередь и за то время, что будет возводиться следующий корпус, пытаться разбогатеть — за счет разбогатевшего к тому времени Литфонда? Вообще — не знаю...

Погода как будто переламывается, но неохотно. От всеобщей сырости даже грибы начали расти досрочно...

Целую тебя, милая, и Мулю, и Ада тоже. До скорого, надеюсь, свидания, надеюсь, что до конца мес. еще не перекучешь на дачу?

Твоя Аля

Жаль, что не совпадем в Прибалтике! Здорово было бы!

72

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Москва]¹

[Москва]

[чужим почерком]

Анна Александровна [Саакянц]

Е-1-29-82, Б-9-70-18

3 июля 1962

Милая Лидуша, забыла дать тебе тел<ефон> Натальи Ивановны Столяровой²: Е1-81-51 домашний, Б9-34-06 служебный (Эренбургровский)³. Je suis bien contente d'avoir eu de tes nouvelles... bien contente d'avoir visité Moscou en qualité de touriste... etc., etc.⁴ Целую тебя и Мулю, Ада тоже. Погодка, кажется, наладилась — дай Бог! Поминайте меня в своих молитвах! Адрес пришлю⁵.

Аля

¹ Очевидно, письмо написано в Москве после встречи с Бать перед отъездом в Латвию и могло быть ей передано через А.Саакянц (возможно, указаны ее номера телефонов).

² Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), знакомая Эфрон со времен жизни во Франции. С 1934 г. жила в Советском Союзе. В 1937 г. была репрессирована, в 1956 г. получила возможность легального проживания в Москве. Помогла А.И.Солженицыну переправить «Архипелаг ГУЛАГ» и другие его произведения за границу.

³ Н.Столярова была литературным секретарем И.Эренбурга.

⁴ Я очень рада узнать о тебе... очень рада посетить Москву в качестве туристки... и т.д. и т.д. (*фр.*). Возможно, цитируются фразы из (или для) письма парижской родственницы Бать Луизы Бериславской (Рубенович) (см. письмо № 106 на с. 284–285 и примеч. 3 к нему) Очевидно, Н.Столярова могла оказать помощь в установлении зарубежных контактов для Бать и в хлопотах по квартирным делам для Эфрон (см. следующее письмо).

⁵ С места отдыха в Лиенае.

73

Эфрон — Бать

ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ²

Латвийская ССР г. Лиепая

Москва А-319

ул. Вентас д. 21-б

ул. Черняховского 4 кв. 119

Судниковым для Эфрон

Лидии Григорьевне Бать

6 июля 1962

Дорогая Лидуша, пишу тебе уже из тихой лиепайской гавани, где облачность переменная, t° воды — +14 (!), воздуха — тоже в этом роде, и т.д. Ближайшие от жилья увеселительные места — сумасшедший дом и еврейское кладбище, развлекаемся, как можем. Об купаться не может быть и речи, гуляем всухомятку. Но всё равно обе счастливы и довольны — как еврей с козой — вот появится солнышко и будет настоящее блаженство! — За 2 ч. до отъезда узнала, что Литфонд тысячу дал, — на каких условиях, пока мне неизвестно. *Очень* тебя прошу узнать, хоть и стыдно тебя нагружать, как там обстоит дело в кооперативе? М<ожет> б<ыть>, деньги лучше внести сейчас, чтобы закрепить за собой таинственную квартиру? У Н.Н.Столяровой доверенность, по к<отор>ой она должна была получить за меня ссуду, и может также внести деньги в кооп<ератив>. Ее тел<ефон> дом<ашний> Е1.81.5 — служебный же — эренбургский. Как погода? В день отъезда была чудесная в Москве! Авошь удержалась! Как отдыхается в Валентиновке? Целуем обоих, пиши!

Твоя Аля

¹ Фото: Цесис (Cēsis).² Ленинград (гравюра).

74

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ОТКРЫТКА¹

Латвийская ССР г. Лиепая

Москва А-319

ул. Вентас 21 б.

ул. Черняховского 4 кв. 119

Судниковым для Эфрон

Лидии Григорьевне Бать

14 июля 1962²

Милая Лидочка, поздравляю тебя с памятным днем взятия Бастилии³, пока больше не с чем. От тебя весточки еще нет, несмотря на то, что я усыпаю твой жизненный путь письмами и открытками. Обязательно напиши словечко — как жызть, а главное — как здоровье и самочувствие твое и Мули? Мы тут довольно успешно справляемся с переменными облачностью и временами осадками; гуляем, при первой возможности храбро суемся в море; всё бы хорошо, но взяла с собой работу⁴ и мучаюсь с ней, как гладиатор со львом, причем лев сильнее... Целуем вас обоих, будьте здоровы.

Ваши А. и А.

¹ Фото: Вид на санаторий.

² Даты по штемпелям: 14.07.62–16.07.62.

³ Национальный праздник Франции. Возможно, в поздравлении — намек на установление контактов с парижской родней Бать.

⁴ Эфрон продолжала работать над переводом пьесы Скаррона.

75

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Латвийская ССР

г. Лиепая ул. Вентас 21 б.

Судниковым для Эфрон

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

16 июля 1962¹

Милая Лидочка, письмо Вашу [так!] получила, за которую [так!] благодарю и низко кланяюсь. Воображаю, сколько трудов тебе стоило, дорогая моя, получить на руки эту самую жировку², в той самой забегаловке, которая зовется Ж<илищный> К<ооператив> Сов<етских> Пис<ателей>³!!! И это в то время, пока сама, так сказать, виновница жировки *прохлаждается* (лучшего слова не придумаешь!) на пустынных берегах Балтийского моря! Господь воздаст тебе — и иже с тобою — сторицей; а мне бы как-н<и>б<удь> с долгами рассчитаться. Приятно было узнать про мокрое пятно в углу и про сухие пятна на обоях: какая-никакая, а обстановка! Всё же не совсем пусто. Спасибо Муле за заявление для ликвидации вышеуказанной обстановки; за всё спасибо.

Давно уже сгораю от любопытства (больше тут не от чего сгорать, т.к. солнышко редко жалует присутствием) — какую ссуду дал Литфонд⁴, возвратную, безвозвратную или еще какую-н<и>б<удь>? Если целиком и полностью возвратную, то буду смеяться до слёз, ибо возвращать смогу лишь теми самыми пятнами, о к<отор>ых выше шла речь. Ибо это — единственные материальные ценности, которыми сейчас располагаю, а духовными Литфонд вряд ли интересуется. — Приехать я думаю в самых первых числах августа, Аде, верно, сейчас же придется ехать в Тарусу, чтобы высвободить отсюда наших приятельниц, опекающих домик и кошку, а мне — на несколько дней засесть в Москве по жилищным и прочим насущным делам. Конечно же, повидаемся. На всякий случай пришли свой дачный адрес — вдруг тебя в то время в Москве не будет?

Вчера капля по капле выдавливала из себя письмецо Маргарите,

¹ Дата отправки по штемпелю: 17.07.62.

² Документ, служащий основанием для оплаты чего-либо; речь идет о получении с помощью Бать ордера на квартиру.

³ Жилищный кооператив членов Союза советских писателей.

⁴ 7 августа 1962 г. Эфрон сообщает В. Орлову «о частных и государственных (Литфонд ведь государство в государстве? а ссуда возвратная?!) — долгах в почти 2 новых тысячи» (Эфрон, II, 156).

очень трудно было, не зная, как дела её и Э.Г. и что там слышно вообще, а главное — не зная, в каком состоянии она сама. Об Э.Г. доходят сюда слухи настолько противоречивые, что не знаешь, чему и верить⁵. В том числе и слухи о якобы наступившем улучшении после применения кондаковского лечения⁶. Если бы это было так, Господи!

Ира Емельянова (дочка Ольги) пишет, что устроилась машинисткой в своем (Лит<ературном>) институте. Оклад — 40 р<уб>., вычеты в пользу государства — 15%. Не очень-то поправишься после мордовского курорта⁷. Жаль, что ей не удалось отдохнуть, можно себе представить, насколько ей это было необходимо.

Живем мы тут неплохо, несмотря на капризы погоды; Прибалтика, особенно та часть ее, что мало засижена курортниками, очень мне нравится... Кабы мы так нравились ей, как она нам! — Жаль, что и тут приходится мне работать, — а как не хотелось! Целую крепко обоих, сердечный привет иже с вами.

Ваша Аля

[На полях:] А кто «доплатил» недостающие 200 р<уб>.? Напиши! — Извини за рваный конверт.

⁵ О болезни Э.Казакевича Эфрон писала М.Алигер 14 июля (в источнике ошибочно: июня) 1962 г.: «Знаю, как Вы боретесь за эту жизнь, <...> знаю, что это чудо свершится» (...Быть дочерью трудной матери. Письма Ариадны Эфрон Маргарите Алигер. Вступл., публ. и комм. Н.Громовой // Октябрь. 2004. № 2. С. 179).

⁶ Имеется в виду «качугинский» метод (примеч. 8 на с. 249).

⁷ После лагеря.

76

Эфрон, А.Шкодина и Н.Канель — Бать

ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ

Паланга, проездом

Москва А-319

Брокгауз-Эфрон

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

23 июля 1962²

Милая Лидочка, мы трое, т.е. Ада, Дина Каннель³ и я, шлем тебе (и Муле) свой пламенный балтийский привет, сообщаем вам, что погода хороша, море теплое, чего и вам желаем, когда вы посетите эти края.

Дина отдыхает в 70 кил<ометрах> от Лиепаи, в Паланге, куда мы и нагрянули сегодня, воспользовавшись услугами межреспубликанского автобуса; скоро обратно в Лиепаю, а оттуда уже, увы, скоро обратно в Москву... Целую вас крепко, будьте здоровы, до скорого свидания

Ваш Брокгауз-Эфрон⁴, член ССП (член-корреспондент!)⁵ и квартировладелец

[Другим почерком:] Милые Лидочка и Муля! К Алиному могу только добавить, что погода дивная, тут чудесно, и гостим, как боги...

Целую — ваша А.

Милая Лида, от души приветствую Вас.

Все случилось не по моей вине.

Целую, Дина

¹ Фото: дорожка в парке.

² Штемпель: Паланга 24.07.62.

³ С Надеждой Вениаминовной Канель (1903–2000) Эфрон познакомилась в Лубянской тюрьме (1939–1940), в 1953 г. помогла ускорить ее реабилитацию (Белкина М. Скрещение судеб. М., 2008. С. 702–705).

⁴ Эфрон обыгрывает название популярного до революции «Энциклопедического словаря» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.

⁵ Эфрон еще не была принята в члены Союза писателей.

77

Эфрон — Бать
ПИСЬМОТаруса Калужской обл.
1^а Дачная 15 А ЭфронЛатвийская ССР Рижское
взморье г. *Дубулты*
Дом творчества Литфонда
Лидии Григорьевне Бать25 августа 1962¹

Лидочка милая, только что получила твое письмо и быстро шлю несколько корявых строк в ответ. Жаль, что погода далека от идеала, но что попишешь, нынче она везде такова; пишу тебе под весьма приевшийся аккомпанемент дождя, который и Тарусу не красит...

В новой квартире прописалась, из старой выписалась; на новом пепелище наблюдается: новый (миниатюрный) кухонный буфетик и новый же, миниатюрный же, раскладной кухонный столик, чешский притом; Абелев² стол тоже уже на месте; добыть его оказалось не так-то просто, т.к. Абели дома не сидят, но всё же однажды Ел<ену> Михайловну³ застали и стол забрали, а этажерку пока оставили, её легко будет поднять на лифте в следующий заезд. Не перевезли еще 3 кн<ижных> полочки и 4 стула от Ады, т.к. не хотели тратить деньги на груз<овое> такси ради такой, собственно, мелочи; перевезем, когда купим нечто для лежання, видимо, обыкновенный пружинный матрац, к к<отор>ому надо будет пристроить ножки. Алигерша обещала еще маленький круглый столик — привезет, когда будут перевозить Таню⁴, и еще, возможно, кто-то из ее знакомых даст и письменный стол, т<ак> ч<то> столы намечаются в ассортименте! — Квартира еще не готова — кухонный потолок продолжает протекать, под раковиной тоже стоит вода, вообще канализация и лифт еще «настраиваются». Газ должны подключить на днях, м<ожет> б<ыть>, уже подключили. Обои (ужасающие, розовые) так и остались в пятнах и разводах, не говоря уж, что и сами по себе бракованные, одна полоса светлее, другая темнее и т.д. Вообще недостатков и недоделок больше, чем в рядовом

¹ Штемпель: Таруса 25.08.62.

² Здесь и далее упоминается Абель Исакович Старцев. См. примеч. 8 на с. 233. Шутливым именем «Абели» Эфрон обозначает семью Старцевых (см. список сокращений на с. 352).

³ Елена Михайловна Маляревская (1909–1986), искусствовед, жена А. Старцева.

⁴ Татьяна Константиновна Макарова (1940–1974), дочь Маргариты Алигер, детская писательница.

«рабочем» доме, — всё из расчета, что писатели — люди богатые и будут доплачивать за каждую, и так причитающуюся, мелочь. Короче говоря — всё суeta сует и всяческая суeta, спасибо за то, что есть, а что будет — увидим! Сейчас второй день сидим с Адой в Тарусе, я впряглась в Скаррона; высвободили наших добровольных сторожей, к<отор>ые тотчас же уехали, по-моему, с превеликим облегчением, ибо погода их замучала. Вчера приехала Аня Саакянц — поживет с неделю, поработает над книжкой, а также отдохнет и отоспится. Вид у нее ужасный и переутомлена сверх меры. Ведем переговоры с «С<оветским> П<исателем>» об издании маленькой книжечки прозы о Пушкине⁵, из-за безденежья всю рукопись пришлось перепечатывать самим, вернее — одной Ане. В «Дне поэзии» нынче будет тоже проза — отрывок из «Моего Пушкина»⁶. В общем, дай Бог! Перед отъездом сюда видела Казакевича⁷, одно могу сказать, что лечение это, т.е. «качугинский» метод⁸ — *чудо*. Человек ест, пьет, что хочет, садится, *встает* и делает неск<олько> самостоятельных шагов, *работает* (диктует), принимает друзей; совсем не худ (вес — 70 кило!) — живое, обычное, без печати тяжелой болезни, лицо, живые глаза. Это, конечно, *не* исцеление, но это — *жизнь*, настоящая, т.е. именно то, что можно и должно называть *чудом* при данном положении вещей... Я буду в Тарусе так долго, как возможно; работа запущена чуть ли не безнадежно... Ада в сент<ябре>, верно, будет в Москве. Пиши мне на Тарусу. Обе мы целуем вас обоих. Спасибо за всё.

Твоя Аля

[На полях:] Желаем солнышка побольше, отдыха, покоя, здоровья!

⁵ Цветаева М.И. Мой Пушкин / Пред. В.Орлова. М., 1967. В этих переговорах участвовал и И.Эренбург (см. письмо к нему М.Алигер от 8 сентября 1962 г., сопровождающее рукопись книги («Я слышу все...»: Почта Ильи Эренбурга, 1916–1967 / Изд. подгот. Б.Я.Фрезинский. М., 2006. С. 507).

⁶ Цветаева М.И. Мой Пушкин. (Отрывок из очерка) // День поэзии. М., 1962. С. 287–291.

⁷ См. в очерке А.Эфрон «О Казакевиче».

⁸ Способ лечения опухолей, изобретенный А.Т.Качугиным.

78

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Таруса]

[Москва]

Милая Лидочка, Ада будет в Москве только после праздников², т.к. я сильно запоздала с возвращением³ и нарушила все её созидательные планы. Приехав, она позвонит тебе, и вы с ней договоритесь, как и когда вам обоим будет удобно. Тебе, верно, придется предупредить лифтеров о том, что «неизвестные» вынесут шкаф, а кроме того, поспособствовать в том, чтобы открыли ворота; шкаф, видимо, придется перетаскивать вручную, не нанимать же грузовик. Боже, как трудно даются наипростейшие, как подумаешь, вещи!

В Тарусе тишина, туманы, глубокая, спокойная осень... Метео сулит суровую зиму. Какое счастье, что в околокубинских делах наступила некоторая разрядка⁴! Целую вас обоих, сердечный привет «всем близким» *à la manière de Tonia*⁵!

А.

¹ Датируется ок. 29 октября 1962 г. (дата доставки по штемпелю: 31.10.62).

² Имеется в виду праздник Октябрьской Революции 7 ноября.

³ Эфрон вернулась в Тарусу 28 октября, после участия в первом вечере памяти Цветаевой в СССР, посвященном 70-летию со дня ее рождения (25 октября 1962 г., Литературный музей).

⁴ 14 октября 1962 г. начался так называемый «карибский кризис» — конфликт между СССР и США по поводу размещения на Кубе советского ядерного оружия. 28 октября 1962 г. советское правительство приняло решение о ликвидации ракетной базы.

⁵ В Тониной манере (*фр.*). Тоня — домработница Бать.

79

Эфрон — Бать
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹Таруса Калужской
1^а Дачная 15 АЭфронМосква А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать28² декабря 1962

С новым годом, дорогие Лида и Муля! Желаем вам доброго здоровья, счастья и радости в работе, в отдыхе, в друзьях и друг в друге! Я счастлива, что вечер прошел очень хорошо³, судя по отзывам — тел<ефонным> звонкам и телеграммам. Первая позвонила мне Аня Саакянц, одна из *двух* (!) устроительниц вечера (вторая — Вика Швейцер) — прямо из Союза. Чуть ли не в этот же день меня, наконец, «доприняли» в Союз⁴. — опять звонки и телеграммы, т<ак> ч<то> у меня Новый год начался раньше всех... А сегодня получила из Фр<анции> (от героя «Поэм»)⁵ неизвестный портрет мамы⁶

¹ Худ. Ю.В.Ряховский: «С Новым Годом!». Над новогодним городом взлетает ракета, пилот переводит стрелки небесных часов.

² Штемпель отправки: Таруса 28.12.62.

³ Вечер, посвященный 70-летию М.Цветаевой, в Центральном Доме Литератора (26 декабря 1962 г.). Эфрон не принимала участия в этом событии, ссылаясь на болезнь и занятость. В.Орлову 21 марта 1966 г. она назвала истинную причину: «Мое страдание от любой фальшивой ноты, без к<отор>ых <...> обойтись не может ни одно из таких мероприятий <...>. Я была, года четыре назад, на первом московском вечере в Лит<ературном> музее, выступления (все — от чистого сердца, умиленные и т. п.) еще кое-как вытерпела, хотя мне всё время казалось, что у меня выдирают без наркоза зубы мудрости; но когда выпорхнули чтицы и начали <...> “исполнять”, я не выдержала, встала и ушла. <...> До сих пор стыдно. С тех пор не была ни на одном таком вечере, так как выяснила, что это — та редчайшая ситуация, когда — за себя не ручаюсь» (Эфрон, II, 235–236).

⁴ В Союз писателей.

⁵ Константин Болеславович Родзевич (1895–1988), участник I мировой и гражданской войн. В 1922–1924 гг. учился вместе с С.Эфроном в Пражском университете. Его отношения с М.Цветаевой отразились в «Поэме Горы» и «Поэме Конца». В 1960 г. через посредничество В.Сосинского Родзевич переслал Эфрон все имевшиеся у него материалы, связанные с М.Цветаевой.

⁶ Публикации портретов М.Цветаевой работы К.Родзевича см.: Саакянц А.А. Не похороните живой... // Огонек. 1992. № 42/43. С. 12–14 (1 портрет); Саакянц А.А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М., 1997 (2 портрета); Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т 2 (1 портрет, фронтиспис).

(его же работы) и нем<ецкую> книгу «Русские женщины-поэты», где большой раздел посвящен маме (ее стихи в пер<еводе> на немецкий)⁷. Насколько могу судить — переводы удачные. Обнимаю вас.

Ваша Аля

⁷ Речь идет о кн.: Den Lächeln noch unbekannt gestern: Verse Russischer Frauen. Übertragen und herausgegeben sowie mit einem Nachwort versehen von Johannes von Guenther. Heidelberg: Wolfgang Rothe Verlag. 1958. Кроме книги, Эфрон получила перевод воспоминаний И. Эренбурга «Гетто избранный». Встреча с Мариной Цветаевой», опубликованный в журнале «Konkret» от августа 1962 г.

1963

80

Эфрон — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Москва А-319 2^а Аэропортовская Московская обл.

16 корп. 3 кв. 268 А Эфрон

ст. Баковка, дер. Переделкино

Дом Творчества писателей

Лидии Григорьевне Бать

8 февраля 1963¹

Милая Лидочка, пишу тебе по, вероятно, фантастическому адресу, оставшемуся в памяти с тех дней, что я часто бывала в Переделкине². Авось дойдет. Как тебе «живется, пишется» и, надеюсь, гуляется? Сейчас подняла голову от работы, взглянула на твою приветливую и уютную зеленую лампу, и рука сама потянулась — увы, за недостатком времени, всего лишь к открытке... Вчера наконец забежала к тте Abel, познакомилась с ней и с кошкой, и с новой квартирой. «Сама» мне понравилась — гармонична, сдержанна и печальна. Кошка спала, так что не разглядела ее как следует... Мулю не видела, но знаю, что они третьевось были с Абельшей в концерте. С горя пойду завтра к Маршаку³. На днях был у меня Орлов⁴; говорили за литературу и чай пили из синего Веджвуда⁵; к чаю была одна ложка серебряная и одна алюминиевая и еще немного варенья. На чем и заканчиваю. Целую тебя, дорогая!

¹ На штемпеле дата отправки: 9.02.63.

² Эфрон впервые посетила Переделкино в ноябре 1954 г., навестив Б.Пастернака во время краткосрочного пребывания в Москве; бывала там в январе 1957, в мае 1960 и в марте 1962.

³ Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), поэт, переводчик. Встрече с ним предшествовал обмен письмами по поводу статьи М. Цветаевой «О новой русской детской книге» (*Маршак С.Я. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1970. Т. 8. С. 459).

⁴ См. примеч. 4 на с. 222.

⁵ Из английского фарфора, произведенного на фабриках Веджвуда.

81

Эфрон — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

М<оск>ва А-319

2* Аэропортовская 16

корп. 3 кв. 268

Московская обл.

ст. Баковка, Переделкино

Дом творчества писателей

Лидии Григорьевне Бать

14 февраля 1963¹

Милая Лидуша, твоя весточка, не в пример моей, дошла быстро, видно какой-то добрый человек опустил ее в Москве. Рада, что тебе работается, в добрый час! Да и погода стоит прелестная, думаю, что успеваешь и воздухом дышать. «Мой» воздух проникает ко мне в основном через форточки, но зато обе открыты круглые сутки. Работаем с Аней, как... даже сравнения подобрать не могу, все недостаточны! Аня, бедная, совсем иссохла от такого режима: работа, в смысле, «служба», оттуда — сюда, до ночи, так каждый Божий день, а суббота, воскрес<енье> и понед<ельник> все тут; Иван Денисыч² перед нами мальчишка и щенок. Суток нам не хватает вдвое, а головы — втрое; впрочем, это к Ив<ану> Ден<исовичу> не относится. За это время навестила только Сам<уила> Як<овлевича>³, к<отор>ый был совершенно прелестен — какой-то детской, девичьей нетронутостью души; жаль его, что так он болен и слаб, еле стоит на ногах. Увезли его в какой-то подм<осковный> санаторий. У бедного, брошенного на произвол судьбы и Тони родной супругой, Мули, конечно же, еще не была, полна угрызений совести, но забежать — некогда, а письма (ему) писать (!) глупо⁴! Обнимаю, будь здорова. От Ани привет.

Твоя Аля

¹ На штемпеле дата доставки: 15.02.63.

² Иван Денисович Шухов, герой повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (*Солженицын А. Один день Ивана Денисовича* // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74), терпеливо сносящий каторжные невзгоды.

³ С.Я.Маршак.

⁴ Мотолянские и Эфрон жили буквально в двух шагах друг от друга.

82

Эфрон — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Москва]

[Переделкино]

21 февраля 1963

Милая Лидуша, двистительно¹, переписка — что надо. О прочем сказать нечего, ибо только работаем и работаем, как оглашенные, и в этом пока и весь горизонт, и весь потолок нашего с Аней существования. Был у меня, правда, славный «просвет» в виде визита Мули, который тронул и обрадовал меня, а также и развлек — вернее — отвлек. Поговорили о том о сем, расцеловались и расстались... Рада за тебя, что ты находишь время и для милых переделкинских прогулок; я их, верно, все изучила в свое время, которое прошло. Только на могиле Б.Л.² не была и никогда, верно, не буду; тяжела достоверность каменной плиты; предпочитаю иную. Муле дала прозу³ почитать, пусть не скучает без тебя последние дни. Ада скоро приедет. М<ожет> б<ыть>, успеем еще все повидаться в короткий промежуток между твоим приездом и его отъездом? Целую тебя, будь здорова. Привет от Ани.

Твоя Аля

¹ Выражение Второго мужика из пьесы Л.Н.Толстого «Плоды просвещения», неоднократно употребляемое Эфрон.

² Б.Пастернака. На его похоронах Эфрон не присутствовала.

³ Незданную прозу Цветаевой.

83

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

19 мая 1963¹

Дорогие Лидочка и Муля, простите меня, грешную молчальницу, ведь я до сих пор по уши в книге. Теперь идет в основном «техническая» работа, считывание и сверка после машинки, и, увы и ах, всё время что-нибудь да обнаружится. До сих пор висят некоторые «хвосты» — одним словом, работа адова, как всякая *первая* попытка, а уж по нашим следам кому-то (в дальнейшем) легко будет идти, а также устранять наши несовершенства... Аня бедная совсем выбилась из сил, ведь у нее много очередной работы по издательству, книгу она делает исключительно за счет «свободного» времени... В общем, в конце мес<яца>, Бог даст, сдадим, а там обе мечтаем об отдыхе, хоть относительном.

Жарища стоит немислимая, у нас ежедневно до + 30° *в тени* (а сколько же на солнце!) Помимо работы еще и огород, и всякие хозяйственные дела, и бесконечное тасканье воды — хорошо хоть колонка близко!

Милые мои, надеемся вас видеть здесь, я, как только книгу сдам, всё лето надеюсь быть (насколько мне это доступно!) нормальным человеком, располагающим нормальным человеческим временем. Авось это счастливое состояние начнется с июня и продлится «дондеже». Какие у вас планы на лето? Каковы бы ни были, надеюсь, что найдется время и Тарусу навестить, и тарусян. Наша «гостевая» комнатенка (в к<отор>ой Муля однажды ночевал², хоть и не весьма удачно) приведена в летнюю готовность, а природа позаботилась о том, чтобы вид из нее радовал взоры.

Что хорошего слышно у вас? Главное — как самочувствие обоих? Напишите словечко.

Целуем вас обе

Ваша Аля

Простите за киселеобразность «стиля» — жара, спешка и усталость...

Привет всем друзьям», как писала *votre domestique*³.

¹ На штемпеле дата доставки: 21.05.63.

² Вероятно, в свой приезд в Тарусу в мае 1959 г. (см. письмо № 40 на с. 194–195).

³ Ваша прислуга (*фр.*).

84

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПИСЬМО¹Таруса Калужской
1^а Дачная 15 АЭфронМосква А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать24 июня 1963²

Милая Лидочка, прости ради Бога, что так долго не отвечала (впрочем, ты к этой моей «неряшливости», верно, привыкла за последнее время!). Замоталась с доведением рукописи до кондиций «Библиотеки» поэта», замоталась вообще и в частности и т.д. Теперь делаю попытки отоспаться и отдышаться и уже, кажется мне, чувствую себя лучше, голова болит гораздо реже, хоть разумных мыслей в ней и не прибавляется пока. Обязательно приезжайте к нам, в июле авось погода наладится. Единственное, что требуется, — хорошая погода, плохую Муля уже испытал здесь, и повторяться не хочется. Так что, как только совпадут: погода, машина ваших знакомых и ваши желания и возможности, — приезжайте. Не вздумайте нагружаться продуктами — здесь будете обеспечены всем «диетически» необходимым, т.е. молоком, творогом и немудрящей домашней кухней. Захватите только хлеба (с «отор»ым перебои вечные) и с полкило масла, остальное приложится, не беспокойтесь и не тратьтесь. Хорошо бы, если бы сумели нас предупредить хоть приблизительно о приезде, чтобы мы были дома, а не закатались бы в какую-нибудь дальнюю прогулку. Муля — коли будет желание — пусть прихватит фотоаппарат, тут ведь такие места!

Пишу наспех, т.е. ни о чем, о чем хотелось бы поболтать не болтаю, авось приедете — поговорим обо всех наших немудрящих новостях «за истекший период». Впрочем, у меня их и нет почти, у провинциалки.

Целую вас обоих мы обе, Аня которая приехала отдохнуть на несколько дней и имеет бледный вид и длинную шею³, — шлет вам (а Мурзику особо) свой привет.

Напиши и приезжайте!

Ваши А. и А.

¹ Схематичный рисунок двух яхт с надписью «Парусный спорт».

² На штемпеле дата отправки: Таруса 25.06.63.

³ Это же выражение Эфрон употребляет в письме к И.И.Емельяновой от 18 июня 1960 г.: «...встретили <...> Мику, к<отор>ый <...> имел самый доходной, усталый и разочарованный вид на свете — то, что французы называют «бледный вид и длинную шею» (Эфрон А.С. Жизнь есть животное полосатое: Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой 1955–1975. М., 2004. С. 60).

85

А.Шкодина — Бать

ПИСЬМО¹

[Таруса]

Москва А-319 ул.

Черняховского д 4 кв 119

Лидии Григорьевне Бать

29/VII-63

Милая и дорогая Лидия Григорьевна!

Промечтали мы с Алей видеть вас обоих у нас в Тарусе всеу, целый чудный, солнечный июль! Ужасно жаль, что Мурзик встал на пути нашего счастья (чтоб этих котов и кошек!). Теперь Аля уезжает в Москву, повидать своих теток, а потом едет в гости в Лиенау [*над строкой*: На полное gratis²!!], где мы уже были. Там море, абсолютный покой и отсутствие людей, говорящих на литературные, волнующие темы, что всегда способствует понижению давления, которое у нее снова подскочило и снова вызвало сильные головные боли. У нас тут развелось много знакомых, очень милых и хорошо относящихся к Але людей, и потому почти ежедневно кто-нибудь забегает, что конечно очень приятно, но очень утомляет Алю. Если Вы ее не увидите, то очень хочу, чтобы вы знали оба, что я остаюсь на весь август одна, и что вы самые желанные и дорогие гости в любое время, и я буду очень, очень рада, если вы приедете. У вас будет своя светелка на двоих наверху, с балконом, смотрящим на Оку и окрестности, и тот режим, который вам захочется и будет удобен. Везти с собой ничего не надо, кроме, пожалуй, свежих московских батончиков (штуки 2), т.к. у нас хлеб неважный, да к тому же иногда надо подолгу стоять в очереди. Итак жду и нежно целую обоих.

Ваша Ада

¹ На штемпеле дата отправки: 30.7.63.

² Бесплатное содержание (от лат.: даром, бесплатно).

86

Эфрон — Бать и С. Мотолянскому

ПИСЬМО¹

Латвийская ССР г. Лиепая ул. Москва А-319

Вентас д. 21^б

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Судниковым для Эфрон

Лидии Григорьевне Бать

8 августа 1963

Милые Лидочка и Муля, пишу вам с туманных (сегодня) берегов Балтийского моря, так и не дождавшись обещанного вами июльского визита в Тарусу. Преисполнилась еще большего уважения к Мурзику, он оказался куда сильнее нас с Адой и Тарусы, честь и хвала племени бесхвостых котов! М<ожет> б<ыть>, конечно, соберетесь навестить Аду и Шушку, к<отор>ые вас ждут, как у моря погоды, что до моей персоны, то встретитесь с ней, очевидно, в Москве.

Погода тут пока перемежающаяся, день тепло и солнечно, день прохладно и пасмурно, и всё тот же ветер с того же Балтийского моря приносит вас сплошную синеву, то не менее сплошную облачность. Спешу вас сообщить, что живут тут неплохо, коровки дают молочко, курочки несут яички, свинки наращивают салыце, а сверх того (то, что меня интересует больше всего из мира съедобного) небывалый урожай огурцов (15–20 коп. кило!), а также помидоров достаточно. Тем и пробавляюсь, не забывая добавлять в дневной рацион и картошку. Древний город Лиепая, он же Либава, с прошлого года² не изменился, всё так же сонно и чинно протекает в нём своя собственная жизнь, внятная лишь «своим», всё так же вечерами ходят на кладбище женщины — ухаживать за родными могилами, всё так же красочны базары и так же роскошно цветут в палисадниках цветы, выращенные на песке; всё так же герметически вежливы люди местные по отношению к людям пришлым, и, главное, все так же шумит море... Напиши мне словечко, если это письмишко застанет вас, если будет охота и время; я буду рада его (словечко) получить.

Желаю вам всем, бесхвостым, всего самого, самого доброго, Аня Саакянц шлет привет, она здесь со мной. Вернемся в конце месяца.

Целую вас, главное — будьте здоровы!

Ваша Аля

[На полях:] Звали в Тарусу Абелей, у них кошка болела и никто не приехал!

¹ На штемпелях: 8.08.63–11.08.63.

² Эфрон и А.Шкодина были в Лиепае в июле 1962 г.

1964

87

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому**ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ²**

Таруса Калужской

Москва Д-167

1^а Дачная 15 А. Эфрон

Вторая Аэропортовская д. 7/15

кв. 119 Лидии Григорьевне

Бать

Милые Лида и Муля, поздравляем вас с милым весенним праздником³, желаем вам счастья и здоровья, всех и всяческих успехов.

У нас уже весна — самая ранняя, самая светлая, береза в сережках, лоза в пушистых шишечках, в лесу голубые подснежники, птицы поют. Добиваем относительное благоустройство нашей дачи, копаемся в огороде, и эти буколические занятия окончательно сбивают нас с ног! Новости — при встрече, а она будет, верно, в мае — если никуда не уезжаете. Целуем вас!

Ваши А. и А.

¹ А.Фанген Латур. Цветы в глиняной вазе. Государственный Эрмитаж.

² Датируется ок. 27 апреля 1964 г. (дата отправки на штемпеле: Таруса 28.04.64).

³ С 1 Мая или с православной Пасхой (приходилась на 3 мая).

88

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

Милочка-Лидочка, ужасно жаль, что в предотъездной спешке, среди тысячи забот и заботишек так и не повидалась с тобой и Мулей; и дурацкий мой телефон никак не желал соединиться с вашим, более разумным. Хорошо хоть, что нам всё же удалось собраться у меня напоследок, несмотря на туман, подпущенный Арагоном²; лучше было бы почитать мамино, чем эту французскую клюкву. Ну да бог с ним со всем. Добрались мы благополучно, нагрузив машину до разорвательства всяким барахлом, в том числе самими собой и кошкой. Шушка не только «узнала» родную Тарусу, но повела себя так, как будто никогда и не было в ее жизни страшного сна об однокомнатной московской квартире в доме 1го разряда со всеми удобствами по ул. 2^й Аэропортовской. Тарусские «мальчики» поджидали ее (Шушку) с великим нетерпением, и она эти дни пользовалась огромным успехом, как настоящая столичная штучка. Так что не успеем оглянуться, как опять будет прибавление семейства, на этот раз не тибетских, а тарусских кровей, одним словом, черт знает что.

Видела Мурзикину дочку, она живет по соседству, красавица несканная, опалового цвета, мурзикиной окраски, но пушистая, на шее три пышных воротника, мордочка прехорошенькая; озорница отчаянная и охотница; в первый же день своего пребывания «на воле» залезла по огромной березе на скворешник, свалилась оттуда (скворцы прогнали) и... ничего.

Тут ранняя-ранняя прелестная весна, вся в зеленом пуху и березовых сережках. Соловьи заливаются вовсю. Несколько дней стояло теплых, Ада много возилась на огороде и по дому, почти всё успела наладить до отъезда. Я помаленьку двигала Арагона, но, увы, совсем помаленьку, т.к. дел тут уйма было всяких хозяйственных, да и быт, сами понимаете, без особых удобств. Ада завтра утречком отбывает в Москву, ввиду того, что внезапно похолодало, раздумывает — в

¹ Датируется ок. 12 мая 1964 г. (даты на штампах 13.05.64–13.05.64).

² В апреле–мае Эфрон переводила стихотворения из поэмы Арагона «Меджнун Эльзы» («Песнь будущего», «Руки Эльзы», «О безбожники»). См.: Арагон. Меджнун Эльзы (Одержимый Эльзой) [Фрагменты поэмы] // Иностранная литература. 1965. № 4.

чем ехать, чтоб не замерзнуть в автобусе и в поезде, и стоит ли надевать известные Муле фисташковые байковые штаны. А из Москвы в Цхалтубу (о?) — лечить суставы. Дай бог, чтобы помогло, — трудно «ворочать» с больными руками, а ворочать приходится. Я же, оставшись в компании верной Шушки, буду добивать перевод, к^{отор}ый надеюсь кончить к 25^{му}.

Засим обнимаю вас обоих, «привет всем друзьям», как писала в свое время ваша Antoinette³ из своей деревни. Главное, будьте здоровы! Будет время — напиши словечко.

Твоя Аля

Ада шлет самый сердечный привет

³ Тоня, домработница Мотолянских (см. примеч. 5 на с. 250).

89

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Москва]

[Москва]

20 августа 1964

Дорогая Лидочка, я все жду обещанного «письма после шевченковских торжеств»¹, но уже лето кончается, а его всё нет! Приехав в Москву на два дня, звонила вам, но телефон, конечно, сыграл привычную шутку, дав длинные гудки, в то время, как вы оба были дома, о чем сообщили Абели. Очень жаль, что разминулись, — но теперь уже осень на носу, и скоро все соберемся на зимние квартиры. Сейчас погода наладилась, тьфу, тьфу — не холодно, не жарко, и надеюсь, что вам хорошо отдыхается. Сама я сегодня «отбываю» в Тарусу, груженная, как верблюд, продуктами, — тоже подышу, погуляю, а то жара не давала ни охнуть, ни вздохнуть. Из новостей — говорят, в этом месяце должна вернуться О.В., Ирина мама². Рада за нее, но не за себя. Обнимаю обоих, Ада шлет привет. Пиши!

Твоя Аля

¹ Бать участвовала в проходивших в Киеве юбилейных мероприятиях, посвященных 150-летию со дня рождения Т.Шевченко.

² О.В.Ивинская была освобождена 14 октября 1964 г.

90

Эфрон — Бать
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

26 августа 1964¹

Милая Лидочка, твою открытку получила, хоть «под занавес» лета, а весточка от тебя всё же есть. Уже осень — незаметно нынче она подошла и слишком быстро и рано. Рада, что вы с Мулей удачно съездили к Северу поближе, про Кизи² я слышала и даже могу себе представить, как это всё красиво. Хотелось бы и самой посмотреть, но, верно, такие плавающие путевки³ не так-то легко раздобыть? Мы проводим дни в хозяйственных хлопотах, вареньях и маринадах, хоть невелики «заготовки», а возни с ними все равно много. Зимой будем вас угощать маринованными белыми грибами, которые вам нельзя есть! Чудесно цветут последние цветы — георины, флоксы, и чудесно догорают последние теплые дни. Надеюсь, что у вас на даче хорошо и спокойно; когда была в Москве, навестила тетю Лилу (в Болшеве); она радовалась тишине, сосновому воздуху и прохладе, но выглядит неважно. Целую вас обоих, Ада также.

Твоя Аля

¹ Даты на штемпелях: 28.08.64—28.08.64.

² Остров в Карелии на Онежском озере, где сохранился комплекс деревянных сооружений Кижского погоста. В 1960 г. Кизи были превращены в музей-заповедник деревянного зодчества.

³ Популярный в это время туристский маршрут: путешествие на теплоходе по Ладожскому и Онежскому озерам с посещением Валаама и Кижей.

91

Эфрон — С. Мотолянскому

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

[Таруса]

[Москва. С.Е.Мотолянскому]

27 сент<ября> 1964

Милый Муля, пишу тебе, персонально, ибо живо интересуюсь — и более того, беспокоюсь, как ты живешь-поживаешь в сложившейся высокосной ситуации, покинутый не только женщинами дома твоего, но, что серьезнее, — Мурзиком? «Как живетсЯ Вам с другою?»² — сиречь не с Тоней? Напиши открыточку, живопиши — как себя чувствуешь, какие вести о Мурзике, как идет его лечение? Как Лиде работаетсЯ в относительно уединении Дома творчества? Когда будешь говорить с ней по тел<ефону>, передай нежный привет от нас обеих. Как наладился — если наладился — *быт* вашего дома, от которого (быта) и бытие зависит. — Тут несколько дней очаровательная погода, никак ею не надышусь, никак не нарадуюсь. Такая тихая красота во-круг — и не верится, что на нее у нас замахнулась неизбежность зимы. Целую тебя, «привет всем друзьям»³.

Твоя Аля

¹ Фото: Эрих Тылинек [Кошка]. Артия — Прага.

² Из стихотворения М.Цветаевой «Попытка ревности». Тоня — домработница.

³ См. письмо № 88 на с. 261–262.

92

Эфрон — С. Мотолянскому
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

[Таруса]

[Москва. С.Е.Мотолянскому]

5 октября 1964

Милый Муля, обратно же мои кошки² бьют челом твоим слонам! Спасибо за открытку, надеюсь, что за «истекший осенний период времени» самочувствие Мурзика улучшилось, а тем самым и твое, ибо они тесно взаимосвязаны... Не скучай об отсутствующих, а пользуйся относительным одиночеством для отдыха и чтения периодической и эпизодической литературы и для размышлений по поводу... Не успеешь и оглянуться, как все будут на местах — и нежный, милый, единственный в своем роде Мурзик, и не менее нежная и т.д. Лида, и примкнувший к ней Песис³... и я, грешная, и очень-очень вас любящая —

Аля

Ада шлет нежный привет...

¹ Фото: Эрих Тылинек [Кошка]. Артия — Прага.

² Изображенные на открытке.

³ Фраза «...и примкнувший к ним Шепилов» (из партийного постановления 1957 года), ставшая крылатой.

93

Эфрон — Бать и С. Мотолянскому

ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

[Москва]

17 октября 1964

Дорогие Лида и Муля, в эти исторические дни² шлю вам свой пламенный привет и очень сожалею, что не смогла поглазеть на кузена³; но я тут в одиночестве, и не на кого было бросить движимое и недвижимое имущество. Новостей внутри моей избы нет никаких⁴ — зато за пределами оной они так и бушуют. Пусть себе! Я же удовольствуюсь весьма лаконичными — и не без причин — сообщениями по радио; к тому же у нас так называемая «радиоточка», а не приемник; поэтому после передовой «Правды» я была вынуждена выслушать ряд историко-революц<ионных> песен в исполнении хора пенсионеров Козельского р<айо>на, навязанных мне Калужским радиоузелом... Целую всех. Как там шелудивый Мурзик?

Ваша Аля

¹ Фото: Эрих Тылинек [Кошка]. Артия — Прага.

² 14 октября 1964 г. на заседании Пленума ЦК КПСС Н.С.Хрущев был отстранен от партийного руководства.

³ Жюля Куинджи (см. примеч. 4 на с. 185).

⁴ В это время Эфрон работала над воспоминаниями об Э.Казакевиче. 11 октября 1964 г. она писала А.Шкодиной, уехавшей из Тарусы: «Пишу вечерами — день всегда отвлекает своими недоделками; двигаюсь понемногу. У меня тут есть вехи для памяти — письма Э.Г., а то насчет дат память слабовата; теперь всю его помощь в издании маминой первой книги можно конкретизировать. Он действительно был первым, занявшимся этим, т.е. изданием маминых вещей в СССР, и очень много сделал, вся “лиха беда начало” — дело его рук» (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 289, л. 52).

94

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

2 ноября 1964

Дорогие Лида и Муля, с праздником вас и всех, иже с вами! Мы, нестигаемые тарусяне, всё еще украшаем своим присутствием приокские близи и дали, но скоро (как только наступят морозы) переберемся на зимние квартиры...

Читали, конечно, вознесенковскую «Озу»²; автор отлип от *Цветаевой*³ и примкнул к Арагону, выдвинув свою свою контр-Эльзу⁴. Переимчивый поэт!

До скорого свидания, дорогие! Целуем вас!

Ваши А. и А.

¹ Худ. И.Н.Окиншевин.

² Поэма А.А.Вознесенского.

³ В ранней поэзии Вознесенского находили «цветаевские ритмы».

⁴ Вознесенский посвятил поэму «Оза» своей жене, писательнице Зое Богуславской. Эфрон усмотрела здесь параллель с поэмой «Меджнун Эльзы», посвященной Луи Арагоном своей жене, писательнице Эльзе Триоле. Имена Оза и Эльза схожи, причем первое из них является анаграммой имени «Зоя».

95

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

[Москва]

С наступающим Новым годом! С новогодним приветом из соседнего корпуса² обращаются к вам Ада, Аля, Шуша и *Щурик*³.

Желаем вам доброго здоровья,
всяческого благополучия,

успехов, удач — и —

СКОРОГО И БЛАГОПОЛУЧНОГО

ВОЗВРАЩЕНИЯ

МУРЗИКА

Целуем!

Все мы

¹ Фото: Эрих Тылинек [Кошка]. Артия — Прага. Условно датируется концом декабря 1964 г. (по содержанию).

² Бать и Эфрон жили по соседству (см. примеч. 4 на с. 254).

³ Вероятно, кличка кота.

96

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Москва]

[Москва]

Ку-ку, это мы — из соседнего корпуса! Спасибо многим и многим новогодним за то, что «физические» расстояния между нами всё сокращаются, душевных же — не было... Сердечно поздравляем наших дорогих Лиду и Мулю с наступающим Новым годом — пусть он будет добрым и светлым для всех нас! Обнимаем и целуем.

Аля и Ада

¹ Помещено условно, датируется концом декабря 1964 (по связи с предыдущим письмом).

1965

97

Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

[Москва]

20 марта 1965

Милый Муля, как тебе там живется-отдыхается? Дай бог, чтобы хорошо, и чтобы люди были приятные вокруг, и чтобы погода не занудствовала! Как остальные мушкетеры² поживают? Вчера была у Лиды, она поведала мне про твой фантастический роман с *Ниночкой*³, и ты *еще* возрос в моих глазах. Я тут же придумала ей анонимку:

Я, как и ты, любила Мулю
И так же получила дулю

(и подпись, скажем, «Клара», пусть думает, что Цеткин⁴!), но Лида не посоветовала.

Жизнь прежняя; из новостей только шаг в космос и обратно⁵, а из не-космических: Шушка выходила замуж, жениха добывала Елена Михайловна⁶. Жаль, что Мурзик уже не опасен для дам; он — прелесть, хоть почему-то бордового цвета. Целуем тебя!

А. и А.

¹ Фото: Эрих Тылинек [Кошка]. Артия — Прага.

² Предположительно, обыгрывается обращение к С.Е.Мотолянскому «Мушкин», известное по письмам Л.Г.Бать: мушкетеры — круг близких Мотолянскому людей. Возможно, подразумевается мужская компания, возможно — семейный круг «аматоров Мушкина».

³ Имеется в виду Нина Александровна Бать (см. примеч. 6 на с. 183).

⁴ *Клара Цеткин* (1857–1933), деятель международного рабочего движения.

⁵ 18 марта 1965 г. А.А.Леонов вышел в открытый космос.

⁶ Е.М.Маляревская (см. о ней примеч. 3 на с. 248).

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому
ПИСЬМО

Таруса Калужской,
1^а Дачная 15 АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

28 мая 1965¹

Дорогие мои Лида, Муля и иже с вами! Шлю вам свой пламенный тарусский привет с берегов мелководной Оки, в первый мало-мальски теплый день (тем не менее грозящий «осадками в виде»...)

Приехали мы сюда в день Победы, каковой ознаменовали подсчетом потерь, а именно — украденного самодеятельным воришкой барахла. «В денежном выражении» — ерунда, но в дачном обиходе вещи все нужные. Ну — что поделаешь? Где наше не пропадало? Дней десять возились, не разгибая спины, — уборка, стирка, разборка привезенного, ремонт взломанных дверей и поврежденных косяков, копанье «во саду ли, в огороде» и протчая и протчая, чему нет ни имени, ни числа. Должна признаться, что в этом году возилась без малейшего удовольствия, вместо удовлетворения осиленным чувству лишь усталость — и надоедливость любого труда, как умственного, так и физического. Лень одолела меня до самой глубины души; слава Богу, внешне это незаметно, кручусь, как всегда.

Самый поразительный сюрприз, ожидавший меня здесь, это то, что местная администрация, не сказав худого слова, приняла решение снести старый цветаевский домик² (где умер Борисов-Мусатов³, бывал Поленов⁴, работал чудесный скульптор Матвеев⁵). Я наведалась туда (совершенно случайно!) в самый критический момент, когда начали уже разбирать крышу, разломали печи, и, как всегда водится, почему-то без нужды побили стекла. Я проявила несвойственную мне настойчивость и оперативность, подняла пожарный трезвон; «срабо-

¹ На штемпелях: 29.05.65–29.05.65.

² См. примеч. 6 на с. 167.

³ Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов (1870–1905), художник. В 1905 г. И.В.Цветаев предоставил бедствующему художнику свою пустующую дачу в Тарусе (там написаны «Осенняя песнь», «Куст орешника», «Реквием»).

⁴ См. примеч. 2 на с. 168.

⁵ Александр Терентьевич Матвеев (1878–1960) в 1910–1912 гг. создал надгробие на могиле В.Борисова-Мусатова «Уснувший мальчик», ставшее местной достопримечательностью.

тал» и случайно оказавшийся в пределах досягаемости между двумя «заграницами» И.Г., и очень слабенький, очень хилый, еле живой Паустовский⁶, и всяческая «общественность». Домик решено сохранить, теперь хлопочем о средствах на ремонт. Бог даст нашему теленку волка съесть, и удастся организовать памятный домик-музей — вот было бы дивно⁷!

Переводов нахватала⁸, но работать еще не начала, не собралась с духом и с силами и не вошла в свою колею — узкоколейку. Как сказано выше, никакого вдохновения, кроме усталости и лени, не ощущаю. Однако, надо браться за дело. Время летит.

Ада эти дни была в Пскове, Новгороде, в пушкинских местах, сегодня едет в Прибалтику с приятельницей приבל<изительно> на месяц. Весь июнь буду работать во все лопатки, пользуясь одиночеством и отсутствием необходимости что-либо готовить. Шушка с чадами (парень и девка необычайной пушистости, несказанной красоты и серебристые, как мама) шлют привет. Куда дену «чад», еще не придумала — они так хороши, что не поднялась рука отправить их на тот свет.

Не вышел ли еще мой многострадальный и долготерпеливый Арагон⁹? Бодлер («мой») получил всенародное признание¹⁰ — говорят — лучше не бывает (?) Целую, жду встречной весточки.

Ваша Аля

⁶ Обострилась болезнь К.Г.Паустовского.

⁷ 18 мая 1965 г. в письме к Е.Эфрон и З.Ширкевич Эфрон описывает попытки спасти дачу, превратив ее в музей, «посв<ященный> “знатным” тарусянам» (Эфрон, II, 202). Дом «был разрушен — ночью, “по-тихому”, чтобы никакие “бумаги” в защиту уже не успели» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 30).

⁸ Бодлера и пьесу Тирсо де Молина (см. примеч. 1 на с. 277).

⁹ Арагон. Меджнун Эльзы (Одержимый Эльзой) [Фрагменты поэмы] // Иностранная литература. 1965. № 4. (См. письмо / № 88).

¹⁰ См.: Бодлер III. Лирика. М., 1965. (Сокровища лирич. поэзии.).

99

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

22 июня¹ 1965

Дорогая Лидочка, прости, что отвечаю тебе не без промедления. Несмотря на то, что сейчас идут самые длинные дни в году, но и их мне недостает на все неприметные и многотрудные обязанности крупного землевладельца в сложных погодных условиях. То надо чего-то пропалывать, то что-то пересаживать, то еще ерунда какая-то; а главное — то кто-то зайдет на огонек, то и без огонька зайдет, от нечего делать... Аня приезжает каждую неделю в конце оной; привозит рыбы для кошки (для трех — у Шушки нынче два роскошных пушистых котенка) и уйму всяких цветаевских дел и делишек; а на днях даже приехала целая дама из Чехословакии², имеющая отношение к книге переводов маминых стихов на чешский, к<отор>ая должна выйти у них в будущем году. Дама, впрочем, оказалась очень милая, но вокруг нее пришлось «побегать»: и покормить, и спать уложить, одним словом «пообслуживать».

За целый месяц, что сижу здесь одна (Ада в Эстонии с приятельницей) я «сработала» всего 5 стихотворений Бодлера³. Так мало не по отсутствию времени, ибо всё вышеуказанное, все сады-огороды и прочий допетровский быт, естественно, на втором месте! — а потому что трудно до чрезвычайности и почти непереводаемо; иные дни и строчки не «высидишь», а в счастливые — и целое четверостишие одолеешь. В общем, Бодлера закончила, и — получился. Всего 13 стихов — а трудов!

И весна, и первый месяц лета, как тебе известно, но, м<ожет> б<ыть>, не очень заметно, если вы еще не перебрались на дачу, —

¹ На штемпелях: 23.06.65–23.06.65

² Речь идет о визите Галины Борисовны Ванечковой, которая в то время начала заниматься изучением творчества Цветаевой. Визит был связан с переводами цветаевских произведений Яной Штробловой.

³ Эфрон приходилось «соперничать» с матерью, которая перевела «Плаванье» Бодлера: «Дай Бог и это сделать пристойно — тем более учитывая соседство с «Плаванием», которое обязывает не меньше, чем сам Бодлер» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 75).

не очень балуют и тружеников полей, и дачников. Холодные ночи, а дни, в большинстве своем, дождливые. Теплых дней было наперечет. А что сулит грядущее? М<ожет> б<ыть>, так и будет продолжаться? А м<ожет> б<ыть>, ждет нас тропическая жара и сушь? Когда с нежностью будем вспоминать о недавних холодах; я, по крайней мере, всё же предпочитаю прохладу.

Что-то у вас слышно? Главное — как Мулино здоровье и Нинины дела⁴? Есть ли в них (т.е. в делах) какой-н<и>б<удь> просвет — душевный или фактический?

Мамина книга⁵ еще не ушла в набор — на просмотре у членов редколлегии (а сколько они будут «смотреть»? — тоже метеозагадка!), но редактриса сулит верстку (вернее, макет) в конце июля, нач<але> августа (т.е. как раз тогда, когда меня не будет, т.к. собираюсь уехать «проветриться», если удастся). Орлов тяжело болен — то ли инфаркт был у него (если так — то уже второй, а ведь он человек еще не старый, мой сверстник!), то ли вообще какой-то очень тяжелый сердечный приступ, после к<отор>ого он должен лежать сакраментальные два месяца. Боятся отека легких.

Знаете ли вы, что книга Пастернака наконец вышла⁶? Поступила ли она в так называемую продажу в Москве — об этом вы можете знать, но не я.

Готовим с Аней маленькую книжечку маминых переводов⁷ — договоренность с Шуплецовым⁸ есть, пока, кроме договоренности, ничего, но и то хлеб. Книжечка маленькая (в нее должны войти переводы только с ин<остранных> языков, но не народов СССР, т<ак> ч<то> выпадают грузины и другие) — но работы над ней много.

Крепко целую вас, передайте мой сердечный привет Б.А., Абелю и Madame, а также многуважаемому коту. И пусть всё у всех будет хорошо!

Ваша Аля

Ада на днях возвращается.

⁴ В середине 60-х гг. Н.А.Бать разошлась с мужем.

⁵ Цветаева М.И. Избранные произведения / Предисл. В.Орлова. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

⁶ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

⁷ Цветаева М.И. Просто сердце: Стихи зарубежных поэтов. М.: Прогресс, 1967.

⁸ Борис Всеволодович Шуплецов, старший редактор издательства «Прогресс».

100

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Диксон]

[Москва]

30 июля 1965

Милые Лидочка и Муля, шлем вам и всем друзьям привет с острова Диксон¹, конечной точки нашего путешествия². Вокруг нас плещется Карское море; почти — конец земли. Незакатное солнце, неустанные ветры. Современный поселок на дикой скале. Непонятные непросвещенному взору мощные механизмы, грандиозные подъемные краны. На страже — ледоколы. В скалистых впадинах — снег и лед (первые снеговые залежи встретились нам еще 27 июля!). Впечатление от поездки фантастическое. Сегодня — в обратный путь. Обнимаем вас, до скорой встречи!

Ваши А. и А.

¹ Ср.: «Остров Диксон, край земли, край подвига, край Долга, перед к<отор>ым все мы — в долгу!» (Эфрон А.С. Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки. Федерольф А.А. Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996. С. 137).

² Десятилетие возвращения из ссылки Эфрон отметила «паломничеством» на теплоходе (маршрут: Красноярск–Диксон–Красноярск). См. ее очерк «Поездка по Енисею» (Там же, 129–154). После двухчасового пребывания в Туруханске Эфрон записывает: «...я физически ощущаю эту легкость, это громадное облегчение оттого, что вот я стою десять лет спустя на этой высоте и вижу Туруханск; так, оказывается, мне это нужно было. Почему? Сама не знаю и никогда не узнаю» (Там же, 150).

101

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

18 окт<ября> 1965

Милая Лидочка, что-то наше с тобой сообщение — вроде межпланетного: редко и недостоверно! Я работаю буквально не вставая с места¹, с усидчивостью монумента Островского у Малого театра; только что голуби de la paix² не какают на голову, а так — сходство полное. Кроме того, всё время «болею животом»; думали — поджелудочная железа, пронеси Господи; оказалось всего лишь восп<аление> желчного пузыря, pardon за натурализм, — всякие там печёнки; они-то и дают знаменитые «опоясывающие боли». Т<ак> ч<то> питаюсь овсянкой, как лошадь, и работаю, как она. «Выходом продукции», как всегда недовольна; халтурно получается, ибо любая норма стихам противопоказана; это все же не кальсоны шить! Ну, ладно, всё это не ново; а вот что ново, так это десятый номер казахстанского «Простора», к<отор>ый вышел и в к<отор>ом прелестный мамин очерк «Отец и его музей»³ с прелестным же предисловием Паустовского; постарайся достать, вероятно, в Москве это можно. У меня тут только 1 экз., не то прислала бы... Будем тут, вероятно, до середины ноября; целуем вас; привет «нашим»⁴!

Твоя Аля

¹ Над пьесой испанского драматурга Тирсо де Молина «Стыдливый во дворце». См.: *Тирсо де Молина. Комедии*: [В 2 т.]. Т. 1. М.: Искусство, 1969.

² Мира (фр.).

³ Цветаева М.И. Отец и его музей / Предисл. К.Паустовского // Простор. 1965. № 10. С. 36–42.

⁴ Б.А.Песису и А.И.Старцеву с женой.

102

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

2 ноября 1965

Дорогие Лида и Муля, простите, что открыткой отвечаю на милые ваши письма; работаю без оглядки и нет хоть крошечки эпистолярного досуга... Рада, что вам удалось отовариться «Простором» и что опубликованное пришлось вам по душе. Уже прошла *сверка* маминной книги; даст Бог, и тираж не за горами. Не знаю, как будем добывать экземпляры, — Орл<ов> болен, хандрит и *не* содействует, а изд<ательст>во — не наше²... Я пока что не мечтаю ни о своих, ни тем более теткиных публикациях, а лишь о маминных³; а там — что бог даст! Если он даст и пенсию, и время, и силы, то будет вам и белка, и свисток⁴... Целуем вас, сердечный привет всем нашим, с праздником!

Ваша Аля

¹ Штемпель: Таруса 3.11.65.

² Не «Художественная литература», с которым обычно работала Эфрон, а Ленинградское отделение «Советского писателя».

³ В 1966 г. опубликованы журнальная версия воспоминаний А.И.Цветаевой «Из прошлого» (*Цветаева А.И. Из прошлого* // Новый мир. 1966. № 1. С. 79–133; № 2. С. 98–128) и подготовленный Эфрон и А.Саакянц очерк М.Цветаевой «История одного посвящения» (*Цветаева М.И. История одного посвящения* // Литературная Армения. 1966. № 1. С. 52–69).

⁴ Из стихотворения А.Плещеева «Старик»: «Ладно, ладно, детки, дайте только срок. / Будет вам и белка, будет и свисток!».

103

Эфрон — Бать и С. Мотолянскому

ПИСЬМО

[Таруса]

А-8-1-68-19

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

21 ноября 1965¹

Дорогие Лидя и Муля! Вспоминаете ли вы еще нас, несчастных ссыльно-карантинных², или с глаз долой, из сердца вон? Мы тут пристыли накрепко с этим дурацким карантинном коровьим, которому пошел уже второй месяц, и конца-края не видать. Конечно, если бы не *насильственность* пребывания здесь, кабы по доброй воле, то оно бы ничего: у зимней Тарусы есть свои преимущества; но они превращаются в недостатки, как только они оказываются навязанными вам! Представляете себе, какая глупость? Ни въезда в Калужскую область, ни выезда — демаркационную линию только пешим дралом можно перейти! Сан<итарная> справка о праве выезда из Кал<ужской> области не дает права на въезд в Московскую обл<асть>, и наоборот. И т.д. и т.п. Словом, кафковский «Зáмок»³ во всей красе; впечатление такое, что карантин, однажды начавшись, может так никогда и не кончиться, и ничтоже сумняшеся перешагнуть во второе тысячелетие новой эры. Так и живем; газеты и журналы с конца октября идут в Москву, и мы удовольствуемся местной газетой «Знамя», в к<отор>ой печатаются воспоминания гипнотизера Ральфа <sic!> Мессинга⁴; очень интересно и поучительно. К счастью, есть приемничек, к<отор>ый угощает музыкой и посл<едними> известиями, т<ак> ч<то> если одичали, то не на все сто.

Через неделю должен быть сигнал маминой книги; Орлов пишет, что все последние инстанции она прошла благополучно, если не считать, что какие-то «пустяки» (интересно, какие?) пощипали в его статье и из наших с Аней примечаний⁵ изъяли почерпнутые нами в

¹ Штемпели: 22.11.65–23.11.65.

² В октябре 1965 г. в связи с эпидемией ящура был объявлен карантин с запрещением въезда и выезда за пределы Калужской области.

³ В романе «Замок» Франца Кафки человек попадает в западню абсурдного бюрократического машины.

⁴ Вольф Григорьевич Мессинг (1899–1974) — иллюзионист, психиатр и гипнотизер, выступавший с публичными сеансами. В газете «Знамя» публиковались его мемуары «О самом себе» (1964–1965).

⁵ К стихотворению М. Цветаевой «Народ».

энц<иклопедическом> словаре сведения о том, что в Чехии добывается урановая руда. Так что скоро будет тираж, даст Бог. Ибо всё, как всегда, в руке божьей! — Работаю не покладая рук и подобия головы; хоть это урываю от карантина; «сделала» две тыс<ячи> очень черновых строк Тирсо из четырех тыс<ячи> требуемых. Срок сдачи — 1 янв<аря>⁶. Обалдела до крайности; а что-то дальше будет?

Милый Муля, к тебе лично небольшая просьба: прилагаю письмо к Белле Борисовне, нашему с тобой врачу⁷ (забыла ее фамилию, поэтому не могу послать по почте). М<ожет> б<ыть>, ты передал бы ей его и сообщил бы мне ее ответ и, м<ожет> б<ыть>, рецепт какой-н<и>б<удь>? Поликлиника от тебя близко, и это не займет у тебя много времени. Я отлично представляю себе, что заочно лечить и лечиться недоступно даже Мессингу из калужского «Знамени», что без анализов и рентгена никакой врач почти ничего сказать не может, — но всё же это лучше, чем совсем ничего. Тут меня смотрел один врач, сказал, что, по его мнению, — печень, желч<ный> пузырь и что это скоро (теоретически) пройдет. Боли действительно прошли, но бедный желудок совсем сломался и ничего не «вытерпляет», кроме каши да сухарика. Все это тянется два месяца, я отошала и ослабла, и конца не вижу, так же, как и коровьему карантину... Так что, если не трудно, сделай это — т.е. передай письмо и сообщи ответ, ладно? А если к тому же черкнете, что делается, если не на свете, то под вашей крышей, буду очень-очень рада. Целуем вас обе; будьте здоровы! Сердечный привет Абелям, Бор<ису> Ар<оновичу> от нас — и зверям-членам семьи от Шушки.

Ваша Аля

⁶ Работа продолжалась и в следующем году.

⁷ Врач поликлиники Литфонда.

104

Эфрон — С.Мотолянскому
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

25 ноября 1965

Милый Муля, пишу пока два спешных слова, чтобы поблагодарить тебя за твой звонок и за сердечную твою заботу. Большое-пребольшое спасибо тебе, дорогой мой заочный доктор! Сразу почувствовала себя лучше... Теперь буду ждать письма, лекарств и советов хорошего поведения.

Относительно диеты всё ясно, за исключением того, где, во время *quarantaine*¹, брать так называемое мясо и творог; всё остальное, т.е. крупа, имеется в избытке; к счастью, есть и белый хлеб; труднее всего кормить не диетиков, а Шушечку, как можете себе представить. — Скоро-скоро должна выйти мамина книга; это, видимо, произойдет без меня; *c'est la vie*², к сожалению. Целуем вас, еще раз спасибо!

Твоя Аля

[На полях:] Я вдобавок разукрасилась еще и нервной экземой. Прелесть!

¹ Карантин (фр.).

² Такова жизнь (фр.).

105

Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.

1^я Дачная 15

АЭфрон

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Самуилу Ефимовичу

Мотолянскому

3 декабря 1965¹

Милый Муля, это, как видишь, персональное тебе «послание» (какие уж там *послания*! Записочки жалкие и спешные!) Пребольшое тебе, дружок, спасибо за твои заботы и хлопоты. Оказия доставила «как часы» и лекарство, и твое письмецо, и уж не знаю, что лучше помогать мне будет, — твоя забота и внимание, или само «лекарствие». Спасибо и Лидочке за все то же, что и тебе, только несколько более заочное, т.к. представляю себе, как она крутится-вертится «в сезон», да еще Зульфия² была «именинницей», да еще мало ли чего, о чем я даже не подозреваю. Только Мурзик у вас бездельник, (да и то при помощи ветеринара!) Как он, Мурзик? Еще сколько-н<и>б<удь> похож на прежнего прелестного мужчину или совсем уж превратился в дамскую муфту?

Живем мы тут, вернее, прозябаем, ничего себе, а в общем не ахти, как говорят французы. Все «дачные» трудности не трудны, когда они тебе не навязаны и не экспромтом; а более идиотского экспромта, чем болезнь коров, с к<отор>ыми мы ни сном, ни духом не связаны, и соответствующего карантина, и представить себе нельзя. Полуторамесячный карантин привел к большому распространению эпидемии — именно привел, т.к. зараженные пункты не изолировались от не-зараженных; санитарные кордоны устанавливались за тридевять земель от зараженных районов, причем не были снабжены дезинфицирующими средствами; кордоны эти обходились и объезжались как только можно и нельзя; работники ферм, обслуживающие больных животных, не имели второго комплекта халатов и обуви; в тех же валеночках разъезжали и топали по району и за пределами, аж в Москву за полятами! И т.д. и т.п. В результате — запоздалые постановления, санкции и репрессии; и большие строгости в смысле выезда; выпцарапаться отсюда чрезвычайно трудно будет, надо еще сколько-то *жизни*

¹ На штемпеле: Таруса 4.12.65.

² Зульфия (Зульфия Ибраилова, 1915–1996), узбекская поэтесса, многолетняя знакомая Бать, в 1965 г. получила звание народной поэтессы Узбекистана, поэтому она названа «именинницей».

положить, чтобы чего-то добиться. А нам обеим «на данном этапе» и полагать-то уж почти нечего на данный нелепый «алтарь» отечества; сил нет. Я всё болею уж скоро 3 месяца — и всё работаю; у Ады совершенно отнимается *правая* рука (неск<олько> лет назад упала — отложение солей в локтевом суставе, пальцы не держат, боли во всей руке, тоже нужны «процедуры», а не тяжелый «дачный» труд по хозяйству; да и *годы берут свое*, а они у нее — немалые).

Дров мало; забот и хлопот — много — и пустых, к<отор>ых могло бы не быть, кабы не карантин; к тому же Ада тревожится обо мне, что болею; а я — об ней; и т.д. Две недели тут был страшный гололед; за водой к колонке — проблема; до магазина не дойти; падать — страшно; а дома — не высидишь ни хлеба, ни воды. Да и лечиться обеим пора не по переписке с (редкими) друзьями... И книга вот-вот выйдет, а я тут пристыла... Ира Емельянова говорит, что я — «непременный участник всех народных бедствий». И правда; слава Богу, что на этот раз *соучастники* в основном — коровы! Целуем вас; простите за «меланхолию»! Спасибо за квартплату. И не только!

Ваши *ящерицы*

1966

106

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.

1^а Дачная 15

АЭфрон

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

4 сентября 1966¹

Дорогая Лидочка, ровно триста лет и три года ничего о тебе не знаю: где ты, что ты? М<ожет> б<ыть>, давно осваиваешь Монблан с кузеном Жюлем², или осматриваешь могилу неизвестного солдата в городе Париже вместе с пятиуродной теткой³; или испытываешь прочность ташкентских глинобитных паркетов⁴; или в Москве упиваешься сладкозвучной речью итальянских гастролеров; или в Валентиновке солишь огурцы (из всех моих предположений последнее — наименее вероятнейшее!) Одно только достоверно: писем ты не пишешь, и даже открыток — во всяком случае — мне. Я — тоже не пишу; во времени что-то сместилось, сломалась какая-то пружинка, не срабатывают тормоза — оно полетело с бешеной скоростью само по себе, а я где-то там тащусь сама по себе, и, как положено, ничего не успеваю и решительно не поспеваю управляться с тысячелетиями на дворе. Не заметила, как пролетело чудесное жаркое лето: провела его за перелогами⁵, спешила к сроку, уставала и тупела, и глотала порошки от головной боли; когда сдала работу, получила столь же милую, сколь и лаконическую записочку от редактрисы: мол, позабыла Вам сообщить, что можете не торопиться, срок сдачи переносится на октябрь ввиду того-то и того-то.

В августе гостила у нас две недели Аня С<аакянц>, но, по-моему, отдохнула плоховато; правда, первые дни, солнечные, гуляла, и купалась, и отсыпалась, а потом-потом неожиданно для всех скончалась «тётя Лёра», Валерия Ивановна Цветаева⁶, чья угасающая жизнь так

¹ Штемпель, дата доставки: 6.09.66.

² Жюль Куинджи.

³ Луиза Бериславская (по мужу Рубенович, (1873–?). По ее приглашению Бать побывала в Париже в начале 1968 г. (см. письмо № 115 на с. 295–296).

⁴ Намек на регулярные поездки Бать в Ташкент для работы с узбекскими авторами.

⁵ Эфрон заканчивала перевод пьесы Тирсо де Молины.

⁶ 17 августа 1966 г.

долго мерцала, что всем казалось — будет мерцать вечно.

Умерла Валерия — как и жила — на свой лад, в темном и запущенном своем гнезде над светлой Окой, под присмотром единственного человека, который ее не только не раздражал, но и угождать умел, — старика-сторожа, пьянчужки и воришки, лукавого и учтивого оборванца.

Похоронили Валерию на новом кладбище — над речкой Таруской, среди молоденьких ёлок, посаженных там специально, чтобы запущенность, свойственная русским кладбищам, не была так заметна. Итак, закончилась последняя глава «Дома у Старого Пимена»⁷, глава, не вошедшая в цветаевскую семейную хронику, но тем не менее небезыntересная, и написанная с немалым мастерством самой Жизню.

В те дни остановились у нас Валерины родственники и кое-какие друзья, мы с Адой старались всех напоить-накормить; Аню же пришлось перевести из светелки, к<отор>ую она занимала, на террасу, она же кухня и столовая, т<ак> ч<то> отдыху и покою ей было мало-вато.

Я устроила себе несколько дней передышки между переводами; впрочем, провела их в основном за выписками из фр<анцузских> книг о Лозене и его времени (Людовики XV и XVI) — для маминной «Фортуны»⁸. Очень может быть, что работа пустая, ибо пьеса несколько сомнительна, *parдон*, по ориентации, да и состоится ли сам сборник пьес, еще не вполне ясно; ну, что Бог даст!

Сейчас в Тарусе, слава Богу, стало тише; разъехались «детные» дачники, и сразу образовался кое-какой простор и, впрочем, весьма робкое, снижение рыночных цен на мясо.

В ночь на 27 августа, мамину годовщину⁹, грянул совершенно неожиданный мороз и увел все цветы; но сам день был торжественно тих, ясен и светел; провела его в кафедральном хвойном лесу над Окой, на высоком, кругло-крутом берегу; всё это напоминает так любимую мамой Чехию...

Крепко обнимаю вас обоих; жду хоть открыточки из любой деравы. Ада шлет сердечный привет; привет от нас обеих Абеям и Б<орису> А<роновичу>.

Твоя Аля

⁷ Намек на очерк М.Цветаевой: *Цветаева М.И. Дом у Старого Пимена* // Москва. 1966. № 7. С. 121–145.

⁸ Для сборника пьес М.Цветаевой, планируемого в издательстве «Искусство». Однако в 1970 г. договор был расторгнут, и книга «Театр» вышла в свет в 1988 г.

⁹ День ареста Эфрон в 1939 г.

107

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

Москва А-319 ул.
Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать
Самуилу Ефимовичу
Мотолянскому

С наступающим Новым годом, мои дорогие! Пусть он будет *мирным* — и добрым ко всем нам. Желаем вам здоровья и радости побольше!

Ваша Аля и Ада!

Москва, 28 декабря 1966²

¹ Бухарская игрушка (раскрашенная глина). Худ. Э.Рапопорт.

² На штемпеле дата доставки: 29.12.66.

1967

108

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

ПИСЬМО

[Таруса]

[Москва]

27 мая 1967

Дорогие Лида и Муля! Звонила вам в начале одиннадцатого (утра) и уже никого не застала; как жаль! Хотела забежать проститься перед Тарусой (собрались во вторник или среду, но шофер может только тогда, когда *ему* удобно и *ужасно* неудобно нам!)

Работу (примечания к книге пьес) закончила только вчера, боюсь, что очень и очень так себе получилось в такой «нетворческой» обстановке; теток снарядила на дачу. Отбываем в хаотическом состоянии; везу с собой непочатого Верлена¹ и уйму всяческих недоделок; ну — в который раз авось — да небось — да как-нибудь!

Крепко обнимаю, Ада и Аня приветствуют.

Книги возвращаю (Ада не Бог весть в каком восторге!) и журнал — от Ани (специально для Мули!!!), там ее публикация².

Ваша Аля

Мурзику от Шуши привет!

Напиши на Тарусу — какие планы на лето; я летом буду часто приезжать; гости из Франции³ — и предпенсионные дела⁴.

¹ Эфрон перевела 32 стихотворения французского поэта Поля Верлена для изд.: *Верлен П.* Лирика. М., 1969. (Сокровища лирич. поэзии).

² Неустановленная публикация А.Саакянц.

³ Речь идет об ожидавшемся приезде К.Родзевица (о нем см. примеч. 5 на с. 251) с женой.

⁴ Эфрон вышла на пенсию 18 сентября 1967 г.

109

Эфрон и А. Шкодина — Бать и С. Мотолянскому
ПИСЬМО

[Таруса]

[Москва]

22 июня 1967

Дорогие Лидочка и Муля, очень огорчены таким неожиданным и печальным известием о Мурзике; опечалены и за него, ибо если есть кошачий рай, то он вряд ли сравнится с земной жизнью Мурзика в вашей квартире, — и, главным образом, за вас; вы, наверное, чувствуете себя очень одиноко, когда покинул вас ваш серый и верный друг... Ты-то, Лида, несомненно, несколько рассеиваешься при помощи узбекских декад¹ и российских лит<ературных> совещаний, а Муле труднее; его на декадах не проведешь. Шушка спит у меня под боком в данный полуночный момент и даже не подозревает, что частично овдовела, ибо было у нее и с Мурзиком несколько часов из жизни женщины², о чем она тут же, впрочем, забыла.

Я тут несколько отдышалась, однако не сразу, т.к. первые дни моего здесь пребывания разыгралась астма, вероятно, от перемены если не климата, то воздуха; теперь полегче. Погода всякая. Со скрипом принялась за Верлена; пока что осилила два — всего лишь — сонетика, да еще не уверена, осилила ли. Дел, как всегда, много, не то, так другое. А впрочем — всё слава Богу. В начале месяца думаю быть в Москве³, буду звонить вам — если вы не на даче, то повидаемся непременно. Поделимся впечатлениями...

Одно из тарусских — утлый здешний «универмаг» решили модернизировать, в витрине выставили бабий манекен работы безвестного умельца периода татарского нашествия и повесили вывеску. «Светлана» — так теперь называется универмаг. Удивительно, кстати, у них получилось; до того злободневно⁴, что хоть делай из

¹ В июне 1967 г. в Белорусской ССР проходила декада узбекской литературы и искусства.

² Вероятно, намек на название новеллы С.Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины».

³ Эфрон находилась в Москве в период ок. 24 июня — ок. 7 июля, судя по словам из письма к П. Антокольскому (8 июля 1967 г.) о двухнедельном отсутствии в Тарусе.

⁴ Имеется в виду скандал, возникший в СССР из-за просьбы политического убежища в США дочери И.В. Сталина Светланы Аллилуевой (см. Предисловие, с. 97)

универмага валютный магазин! Тем более, что «на данном этапе» товаров в указанном универмаге не больше, чем у той Светланы в голове.

Целуем вас, вплетая цветок нашей печали в венок вашей скорби о Мурзике. До скорого, надеюсь, свидания!

Ваши А. и А.

110

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
[Таруса] [Москва]

21 июля 1967

Дорогие Лидочка и Муля, как-то вы поживаете? И где? Надеюсь, что на даче, на вольном воздухе... но опасаясь все же, что минувший кинофестиваль¹ не оставил вас равнодушными; Мулю во всяком случае; он ведь за Мариной Влади² готов хоть на край света. Что до нас, то всё, как всегда: лето пролетает во всяких бытовых ежеминутностях, а пейзажи и прогулки остаются (в основном) за бортом. Такие уж мы дураки, ничего не поделаешь: Ада не успокоится, пока не полетит из лейки каждый цветок и не выполет каждую травиночку, а я всё му-соллю Верлена, от чего оба мы краше не становимся. Ну и, конечно, хозяйство требует жертв не меньших, чем искусство. В общем, живем помаленьку. Очень тронули алконостовы воспоминания в «Н<овом> Мире»³. Да и многое вообще трогает и в Новом, и в нашем ветхом, мирах. В августе ждем гостей из Франции, а что получится — не знаю; главное — была бы погода хорошая. Целуем сердечно!

Ваши А. и А.

¹ 5–20 июля 1967 г. в Москве проходил V Международный Московский кинофестиваль.

² *Марина Влади* (р. 1938), французская киноактриса русского происхождения. В СССР стала популярна благодаря фильму Андре Мишеля «Колдунья» (1956), снятому по повести А.Куприна «Олеся».

³ *Алянский С.* Встречи с Блоком (из записок издателя) // Новый мир. 1967. № 6. С. 158–206. *Самуил Миронович Алянский* (1891–1974), владелец символистского издательства «Алконост», публиковавшего почти все произведения А.Блока после 1918 г.

111

Бать — Эфрон

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

Москва, А-319

Калужская обл. г. Таруса

Ул. Черняховского, 4, кв. 119

1-ая Дачная ул., 15 Эфрон А.С.

Л.Г.Бать

24-ое июля 1967

Дорогая Алюша

Очень обрадовались весточке. Представь, сидим на даче, в наших зеленых джунглях и дышим свежим воздухом. Фестивалились только дважды и вполне насытились. Картины средние, но смотрели без скуки: «Фальстаф»², «Аморальный»³, «Канфаны»⁴ и «Дикий глаз»⁵. Всюду много эротики и весьма однообразной. Печать однообразия лежит на общем стиле многих фильмов. Эта открытка — лишь мгновенный отклик на твою, привезенную Марусей⁶ из города, она бывает почти через день. А вообще хочется поговорить подробнее, что я и сделаю в ближайшие дни. И ты пиши. Целую крепко тебя и Аду. Жду с нетерпением твоих вестей.

Лидя

¹ Даты на штемпелях: 25.7.67–26.7.67.

² Вероятно, вне конкурсной программы был показан испанско-швейцарский фильм «Полуночные колокола (Фальстаф)» (Campanadas a medianoche, Chimes at midnight/Falstaff) (1966), режиссер Орсон Уэллс (Orson Welles), где М.Влади снималась в роли Кейт Перси.

³ Вероятно, пакистанский фильм «Опозоренный» (Dishonored) (1967), режиссер Игбал Шахзад (Igbal Shahzad).

⁴ Название фильма не установлено.

⁵ Итальянский фильм «Дикий глаз» «L'occhio selvaggio» (1967), режиссер Паоло Кавара (Paolo Cavara).

⁶ Домработница Бать.

112

Бать — Эфрон

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

Москва, А-319,
ул. Черняховского, 4, кв. 119
Л.Г.Бать

Калужская область г. Таруса
1-ая Дачная ул., 15 Эфрон А.С.

[*Приписка красным*: отвечено 18.8.67]
10/VIII 1967

Дорогая моя Алечка!

Я под глубоким впечатлением от книги «Мой Пушкин»² и спешу тебе об этом сказать. Только вчера ее получила, а вот сегодня проглотила ее уже всю. В противовес тому, что ты обо мне думаешь. Не читала лишь статью Орлова³, но прочту. Напишу тебе подробно, а сейчас спешу отправить хотя бы этот привет. Маруся едет в город и опустит открытку. Мы с Мулей довольно прочно сидим в наших дачных джунглях и читаем так называемый прогноз погоды, в общем благоприятствует. Где ты? Что ты? Была ли снова в Москве? Приезжали ли гости⁴? Где Ада? Откликнись. Целуем горячо.

Лида

¹ Даты на штемпелях: 11.8.67–12.8.67.

² См. примеч. 5 на с. 249.

³ Речь о предисловии В.Орлова «Сильная вещь — поэзия» (*Цветает М.И. Мой Пушкин* / Пред. В.Орлова. М., 1967. С. 7–30).

⁴ К.Родзевич с супругой Идой Бергер.

113

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва?]

18 августа 1967

Дорогие Лида и Муля, спасибо за весточку; рада, что книжечка «Мой Пушкин» вам понравилась (говорю об оформлении¹, т.к. содержание вам было известно ранее!), — что до меня, то одни огорчения с этой книжечкой: Лавка² выделила нам с Аней такую малость, что даже родственникам не хватило, не говоря уж о друзьях. Закон «сапожника без сапог» как-то не радует...

В Тарусе все время стояла невероятная жара, к<отор>ую я совсем перестала переносить и от к<отор>ой постоянно болит сердце; но сегодня, кажется, погода меняется, и скоро я заворчу на холода и дожди; тем более, что дров почти нет в запасе!

Большим и неожиданным ударом была смерть от инфаркта скульптора Файдыша³, сына нашего друга Нади Крандиевской⁴; умер 47 лет! а выглядел на 30... Как говорится — в расцвете сил и таланта... С франц<узскими> друзьями встретились очень хорошо; конечно, обо всем расскажу при встрече. Он⁵ — чудо, что за человек, — и несомненно *дорос до поэм*! Обнимаю, пишите! Будьте здоровы!

А. и А.

¹ Худ. В.Медведев.

² См. примеч. 3 на с. 218.

³ *Файдыш-Крандиевский Андрей Петрович* (1920–1967), скульптор, автор монументов и скульптурных портретов, посвященных покорителям космоса.

⁴ *Надежда Васильевна Крандиевская* (1891–1963), скульптор, живописец, автор скульптурного портрета М.Цветаевой (1915) и графических — С.Я.Эфрона и Е.Я.Эфрон.

⁵ К.Родзевич.

114

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

[Москва?]

С новым годом, дорогие!

Пусть все будет хорошо, пусть все будут здоровы на всех своих путях — парижских², московских, малеевских³, узбекских, литературных, архитектурных⁴!

Обнимаем вас!

Аля, Ада

декабрь 1967

¹ [Текст на открытке:] PARIS... EN FLANANT Notre Dame de Paris Détail de la façade. Chimère (le stryge) A gauche la Tour Saint-Jacques (*фр.*) — Прогулки по Парижу. Собор Нотр-Дам де Пари. Деталь фасада. Химера (горгулья). Слева — башня Сен-Жак.

² Намек на предстоящую поездку Бать во Францию.

³ Дом творчества в Малеевке.

⁴ С.Мотолянский занимался планировкой городов.

1968

115

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Москва А-319

2^а Аэропортовская 16 кв. 268

А. Эфрон

Франция, Париж, Л.Г.Бать

Madame Lydia Batt

с/o Mlle Simone Rubé

23, rue de Bruxelles

Paris 9^е France22 января 1968¹

Дорогая Лидуша, когда ты получишь эту весточку, то уже будешь «старожилом» в Лютеции², а пока что только подъезжаешь к «городу света»³, а мы тут только воображаем, как всё это происходит! Очень надеюсь, что в поезде ты успела сколько-нибудь отдохнуть — физически — от предотъездных перегрузок, и от многочисленных прощаний с немногочисленными друзьями (ибо каждый из нас норовил «проявить внимание» к отъезжающей по несколько раз в сутки!). Во всяком случае вид у вас с Мулей в вагоне был, как после марафонской дистанции! А как эффектно появился Борис⁴ — под занавес, — делая вид, что он в течение *часа* (!) разыскивал (!) поезд (!) Очевидно, крепленское литье воска катастрофически повлияло на его — как бы это сказать? тонкую психику, что ли? Морозы продолжают жать всюю; вчера встречала Аду из Ленинграда, замерзла, как пёсик, на этом уютном вокзале! Ада же появилась свеженькая, как огурчик, и веселая — чего и тебе желаю, да и себе самой в первую очередь. Муля после проводов отдыхался у Апушкиных⁵, а на следующий день уже чувствовал себя привычно в положении супруга — хранителя очага. Абель⁶, несмотря на холода, избавился от радикулита и вчера навещал Мме Элэн⁷, <отор>ую как-то видел и слышал, несмотря на то, что она в инфек<ионном> отделении; наверное, через какое-н<и>б<у>дь>

¹ Штемпель: 23.01.68.

² Первоначальное название Парижа. Поездка состоялась, несмотря на то, что у Бать началась болезнь Паркинсона.

³ La ville Lumière, одно из названий Парижа.

⁴ Б.А.Песис.

⁵ Семья драматурга Якова Владимировича Апушкина, соседа Бать, жена-того на ее домработнице Шуре.

⁶ См. список сокращений на с. 352.

⁷ Там же.

окошечко. Она будет находиться там (в отд<елении>, а не в окошке!) до конца обследования, хотя вполне ясно, что никакой инфекции нет, а, по-видимому, было какое-то отравление с обострением ее обычных желудочно-печёночных дел. Попросту же, вернее всего, нарушила диету.

Новостей пока никаких не набежало (по крайней мере, у меня!) — да и слава Богу! *pas de nouvelles — bonnes nouvelles*⁸!

Три к тебе просьбы: *первая*: не переутомляйся! Не нахватывайся множества впечатлений, бери *немного* характерного от всего, что увидишь; так, например, в Лувре смотри *несколько* вещей как следует, не пытайся объять необъятное; а то в глазах замельтешит и в душе ничего не осядет. Не бегай много по театрам, кино и магазинам, посмотри две-три пьесы⁹, фильма, побывай в *одном* хорошем универмаге, одним словом не переполняйся мелочами! *Вторая*: не разбрасывай свою тощую валюту на подарки и сувениры бесконечным знакомым, друзьям и родным (за исключением *моих шнурков*, но они тебя не разорят!!!) Купи *себе* обувь по ноге, пальтишко, словом, приоденься и приобуйся — ибо с каждым годом тебе будут всё труднее даваться покупки, заказы, примерки и т.д. Если будешь покупать платье или костюм, и т.д., постарайся, чтобы это было из *несминаемой* (*infrissable*) ткани — тебе ведь больше приходится сидеть, чем ходить, а одежда — мнётся. *Не сокращай срок своего пребывания* — это третья просьба!

Крепко тебя целую, Ада шлет большой привет. Сердечный привет твоим родным¹⁰!

Твоя Аля

⁸ Отсутствие новостей — хорошие новости (*фр.*).

⁹ В письме Бать С.Мотолянскому 7 февраля: «Была два раза в театрах — самых классических, Комеди Франсез и Одеон; видела блестящих по виртуозности актеров» (Архив семьи Бать (Мотолянских)).

¹⁰ Вероятно, Луизе Бериславской, Симонне Рубенович и Жюлю Куинджи.

116

Бать — Эфрон

ОТКРЫТКА¹

Exp. Mlle S. Rubé. 23
rue de Bruxelles, Paris 9,
France

URSS, Moscou СССР,
Москва — А-319
2я Аэропортовская, 16, кв. 268
А.С.Эфрон

Алюша, дорогая! Безмерно тронута твоим заботливым письмом. Всю неделю собиралась тебе писать, но ждала отклика от Е.Н.Старовой², которой послала откр<ытку> сразу же, как приехала. От нее ни звука. Пошла снова, а не то просто заеду к ней³. Сама понимаешь, сколько у меня впечатлений, но я тебя слушаюсь. Впервые в жизни ела устриц и спагетти. Это ли не обогащение? Самофракийская⁴ на месте. Хороша до слез. Венера⁵ и Джоконда⁶ — тоже. Целую тебя, родная, и Аду.

Лидя

¹ Датируется 30 января 1968 по связи с письмом к С. Мотолянскому от этого же числа (Архив семьи Бать-Мотолянских). На штемпеле: Paris 30.1.68.

² См. примеч. 6 на с. 303.

³ 7 февр. Бать писала С.Мотолянскому: «Скажи Але, что была у ее знакомой и получила большое удовольствие» (Архив семьи Бать (Мотолянских)).

⁴ Статуя Ники Самофракийской (ок. 190 г. до н.э.).

⁵ Статуя Венеры Милосской (ок. 100 г. до н.э.). Приписывалась Праксителю.

⁶ Картина «Портрет госпожи Лизы Джокондо» (ок. 1503 г.) Леонардо да Винчи (1452–1519).

117

Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова¹ д. 15
АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв 119
Лидии Григорьевне Бать

27 мая 1968²

Дорогие Лида и Муля, шлем вам привет из нашего прекрасного, но несколько прохладного далека. Как и всегда, трудимся, не разгибая спины (и как это мы умудряемся работать и там, где другие отдыхают!), — но сама перемена декорации, а главное — воздуха, действует благотворно. Цветущая сирень стоит сплошной стеной, цветут тюльпаны, поют озябшие самоотверженные соловьи. Но, увы, Таруса застраивается невыносимыми темпами, и «отмирают» одна за другой ближайшие и милейшие прогулки; уже и сейчас многолюдно через край, транзисторы и репродукторы работают вовсю. Что же будет в сезон! Надеемся, что вы здоровы и благополучны, и крепко целуем. Шушка блаженствует!

Ваши А. и А.

¹ Ул. 1-я Дачная была переименована на ул. Ефремова.

² На штемпелях: 27.05.68–28.05.68.

118

Эфрон — Бать

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

Таруса Калужской обл.

ул. Ефремова д. 15

АЭфрон

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

9 июня 1968²

Дорогая Лидочка, чересчур активный «отдых» во саду ли, в огороде, так повлиял на мои бывшие умственные способности, что я начисто позабыла — написала ли я ответ на твою открытку или просо-биралась? Таким образом пишу — то ли впервые, то ли вновь... Как погляжу на себя с точки зрения всё убывающей памяти и всё прибывающей рассеянности, то нахожу, что Борису Ароновичу³ самая пора делать мне предложение, а то поздно будет: он забудет предложить, а я — ответить.

Стараясь тут жить тихо-спокойно, по-пенсионному, но немир-ный мир всё вторгается и вторгается с убийствами, войнами, забастовками⁴ — мир насилия, предательства и соглашательства, безум-ный — безумный — безумный. А земля все так же кротка и пре-красна, и все так же цветут цветы и стада пасутся, и солнце всё так же капризничает в небесах — творит погоду по своему разумению. Орды туристов, дачников и празднующихся наводняют Тарусу; видя это, местные власти открыли кафе на... 8 столиков; в меню — водка и ежевичное варенье. Само помещение из... листового железа. Студентам-ботаникам, приехавшим на практику, выделили здание (?) бывшей покойницкой, на территории кладбища. По ночам с ме-ста вечного упокоения несутся звуки озябших гитар и выражения, способные поднять живых и мертвых, — всех, кроме районного на-чальства.

Погода, кажется, налаживается; Бог даст, ты хоть на время рас-станешься со своими долгоиграющими казаками⁵ и поедешь —

¹ Изображение букета лилий с надписью: «Поздравляю!»

² Дата доставки на штемпеле: 10.06.68.

³ См. список сокращений на с. 352.

⁴ В апреле 1968 г. в США был убит священник Мартин Лютер Кинг, один из руководителей ненасильственной борьбы за гражданские права негров. В мае начались широкомасштабные студенческие выступления в Париже.

⁵ Шутливое обозначение авторов среднеазиатских республик, с которы-ми постоянно работала Бать.

наконец-то — на дачу. Надеюсь, что разумный человек Муля уже там.

Мы обе целуем вас обоих и передаем самые сердечные приветы Е.М., А.И. и Б.А.⁶. Шуша — тоже!

Ваша *Аля*

⁶ Е.М.Маляревской, А.И.Старцеву и Б.А.Песису.

119

Эфрон — Бать
ПИСЬМО¹

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова д. 15
АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

29 июля 1968²

Дорогая Лидочка, ты, как всегда, «забрасываешь меня письмами». Бог тебе судья, а также узбеки, украинцы и прочие каракалпаки. Не знаю даже, где вы, — усидели ли на даче в недавний ледниковый период или спасались на зимних квартирах, у прохладных батарей? Если оказались героями-дачниками, то теперь вознаграждены, так же, как и я, робким осенним теплом и переменной облачностью, которые кажутся раем после давешних дождей и холодов.

Ада моя укутила вместе с одной приятельницей в гости к другой приятельнице, в Прикарпатскую Украину, и очень довольна и погодой, и природой, и харчем; главное же — новизной обстановки и ландшафта. Ну а я, как всегда, довольна привычным и еще не соскучилась в Тарусе по иным краям. Правда, *entre temps*³, съездила в Углич⁴, по дороге любовалась несколько захиревшим с тех пор, что мы ему посвящали панегирики в *Revue de Moscou*, — каналом⁵, и околосканальскими опустевшими пьедесталами и постаментами. Водохранилища весьма внушительны, хоть и несколько ни к чему; чудна и Волга при тихой погоде, особенно, когда она смущенно бурлит вокруг Калязинской колокольни⁶. К сожалению, в самом Угличе стояли недолго, так что

¹ Эмблема: сдвоенные восьмеркой глобусы и надпись ромбом: VIII международный конгресс по обогащению полезных ископаемых. Ленинград. Июнь 1968.

² На штемпеле дата доставки: 30.07.68.

³ Тем временем (*фр.*).

⁴ Впечатлениями об этой двухдневной поездке (середина июля) Эфрон делилась с В. Орловым 30 июля 1968 г.: «Городок чудесный, древне-провинциальный, сонный, и жутковата эта сонность под сенью восхитительных храмов — как вспомнишь Дмитрия и ожерелье на его шейке; красный храм “Дмитрия на крови”; а какой российский городок не на крови?» (*Эфрон*, II, 335).

⁵ Канал им. Москвы, соединяющий р. Москву с Волгой, был открыт 15 июля 1937 г. как Канал Москва–Волга им. И.В.Сталина. Был построен при участии заключенных ГУЛАГа.

⁶ Водохранилище Угличской ГЭС (1939–1940) затопило 65 населенных пунктов и большую часть г. Калязина. Уцелевшая Калязинская колокольня стала символом «древней стойкости».

приходилось «проникаться» буквально бегом. Гидша нам попалась почему-то ярко выраженная иудейка, и когда она возглашала «мы, русские люди, отстояли Углиш от нашествия монголо-татарских захватчиков», — в глазах окружавших её славян загорелся тот самый татаро-монгольский огонёк. Опасный.

В Тарусе уйма приезжего и пришлого люда, в лесу за грибами — как за ажурными чулками — не пробиться. На территории дома отдыха сперва «возводились» приличные корпуса, потом — «летние домики» — теперь просто стояла; вдоль реки — сплошь палатки, по реке — сплошь байдарки; недостает лишь «чертова колеса», чтобы чувствовать себя в ЦПКиО им. Горького⁷. Одним словом, и отдыха, и культуры доплати, и горько до слёз. Вполне естественно, нет тишины и на могиле Паустовского⁸; для многих это — еще одна «достопримечательность» — наряду с остальными.

На днях думаю быть в Москве, т.к. должна туда приехать одна давняя приятельница⁹, с к<отор>ой я не виделась больше 30 лет; заботы о многоуважаемой Шушке придется доверить соседям; учитывая, что и кошка непростая, и соседи непростые, я заранее не в восторге от этой необходимости. Целую крепко вас обоих, жду встречного ау.

Ваша Аля

⁷ Центральный парк культуры и отдыха им. Горького в Москве.

⁸ К.Г.Паустовский умер 14 июля 1968 г.

⁹ См. примеч. 6. на с. 303.

120

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова д. 15 АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

7 авг<уста> 1968²

Милая Лида, спасибо за весточку — из одного холодного угла в другой, не менее холодный! Погодка всё равно не балует, хоть просветы между тучами и обнаруживаются, и солнце светит иногда. Светит, но не греет. Вообще, ни с того ни с сего навалилась осень и являет свой характер уже месяца два. Так, видно, оно и будет до самых белых мух; даже если и ждет нас ослепительное бабье лето, то всё равно солнечные дни будут короткими — как, впрочем, и всё хорошее на свете. — Как хорошо, что у вас еще один внучок³ появился! я даже и не знала ничего об этом счастливом событии, потеряв на расстоянии счет Наташиным месяцам. Вот *это* хорошее продлится дольше, чем *наши* солнечные дни! Дай Бог здоровья и благополучия всему семейству... А что Наташа-старшая⁴? Играет ли роль бабушки или — более или менее молодой жены?

Приблизительно в то же время, что твой кузен⁵, в Москву собирается и Е.Н.Старова⁶; она должна будет провести здесь около 2^х недель, с 15^х чисел августа до конца мес<яца>. Как только узнаю ее координаты московские, сообщу тебе их, ты, кажется, хотела с ней повидаться. Сама я смогу к ней приехать всего на один день, т.к. на дольше, пока я здесь одна, невозможно. Если Ада попадет в Тарусу *до* конца августа, то съезжу еще раз; но вызывать Аду специально ради этого из того

¹ Гравюра: две синицы на ветке рябины.

² Штемпель Тарусы.

³ 4 июня 1968 г. родился Юрий Леонидович Аксельрод, сын Натальи Григорьевны Бать, внучатой племянницы Л.Г.Бать. Первым «внучком» был Александр Исаакович Лившиц (р. 1954), сын ее племянницы Нины Александровны Бать.

⁴ 9 марта 1962 г. Наталья Александровна Бать (сестра Нины Александровны Бать, мать Н.Г.Бать (см. о ней примеч. 20 на с. 215) вышла замуж за Якова Исааковича Исерлиса (1906–1990). В 1962 г. ей исполнилось 55 лет.

⁵ Ж.Куинджи гостил у Мотолянских во второй половине августа.

⁶ Екатерина Николаевна Старова (1892–1984), эмигрантская знакомая Цветаевых-Эфронов 30-х гг., «помогала Але через благотворительные лотереи в помощь детям русских эмигрантов в сбыте связанных ею шапочек, на деньги от продажи которых одно время жила вся семья» (Эфрон, II, 358).

далека, куда она забралась, не хочу, пусть погуляет в новых местах столько, сколько найдет нужным. Тем более, что вначале и там были дожди и весьма прохладная погода, сейчас же, судя по радио, она наладилась. После возвращения Ады собираюсь так или иначе съездить навестить тётку, привезти продуктов, помочь по хозяйству. Нынче у них трудное и «беспомощное» лето, это всё время меня тревожит.

А не нужен ли вам в хозяйстве продолжатель линии Мурзика? У «наш» родился великолепный котишко, мальчик, очень пушистый, весь в маму, только с белой грудкой, пузом и чулочками, хвост морковкой — красоты несказанной и кроткого нрава. Неужели вы не соскучились по обществу единственного «Юрочки», на которого способен наш возраст и ... пол?! Подумайте-ка! За породу и нрав мы с Шушей ручаемся.

Перечитываю «Мастера и Маргариту»⁷ и еще больше нравится, чем при первом чтении, хоть и многовато дешевой чертовщины. Впрочем, и в жизни так же. Какой сюжет для оперы пропадает! О чем думает Шостакович??

Крепко целую вас, доброго вам здоровья и хорошей погоды!

Ваша Аля

⁷ Роман М.А.Булгакова, впервые был опубликован в журнале «Москва» в 1966–1967 гг.

121

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому
КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ¹

[Горький]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

16 сент<ября> 1968

Дорогие Лида и Муля, путешествие мое² (ибо, несмотря на парход, «шествовать» по твердой земле приходится немало) — очень увлекательно... и очень утомительно, благодаря сверхизобилию впечатлений. Ночь плывем, день стоим; художники, с к<отор>ыми еду, работают во все тяжкие, а я стараюсь увидеть возможно больше невиданного, и к вечеру ноги гудят! Сегодня была в умопомрачительном Городце³ под Горьким, и еще по Горькому побродила основательно. Сейчас прощаемся с Волгой и отправляемся по Оке — уже в обратный путь. Как догадываетесь, на площади, что на обороте, не была! Крепко целую, привет всем!

Ваша Аля

¹ Фото: Горький. Площадь им. А.М.Горького.

² 11 сентября Эфрон и ее тарусская знакомая художница Т.Л.Бондаренко отправились в поездку по Волге с «творческой экспедицией» художников.

³ Город в Нижегородской области, известный художественными промыслами (резьба, роспись по дереву).

122

Эфрон — С. Мотолянскому
ПИСЬМО

[Москва]

[Москва]

13 декабря 1968

Муля мой дорогой, не считай меня последней свиньей (впрочем, *последних* свиней не бывает, ибо племя это — неисчерпаемое!) за то, что я ни разу не смогла тебя навестить. Нет не только дня, но буквально и часа, чтобы я не вспоминала тебя, не думала о тебе и изо всех душевных сил не сочувствовала бы (не тебе, в данном случае, а — с тобой!) Но вот беда — так «навалились» на меня мои тётушки, обе сразу, что ни охнуть, ни вздохнуть, ни встать, ни сесть, ни дух перевести! Я почти полностью перебазировалась на Мерзляковский, в ту же самую конурку, в к<отор>ой и мне довелось прожить в общей сложности лет пять¹, и «стараясь соответствовать», т.е. своей, увы, старостью (тому свидетель пенсия!) подпирать чужую дряхлость — хотя, в общем-то, она (дряхлость т.е.!) мне отнюдь не чужая. Но, как всегда, продолжаю считать, что всё — слава Богу, и, конечно же, так оно и есть! Недавно, стихиям вопреки, отметили Адин день рождения², пили, естественно, за твоё здоровье, что тебе, несомненно, помогло сделать первые шаги (по направлению к дому!). Аня Саакянц раздобыла для тебя в «ихней» библиотеке Гоголя, коего доставила мне на Мерзляковский, я оттуда — на Аэропортовскую, где вручила Абелю, к<отор>ый передаст сегодня Лиде на Черняховскую, а она завтра отвезет тебе на Петровверигский³. М<ожет> б<ыть>, за это время кто-н<и>б<удь> изобрел более короткий и рациональный путь, и вышеуказанный Гоголь уже давным-давно тобой получен и перечитан, покуда мы тут стараемся.

Крепко-крепко обнимаю тебя и целую, родной мой, поправляйся скорее и прочнее! Ада также целует и шлет самые-пресамые сердечные пожелания скорейшего возвращения домой в крепко починенном виде.

Твоя Аля

¹ Фото: Горький. Площадь им. А.М.Горького.

² 11 сентября Эфрон и ее тарусская знакомая художница Т.Л.Бондаренко отправились в поездку по Волге с «творческой экспедицией» художников.

³ Город в Нижегородской области, известный художественными промыслами (резьба, роспись по дереву).

123

Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

[Москва]

С днем рождения, дорогой, дорогой, дорогой Муля! Несмотря на то, что ты приложил все усилия, для того, чтобы сэкономить именинное угощение, мы всё равно своё возьмем и отпразднуем твой день, как только ты вернешься (см. на обороте) и окрепнешь настолько, чтобы хлебнуть нарзанчику, закусить валидольчиком! Скорее, скорее поправляйся, ибо мы все ужасно по тебе соскучились!

Крепко обнимаем и целуем!

Твои *Аля и Ада*

20 декабря 1968 г.

¹ Карикатура худ. В.Г.Литвиненко. «Все хорошо в меру!» Изображены воробьи, напившиеся из рюмки.

124

Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому

ОТКРЫТКА¹

[Москва]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Самуилу Ефимовичу

Мотолянскому (в собственные
руки!)

С наступающим Новым годом, дорогой Муля²! Доброго и прочного тебе здоровья, ибо в нем залог и «покоя и воли»³, и сил, и терпения!

А не пора ли уже запрягать лошадку⁴ и — домой, в объятья дорогой супруги и ее резвых подруг-пенсионерок? («от них первая есмь аз⁵!») Очень все мы по тебе соскучились!

Крепко, крепко целуем!

Твои Аля и Ада

¹ Худ. Д.Белов. «Советский художник». М., 1968. На открытке изображена лошадка, везущая сани со сказочными персонажами.

² Датируется ок. 21 декабря 1968 по связи с предыдущим письмом и по дате на штемпеле: 21.12.68.

³ Из стих. А.Пушкина «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»

⁴ Намек на строки из стихотворения А.С.Пушкина «Зимнее утро».

⁵ Из молитвы Иоанна Златоуста.

1969

125

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова 15 АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

9 мая 1969¹

Дорогие Лида и Муля, пишу вам в день Победы, да сопутствует она вам во всех ваших начинаниях! Доехали мы² комси, комса³, все, как есть, живехоньки, сиречь А.А.⁴, кошка Шушка, котята Макс и Мориц⁵ et moi⁶. Бытовые достижения: в день рождения Володи⁷ вышла из строя последняя колонка и воду надо было таскать из «Святого колодца» — хоть бы он скорее порос «травой забвения»⁸. А в день нашего приезда чтой-то лопнуло на электростанции, и вместо лампочки Ильича пришлось возжечь свечу Аввакума⁹; но теперь всё выправляется: одна колонка водоразборная заработала — хоть и далеко, но зато не в гору ношу теперь воду; и свет зажегся, т<ак> ч<то> жить стало легче и т.д. Понемногу прихожу в себя, стараясь не выходить — из себя же... Погода пока хорошая, даже чересчур — не по сезону. Крепко целую, привет от Ады.

Аля

¹ На штемпелях: 10.05.69–11.05.69.

² Речь идет о переезде в Тарусу на лето.

³ От *comme ci, comme ça* (фр.) — так себе, неплохо.

⁴ А.Шкодина.

⁵ В честь героев популярной до революции детской книжки «Макс и Мо-риц. Озорные истории» немецкого поэта и рисовальщика Вильгельма Буша.

⁶ И я (фр.).

⁷ 22 апреля, в день рождения В.И.Ленина.

⁸ Эфрон, иронизируя над местной достопримечательностью — «святым источником», обыгрывает названия повестей В.П.Катаева «Святой колодец» и «Трава забвения».

⁹ Протопоп Аввакум (1620/1–1682) — церковный и общественный деятель, священник Русской православной церкви, автор многочисленных полемических сочинений. Ироническое сопоставление имен двух ссыльных бунтарей и духовных «светочей».

126

Эфрон — Бать и С.Моголянскому

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.

ул. Ефремова 15

А.Эфрон

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

18 мая 1969¹

Милые Лида и Муля! Только сейчас, в двенадцатом часу сообразила, которое сегодня число, — уже поздно посылать поздравительную — с днем Лидиногo рождения — телеграмму! Примите мои, увы, запоздалые, поздравления и пожелания, и знайте, что вот она я — вместе с вами, хоть и на расстоянии, правда, небольшом.

Весна здесь смятенная, путаная, сумбурная, и сама не знает, кто она, шарахаясь от осени к лету и обратно. Пишу вам, укутанная, как Меньшиков в Березове², а соловьи заливаются, и цветут вишни, и отцветает черемуха, и днем было несколько жарких просветов между порывами ветра и истерическими всплесками быстро проходившего и внезапно начинавшегося дождя. Земля отогревается медленно, никак не очнется от морозной и бесснежной зимы, и я сама еще далеко не разморозилась, не оттаяла внутри себя. Впервые в жизни гляжу на все весенние чудеса и слушаю их как бы со стороны, не ощущая в душе ни жжения, ни рвения, ни тоски, ни радости, — так я устала и так медленно возвращаюсь в себя! Бог даст — вернусь (в себя и даже в весну), — а пока пень-пнём; хотя, кажется, начинаю пускать робкие ростки... Вообще же здесь, конечно, легче дышится, после того, как акклиматизируешься, что происходит не сразу.

Спасибо пребольшое за Исмелин³! Знал бы cousin Jules, для кого старался; впрочем, он такое совершенство (будучи de la famille⁴!), что постарался бы всё равно...

Куда и когда собираетесь отбывать? Если в творческое заведение, то благословляю на скорый отъезд, если к себе на дачу — подождите еще немного: ночи даже у нас, «на юге», еще настолько свежи (да и утра, и вечера) — что время от времени приходится подтапливать, — а ведь ваша дача «холодная», т.е. без печного, кажется, отопления? А вы не из тех, кто для обогрева водку пьет...

Пока дачники не съехались, а местные «цветы жизни» еще в школе,

¹ На штемпелях: 19.05.69–2.05.69.

² Сравнение с одноименной картиной В.И.Сурикова.

³ Препарат, применяемый при гипертонии.

⁴ Здесь: из той же семьи (фр.).

тут тихо-тихо. Но царству тишины считанные дни остаются, скоро мы начнем соревноваться с Палангой (в смысле числа отдыхающих); что до прочего — снабжения, условий и прочих мелочей, то не тот колленкор, отнюдь не тот. Но всё же куда лучше, чем на планете «Венера»; там пусть выпелы живут⁵, а мы уж как-нибудь тут...

Аня погостила у меня около трех дней, очень старалась помогать по хозяйству, преодолевая водораздел между трудом умственным и физическим; привезла мне посмотреть последний [номер] — «Н<ового> мира» и вырезки из газет, которых я долго тут не получала: всякие-разные майские праздники совершенно вывели из строя местное отделение «Союзпечати»; оно, отделение, то «гуляло», то опохмелялось, то отдыхало от всего этого. В результате восемь дней не доставляли газет; «все мы люди, все — человеки», снисходительно говорили подписчики...

Целую вас, будьте здоровы и благополучны, пусть всё будет хорошо! Еще раз спасибо за лекарство.

Ваша Аля

Сердечный привет Абелям и Б.А.⁶ Ада еще в Прибалтике (вернется в конце месяца) — и всех приветствует оттуда.

⁵ 1 марта 1966 г. космический аппарат впервые преодолел межпланетное пространство и доставил на Венеру выпел СССР.

⁶ См. список сокращений на с. 352.

127

Эфрон — Бать и С.Мотолянскому

ПИСЬМО

Таруса Калуж. об.
ул. Ефремова 15
АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне
и С. Е. Бать-Мотолянским

9 июня 1969¹

Дорогие Лидочка и Муля, на свое довольно давнее письмецо вам (в благодарность за Исмелин и вообще) — ответа не получила и начинаю тревожиться — как вы, что вы, здоровы ли, всё ли благополучно, всё ли благополучны? М<ожет> б<ыть>, давно уже обретаетесь где-нибудь, где воздуха побольше, а шума поменьше, чем в Москве? М<ожет> б<ыть>, дышите кислородом какого-н<и>б<удь> Дома творчества? или своим собственным, дачным? или плаваете по какой-н<и>б<удь> Волге-Волге, матери родной на быстроходном красавце дизель-электро-пароходе «Алишер Навои и к^е»? или бродите где-н<и>б<удь> между Ташкентом и Самаркандом, среды акынов и арыков? — так или иначе, а написать мне мне хоть открыточку за три коп<ейки> не рассыпались бы...

Мы тут живем тихо, дышим помаленьку. Весна была настолько мокрой, серой и пасмурной, что я ее даже и не заметила, — и вот уже лето, отцветает сирень, отпевают соловьи, нагрянули дачники и «отдыхающие» — т.е. воспитомцы «домотдыха им. В.В.Куйбышева»; в холодные дни они прогуливаются по пятерке в ряд — в габардинах и под звуки баяна; в теплые — усеивают окрестные луга, облачившись кто просто в трусы, кто в трусы и бюстгалтеры. При виде чего левитановские и поленовские ландшафты сохнут и дохнут с тоски.

Ада недавно вернулась из Прибалтики, всем довольная, несмотря на то, что и там погода не баловала ни солнцем, ни теплом. Но прибрежная готика и раннее барокко даже гармонируют с дождями и туманами, в тех краях не раздражающими, не угнетающими, а даже успокаивающими душу.

Мое здоровьишко по-прежнему хромает на все четыре ноги; однако Исмелин помогает в хронической борьбе с давлением, и своим собственным, и сроднившимся с ним атмосферным. Всё бы ничего, но чувство собственной ненадежности по всем швам — не покидает меня, а также постоянное ощущение тяжелой усталости; от всего

¹ На штемпеле дата отправки: 10.06.69.

устаю; и от ничего устаю; и это — свинство ужасное. Тетки в прошлое воскресенье должны были перебраться на дачу. Никого в помощь им не нашлось; остается лишь на Господа уповать — чем все и занимаемся. Анина книжечка об Уитмене² наконец вышла в Совписе³ — вызвав восторг её отца⁴ — и ничей больше; но это — нормально. В 7^м № альманаха «Прометей», к^{отор}ый вот-вот выйдет, — мамина проза «Наталья Гончарова»⁵.

В июле, е. б. ж.⁶, собираемся проехаться по Сев<ерной> Двине и Сухоне — от Архангельска и до Архангельска — там тоже очень знакомые и памятные мне места. Очень хочется набраться сил для этой поездки — у меня их еле хватает, чтобы сидеть на месте! Обнимаю вас, напишите словечко! Привет сердечный от Ады, Шуши.

Ваша Аля

[На полях:] Привет «всем нашим»!

² Речь о неустановленной редакторской работе А.Саакянц.

³ Издательство «Советский писатель».

⁴ Александр Христофорович Саакянц, юрисконсульт.

⁵ Цветаева М.И. Наталья Гончарова (жизнь и творчество) // Прометей. Вып. 7. М., 1969. С. 144–201.

⁶ «Если буду жив» — сокращение, которым пользовался Л.Толстой в своих дневниках.

128

Эфрон — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской,
ул. Ефремова 15
АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

15 июня 1969¹

Милая Лидочка, твоя записочка дошла до меня быстро, спасибо, что откликнулась и сообщила о ваших с Мулей перемещениях! Я рада, что ты на воздухе, в таинственном месте под названием Периделкино, Перидилкино², — надеюсь, что найдешь время не только для работы и «контактов», но и для обыкновенного человеческого отдыха! А Муля отдыхает с кем-н<и>б<удь> из «своих» — или сам по себе³? Очень, очень надеюсь, что вам удастся объединиться и отдохнуть вкупе («в купе»), как произносил в Рязани⁴ один дяденька из сети политпросвета), — что погода будет благоприятствовать и вокруг будут милые люди; впрочем, вокруг вас все милеют! Даже я, хотя это не всегда заметно простым глазом.

Мы собираемся (Ада, Аня и я) в июле проехать по Сев<ерной> Двине и Сухоне до Великого Устюга (рейс двухнедельный, Архангельск — Архангельск). Конечно, не очень представляем себе, где приземлимся на обратном пути в Архангельске⁵ и как удастся добыть обратные билеты до Москвы, — но уповаем на Господа, авось не придется ночевать на свежем воздухе под сенью соответствующего монумента — на вокзальной площади. И эти северные места знакомы мне, и там привелось поработать не по специальности⁶; тем более приятно будет взглянуть на них со стороны — и по собственному желанию. И за собственный счет — *не казённый*!

Я чувствую себя немного лучше, чем в Москве, — воздух и солнце сквозь переменную облачность помогают, а также Исмелин. Но

¹ На штемпеле дата доставки: 16.06.69.

² Слова «Периделкино» и «Перидилкино» вырезаны из письма Бать и вклеены в письмо.

³ Вероятно, С.Мотолянский находился в Малеевском Доме творчества, а Бать — в Переделкинском.

⁴ Эфрон жила в Рязани после освобождения из лагеря с сентября 1947 г. до повторного ареста 22 февраля 1949 г.

⁵ Два дня они провели в Архангельске у родственников жены А.Б.Трухачева, двоюродного брата Эфрон.

⁶ В 1941–1943 гг. Эфрон находилась в Коми АССР в заключении.

— ноги болят еще сильнее, чем зимой, — при ходьбе. Верно — сосудистое, т.к. вместе с сердцем особенно противно реагируют на всяческие перепады давления — атмосферного и своего собственного. Еле доползаю от крыльца до калитки в иные дни; но всё же иногда отваживаюсь на недалекие прогулки: туда — в охотку, обратно — еле-еле. Конечно — духа не угашаю, но, вероятно, надо бы просто лечиться, пока не поздно... Однако, как только подумаю о бесконечной маяте в «полуклинике» литфондовской, так именно туда ноги не несут!

Шуша живет в свое удовольствие, бдительно охраняет нашу территорию от пришлых котов; её роскошных пушистых сыновей отдали *в одни руки*, в одну милую московскую семью; воображаю их прыжки на новом месте и восторг новых хозяев!!!

Прости за скорое и пустоватое письмо — Аня торопится на автобус, а письмо будет опущено в Москве; скорее дойдет до твоей московской квартиры, в которой сейчас никого нет...

Крепко целую тебя и Мулю — Мулю на расстоянии тоже можно! — Аня и Ада присоединяются.

Твоя Аля

129

Эфрон, А.Шкодина и А.Саакянц —
Бать и С.Мотолянскому

ОТКРЫТКА¹

[Сольвычегодск?]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

24 июля 1969²

Дорогие Лида и Муля, самый сердечный привет вам из мест не столь отдаленных! Много повидали красот и не-красот, и померзли, и пожарились на солнце — паломничество наше подходит к концу³. Самым ярким впечатлением поездки несомненно останется Великий Устюг⁴, кажется, нет города краше среди виденных мною. К сожалению, рейс этот организован далеко не блестяще, много «накладок» — но красота увиденного компенсирует все неполадки. Целуем вас мы трое, надеемся, что хорошо отдыхаете, — хотя Лида отдыхать не умеет!

Ваши А., А. и А.⁵

¹ Фото: Соловецкие острова. Берег Кислой Губы. Прилив.

² Штемпель: Сольвычегодск 25.07.69–28.07.69.

³ Эфрон писала, что они «всласть налюбовались» на памятники деревянного зодчества — «от красоты их и заброшенности сердце обливалось кровью» (Эфрон, II, 350–351).

⁴ Город в Вологодской обл., центр древнерусского зодчества.

⁵ А.С.Эфрон, А.А.Шкодина и А.А.Саакянц.

130

Эфрон — Бать и С. Мотолянскому

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

21.8.69

Дорогие Лидочка и Муля, вы, верно, в Москве по этой подлой погоде? Или перебрались в какой-н<и>б<удь> *солнечный* дом творчества? Как бы там ни было и где бы вы ни обретались, постоянно вспоминаю вас, постоянно мысленно разговариваю с вами — о прочитанном, увиденном, услышанном... Пока же тарусская жизнь идет своим, ненастным, чередом, из грозы ныряем в заморозки, из заморозков — в циклон с Белого или Охотского моря, из циклона — в элементарный дождик местного значения... Ко всему этому воленс неволенс¹ начинаешь привыкать, как привыкла Прибалтика к своим непогодам (кстати, там нынче для разнообразия почти сплошь безоблачное лето!) От поездки по Сев<ерной> Двине и Сухоне множество добрых воспоминаний и впечатлений, неполадки же этого рейса, к<отор>ых было более, чем достаточно, уже улетучились из натренированной памяти. Очень ждем вашей весточки, надеемся, что оба — здоровы, это — главное. Крепко целую Вас, Ада тоже.

Ваша Аля

¹ Шуточно измененное латинское выражение *volens nolens* — волей-неволей.

131

Эфрон — Бать и С.Мотоянскому

ПИСЬМО¹

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова 15 АЭфрон

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

14 сентября 1969²

Дорогие Лидочка и Муля, все время вспоминаю вас в эти неожиданно дарованные нам светлые и теплые дни «бабьего лета», и надеюсь, что они застали вас где-н<и>б<удь> «на природе», которая так сейчас хороша! Впрочем, вспоминаю вас в любую погоду, какое там лето ни будь, бабье ли, для лиц ли обоего пола! А теперь скоро и увидимся, уже начинаем понемногу сворачивать свое тарусское хозяйство, не успев опомниться от недавнего разворачивания его.

Новостей тут у нас особых нет — не вам чета; здешние новости обычно тихие, жвачные — у кого чего уродилось или народилось, кто это приехал к соседям и почему мясо на базаре. Почём бы оно ни было, Шушка без него не сидит, хотя мне это стоит немалых усилий: базар далеко, а ноги болят. Иногда приезжает на week-end³ Аня и снабжает новостями в масштабах Гослитиздата и своих собственных. И те, и другие (новости) по-прежнему лезут в привычные ворота, а что дальше будет — узнаем, своевременно или несколько позже⁴. Писала ли тебе, что только сейчас до меня дошла «Зеленая лампа» Либединской⁵, — неожиданно занятой оказалась для меня эта книжечка, попури из супружеской любви и превратностей эпохи, которую она (автор) *равномерно* реабилитирует и обвиняет, достигая в этих несовместимостях определенной симметрии. Подтекст этой книги, конечно, крупнее и значительнее текста, в к<отор>ый постоянно вносишь поправки. Я ей напишу по поводу несправильностей в кусочке, относящемся к МЦ, — конечно, с полнейшей до-

¹ Рисунок на конверте: Железноводск. Каскадная лестница.

² На штемпеле дата доставки: 15.09.69.

³ Выходные дни (англ.).

⁴ В отношениях Эфрон и А.Саакянц наступило некоторое охлаждение из-за «измены» Цветаевскому делу» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 107).

⁵ Либединская Л.Б. Зеленая лампа. М., 1966. Воспоминания писательницы Лидии Борисовны Лебединской о писателях и поэтах, ее друзьях и современниках, в том числе — о поездке Либединской вместе с М.Цветаевой, Г.Эфроном и А.Крученых в усадьбу Кусково 18 июня 1941 г.

брожелательностью напишу; к чему множить выдумки, если не в состоянии творить легенды?

Видели ли вы новое издание Лорки⁶ в золотой суперобложке? И переводы⁷, и отчасти оформление⁸ понравились мне...

Крепко обнимаю вас, Ада также. Главное, будьте здоровы!

Ваша Аля

Сердечный привет Абелям и Б.А.⁹

⁶ Лорка Ф.Г. Лирика. М., 1969. Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936), испанский поэт, драматург.

⁷ В книгу включены переводы М.Цветаевой.

⁸ Оформление принадлежит художнику В.Юрлову.

⁹ См. список сокращений на с. 352.

1970

132

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ²

[Волга близ Углича³]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

7 июня 1970

Дорогой и милый друг Лида, пишу тебе яснейшим, тишайшим волжским вечером, солнце только что закатилось, от него остался прозрачный розовый столб, вроде вертикального облака, — тихо засыпающее в лиловатом небе сияние. Встал узенький, новенький месяц, такой молоденький, что и в воде не отражается еще. Такой покой, такой простор — как недостает их нам в вечных теснотах жизни! Плынут курчавые купы деревьев и повторяют их в четких своих очертаниях стойкие купола недорубленных церквей. Деревни уже спят — ни огонька, и антенны над крышами — как шесты для скворешников, мирны, вечны и не отдают цивилизацией. Цивилизация же — вот она, расписалась в небе длинным следом от реактивного самолета, но затуманился и уснул и этот росчерк, забыв исчезнуть, так дети засыпают на бегу... В дороге сопровождает нас подаренная Мулей⁴ книжечка — путеводитель, в который заглядывали вы оба во время такого же путешествия⁵, — и очень дорога нам обеим эта книжечка. Пусть нельзя дважды вступить в ту же реку, но заглядывать в одну и ту же книгу — пусть заглавие ее всего лишь «Москва — Астрахань» — можно, как можно прочесть в ней куда больше, чем в ней написано, и столько перечувствовать и продумать. Что можно сказать о главном, кроме как — спасибо жизни за всё добро и всю радость, которую она нам дала, спасибо людям, любившим нас, прощавшим нам, одарявшим и озарявшим нас собою. Спасибо памяти сердца, способной избирать значительное и хранить его, спасибо негасимому свету угасших звезд, согревающему нас не меньше, чем лучи сегодняшних солнц... Я все время думаю о тебе, все время с тобой, дорогая моя.

Обнимаем тебя сердечно, будь здорова, будь умницей!

Твои А. и А.

¹ Складная. Фото Т.Бакмана: Вход в Волго-Донской судоходный канал им. В.И.Ленина (панорама). Издательство «Советская Россия».

² Фото: Горький. Речной вокзал.

³ Место написания установлено по письму к Е.Эфрон от этого же числа.

⁴ С.Е.Мотолянский умер 18 мая 1970 г., в день рождения Бать.

⁵ См. письма № 46, 47 на с. 202–206.

133

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПИСЬМО

Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова 15 АЭфронМосква А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать12 июля 1970¹

Дорогая моя Лидочка, не знаю, дошло ли до тебя письмецо, опущенное в один из многочисленных почтовых ящиков, рассеянных между Москвой и Астраханью; надеюсь, что да, и что оно послужило — пусть и слабеньким, но все же доказательством наших постоянных дум о тебе, особенно в течение этой, такой тебе знакомой, поездки². Съездили мы, в общем, хорошо, погода почти всю дорогу держалась самая «пенсионная» — солнечная и прохладная, природа, города и веси блистали всеми красками — своими собственными и раннего лета. Жаль только, что некоторые интересные стоянки были коротковаты по времени, — в частности, в Ярославле, который так хотелось бы осмотреть более обстоятельно и с душой... Зато в Астрахани провели целый неспешный день³ и полюбовались многим — многими, т.к. население там — оседлое и кочевое — самое многонациональное и многопородное, какое только можно себе представить в наши дни. В Астрахани были в день выборов, благодаря каковому обстоятельству смогли там попробовать осетрины и икры; в будние дни ничего, кроме килек, вниманию потребителей не предлагается.

Только на обратном пути последние 2–3 дня погода нахмурилась, а на каком-то из водохранилищ (все они перепутались у меня в голове!) даже покачало нас с полчаса; слава Богу, что не дольше! В Москве на Речном вокзале нас очень мило встретила Аня, помогла тащить чемоданчики и схлопотать такси; в столице нашей родины почти не задержались, отправились в Тарусу. Тут — свой привычный круг обязанностей, толчемся во саду ли в огороде и т.д. Почти все время стояла (тут в Тарусе) душная околोगрозовая погода, которую я очень плохо переношу, и потому чувствовала себя весьма неважно с обоих концов, т.е. со стороны головы и со стороны задних конечностей, ни за какое «ум-

¹ На штемпеле дата доставки: 13.07.70.

² Бать и С.Мотоянский побывали в Астрахани летом 1960 г.

³ 14 июня 1970 г. Эфрон писала Е.Я.Эфрон: «Город весь в зелени, весь благоухает цветущими розами, а ветры дуют прямо с Каспийского моря! <...> два города манили: Архангельск и Астрахань, и увидела их своими глазами» (Эфрон, II, 368).

ственное» дело не могла взяться; наверное, очень повышалось давление... Кстати, милый Муля обещал мне еще один флакон «Исмелина», если найдешь в его лекарствах, то побереги для меня, ладно? Это пока единственное, что кое-как помогает. К счастью, последние два дня стало легче дышать, я опять воспрянула в пределах возможного и надеюсь завтра начать помаленьку работать над переводом Готье⁴, которых нахватала себе, — впрочем, не так-то уж много, но работать стало трудно из-за этой самой гипертонии... Прости за эти скучные строки, дорогая моя, их, наверное, нудно читать. В Москве мимолетно повидала очень милых и очень тебе преданных Абелей, один раз забежала и к Нине Гордон⁵, к<отор>ая еще похудела, плохо выглядит, устала — и неуклонно думает об одном и том же⁶. Слава Богу, со 2го июля она на даче с друзьями мужа, в Репине под Ленинградом; авось отдохнет и наберется сил — хотя бы физических.

Крепко обнимаем тебя, будем рады, если напишешь словечко!

Твои А. и А.

⁴ Переводы Эфрон для изд.: *Готье Т.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1972. А.Саакянц пишет: «Ариадна Сергеевна перевела десять стихотворений из цикла “Эмали и камней”, “заменив” запрещенного в то время Гумилева» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 78).

⁵ См. примеч. 14 на с. 122.

⁶ В апреле 1969 г. скончался ее муж, И.Д.Гордон. «Симонов помог мне выжить <...> И еще меня спасали моя племянница и Аля Цветаева. <...> Аля бывала целыми вечерами, потому что я была в совершенно невменяемом состоянии» (Ростова О. Голубые хрустальные бусы: О Нине Павловне Гордон // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве (2001, 2002 гг.): Сб. докладов. М., 2003. С. 110).

134

Эфрон — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Переделкино]

14 августа 1970

Дорогая Лидочка, прости, ради Бога, что так долго не отвечала на твою открытку, — просто отвратительно чувствовала себя в эту жару, даже на письмецо сил не было. Надеюсь, что ты еще на воздухе и не заперлась в Москве, также надеюсь, что ты, приемная дочь Узбекистана и приемная мать его литературы XX века, не слишком страдала от неожиданно раскаленного лета. Что до меня, то продержалась на лекарствах и в силу своего (бывшего) прелестного характера. Ада ездит по Прикарпатья — довольна, дай Бог, чтобы не попала в какой-н<и>б<удь> карантин¹, как это произошло с некоторыми туристами южных направлений. Должна вернуться в конце месяца. У меня гостила Аня С<аакянц>, сегодня уезжает. С погодой ей повезло, хотя и через край, — слишком жарко было даже для армянца. Слава Богу, теперь попрохладнело и не надо поливать садик-огородик — об этом в кои-то веки небушко позаботилось. Крепко обнимаю тебя, дорогая! Всегда с тобой.

Твоя Аля

¹ В августе 1970 г. на юге России вспыхнула эпидемия холеры. В Одессе, Ростове-на-Дону и Астрахани был введен карантин.

135

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

Таруса Калужск. обл.
ул. Ефремова 15
АЭфрон.

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

1 сентября 1970

Дорогая моя Лидочка, от тебя за всё время получила открытку — впрочем, и это слава Богу, но хорошо бы почаще! Хочется знать, как тебе живется, как ты «дюжишь», дорогая моя. Боюсь, что дома, в Москве, тебе тяжелее, чем под чужим (нейтральным) кровом в Переделкине, среди чужих (нейтральных) людей. Правда, зато в Москве и близкие — ближе, и, м<ожет> б<ыть>, они вносят какое-то равновесие в жизнь...

Я тут, настрадавшись от жаркого лета, накликала, наконец, такое похолодание и такие ливни с небес, что и сама была не рада; но вот вдруг опять прояснилось, опять появилось солнце, уже не жгучее, а очень доброе, и вновь воспрянули было приунывшие георгины и гладиолусы — и я вместе с ними! Наконец-то стало возможно дышать — а то всё задыхалась; к сожалению, моему климату недолгий срок, и вряд ли удастся наверстать всё, упущенное летом, — в смысле работы и в смысле отдыха. За все это время перевела 2 стихотворения Готье из 15-ти обязательных; правда, неплохо перевела, но надо ведь, чтобы и качество переходило в количество, иначе — какой в нем смысл! В общем, живется нелегко и непросто, но способности *еще* радоваться чему-то и кому-то, слава Богу, пока не утрачиваю. Недавно навестила меня Руфь², рассказала про теток, Е.Я. опять в депрессивном состоянии, а тетя Зина вроде бы пободрее после двухмесячного лечения в больнице. Обе в Болшеве, на старом дачном пепелище, Руфь подпирает их, как может, а я могу лишь довольно скудными денежными дотациями, т.к. ноги мои не носят меня больше на такие расстояния. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, в сентябре по прохладе сумею как-н<и> б<удь> доползти до них — мы соскучились друг по другу, да и тревожно за них всегда, и чем дальше, тем тревожнее...

Ада ездила в Закарпатье по туристической, очень дешевенькой,

¹ Дата доставки на штемпеле: 2.09.70.

² Руфь Борисовна Вальбе (1925–2012), многолетняя помощница Е.Я.Эфрон, ставшая ее нареченной дочерью. Впоследствии она многое сделала для публикации наследия А.Эфрон: ее писем, воспоминаний, альбома графики, книги переводов.

путевке, осталась довольна и погодой, и пейзажами, хотя и сервис, и окружение оставляли желать лучшего; но все же подобрались и приятные спутники, т^{<ак>} ч^{<то>} в общем все было хорошо. Слава Богу, что то украинское направление не подпало под холерные чары и всё обошлось без карантин³ и треволнений³; что до меня, то я очень рада, что удалось проехать по Волге до Астрахани... и даже обратно, так сказать, *вперед* эпидемии; но жалко астраханцев ужасно; помимо всего прочего, область ведь очень пострадает и материально.

Прости за телеграфный стиль и слог — пользуюсь оказией в Москву, авось вернее дойдет. Крепко обнимаем тебя и всегда помним мы обе; передай самый сердечный привет милым Абелям!

Твоя Аля

³ См. примеч. 1 на с. 323.

1971

136

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ПИСЬМО¹Таруса Калужской обл.
ул. Ефремова 15
АЭфронМосква А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать

6 июня 1971

Дорогая моя Лидочка, если до сих пор не написала тебе, то это лишь по недостатку сил и времени, — главное, первого, ибо времена всё те же — 24 часа в сутки! А так — думается о тебе постоянно, и вспоминается — в той параллельной жизни, которая не по поверхности... Особенно думала (м<ожет> б<ыть>, ты почувствовала это!) 18 мая²; этот день, с роковой его *Двойственностью* не поддается (у меня) внешним знакам проявления *единства* чувств — и к вам обоим, и к этому дню; ни лаконичности телеграмм, ни протяженности писем; на *это* по-прежнему слов нет. Но мы друг друга без слов знаем и понимаем... Со всей высоты прожитых лет, и как прожитых! А ведь единственный *смысл* старости — это ее высота, это — когда она — высота; свои годы я так и ощущаю — с этой точки хорошо и далеко видно, и больше доброты в сердце к бывшему, сущему и грядущему...

Тут у нас было хорошо, красиво — всё цело, всё плодовые сады, в которых утеснилась Таруса, — но к сожалению, еще более сильная, чем в Москве, жара (мы — южнее!) и засуха страшная, за месяц ни единого дождя, временами фланировавшие тучи грозовые обходили нас стороной; вот только сегодня впервые посвежело и — дождик, долгожданный. Боюсь, что теперь зарядит надолго, скучно будет! Трудов всяческих у нас, как всегда, уйма — Ада много поработала во саду ли, в огороде — чтобы хоть какие-то «витаминчики» были под рукой, а то тут ведь можно среди зелени жить и зелени не добыть — базар раз в неделю и так далеко, что я до него не добираюсь теперь, Ада же не в состоянии вставать в 6 часов ради покупок! Я — больше по домашности, ну, в общем, домишко более или менее в порядке, участок — тоже; правда, за пределы его я еще не выходила ни разу, только за водой; в жару сильнее болят и ноги, и голова. Дома же и стены помогают, и даже забор! Но вот попрохладнело, авось удадутся

¹ Дата доставки на штемпеле: 7.06.71.² День рождения Бать и годовщина смерти С.Мотоянского.

мне какие-нб, самые ближние, прогулки... Тетки с грехом пополам (и с Руфью на три четверти) — перебрались на дачу; дал бы только Бог, чтобы Лиля сохранила подольше то подобие физического и неврологического равновесия, к^{отор}ого добились и врачи, и сильная ее природа в последнее время, — Болшевские пенаты привычны им, и при запасе продуктов дома они могут кое-как существовать просто вдвоем с Зин^{аидой} Митр^{офановной} (Руфь уезжает и приезжает). Им очень помогает воздух, зелень, подобие воли и отсутствие коммунальных раздражителей. Впрочем, почти всем это помогает. Я захватила с собой кое-какую (цветаевскую околоархивную) работу³, надеюсь тут продвинуть ее и сама хочу позаписать кое-что из помнящегося⁴. На что-то слитное не замахиваюсь, хочу хотя бы отрывочно записывать важное о маме; впрочем, всегда это делаю, но не систематически, увы! Второстепенные задачи заедают. Очень жду твоей весточки — хотя бы неск^{олько} слов на открытке. Жаль, что не удалось посидеть последний вечер вдвоем! Самый сердечный привет Абелям и Песисам⁵! Крепко обнимаем!

Твои А. и А.

³ Эфрон совместно с Е.Коркиной (о ней см. письмо № 148 и примеч. 2 к нему на с. 341) готовила описание архива М.Цветаевой для передачи в ЦГАЛИ СССР.

⁴ См.: Эфрон А.С. Страницы воспоминаний // Звезда. 1973. № 3. С. 154–180; Эфрон А.С. Страницы былого // Звезда. 1975. № 6. С. 148–189.

⁵ Б.А.Песис и, вероятно, его жена Надежда Михайловна Жаркова (1904–1986), переводчица.

137

Бать — Эфрон
ПИСЬМО

[Москва]

[Таруса]

10/VI 1971

Дорогая моя Алечка!

Большую радость доставило мне твое письмо, как впрочем, все твои письма. Твой почерк я узнаю из тысячи. У нас жара и духота сменяются грозами, доставляющими недолгую передышку.

Завидую доброй завистью, что дышишь хорошим воздухом, наберись его побольше. Я на днях еду в Переделкино; как только буду знать точно, напишу.

Читала ли ты, вышедший год назад, роман Томаса Манна «Иосиф и его братья»¹? Мудрая книга! Читается медленно, но не потому что трудно написана (есть страницы совсем без абзацев), а потому, что не хочется пропустить ни одного слова. Мне очень интересно было бы поговорить именно с тобой об этом романе, но я еще стою у самых истоков его.

У меня все то же, все те же... Ты словно заглянула мне в душу и понимаешь, что в ней делается. А так «все спокойненько»²...

Если бы ты знала, какую радость мне приносят твои письма, то писала бы чаще. Но я понимаю, как ты занята, и не ропщу. А все же пиши, хоть коротко.

Из Переделкина напишу тебе подробнее, с деталями.

А сейчас крепко тебя целую.

Передай Аде мои сердечнейшие приветы и пожелания всего лучшего.

Лида³

¹ Имеется в виду издание: *Манн Т. Иосиф и его братья*. В 2 т. М., 1968. Переводчиком был С.Апт, знакомый С.Мотолянского.

² Из песни В.Высоцкого «На кладбище».

³ [На обратной стороне конверта рукой Эфрон:]

Когда встаешь ты ото сна,
Авроре ласковой подобна
То, кажется, пришла весна

Ю

Ш

А

С

Т

А

Р

О

В

А

Адресат неоконченного акростиха — Е.Старова.

138

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва?]

20 августа 1971

Лидочка моя дорогая, так давно не знаю ничего о тебе, не дождавшись обещанной весточки из Переделкина! Как ты провела там свой кусочек лета? Отдохнула ли, или, наоборот, устала? — от людей и неизбежных разговоров? И вообще: отдыхала ли там, или работала? Из моих благих порывов написать тебе обстоятельное послание, как видишь, ничего не получилось: чем старше становишься, тем меньше часов оказывается в сутках! Дай, думаю, пошлю хоть открыточку — авось, как аукнется, так и откликнется! Я тут, как всегда, в бездне всяких дел и делишек — и, как всегда, сделанного нет!¹... Зато бывает солнце и еще цветут цветы... Целую крепко, жду весточки!

Твоя Аля

¹ 25 августа Эфрон писала А.Саакянц, что причина медленной работы над воспоминаниями — не только в необходимости проверять факты, но и «в некоем внутреннем разброде <...>. Все во мне устало и многое износилось» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 108).

139

Эфрон — Бать
ОТКРЫТКА¹

[Москва]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

Дорогая Лидочка, мы с Адой и Шушкой желаем тебе всего самого доброго и светлого в наступающем году² — главное же — надежного здоровья!

Крепко обнимаем!

А. А. Ш.

Передай наш новогодний привет Дейчикам и Марусе!

¹ *А.В.Голубев. Васька любит рыбу. М.: «Советский художник».*

² Московский штемпель 30.12.71. Датируется ок. 28 декабря 1971 г.

1972

140

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Таруса]

[Москва]

21 мая 1972

Дорогая Лидуша, кое-как перебазировалась на летние квартиры — с уймой вещей — если это можно назвать вещами — и с небезызвестной Шушкой, тотчас же на старости лет пустившейся в загул. Я еще не очухалась и еще довольно-таки дохла́, Ада тащит на себе весь частнохозяйственный груз, как по энтерье́ру², так и по участку, и еще не ругается — некогда. Напоследки в Москве у меня испортился телефон — диск, и я даже не смогла набрать дружественных номеров — не попрощалась даже с Абелем и с Абдель Нуки³; авось извинят и меня, и телефонный сервис. Тут то холодно, то жарко, — цветут вишни! — себе бы так! — но чегой-то не цветется и устается от всего... Крепко целуем тебя.

Твои замотанные дачницы А. и А.

¹ На штемпеле дата доставки: 22.05.72.

² От *intérieur* (фр.) — интерьер, внутренний вид помещения.

³ Возможно, шутиливое прозвище Е.М.Маляревой.

141

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

[Москва]

17 июня 1972

Дорогая моя Лидуня, спасибо за долгожданную весточку; я уже стала тревожиться, зная твою аккуратность и организованность: здорова ли ты, в пределах возможного? Мы тут изнываем от жары (будучи южнее Москвы!) — всё сохнет, всё быстро отцветает — и жасмин, и пионы, и ирисы... Роз у нас давно нет — только полудикие, июньские. Настоящие сортовые требуют такого ухода, какого мы им обеспечить не можем, сами нуждаясь в оном! Как ты, моя дорогая, переносишь эти погодные скачки? Когда и куда собираешься «в отпуск»? Пиши хоть наикратчайше, чтобы мне не отрываться от тебя и знать о тебе хоть в общих чертах. Напиши (для нашей Зины, чье состояние ухудшилось) — какое средство принимаешь теперь? Она все еще на Ромпаркине², надо что-то более действенное. Крепко обнимаем!

Твои жареные А. и А.

¹ Фото А.Штеренберга: Маки. М., «Советский художник».

² Лекарство, применяемое при болезни Паркинсона.

142

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

[Москва]

21 июля 1972

Дорогая моя Лидуша, как-то ты «вытерпляешь» эту жару? Мне лично она расплавилась остатки, и так жалкие, серого вещества — живу без оного. В прошлой своей весточке я спрашивала тебя — как называется следующее после Ромпаркина средство — нашей Зине необходимо активизировать лечение: представь себе, что при переезде на дачу она упала со ступенек террасы, сильно ушиблась, и общее состояние ее ухудшилось в связи с этим. Пожалуйста, не забудь отозваться на этот вопрос! Там ведь нет специалиста, а возить ее специально по этой жаре — только мучить! Крепко обнимаю, на днях напишу всерьез.

Твоя Аля

143

Эфрон — Бать
ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

[Москва?]

20 сент<ября> 1972

Милая Лидочка, очень была рада твоему звонку в мой день рождения, твоей неизменной памяти и дружбе. Всё меньше остается нас, помнящих... и даже звонящих и поздравляющих!

Очень грустно у меня на душе, и тяжел был этот год²... и вряд ли ожидают более легкие годы! Но — ке фэр³? Спасибо за то, что есть, ибо на всякое плохо бывает еще хуже, чем и утешаемся!

Мы тут убираемся, собираемся, копаемся, сворачиваемся — в первой декаде октября авось вернемся на зимние квартиры. Крепко целуем, привет Абелям.

Твоя Аля

¹ Фото: Анютины глазки.

² Угнетало нездоровье, свое и близких, потери (в апреле умер А.И.Дейч, в сентябре — Ф.И.Хайкинсон), неудачные попытки отметить 80-летие Цветаевой. А.Саакянц сообщала: «“Лит<ературная> газета” дважды отказалась печатать отрывок из поэмы “Молодец”; никто из писателей не собирался хлопотать о цветаевском вечере в Доме литераторов; даже в малом зале очень проблематично устроить что-либо» (Саакянц А.А. Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 37).

³ Часто употребляемый Эфрон оборот — популярное в эмиграции выражение «Кё фэр? Фэр-то кё?» из рассказа Тэффи «Кё-Фэр». От que faire? (*фр.*) — что делать?

144

Эфрон и А. Шкодина — Бать
ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ²

[Москва]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать

Пусть триста шестьдесят пять дней,
Нам предстоящих вскоре,
Текут, как млеко и елей,
Без горести и хвори!

Здоровья тебе, дорогая моя Лидуша, радостей побольше и покоя —
внутри себя и вокруг! Крепко обнимаем тебя!

*Аля и Ада*Москва, декабрь 1972³

¹ Складная: «С Новым Годом!» Фото Б. Раскина, оформление Э. Пономаревой (еловые ветви и снежинки). Москва, 1972.

² Надпись: «Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых. Всесоюзный смотр научно-технического творчества молодых».

³ Датируется ок. 28 декабря 1972 г. (дата доставки на штемпеле: 29.12.72).

1973

145

Эфрон — Бать
ПИСЬМО¹Калужской обл.
Таруса 249810
ул. Ефремова 15Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать21 мая 1973²

Дорогая моя Лидочка, только сегодня рука «отпустила» настолько, что могу нацарапать тебе несколько строчек, чтобы сказать, что добились мы вполне благополучно по вполне приличной погоде и по вполне неприличной дороге (участок Серпухов—Таруса напоминает, насколько могу себе представить, первые дни творенья, когда Господь, отделив свет от тьмы, еще не определил точные границы суши и воды и не отдал все транспортные рытвины и ухабы нашей любимой родине. Причем, по-видимому, навсегда!). Всю эту неделю возились, по мере возможности облагораживая наше жилище и участок. Львиная доля работы выпала нынче на долю Ады, т.к. у меня, помимо руки, разболелась еще и нога. Какой-то воспаленный нерв блуждает по мне, как призрак коммунизма по Европе, — и кто его знает, чего он блуждает (нерв, в смысле!) Погода тут в ассортименте, выпадают деньки ясные, почти летние, а бывают и обложные дожди; слава богу, всё пересушили и проветрили, что следовало, все подушки, матрасы, постели и т.д., а то первую ночь спали, как в компрессах.

Окрестные плодовые сады цветут роскошно — все на свете деревья, и яблоки, и вишни, и сливы, и груши; у нас — только одна яблонька, цветет и она. Ранние тюльпаны и гиацинты уже отцветают, поздние — на подходе. Сирень зато так себе — рано прилетевшие птицы склевали почки. На огороде готовы к употреблению ревень, лук зеленый и лук порей да сельдерей с петрушкой. Остальное — в виде миниатюрных всходов. Над всем царят соловьи; их не только слышно, но и видно — простенькие птички среди яблоневого цветения.

18 мая вспоминала тебя и дорогого нашего Мулю. Ты это знаешь. А 16^{то} ты, верно, была на вечере Дейчика³. Напиши словечко — как прошел вечер, кто выступал и как? Народу, вероятно, было множество

¹ Худ. Б.Пармеев: 1 мая (виньетка в народном стиле).

² Даты на штемпелях: 23.05.73— 24.05.73.

³ Вечер памяти А.И.Дейча, скончавшегося 8 апреля 1972 г.

великое; мне очень и очень жаль, что не было среди этого множества и меня; Дейчик всегда был добр ко мне, я это чувствовала и помню. Передай мой большой привет Жене⁴, которая, несомненно, вложила столько сил в устройство этого вечера; да и в самого Дейчика.

Мы обе крепко тебя обнимаем, моя дорогая. Будь, главное, здорова! И поприветствуй от меня милых Абелей, Б.А.⁵ и хранительницу твоего очага — Марусю.

Твоя Аля

[На полях:] Наш новый № телефона в Тарусе — 9-15-74

⁴ Е.К.Малкиной-Дейч.

⁵ См. список сокращений на с. 352.

146

Эфрон и А.Шкодина — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

249810 Таруса
Калужской обл.
ул. Ефремова 15

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать
125319

5 июня 1973¹

Лидочка, как ты, как себя чувствуешь? Ничего о тебе не знаю с самого отъезда; надеюсь, что все благополучно в отпущенных нам пределах! Собираешься ли на дачу или вообще куда-н<и>б<удь> на волю, в пампасы? Хорошо бы тебе переменить обстановочку и подышать воздухом... Эта зима была такая томительная и длинная! У меня все еще болит нога, т<ак> ч<то> никуда не выхожу и мало что делаю, т.к. боль — сильнее трудолюбия, да и любой необходимости сильнее! Но — уповаю на «авось» — должно же пройти когда-нибудь! Руке зато легче. Погода стоит эти дни хорошая, к сожалению, о поливке огорода она не заботится... Соловьи еще поют, и доцветает сирень... Крепко тебя целую!

Твои А. и А.

¹ Даты на штемпелях: 5.06.73–7.06.73.

147

Эфрон — Бать

ПИСЬМО¹

249810 Таруса
Калужской обл.
ул. Ефремова 15

Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать
125319

11 июля 1973

Дорогая Лидочка, рада была твоему письмецу, рада была узнать, что собираешься на дачу, хоть и боюсь, что будет тебе там и скучновато, и, главное, грустновато без привычного окружения и привычной обстановки. Но там, вероятно, немало знакомых, в том числе и приятных, быть может? А главное — тишина (относительная!), зелень (несомненная) и воздух (почти бесспорный!) — наши вечные врачеватели и целители; особенно при хорошей погоде; в ненастье эти же «друзья человека» становятся весьма занудливыми.

У нас тут все то же — т.е. «лето в деревне» — почти в деревне! ибо Таруса пытается приобрести черты курорта, но как-то не с того конца. До курорта ей «семь верст до небес, и все лесом»; народу приезжего много, а жрать нечего, как говорят французы, и сервиса не больше, чем при царе Федоре Иоанновиче²; дороги и сортиры, во всяком случае, в том же состоянии. Зато выстроен новый универмаг — новый по форме и пустынный по содержанию, и бензозаправочная станция с колонками для бензина разного рода. Для, но не с. Все это, как, впрочем, и все прочее, пущено на самотек и на самообслуживанье. Что еще «бывает»? Бывают танцы в выходные дни в городском саду и ежевечерние — в доме отдыха им. Куйбышева. Бывают перебои с водоснабжением, электроэнергией. Но главное — бывает, что сквозь все эти приметы нового и не весьма нового пробивается и песня соловья, и цветение черемухи и сирени, и еще не добытая, не вырубленная, не застроенная красота русского пейзажа...

Сейчас в нашем садике цветут ранние, очень яркие, пионы; жасмин, ирисы, разноцветный люпин; на огорожке — зеленый лук, салат, всякие петрушки-сельдерешки. Вся «территория» приведена Адой в образцовый порядок, чтобы, когда она через несколько дней отправится в не весьма продолжительное путешествие по Волге, Оке, Каме и Белой, у меня тут поменьше было бы возни со всей нашей

¹ Портрет Героя Советского Союза Ц.Л.Куникова (1909–1943).

² Федор I Иоаннович (1557–1598) правил в 1584–1598 гг.

«агрикультурой». Чувствую я себя сносно, хотя и не ахти по сравнению с недавним прошлым; вообще же — нога не проходит, хоть боли и поубавилось, и вновь занывает было прошедшая рука. А когда что-то болит, болит и болит месяцами подряд — очень и очень трудно работать; да и устаешь от вечных превозмоганий (или превозможений?). Жалею ужасно, что связалась с Петраркой³, — я способна переводить его лишь на мыло⁴, а он по-прежнему верен лишь Лауре и не желает и взгляда бросить в мою сторону... Такие дела! Крепко целуем тебя обе, самый сердечный привет Абелям, Б.А. и Марусе. Дай Бог здоровья тебе и иже с тобой!

Твоя Аля

³ Эфрон перевела семнадцать сонетов. См.: *Петрарка Ф. Избранное: Автобиографическая проза. Сонеты*. М., 1974. Это было «последнее прижизненное издание с переводами Ариадны Эфрон» (*Саакянц А.А.* Только ли о Марине Цветаевой? Воспоминания. М., 2002. С. 79–80).

⁴ 2 июня 1973 г. Эфрон пишет Е.Эфрон и З.Ширкевич, что сделанное ею «к Петрарке не имеет ни малейшего отношения; а жаль, ибо сонеты его — прелести, чистоты и простоты несказанной. Тут, помимо всего и прежде всего, переводчику талант требуется, а у меня — только понимание; и, в частности, понимание непомерности задачи, что не окрыляет...» (*Эфрон, П.*, 395).

148

Эфрон и А.Шкодина — Бать
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать 125319

29 сентября 1973

Дорогая Лидочка, спасибо за письмо — жалко Жюля¹, жалко всех, кто, так или иначе, осиротел без него! Спасибо за память в день моего рождения; милую твою телеграмму, также, как и Абелевскую, мне передали по телефону, а потом, с почтой, доставили и текст. Вот какой у нас сервис! 18^{то} выглянуло солнце, хоть и не грело, но светило целый день; такая радостная редкость по нынешнему лету и осени! Фестиваль наш был скромн по масштабам и тесен по компании, т.к. все возможные гости эвакуировались поближе к цивилизации; зато приехала наша Лена², к<отор>ая в этот же день побывала в Болшеве у моих старушек. Нам тут остаются считанные дни — надеемся скоро выбраться на зимние квартиры! Крепко целуем!

А. и А.

¹ Речь идет о кончине Жюля Куинджи.

² Елена Баурджановна Коркина (р. 1947) литературовед, кандидат филологических наук. Одна из первых, кто заложил основы отечественного цветаеведения. С 1974 г. по 2004 г. работала научным сотрудником ЦГАЛИ / РГАЛИ. Сделала научное описание архива М.Цветаевой и опубликовала ее неизданные рукописи. Знакомство с Коркиной относится к весне 1969 г.

1974

149

Эфрон — Бать
ОТКРЫТКА¹

[Таруса]

[Москва]

1 июля 1974

Дорогая Лидуша, пламенный тарусский привет от нас с Адой и кошкой; кое-как и не без приключений мы собрались воедино на сомнительном лоне природы, которая нынче причудлива и капризна, как никогда на моей памяти. Все невероятно запазывает в росте, развитии и цветении, кажется, что находишься на блаженной памяти крайнем Севере, где черемуха зацветает в июне, а остальное дополняется воображением. Первые дни сидели без воды — испорчена колонка, ходили с ведром за тридевять земель по невероятной грязи; теперь — еврейское счастье — колонку починили, и жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи²! Понемногу вживаюсь в здешний кислород, но благотворного действия его еще не испытываю. Крепко целую, очухаюсь — напишу как следует. Привет Марусе!

Твоя Аля

[На полях:] Ада шлет сердечный привет и пожелания погоды и здоровья.

¹ На лицевой стороне — фотография пионов, на оборотной — стилизованный рисунок цветка.

² Ироническая отсылка к фразе Сталина, ставшей в СССР крылатой.

150

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

249810 Калужская обл.

Москва А-319

Таруса ул. Ефремова 15

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

А.Эфрон

Лидии Григорьевне Бать 125319

30.7.74

Милая Лидуша, ау! Где ты, все еще в объятьях цивилизации или «на природе», которая вряд ли достаточно приветлива нынешним летом в Подмоскowie? У нас по-прежнему дожди следуют за дождями, перемежаясь небольшими солнечными антрактами; мы вновь облачились в осенние шкуры и все ждем устойчивого тепла, хотя оно уже — по календарю — почти на исходе. Боюсь, что на вашем участке все еще сыро, если и не вовсе мокро, и что радости от такого отдыха маловато. Но м<ожет> б<ыть>, ты придумала — и осуществила — что-н<и>б<удь> другое, приютилась в каком-нибудь Доме творчества, например, ведь возможен и такой вариант? От Ел<ены> Мих<айловны>² получила открыточку, из которой узнала, что Абель отдыхает в Малеевке и «уже купается»; значит, на малеевском меридиане выпадали и такие дни... Мама нашей Лены³ недавно вернулась из Паланги, где не только героически мокла под дождем и зябла, но еще и купалась в море, наравне с несгибаемыми аборигенами, при t° воды + 11–15. Много у нас есть еще безвестных героев! Лена тоже купается — в Оке, также являя этим незаурядную твердость характера! Ну вот, милая, видишь, новостей особых нет, да и слава Богу. Живем помаленьку; не успеешь оглянуться, как уже и в обратный путь собираться... Целуем и приветствуем, будь здорова.

Аля

[На полях:] Привет Марусе!

¹ Даты на штемпелях: 1.08.74–2.08.74.

² См. список сокращений на с. 352.

³ Клавдия Георгиевна Коркина.

151

Эфрон — Бать

ОТКРЫТКА¹ В КОНВЕРТЕ²

249810 Калужская обл.

Москва А-319

Таруса ул. Ефремова 15

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

А. Эфрон

Лидии Григорьевне Бать 125319

8 августа 1974³

Дорогая Лидуша, вот уж не ожидала, что ты будешь считать строчки на моих открытках, да еще находить некие рекорды в их количестве! Это же чистейший «формализм»! Ты же должна упиваться их содержанием! Впрочем, оно, по-видимому, жидковато, как погода нынешнего лета, которая, воленс-неволенс, капает на мозги. Вот уже лето на исходе, дни летят неумолимо, а в активе его — сплошной пассив⁴, ни работы, ни отдыха, сплошная промозглая маята и несуразица. А вот то, что ты видишь на данной открытке⁵, в какой-то мере напоминает «наш» пейзаж, наш утлый садик с тыльной стороны дома, только всё — уже, теснее, тропочка вьется маленькая, слева — заросли старой сирени, и самого домика почти не видать за сиренью же и жасмином. Вместо двух деревьев справа — одна яблонька с несъедобной «китайкой», а вместо куста «золотых шаров» — флоксы, которые только сейчас начинают распускаться робко и неохотно, промокшие и озябшие. Ты, м<ожет> б<ыть>, и права, что не рискуешь на дачу, сыро, неприятно, дни уже короткие... А главное — сборы убивают, в том и другом направлении... Мы все крепко целуем тебя, Шуша тоже. Будь здорова!

Твоя Аля

Марусе сердечный привет! И, конечно, Абелям, если они в сборе.

¹ Репродукция: Ф.С.Богородский (1895–1959) Таруса. В саду. 1938.

² Репродукция: Худ. С.Куприянов (речной пейзаж).

³ Дата прибытия по штемпелю: 10.08.74.

⁴ Летом 1974 г. Эфрон работала над переводами для сборника в серии «Мастера поэтического перевода», она «знала себе цену и хотела оставить после себя лучшие свои переводческие поэтические творения». Посмертная первопубликация перевода — см.: Эфрон А. Переводы из европейской поэзии / Сост. Р.Б.Вальбе. М., 2000.

⁵ Типографская надпись на открытке: Ф.С.Богородский (1895–1959). Таруса. В саду. 1958.

152

Эфрон — Бать
ОТКРЫТКА¹[Таруса]
415-74Москва А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать 12531921 августа 1974²

Милая Лидочка, два слова наспех — как ты и где? Воспользовалась ли несколькими солнечными днями, чтобы выбраться за-город, или осталась верна столице родины Москве? Мы уже начинаем сворачивать наше многоотраслевое мини-хозяйство и подумываем об эвакуации — надоела неизбывная осень этого лета! Хотя и ожидаемая зима — не лучше... Крепко целуем, привет Марусе! Будь здорова!

Твоя Аля

¹ Фото: Нарциссы.² Дата доставки на штемпеле: 25.08.74.

153

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹

[Таруса]

Москва А-319

ул. Черняховского д. 4 кв. 119

Лидии Григорьевне Бать 125319

5 сент<ября> 1974

Дорогая Лидуша, если счесть твой телефонный звонок письмом — то ответила ли я на него или нет? Что-то невнятное вроде бы мёкала в ответ... Тем не менее, вот еще одно эпистолярное ау в твоём направлении... М<ожет> б<ыть>, хоть сейчас, хоть в эти солнечные дни и даже уже недели вы с Марусей выбрались на воздушок? Неужели нет? Так вдруг после всех погодных неурядиц стало тихо, красиво... и даже тепло! Тут почти все дачное «общество» поразъехалось к началу уч<ебного> года, только кое-какие старые перечницы и смоковницы — вроде нас с Адой! — остались на считанные дни. Выберемся отсюда числа 18^{го}², раньше шофер вроде бы занят — но все это выяснится и уточнится в ближайшее время. Хоть бы пристойной погоды — а тем самым и дороги — нам на выезд! В общем, уже начинаем сматывать удочки — а они у нас длинные, увы! Получила весточку от теток — кое-как дюжат там, в Болшеве, но вообще-то дела не ахти... Целуем тебя, сердечный привет Абелям и Марусе.

Твоя Аля

¹ Дата доставки на штемпеле: 6.09.74.

² День рождения (18 сентября) Эфрон провела в Тарусе.

1975

154

Эфрон — Бать
ПИСЬМО

[Таруса]

[Москва]

27 июня 1975

Милая Лидуша, если бы ты была способна на это, то поминала бы меня словом не тихим и не добрым¹ — за то, что уехала, можно сказать, не попрощавшись, а приехав сюда, больше месяца не подавала голоса. Но все же это не от свинства и не от халдства: уехала я совсем больная, уповая на то, что тарусский кислород быстро «поправит» меня; но не тут-то было, увы. Помимо и сверх обычных хвороб, объявилась еще и болевая точка в позвоночнике между лопатками — источник бесконечных — болевых же — приступов, по 5–6 в ночь, а днем и считать их некогда, ибо редки промежутки между ними. М<ожет> б<ыть>, какие-то нервы ущемились между позвонками, м<ожет> б<ыть>, какие-то соли, не там отложившись, не на то давят, как бы там ни было — эффект грандиозный, с резонансом в обе руки, в плечи, словно все они состоят из обнаженных нервов; и сердце попутно взбалтывает и почти вслух вскрикивает. Никакие порошки, пилюли и прочие микстуры не помогают, остается уповать на древнего Бога, но и до него не докличешься, ибо есть у него дела поважнее... Вот так и живу под этим синим небом, в этих прикалужских тропиках (жара стоит звенящая!), почти не высовывая носа наружу; страдаю; а Ада делает все остальное, все то, что делали всегда пополам. Я только по хозяйству немного вожусь, готовлю чегой-то почти из ничего; но даже ведра воды принести от ближней колонки не в состоянии. Вот и писем не пишу совсем, в ожидании, довольно беспечном, того, что схлынут эти хворобы, — хотя бы частично. Прости меня, милый и дорогой Лидуш, за эти иеремиады — это не жалобы, а лишь объяснения моих молчаний и прочих неучтивостей. Ты-то ведь сама всё на свете всегда терпишь молча и никогда не уподобляешься Иеремии² или тому са-

¹ Отсылка к «Завещанию» Т.Г.Шевченко: «И меня в семье великой, / В семье вольной, новой, / Не забудьте – помяните / Добрым тихим словом».

² От имени библейского пророка Иеремии («Книга пророка Иеремии») пошло выражение «иеремиады» — слезные жалобы, стенания.

мому «Жобу на навозной куче»³, которому почему-то всегда — или частенько — уподобляюсь я.

Как-то ты поживаешь, Лида моя долготерпеливая, как себя чувствуешь, как переносишь все эти погодные капризы и сюрпризы, — и не только погодные? Надеюсь, что ты на даче, в зелени и относительной дачной тишине, что ты спокойно читаешь какую-н<и>б<удь> хорошую книгу и, отрываясь от нее, думаешь и вспоминаешь то доброе и хорошее, что дарила нам жизнь и близкие нам, родные, ничем и никем не заменимые люди... Что никто и ничто не обижает тебя, не тревожит, не заставляет досадовать. Хотя — много ли нам надо, чтобы растрогаться? И — много ли, чтобы обрадоваться? Сколько красот, оказывается, таится в наших мини-садиках, и как мы, оказывается, зорки к этим красотам... когда ничего не болит! Дай Бог, дорогая, чтобы ничего у тебя не болело и чтобы всё было так хорошо и так мирно, как только возможно при наших уцененных возможностях и обстоятельствах! Обнимаем тебя мы обе, сердечный привет тем, кто *[дописано на полях]* рядом с тобой. Напиши открытку!

Твоя Аля

³ Перевод французского выражения, относящегося к библейскому образу «Иов на гноище» («Job sur son tas de fumier»). Иов должен был удалиться из города и сидеть в грязи.

155

Эфрон — Бать

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА¹249810 Таруса Калужской
ул. Ефремова 15 АЭфронМосква А-319
ул. Черняховского д. 4 кв. 119
Лидии Григорьевне Бать 125319

8 июля 1975

Милая Лидочка, твою открытку получила и очень огорчена тем, что дела удерживают тебя в Москве, а между тем столь долгожданное лето проходит, а зима неизбывна и для нас почти безвоздушна. Спасибо тебе за предложение попытаться помочь с лекарствами, но я и сама толком не знаю, что мне нужно, вернее — что мне может помочь. По поводу более позвоночных пришлось вызывать «скорую», а она, снимая боли, вызвала этим болеутоляющим такой приступ бронхиальной астмы (к<отор>ой я вообще не страдала), что пришлось мне лечь в больницу, откуда тебе и шлю свой «тарусский приветик»! Одно утешение, что во время оно эту больничку возводил кто-то из дедовской родни, да и лечили земские врачи — тоже родственники². Что бы мне тогда попасть к ним «по благу»! Теперь родня перевелась, и м<ожет> б<ыть>, поэтому и больница не кажется верхом совершенства, особенно du côté³ туалета, одного для «лиц обоего пола», да и умывальник разьединственный на весь (второй, третьего нет!) этаж. Но врачи и весь персонал внимательны и старательны, а это главное. Ада навещает ежедневно... Крепко обнимаю тебя, привет Марусе и Абелям.

Твоя Аля

Это последнее письмо Ариадны Эфрон к Лидии Бать. В воспоминаниях А.Шкодиной приводятся обстоятельства десятидневного пребывания Эфрон в больнице, выписки и повторной госпитализации. Она скончалась от инфаркта 26 июля 1975 г. в 9 часов утра.

¹ Даты на штемпелях: 8.07.75–10.07.75.

² Основателем Тарусской городской больницы был Иван Зиновьевич Добротворский (1856–1919), муж двоюродной сестры И.В.Цветаева Елены Александровны Добротворской (1857–1939).

³ Со стороны (фр.).

1978

156

А.Шкодина — Бать
ПИСЬМО¹

Москва А-270

Комсомольск 49-23 АШ

Москва А-319

ул. Черняховского д 4 кв 119

Лидии Григорьевне Бать

Москва 10 декабря 78 г.

Милая Лидочка! Посылаю Вам мой наконец свершившийся долг перед памятью Али². Много мне это стоило сил и здоровья и рада, что удалось все сделать. Живу, как всегда, трудно, но не жалуюсь. Самое неприятное — это моя жуткая теснота — все сосредоточено в одной комнате в 12 метров. Делаю попытки обмена, но в них не верю, т.к. не хочу лишиться близости метро, конечно, телефона и чудного района, к тому же кто мне поможет в этом трудном деле? У меня никого нет. Обнимаю и желаю всего хорошего.

Ваша Ада

¹ Даты на штемпелях: 10.12.78–11.12.78.

² Имеется в виду установление памятника А.Эфрон. Вероятно, А.Шкодина прислала фотографию, сделанную 19 августа 1978 г.

О ПУБЛИКУЕМЫХ ПИСЬМАХ

Письма А.С.Эфрон после смерти Л.Г.Бать перешли по наследству к ее родственникам и в итоге оказались в семейном архиве ее внучатой племянницы Натальи Григорьевны Бать¹.

Состав эпистолярных текстов включает 157 единиц. Публикуется 156 посланий: указанное в архивной описи письмо А.Эфрон от 3 ноября 1968 г. не сохранилось.

Впервые отрывки из писем А.Эфрон к Л.Бать были опубликованы в книге М.И.Белкиной «Скращение судеб». Три письма — в трехтомнике, составленном Р.Б.Вальбе «А.С.Эфрон. История жизни, история души» (в настоящем издании эти письма сверены с оригиналом и исправлены ошибки в прежней публикации). Письмо № 49 от 5 июня 1961 г., находящееся в экспозиции Тарусского музея семьи Цветаевых, публиковалось в газете «Октябрь» в 1992 и в 2013 гг. Кроме того, мы включили в этот корпус и письма А.С.Эфрон к С.Е.Мотолянскому, так как они составляют несомненное единство с письмами к его жене — Л.Бать, а также письма к Л.Г.Бать от А.А.Шкодиной: они придают большую полноту и завершенность представлению о создавшемся дружеском круге.

Письма Л. Г. Бать и С. Е. Мотолянского к А.С.Эфрон публикуются по источнику: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 320.

Большая часть писем датирована автором. Иногда дата устанавливалась нами по штемпелям и реалиям письма. В этих случаях редакторская дата указывается в сносках, а в содержании приведена в квадратных скобках. Так же определены адреса получателя и отправителя: адрес получателя указывается перед текстом письма справа, адрес отправителя — слева.

¹ В одном из писем составителям Наталья Григорьевна признается: «Меня тяготило, что письма к Л.Г. лежат в безвестности. Я не знала, кому их доверить, кому поручить работу над ними и их опубликование. Только один раз, отобрав лучшие, я прочитала их на цветаевской конференции в Болшевском музее в сентябре 2004 г. Возможно, письма к Лидии Григорьевне и уступают по блеску письмам к тетке Анастасии, Пастернаку, Антокольскому, может быть, здесь больше бытовых вопросов, но в них повсюду разбросаны тонкие, точные, а порой и резкие, прямолинейные, не всегда справедливые характеристики, роскошные пейзажные описания. На болшевской конференции они были оценены словами: “Какая высокая литература”».

Нередко письма носят коллективный характер. В этих случаях адресат устанавливается не только по адресу, но и по обращению в письме, а адресант (отправитель) — по подписям.

Написание отдельных слов приведено к нормам современной орфографии. Сокращения расшифрованы в угловых скобках. Редакторские дополнения даются в квадратных скобках, пояснительные пометы выделены курсивом. Подчеркивания в письмах переданы курсивом, двойные подчеркивания — полужирным курсивом.

АВТОРСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ ИМЕН УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ:

А.А. — Ада Александровна Шкодина

Абели — А.И.Старцев и Е.М.Макляревская

Абдель Нуки (?), *Е.М.*, *Ел<ена> Мих<айловна>*, *Мте Элэн* — Елена Михайловна Маляревская, жена А.И.Старцева

А.И. — Абель Исакович Старцев

Бор. Ар., *Б.А.*, *Борис Аронович* — Борис Аронович Песис

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахматова 1996:** *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1965)*. М.; Torino, 1996.
2. **АЭ 2004:** *Чернов Ю.М. Ключи Ариадны*. М., 2004.
3. **АЭ 2005:** *Эфрон А. «Моей зимы снега»* / [Сост., подгот. текста, примеч. Р. Б. Вальбе]. М., 2005.
4. **АЭ 1–3:** *Эфрон А.С. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Р.Б. Вальбе*. М., 2008.
5. **АЭ-МА 2004:** *...Быть дочерью трудной матери: Письма Ариадны Эфрон Маргарите Алигер / Вступ., публ. и коммент. Н.Громова* // Октябрь. 2004. № 2. С. 177–191.
6. **Бабель 1989:** *Бабель И. Конармия*. Баку, 1989.
7. **Бать 1952:** *Бать Л. Новое в узбекской прозе* // Октябрь. 1952. № 1. С. 185–189.
8. **Бать 1956:** *Бать Л.Г. Сад жизни: Повесть об Алишере Навои*. М., 1956.
9. **Бать 1961:** *Бать Л. Спасибо за правду*. М., 1961.
10. **Бать 1967:** *Бать Л.Г. Море бушует: Повесть о писателе А.С.Новикове-Прибое*. М., 1967.
11. **Бать 1970:** *Бать Л. Незабываемые встречи. Литературные беседы. Воспоминания*. М., 1970.
12. **Бать 1972:** *Бать Л. Незабываемые встречи. Литературные беседы. Воспоминания*. Изд. 2. М., 1972.
13. **Бать 1972а:** *Бать Л.Г. Великое призвание*. Изд. 3. М., 1972.
14. **Бать 1973:** *Бать Л. Абсолют* // Советская женщина. 1973. № 11. С. 4–5.
15. **Бать-Дейч 1939:** *Бать Л., Дейч А. Тарас Шевченко*. М.; Л., 1939.
16. **Бать-Кошчанов 1966:** *Бать Л.Г., Кошчанов М. Айбек: Критико-биографический очерк*. М., 1966.
17. **Белкина 1992:** *Белкина М. Скрещение судеб*. Изд. 2. М., 1992.
18. **Белкина 2008:** *Белкина М. Скрещение судеб*. [5-е изд.]. М., 2008.
19. **Библиография 1993:** *Марина Цветаева. Библиография* / Сост. Т.Гладкова, Л.Мнухин. Paris. Institut d'Etudes Slaves. 1993.
20. **Быков 2009:** *Быков Д.Л. Булат Окуджава*. М., 2009 (ЖЗЛ).
21. **Воспоминания 1–3:** *Марина Цветаева в воспоминаниях современников: В 3 т.* М., 2002.
22. **Городницкий 1991:** *Городницкий А.М. И вблизи и вдали*. М., 1991.
23. **Громова 2002:** *Громова Н.А. Все в чужое глядят окно*. М., 2002.
24. **Громова 2005:** *Громова Н.А. «Дальний Чистополь на Каме...»:* Писательская колония: Москва–Чистополь–Елабуга–Москва. М.; Елабуга, 2005.
25. **Губерман 1–4:** *Губерман И.М. Собр. соч.: В 4 т.* Нижний Новгород, 1996.
26. **Губерман 1999:** *Губерман И. Пожилые записки*. Екатеринбург, 1999.
27. **ГЭ 2002:** *Эфрон Г. Письма*. М.; Болшево, 2002.

28. ГЭ 1-2: *Эфрон Г.* Дневники: В 2 т. М., 2004.
29. Дейч 1966: *Дейч А.И.* Голос памяти: Театральные впечатления и встречи. М., 1966.
30. Дейч 1974: *Дейч А.* Дыхание времени: Статьи, портреты, очерки. М., 1974
31. Довлатов 1-3: *Довлатов С.* Собрание прозы. В 3 т. СПб, 1993.
32. Евтушенко 1-8: *Евтушенко Е.А.* Первое собр. соч.: В 8 т. М., 1997-2008.
33. Евтушенко 2006: *Евтушенко Е.* Шестидесятник. М., 2006.
34. Емельянова 1997: *Емельянова И.* Легенды Потаповского переулка: Б.Пастернак. А.Эфрон. В.Шаламов: Воспоминания и письма. М., 1997.
35. Инбер 1-4: *Инбер В.М.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1965-1966.
36. Инбер 1977: *Инбер В.* Страницы дней перебирая...: Из дневников и записных книжек. Изд. 2-е, доп. М., 1977.
37. Каверин 1-8: *Каверин В.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980-1983.
38. Каталог 1992: *Марина Цветаева, 1892-1992:* Каталог юбилейной выставки [к 100-летию со дня рождения, сент. 1992 г., Дом Марины Цветаевой, Москва] / Авт.-сост. Л.А. Мнухин. М., 1992.
39. Конецкий 2001: *Конечкий В.* Эхо: (Вокруг и около писем читателей) СПб., 2001.
40. Кудрова 1995: *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой. М., 1995.
41. Летопись 3: *Коркина Е.Б.* Летопись жизни и творчества М.И.Цветаевой. [В 3 ч.] Ч. III: 1939-1941. М., 2014.
42. Липкин 1997: *Липкин С.И.* Квадрига. М., 1997.
43. Лубянникова, Ахмадеева 2008: *Лубянникова Е.И., Ахмадеева С.А.* Неизвестное письмо М.И.Цветаевой к А.А.Фадееву (попытка реконструкции) // Семья Цветасвых в истории и культуре России: XV Международная научнотематическая конференция 8-11 октября 2007: Сб. докл. М., 2008. С. 390-414.
44. Маршак 1-8: *Маршак С.Я:* Собр. соч.: В 8 т. М., 1970.
45. Мендельсон 1914: *Мендельсон Н.М.* Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю.Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг., 1914. С. 165-195.
46. Мнухин 2003: *Мнухин Л.* Дело: «Марина Цветаева 1956 года (неизданная)» // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве (2001, 2002 гг.): Сб. докладов. М., 2003. С. 255-263.
47. МЦ 1-7: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А.Саакянц и Л.А.Мнухина. М., 1994-1995.
48. МЦ-АТ 2009: *Цветаева М.И.* Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922-1939 / Предисл., публ. писем и примеч. Г.Б.Ванечковой. М., 2009.
49. Оскоцкий 2001: *Оскоцкий В.* От какого наследства мы не отказываемся // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 3-41.
50. Паустовский 1958: *Паустовский К.Г.* Начало неведомого века. М., 1958.
51. Подольный 2004: *Подольный И.* Рукописи не горят // Еврейское слово. 2004. №25. С. 9.
52. Пушкин 1-10: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977-1979.
53. Рассадин 1965: *Рассадин С.* Похоже на все непохожее... // Вопросы литературы. 1965. № 4. С. 56-72.

54. Саакянц 1998: *Саакянц А.* Спасибо Вам!: Воспоминания. Письма. Эссе. М., 1998.
55. Саакянц 2002: *Саакянц А.А.* Только ли о Марине Цветаевой?: Воспоминания. М., 2002.
56. Сарнов 1998: *Сарнов Б.М.* Перестаньте удивляться!: Непридуманные истории. М., 1998.
57. Тургенев 1–10: *Тургенев И.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1961–1962.
58. Чуковская 1–3: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997.
59. Чуковский 1968: *Чуковский К.* Высокое искусство. М., 1968.
60. Эренбург 1–9: *Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967.
61. Эренбург 2002: *Эренбург И.Г.* Портреты русских поэтов. СПб., 2002.
62. Эренбург 2006: *«Я слышу все...»*: Почта Ильи Эренбурга, 1916–1967. М., 2006.

WWW-ИСТОЧНИКИ

63. Беспрозванный 2006: Анекдоты о Светлове / Запасная книжка (vadbes) @ 2006-07-16 14:28:00 [vadbes.livejournal.com/13749.html]
64. Астахова 2006: Астахова В. Лучший стих Марины Цветаевой // Простор. 2006. № 3 [<http://prstr.narod.ru/texts/num0306/ast0306.htm>].
65. Климонтович 2000: Климонтович Н. «Далее везде» // Октябрь. 2000. № 10 <http://infoart.udm.ru/magazine/october/n11-20/klima005.htm>
66. Огрызко 2009: Огрызко В. Несчётный счёт минувших дней // Литературная Россия. 2009. 15 мая. № 19 [<http://www.litrossia.ru/archive/item/3513-oldarchive>].
67. Чуковская 1939: [Рец.]: Повесть о Шевченко // Детская литература. 1939. № 9 [<http://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/stati-prosa-lidia/povest-o-shevchenko>]

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
<i>Роман Войтехович.</i>	
Лидия Бать — корреспондент Ариадны Эфрон	5

ПИСЬМА

1939	
1. Эфрон — Бать, 17 января 1939	121
1945	
2. Эфрон — Бать, 16 января 1945	124
1948	
3. Эфрон — Бать, 1-я половина августа 1948	127
4. Эфрон — Бать, 27 августа 1948	129
5. Эфрон — Бать, 9 сентября 1948	131
6. Бать — Эфрон, 24 сентября 1948	134
1940-е — начало 1950-х	
7. Эфрон — Бать, 1940-е — начало 1950-х	135
1954	
8. Эфрон — Бать, 14 декабря 1954	136
1955	
9. Эфрон — Бать, 3 февраля 1955	139
10. Эфрон — Бать, 23 февраля 1955	141
11. Эфрон — Бать, 24 марта 1955	144
12. Эфрон — Бать, 30 марта 1955	147
13. Эфрон — Бать, 20 апреля 1955	149
14. Эфрон — Бать, 9 мая 1955	151
15. Эфрон — Бать, 30 июня 1955	155
16. Эфрон — Бать, 10 августа 1955	156
17. Эфрон — Бать, 17 августа 1955	159
18. Эфрон — Бать, 25 августа 1955	162
19. Эфрон — Бать, 15 сентября 1955	165
1956	
20. Эфрон — Бать, 5 августа 1956	166
1957	
21. Эфрон и А.Шкодина — Бать, [ок. 10 июля 1957]	168
22. Эфрон и А.Шкодина — Бать, [до 18 июля 1957]	169
23. Эфрон и А.Шкодина — Бать, [ок. 26 июля 1957]	170
24. Эфрон — Бать, 1 августа 1957	171
25. Эфрон — Бать, [ок. 2 августа 1957]	172
26. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 29 августа 1957	173
27. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 29 августа 1957	174
28. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 5 сентября 1957	177
29. Эфрон — Бать, 2 октября 1957	178
1958	
30. Эфрон — Бать, 19 февраля 1958	180
31. Эфрон — Бать, 31 марта 1958	182

32. Эфрон — Бать, 9 апреля 1958	184
33. Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому, 29 мая 1958	185
34. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 6 июля 1958	186
35. Эфрон — Бать, 21 июля 1958	187
36. Эфрон — Бать, [ок. 18 сентября 1958]	188

1959

37. Эфрон — Бать, 17 марта 1959	189
38. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 27 апреля 1959	192
39. Эфрон — Бать, 15 мая 1959	193
40. Эфрон — Бать, 2 июня 1959	194
41. Эфрон — Бать, 9 июня 1959	196
42. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 21 сентября 1959	198
43. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, конец декабря 1959	199

1960

44. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 12 июля 1960	200
45. Эфрон — Бать, ок. 23 июля 1960	201
46. Эфрон — Бать, 19 сентября 1960	202
47. Эфрон — Бать, 8 ноября 1960	204

1961

48. Эфрон — Бать, 19 апреля 1961	207
49. Эфрон — Бать, 5 июня 1961	208
50. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 14 июня 1961	210
51. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 20 июня 1961	211
52. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 23 июня 1961	212
53. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 19 августа 1961	213
54. Эфрон — Бать, 21 сентября 1961	216
55. Бать и С.Мотолянский — Эфрон, 7 октября 1961	218
56. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 10 октября 1961	220
57. Бать — Эфрон, 10 октября 1961	221
58. Эфрон — Бать, 13 октября 1961	222
59. Эфрон — Бать, 9 ноября 1961	223
60. Эфрон — С.Мотолянскому, 26 ноября 1961	224
61. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, [ок. 28 декабря 1961]	225
62. Эфрон — Бать, [ок. 29 декабря 1961]	226

1962

63. Эфрон — Бать, 20 января 1962	227
64. Эфрон — Бать, 31 января 1962	228
65. Бать — Эфрон, 27 февраля 1962	230
66. Эфрон — Бать, 3 марта 1962	232
67. Эфрон — Бать, 25 марта 1962	234
68. Эфрон — Бать, 3 мая 1962	236
69. Эфрон — Бать, 22 мая 1962	238
70. Эфрон — Бать, 9 июня 1962	239
71. Эфрон — Бать, 16 июня 1962	240
72. Эфрон — Бать, 3 июля 1962	242
73. Эфрон — Бать, 6 июля 1962	243
74. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 14 июля 1962	244
75. Эфрон — Бать, 16 июля 1962	245
76. Эфрон, А.Шкодина и Н.Канель — Бать 23 июля 1962	247

77. Эфрон — Бать, 25 августа 1962	248
78. Эфрон — Бать, [ок. 29 октября 1962]	250
79. Эфрон — Бать, 28 декабря 1962	251
1963	
80. Эфрон — Бать, 8 февраля 1963	253
81. Эфрон — Бать, 14 февраля 1963	254
82. Эфрон — Бать, 21 февраля 1963	255
83. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 19 мая 1963	256
84. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 24 июня 1963	257
85. А.Шкодина — Бать, 29 июля 1963	258
86. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 8 августа 1963	259
1964	
87. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, [ок. 27 апреля 1964]	260
88. Эфрон — Бать, [ок. 12 мая 1964]	261
89. Эфрон — Бать, 20 августа 1964	263
90. Эфрон — Бать, 26 августа 1964	264
91. Эфрон — С.Мотолянскому, 27 сентября 1964	265
92. Эфрон — С.Мотолянскому, 5 октября 1964	266
93. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 17 октября 1964	267
94. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 2 ноября 1964	268
95. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, [конец декабря 1964]	269
96. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, [конец декабря 1964]	270
1965	
97. Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому, 20 марта 1965	271
98. Эфрон — Бать и С. Мотолянскому, 28 мая 1965	272
99. Эфрон — Бать, 22 июня 1965	274
100. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 30 июля 1965	276
101. Эфрон — Бать, 18 октября 1965	277
102. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 2 ноября 1965	278
103. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 21 ноября 1965	279
104. Эфрон — С.Мотолянскому, 25 ноября 1965	281
105. Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому, 3 декабря 1965	282
1966	
106. Эфрон — Бать, 4 сентября 1966	284
107. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 28 декабря 1966	286
1967	
108. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 27 мая 1967	287
109. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 22 июня 1967	288
110. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 21 июля 1967	290
111. Бать — Эфрон, 24 июля 1967	291
112. Бать — Эфрон, 10 августа 1967	292
113. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 18 августа 1967	293
114. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, конец декабря 1967	294
1968	
115. Эфрон — Бать, 22 января 1968	295
116. Бать — Эфрон, 30 января 1968	297
117. Эфрон и А.Шкодина — Бать и С.Мотолянскому, 27 мая 1968	298
118. Эфрон — Бать, 9 июня 1968	299
119. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 29 июля 1968	301

120. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 7 августа 1968	303
121. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 16 сентября 1968	305
122. Эфрон — С.Мотолянскому, 13 декабря 1968	306
123. Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому, 20 декабря 1968	307
124. Эфрон и А.Шкодина — С.Мотолянскому, [ок. 21 декабря 1968]	308
1969	
125. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 9 мая 1969	309
126. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 18 мая 1969	310
127. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 9 июня 1969	312
128. Эфрон — Бать, 15 июня 1969	314
129. Эфрон, А.Шкодина и А.Саакянц — Бать и С.Мотолянскому, 24 июля 1969	316
130. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 21 августа 1969	317
131. Эфрон — Бать и С.Мотолянскому, 14 сентября 1969	317
1970	
132. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 7 июня 1970	318
133. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 12 июля 1970	321
134. Эфрон — Бать, 14 августа 1970	323
135. Эфрон — Бать, 1 сентября 1970	324
1971	
136. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 6 июня 1971	326
137. Бать — Эфрон, 10 июня 1971	328
138. Эфрон — Бать, 20 августа 1971	329
139. Эфрон и А.Шкодина — Бать, [ок. 27 декабря 1971]	330
1972	
140. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 21 мая 1972	331
141. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 17 июня 1972	332
142. Эфрон — Бать, 21 июля 1972	333
143. Эфрон — Бать, 20 сентября 1972	334
144. Эфрон и А.Шкодина — Бать, [ок. 28 декабря 1972]	335
1973	
145. Эфрон — Бать, 21 мая 1973	336
146. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 5 июня 1973	338
147. Эфрон — Бать, 11 июля 1973	339
148. Эфрон и А.Шкодина — Бать, 29 сентября 1973	341
1974	
149. Эфрон — Бать, 1 июля 1974	342
150. Эфрон — Бать, 30 июля 1974	343
151. Эфрон — Бать, 8 августа 1974	344
152. Эфрон — Бать, 21 августа 1974	345
153. Эфрон — Бать, 5 сентября 1974	346
1975	
154. Эфрон — Бать, 27 июня 1975	347
155. Эфрон — Бать, 8 июля 1975	349
1978	
156. А.Шкодина — Бать, 10 декабря 1978	350
О публикуемых письмах	351
Литература	353

Эфрон А.

Э 62

Нелитературная дружба: Письма к Лидии Бать; Предисл. Р.С.Войтеховича; примеч. И.Г.Башкировой.

Впервые публикуемая переписка Ариадны Сергеевны Эфрон с ее подругой Лидией Григорьевной Бать (1897–1980) охватывает тридцать шесть лет жизни (1939–1975) — с момента их знакомства в Москве, когда обе работали в Журнально-газетном объединении, до смерти Эфрон. Эта переписка — летопись трудов и дней А.С.Эфрон и ее житейской повседневности. Письма дают представление о том, как работала дочь над возвращением творческого наследия матери — поэта Марины Цветаевой — читателю. Книгу предваряет подробная статья о жизни и книгах Лидии Бать — журналиста и писателя, чью дружбу с Ариадной Эфрон она пронесла через всю жизнь. Обстоятельный комментарий к каждому письму помогает читателю узнать об упоминаемых персонажах и книгах, а также понять реалии давно ушедшей эпохи.

УДК 82-94 + 928Цветаева
ББК 83.2.Р9

Ариадна Эфрон
НЕЛИТЕРАТУРНАЯ ДРУЖБА
Письма к Лидии Бать

Впервые публикуемая переписка Ариадны Сергеевны Эфрон с ее подругой Лидией Григорьевной Бать (1897–1980) охватывает тридцать шесть лет жизни (1939–1975) — с момента их знакомства в Москве, когда обе работали в Журнально-газетном объединении, до смерти Эфрон. Эта переписка — летопись трудов и дней А.С.Эфрон и ее житейской повседневности. Письма дают представление о том, как работала дочь над возвращением творческого наследия матери — поэта Марины Цветаевой — читателю. Книгу предваряет подробная статья о жизни и книгах Лидии Бать — журналиста и писателя, чью дружбу с Ариадной Эфрон она пронесла через всю жизнь. обстоятельный комментарий к каждому письму помогает читателю узнать об упоминаемых персонажах и книгах, а также понять реалии давно ушедшей эпохи.

PARIS... EN FLANANT

Notre-Dame de Paris

Détail de la façade, Chimère (le stryge)
A gauche la Tour Saint-Jacques

С новыми годами, дорогие!
Пусть всё будет хорошо, пусть
будут здоровы на всех своих
друзьях, и на своих, маленьких
друзьях, маленьких, архиве
ых!
Обнимаем вас!
Ана, Ада